

Управление культуры Минобороны России
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

**Труды Шестой Международной
научно-практической конференции**

13–15 мая 2015 года

Часть I

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2015

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Шестой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 1

Информационная поддержка

ISBN 978-5-7937-1281-1

© ВИМАИВиВС, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Дорогие друзья!

В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи гостеприимно распахивает свои двери перед участниками ставшей уже традиционной, шестой, конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы». За прошедшие годы заслушаны (и в общей сложности изданы в 19 томах) сотни докладов, введены в научный оборот новые исторические источники, изучены многие малоизвестные и забытые страницы отечественной и зарубежной военной истории. Конференция помогла установить тесные научные связи между исследователями различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Труды конференции нашли достойное место в библиотечных собраниях, их изучают и цитируют. А это значит, что конференция живет, развивается и приносит пользу не только узкому кругу специалистов, но и самым широким кругам читателей, кому не безразличны проблемы военной истории, оружиеведения и музейного дела.

В России нет, пожалуй, ни одной семьи, не потерявшей в годы Великой Отечественной войны родных и близких. Эта трагедия никогда не должна повториться. Залог этого – в сохранении памяти о событиях тех лет, о подвиге победителей. В юбилейный год наша конференция приобретает особое значение. Ее участники своими трудами и исследованиями не только воздают память героизму многонационального советского народа, победившего фашизм, но и борются с современными тенденциями фальсифицировать, переписать и обесценить значение Победы в рамках сиюминутной политической конъюнктуры.

В канун юбилея в музее открылась выставка «Память. Реликвии Великой Победы». Она рассказывает о судьбах людей через истории мемориальных вещей, многие из которых поступили в собрание музея благодаря самоотверженной работе сотрудников музея в годы войны, были переданы их владельцами, однополчанами и потомками. Большинство этих экспонатов являются уникальными и выставляются впервые.

В дни работы конференции музей открывает еще одну выставку – «Война не отпускала меня и после Победы...» Жизнь и творчество художника-фронтовика Сергея Федоровича Бобко-

ва», собрание живописи, графики и документов которого недавно поступило в музей.

В конференции этого года участвует около 180 исследователей из России, Белоруссии, Азербайджана, Польши, США и других стран. Как всегда широк спектр докладов: от оружия раннего средневековья до современных ракетных комплексов, от изучения старинных документов до современных методик и технологий реставрации.

Благодарю всех, кто смог приехать в Санкт-Петербург и принять участие в конференции. Желаю конференции плодотворной работы, а ее участникам и гостям интересных и содержательных дискуссий, творческих достижений и новых научных открытий.

Директор музея
доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН,
Заслуженный работник культуры
Российской Федерации

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'В. Крылов', enclosed within a large, loopy oval flourish.

В. Крылов

70-летию Великой Победы посвящается

М.О. Акишин (Новосибирск)

ПРАВО ВОЙНЫ В РУССКО-КИТАЙСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ В ПРИАМУРЬЕ (XVII ВЕК)*

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА России и империи Цин имеет богатую историографию. Однако вопрос о соблюдении сторонами этого конфликта права войны до сих пор не поставлен. Дело в том, что академик В.С. Мясников установил, что китайская политика носила стратагемный характер, и сделал из этого вывод о том, что она «черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства»¹.

Вывод выдающегося синоведа представляется дискуссионным. Немецкий ученый Х. фон Зенгер определяет стратагемы как «неортодоксальные пути к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей» и отмечает, что применение военных хитростей допускается международным правом². Сделанная оговорка позволяет поставить проблему использования права войны в конфликте в Приамурье XVII в.

Обращаясь к изучению этой проблемы, отмечу, что конфликт в Приамурье произошел на фоне трагичной страницы в истории Китая. В 1644 г. маньчжуры захватили Пекин, основав в нем новую Цинскую династию. Маньчжурское завоевание сопровождалось жесточайшими расправами. Русский посол Н.Г. Спафарий писал: «...худой ...народ богдойский завладел неправедно пребогатым царством китайским». В другом месте своего трак-

* Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. ГРАНТ № 12-01-00386а.

тата он отмечает: «Нынешнюю же богдойскою войною зело разорилася та страна, ибо люди смелые и непокорные, и много раз над богдойцами бунтовали, и оттого множество народа побито и земля запустела»³. Жестокость маньчжуров современники противопоставляли традиционным учениям Китая о правовых и моральных ограничениях в ведении войны.

Китайское понятие войны («ву») включает два элемента: «ко» – «алебарда или оружие» – и «чиг» – «прекращать сопротивление». Главным в понимании «ву» было прекращение военных действий, война должна была вестись для достижения мира. Джан Чю говорил: «Справедливость и гуманность должны базироваться на мире, в то время как применение военной силы должно позволяться лишь в справедливых случаях. Война поволяется лишь как средство достижения мира»⁴.

Конфуций был противником неоправданной воинственности и писал: «Небо желает, чтобы люди взаимно любили друг друга, приносили друг другу пользу, но не желает, чтобы люди друг другу делали зло и обманывали друг друга. ...Тот, кто выступает против воли Неба, сеет взаимную ненависть и побуждает людей делать друг другу зло, тот непременно понесет наказание»⁵. Ученики Конфуция выступили с идеей о полном запрещении войны. Мен-цзы утверждал: правитель, чьи министры восхваляют войны и сражения, является «бандитским правителем»⁶. Конфуций уделял внимание ограничению вооружения государств. В одном из диалогов об управлении государством он писал, что правитель должен заботиться о достатке в продовольствии, вооружении и доверии народа, но в случае необходимости можно отказаться «от достатка в вооружении»⁷.

Джан Чю говорил о необходимости правовой защиты гражданского населения и пленных. В своем «Законе Цу-ма» он утверждает, что грехом является уничтожение святынь, разрушение и сожжение домов, уничтожение инструментов и других орудий ремесла, деревьев, продовольствия, посевов. Он заявлял, что армия не должна вредить лицам преклонных лет, не должна карать и нападать на молодых, если они не совершают агрессивных действий. Раненым следовало оказывать помощь и позволять возвратиться домой, так как «убийство человека, который уже покорился, сулит несчастье»⁸.

Учения древнекитайских мыслителей оставались на протяжении тысячелетий основой для выработки внешней политики Китая. Согласно синоцентристской доктрине, сын Неба не воевал, а наказывал своих вассалов. «Китайская традиция, – пишет Е.И. Кичанов, – исходила из принципа китайской древности: “бин син и ти” – “военный поход и уголовное наказание” – одно и то же (имеют одно тело)»⁹.

Классический трактат полководца Сунь-Цзы «Искусство войны» посвящен не только войне, но и дипломатии. По его мнению, в основе войны лежит пять явлений: «Первое – Путь, второе – Небо, третье – Земля, четвертое – Полководец, пятое – Закон». Закон он определяет как «воинский строй, командование и снабжение». Война не имеет ценности сама по себе и не должна быть длительной: «Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству. Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны». Лучшее правило войны: «...сохранить государство противника в целости», почему дипломатические средства разрушения замыслов противника и его союзов предпочтительнее боевых действий¹⁰.

Для реконструкции представлений маньчжуров о праве войны обратимся к кодексу маньчжурских законов для монголов – Цааджин бичиг («Монгольское уложение»), принятых Цинской династией в 1627–1694 гг.¹¹ Война была частью жизни маньчжуров, почему значительное внимание в кодексе уделялось военному праву. Но только в ст. 63 содержатся отдельные нормы, ограничивающие жестокость войны. В этой статье предписывалось: «Монастырей и храмов не разрушать. Проезжающих людей зря не убивать... Сдавшихся в плен – кормить. Одежду с пленного не снимать. Мужей с женами не разлучать. Не снимать также одежды и с тех, кто не может быть пленным». Далее устанавливалось: «Ваны и нойоны, оказавшиеся в походе, обязаны заботиться о спокойствии на местах, оказывать помощь населению, следить за дисциплиной своих подчиненных офицеров и солдат, чтобы они не занимались мародерством, не допускали насилия и не причиняли зла мирному населению». Анализируя эти немногочисленные ограничения жестокостей войны, следует отметить, что они появились только в XVII в. под влиянием ламаизма.

Различия в понимании войны и ее правовых ограничениях у китайцев и маньчжуров были очевидны для современников. Во время своей миссии в Китай Н.Г. Спафарий убедился в том, что китайский народ миролюбив: «...китайцы живут всегда в мире, воинских же дел не любят и не привыкают, позор великий у них есть, [если] который человек учится воинскому делу, и едва не вместо разбойника того имеют». В отличие от китайцев, маньчжуры – «воисты... с молодых лет ... учатся из лука стрелять, ловить ходить, разбойническим обычаем грабить и красть». Русский посол заметил неприязнь китайцев к маньчжурам: «...китайцы поругаются и именуют их варварами, сыроядцами и разбойниками»¹². Итак, в цинском Китае XVII в. фактически сосуществовали две различные доктрины права войны – традиционная китайская и маньчжурская.

До 60-х гг. XVII в. в военных конфликтах в Приамурье доминировало маньчжурское понимание войны. Г.В. Мелихов пишет, что захватническая политика маньчжуров «угрожала самому существованию народов Дальнего Востока»¹³. Плацдармом для походов в Приамурье были земли Нингуты, расположенные вблизи реки Амур. В 1610 г. вождь местного племени сэнгэ признал свою зависимость от маньчжурского правителя Нурхаца. В 1629 г. упоминается уже «пограничный город Нингуту», использовавшийся маньчжурским полководцем Убахай-батуром для организации набегов на Приамурье. Набеги происходили неожиданно для местного населения, без всякого объявления войны, и носили грабительский характер. Так, во время набега 1633 г. было убито 338 человек, уведено в плен 700 мужчин, женщин и детей, захвачена добыча – лошади, скот и большое количество мехов¹⁴.

С 1636 г. в Нингуте находился цинский наместник. В 1652 г. туда был прислан амбань-чжаньгин Шархода, пожалованный титулом Бэйхай-ван. Он построил новую крепость и ввел традиционное для маньчжур деление населения на десятидворки¹⁵. Корейский военачальник Син Нью в своих записках о Нингуте писал о Шарходе: «Вид у начальника свирепый. Каждый год он поднимает войско и теряет в боях большую часть воинов, так что среди нингутинских варваров нет ни одного, кто не ненавидел бы его». Воинов и жителей Нингуты кореец называл «варварами», но отличает их от «лесных варваров» Приамурья, похожих на «диких зверей»¹⁶.

Целью походов в Приамурье был не захват территории, а поборы и угон пленных, которых маньчжуры использовали в качестве государственных рабов. В 1652 г. китайский пленник Кабышейка сообщил Е.П. Хабарову, что в окрестностях города Мавген (Мукден?) проживали насильно переселенные дауры и тунгусы. Они выполняли сельскохозяйственные работы в пользу государства: «И те мужики хлеб пашут на царя Шамшакана и овощи водят»¹⁷.

Первые вооруженные столкновения русских с маньчжурами произошли в ходе экспедиции Е.П. Хабарова и О. Степанова. 24 марта 1652 г. маньчжуры предприняли неожиданно атаку на Ачанский городок, бой продолжался «с зари до схода солнца». Казаки отбили штурм, а после их вылазки маньчжуры «прочь от города и от ... бою побежались врознь»¹⁸. 13 марта 1655 г. маньчжуры совершили нападение на Кумарский городок. Перед этой осадой маньчжуры впервые объявили о войне, послав переводчика, который зачитал указ маньчжурского наместника с предложением сдаться в плен под гарантии сохранения жизни. Осада продолжалась до 4 апреля, когда маньчжуры вынуждены были отступить¹⁹.

Неудачи с осадами Ачанского и Кумарского острогов привели маньчжуров к выводу о том, что «...русские придают большое значение деревянным городам и считают, что могут сидеть в них без опасения»²⁰. В результате была выработана новая тактика. Летом 1658 г. войско О. Степанова отправилось по Амуру. 30 июня, недалеко от устья Сунгари, эта флотилия неожиданно наткнулась на засаду маньчжуров. В неравном бою погибли Степанов и 270 чел.²¹

Конфликты с маньчжурами в Приамурье привели к появлению пленных. Согласно китайским источникам, первый раз русские пленные были захвачены в 1655 г.²² В китайском сочинении «Цин ши гао» рассказывается, что при разгроме флотилии О. Степанова в 1658 г. Шархода «во многих местах брал пленных [и отрезал у них левое ухо]». Комментируя это сообщение, А.М. Пастухов замечает, что «брать в плен и отрезать у пленных левое ухо» – это архаическое выражение, речевой штамп. Возможно, в действительности у пленных ушей не отрезали²³.

Свидетельств о судьбе пленных сохранилось мало. Русский посол Н.Г. Спафарий сообщал, что в 1676 г. в Пекине проживало

13 русских людей, два из которых были пленными, а остальные являлись перебежчиками²⁴. Наибольшую известность среди них получил Анашка Урусланов, крещеный крымский татарин, бывший человек якутского воеводы Д. Францбекова. В 1651 г. он был послан воеводой на Амур в отряд к Хабарову. После пленения его доставили в Пекин и приписали к роте Гудэй. В 1685 г. он был зачислен в потомственные ротные командиры. К тому времени Урусланов «держал веру китайскую»²⁵.

Таким образом, на первом этапе конфликта в Приамурье никаких моральных и правовых ограничений в ведении военных действий маньчжуры не соблюдали, набеги их происходили без объявления войны и носили грабительский характер. Напротив, русским удалось включить Приамурье в состав своего государства и привести в подданство местные народы. Успехи русских в Приамурье объяснялись, в частности, политикой в отношении местных народов, предоставлением им широкой автономии, пресечением злоупотреблений должностных лиц и казаков в их отношении.

Вопрос о военном конфликте в Приамурье в 1676 г. Н.Г. Спафарий поставил перед чиновниками Лифаньюаня. К этому времени маньчжуры уже широко использовали традиционные внешнеполитические доктрины Китая. Отвечая на претензии русского посла, они согласились с тем, что «...по Амуру была война меж их и русских людей». Но, во-первых, виновными в войне объявили даурских казаков; во-вторых, заявляли, что не знали, «какие люди живут в Олбазинском, в Нерчинском и в Селенгинском и во иных острогах», почему называли их «лучи, то есть воровское войско». Спафарий заверил китайских дипломатов в том, что в Приамурье поселены подданные московского самодержца. На это ему было заявлено: «А ныне видим ... подлинно ево, великого государя, люди, и впредь будем верить им»²⁶.

Изменения в политике в отношении Приамурья произошли после восшествия на китайский престол Сюань Е (1661–1722). С одной стороны, он подчеркивал свое следование традициям внешней политики Китая. С другой, заявил обеспокоенность тем, что русские «приближаются к оставленной столице (Мукдену. – М. А.)». Преимущество в политике в отношении Приамурья Сюань Е подчеркнул в своем указе о пожаловании Шар-

ходы посмертно титулом Сянчжуан («Помогающий и Сильный») и назначении амбань-чжаньгинем Нингуты его сына Бахая²⁷.

В Приамурье с 1660-х гг. китайцы продолжили политику «выжженной земли» путем увода коренного населения во внутренние провинции Китая. При организации военного похода в начале 1680-х гг. был собран значительный запас провианта во внутренних и внешних провинциях для содержания армии, но во время боевых действий в Приамурье предполагалось, что она будет обеспечиваться за счет поборов с местных народов. Указ императора гласил: «После того как наше войско прибудет к реке Зее, потребовать от солонов снабжать его быками и баранами»²⁸.

Военные и дипломатические мероприятия против русских были взаимосвязаны, объединены в так называемом стратегическом плане императора. Согласно ему, Сюань Е предполагал использовать в войне с русскими методы «облагодетельствования и силы, то есть истребления и привлечения на свою сторону»²⁹. В духе конфуцианской традиции император заявлял: «Посылать войска – не доброе дело». Своим подчиненным он говорил: «Применение военной силы, разящего оружия – все это опасные средства. Древние не любили пользоваться ими. Мы управляем Поднебесной при помощи гуманности и изначально не одобряем убийства». Но сын Неба не делает «различия между Китаем и иноземными странами. Все народы являются нашими детьми, ко всем им испытываем сострадание. Хотелось бы, чтобы каждый жил на своем месте и спокойно занимался своим делом», почему он должен взять Амур под свою «охрану» и защитить «границы солонов»³⁰.

Война России была объявлена и обоснована в трех письмах ультиматумах Сюань Е. В письме 1683 г. император требовал от России «исправить прошлые ошибки, вернуть нам перебежчиков» и «возвратиться в свои земли». В случае неисполнения этих условий он угрожал, что русские «непременно подвергнутся небесной каре и не избегнут казни». В письме 1684 г. император заявил территориальные претензии: «Вам, русским, следовало бы побыстрее вернуться в Якутск, который и должен служить границей... При таких условиях на границе мы сможем вести торговлю, и ваше и наше пограничное население сможет жить

спокойно, не будет возникать военных столкновений». Наконец, в письме 1685 г. он утверждал: «Вы углублялись в наши внутренние земли, захватывали у населения детей, постоянно творили беспорядки». Император требовал, чтобы русские отошли к Якутску и угрожал военными действиями³¹.

В мае 1685 г. китайская армия вторглась в Приамурье. Основные военные действия развернулись во время первой и второй осады Албазинского острога. Во время первой осады император приказал огласить всем офицерам своей армии распоряжение: «После того как будет взят город, ни в коем случае не убивайте ни одного человека!»³² В соответствии с этим указом русским предложили сдаться, но они отвергли это предложение. Только после 20 дней боев, когда острог был практически сожжен, воевода А.Л. Толбузин вынужден был начать переговоры о капитуляции. Разрешение русским уйти из Албазина китайская дипломатия в последующем объясняла «принципом справедливости»³³. В действительности китайские войска понесли большие потери, почему и согласились выпустить русских без боя.

По условиям капитуляции албазинцы могли забрать с собой пушки и находившихся в остроге аманатов. Однако, когда они вышли из крепости, маньчжуры захватили их оружие, имущество, находившихся в остроге аманатов и, что было особенно страшно – жен и детей служилых людей и других чинов албазинцев. Русским было предложено перейти на службу к императору, что некоторые из них были вынуждены сделать, чтобы не быть разлученными со своими семьями. Таким образом, уже во время первой осады Албазина китайские военачальники нарушили международные договоренности и обычаи права войны.

Вторая осада Албазина с самого начала противоречила праву войны. В 1685 г. правители Русского государства послали гонцов с известием о направлении посольства Ф.А. Головиным «для договоров и успокоения ссор китайского богдыхана». Гонцы были еще в пути, когда маньчжурская армия начала вторую осаду Албазина. Но в ноябре 1686 г., в связи с прибытием в Пекин гонцов, которые привезли известие о стремлении русского правительства мирными средствами уладить конфликт, император послал распоряжение снять осаду острога. Однако маньчжурские войска отступили только в августе 1687 г.

Во время второй осады Албазина маньчжуры, по крайней мере, дважды нарушали режим перемирия. В первый раз русский воевода А.И. Бейтон договорился с цинскими «воеводами» о том, чтобы несколько казаков «в лес для сосны (противоцинготных средств. – М. А.) пустили». Маньчжуры провели казаков под караулом в лес, там схватили их и, «привязав, на арканах по полю таскали и отпустили в Албазин чуть живых». От этих мучений шестеро из них умерли в тот же день.

В 1686 г. нерчинский воевода И.Е. Власов организовал экспедицию из 26 служилых людей во главе с И. Миловановым «со скотом и с харчевыми запасы» для защитников Албазина. Маньчжуры согласились пропустить этот отряд, но на подъезде к городу остановили его, привели в свой лагерь, посадили казаков под караул и держали десять дней, допрашивая попеременно. Наконец, они разрешили Милованову и десяти казакам со скотом и обозом пройти в Албазин, но только на четверть часа и при двух соглядаях из русских «изменников». После возвращения из города Милованова маньчжурские «воеводы» велели «выбить» его «из табора нечестию и запасу из Албазина взять не дали».

Особое внимание в стратегическом плане Сюань Е уделялось вопросу о пленных. В 1683 г., во время разведки генералов Лантаня и Пэнчуня, в плен попал 31 русский, включая священника Максима (Леонтьева). Император сразу же распорядился доставить их под конвоем в столицу. 26 августа 1683 г., получив сообщение о доставке в Пекин двух пленных, император указал: «...быть особенно внимательными к ним, оказывать им помощь. Регулярно снабжайте их едой и питьем, дабы они не терпели ни в чем недостатка, и таким образом мы продемонстрируем наше намерение проявить к ним снисхождение»³⁴.

25 декабря 1683 г. император указал наградить русских: «Недавно Ивану уже пожалован чин сяоцисяо (младший офицер. – М. А.), Агафону, Степану, а также вновь покорившимся Григорию, Афанасию и Максиму – всем дать чин седьмого класса. А недавно перешедших к нам Афанасия и Филиппа немедленно отправить к Сабсу и соответственно использовать их для привлечения на нашу сторону [других русских]. Поскольку сейчас стоят морозы, пожаловать им меховое платье и шапки»³⁵.

Следующая группа русских была пленена через год. 15 февраля 1684 г. китайский военачальник Сабсу доложил о пленении

21 русского. Император указал: «Препроводить Михайлу и других в столицу и передать их Налоговому приказу для устройства»³⁶.

Наиболее крупные группы пленных китайцы захватили во время осады Албазина. Как уже говорилось, первая осада закончилась капитуляцией русских с условием, что им дадут отступить с оружием, семьями и аманатами. Но китайцы, нарушив условия капитуляции, захватили в плен жен и детей служилых людей и других чинов албазинцев. После этого служилым людям предложено было перейти на службу к императору Цин. Некоторые из них были вынуждены это сделать, чтобы не быть разлученными со своими семьями. Точные сведения о перебежчиках сообщил посланный А.Л. Толбузиным в Нерчинск Г. Фомин. Нерчинский воевода И.Е. Власов писал, что он «словесно сказал... отошли к богдойским людям албазинские казаки Ивашка Войлошников, Васька Захаров, подячей Петрушка Хмелев с товарищи дватцать пять человек»³⁷. В 1685 г., согласно китайским источникам, было захвачено 45 албазинцев, перешедших «под милостливое правление императора»³⁸.

В начале второй осады Албазина в плен попало несколько десятков служилых людей, охранявших подступы к острогу, и около 20 албазинцев, охранявших конный табун³⁹. Согласно китайским источникам, в 1686–1687 гг. в плен попало 72 чел. Таким образом, всего за 1683–1687 гг. в плен попало около 150 русских. Большинство из них было доставлено в Пекин, и из них составлена особая рота Гудэй примерно в 100 чел., получившая впоследствии название «русской»⁴⁰. При заключении Нерчинского договора 1689 г. размена пленными не предполагалось.

В мае – июне 1690 г. столицу Китая посетил Г.И. Лоншаков. Он свидетельствует, что русские жили в Пекине отдельной слободой. Он видел в ней 48 чел., в том числе 44 пленных и только трех изменников. Остальные изменники жили в других городах Китая⁴¹. Китайский император придерживался в их отношении политики «облагодетельствования». В частности, им передали буддийскую кумирню и позволили переделать в Никольскую часовню, где плененный в 1683 г. отец Максим регулярно проводил богослужения⁴².

Подведем итоги. Продвижение русских в Приамурье натолкнулось на претензию маньчжуров использовать местные народы

как объект перманентных грабительских набегов, не имевших ни правовых, ни моральных ограничений. Завоевание маньчжурами Китая изменило характера конфликта. Несмотря на то что Приамурье для Поднебесной империи оставалось далеко отстоявшим от ее границ «захолустьем», маньчжуры опирались в противостоянии с русскими на всю мощь империи.

Дипломатия Цинской империи обосновывала свою политику в Приамурье традиционными внешнеполитическими доктринами Китая. Война против России 1680-х гг. основывалась на стратегии «облагодетельствования и силы». В письмах-ультиматумах императора были сформулированы обвинения в адрес российского самодержца. Стратегия включала гуманные правила обращения с военнопленными. Война велась с целью установления выгодных для Китая договорных отношений с Россией. Однако при реализации этой стратегии маньчжурские военачальники действовали жестоко в отношении народов Приамурья и постоянно нарушали декларируемые их императором правовые и моральные ограничения в ведении военных действий.

¹ Мясников В.С. Стратегематика – наука точная // Зингер Х. фон. Полное собрание 36 знаменитых китайских стратегем в одном томе. М., 2014. С. 16–17.

² Зенгер Х. фон. Указ. соч. С. 39, 60–61.

³ Спафарий Милеску Н. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 167, 252.

⁴ Цит. по: Буткевич О.В. У истоков международного права. СПб., 2008. С. 625–626.

⁵ Антология мировой правовой мысли. Т. I: Античность. Восточные цивилизации. М., 1999. С. 492–493.

⁶ Цит. по: Буткевич О.В. Указ. соч. С. 626–627.

⁷ Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М., 2000. С. 333.

⁸ Буткевич О.В. Указ. соч. С. 628.

⁹ Кичанов Е.И. Основы китайского средневекового права. М., 1986. С. 240.

¹⁰ Сунь-Цзы. Искусство войны. Основы китайской военной стратегии. М., 2010.

¹¹ Цааджин бичиг («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов. 1627–1694 гг. М., 1998.

¹² Спафарий Милеску Н. Указ. соч. С. 167, 223.

¹³ Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. С. 77.

¹⁴ Там же. С. 77, 100.

¹⁵ Там же. С. 55–56, 79, 88.

¹⁶ Цит. по: Пастухов А.М. Маньчжурская администрация в землях Нингуты и вассальных владениях в Приамурье (1610–1660) // Общество и государство в Китае. XXXIX научная конференция. М., 2009. С. 119.

¹⁷ Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М., 1969. № 61. С. 137.

- ¹⁸ Там же. С. 134–138.
- ¹⁹ Там же. С. 206–208.
- ²⁰ Мелихов Г.В. Указ. соч. С. 100.
- ²¹ Русско-китайские отношения в XVII в. № 75. С. 193–194; Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах: вторая половина XVII в. Хабаровск, 1984. С. 30.
- ²² Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. 1685–1691. М., 1972. С. 660.
- ²³ Цит. по: Пастухов А.М. Указ. соч. С. 114.
- ²⁴ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 1. С. 416–417.
- ²⁵ Там же. С. 287.
- ²⁶ Там же. С. 506, 514.
- ²⁷ Цит. по: Мелихов Г.В. Указ. соч. С. 89.
- ²⁸ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 2. С. 662.
- ²⁹ Там же. С. 688.
- ³⁰ Там же. С. 662, 677.
- ³¹ Там же. С. 665, 673.
- ³² Там же. С. 688.
- ³³ Там же. С. 686.
- ³⁴ Там же. С. 665.
- ³⁵ Там же. С. 668.
- ³⁶ Там же. С. 669.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1142. Д. 35. Л. 1–3, 17.
- ³⁸ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. 2. С. 692.
- ³⁹ Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб., 1867. С. 264.
- ⁴⁰ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск, 1987. С. 497.
- ⁴¹ Там же. С. 399–400.
- ⁴² Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842. С. 445.

Т.В. Алексеев (Санкт-Петербург)

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СРЕДСТВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ И ПРЕДМЕТОВ СНАБЖЕНИЯ АРМИИ В РАБОТЕ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ОБОРОНЕ ГОСУДАРСТВА (1915–1917)

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне) в годы Первой мировой войны занимало ведущие позиции в системе чрезвычайных органов, учрежденных для проведения военно-экономической мобилизации. Главными задачами Особого совещания были координация деятельности всех государственных и чрезвычайных структур по укреплению обороноспособности страны и всестороннее обеспечение армии и флота «предметами боевого и прочего материального снабжения»¹.

Реализуя эти задачи, Особое совещание занималось разнообразными вопросами в военно-экономической сфере. Речь идет и о планировании заготовительной деятельности довольствующих управлений военного ведомства, и о создании условий для перевода промышленных предприятий на производство продукции военного назначения, и об осуществлении контроля за деятельностью предприятий, и о содействии развитию отраслей национальной промышленности, строительстве новых предприятий, и о многих других.

Первая мировая война, как известно, способствовала массовому внедрению в практику боевого применения войск самых последних достижений науки и техники того времени. Для этого прежде всего требовались материальные и финансовые ресурсы, которые в значительной мере находились под контролем чрезвычайных органов во главе с Особым совещанием по обороне. Не случайно поэтому, что в поле его зрения оказывались воп-

росы совершенствования как средств вооруженной борьбы, так и разнообразных предметов материально-технического снабжения армии.

Будучи по своей природе органом административно-бюрократическим, Особое совещание по обороне предварительную проработку большинства рассматривавшихся им вопросов передавало своим многочисленным функциональным органам, а также довольствующим управлениям Военного министерства (Главному артиллерийскому управлению (ГАУ), Главному военно-техническому управлению (ГВТУ), Управлению военно-воздушного флота, Главному интендантскому управлению).

Порядок решения вопросов о принятии на вооружение новых средств вооруженной борьбы и предметов материально-технического снабжения в годы войны претерпел некоторые изменения, хотя в общих чертах сохранился с мирного времени. Инициатива при этом нередко исходила от Ставки Верховного главнокомандующего (ВГК), руководствовавшейся опытом ведения боевых действий. Как и в мирное время техническая сторона вопроса рассматривалась в технических комитетах довольствующих управлений (в ГАУ – в Артиллерийском комитете). На основании заключений этих комитетов решения о принятии на вооружение, включении в табеля частей и подразделений тех или иных предметов снабжения принимались соответствующими начальниками главных управлений и утверждались приказами по Военному министерству.

Далее наступал этап промышленного производства, на котором важная роль принадлежала Особому совещанию по обороне и его подготовительным комиссиям по общим, артиллерийским и авиационным вопросам. Они принимали решения о предоставлении производителям авансов на льготных условиях, санкционировали выделение им при необходимости иностранной валюты, предоставление металлов и прочих дефицитных материалов. В отдельных случаях производилась корректировка соответствующих заготовительных планов главных управлений, которые также согласовывались и подготовительными комиссиями, и Особым совещанием или его председателем.

Остановимся на конкретных примерах подобной деятельности Особого совещания в области артиллерийского, военно-технического и интендантского снабжения.

Сразу же следует отметить, что в сфере артиллерийского вооружения проблема его совершенствования упиралась в крайнюю узость как производственной, так и научно-исследовательской базы подобного рода деятельности. На это обстоятельство указывает видный отечественный специалист в области боеприпасов и взрывных устройств В.И. Рдултовский, говоря, в частности, о разработках новых видов взрывателей и дистанционных трубок: «Экстренная организация производства боеприпасов в различных местах России и за границей отвлекла прежде всего из Артиллерийского комитета ГАУ, а затем с кадровых военных заводов многих военных инженеров и техников. Замена их новыми лицами, менее привычными к опытным работам, не способствовала созданию новых образцов трубок и взрывателей... Артиллерийский комитет и Комиссия по применению взрывчатых веществ, на обязанности которых лежала разработка новых боеприпасов, не дали за время войны каких-либо действительно новых типов трубок и взрывателей»².

Особое совещание по обороне в лице подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам в октябре 1915 г. обсуждало вопрос о возможности унификации применявшихся в артиллерийских снарядах взрывателей. К этому времени в русской армии применялись следующие типы этих устройств: для 76-мм и 107-мм гранат – 3 Г.Т. и 13 Г.М., для 122-мм – 4 Г.Т. и 14 Г.Т., для 152-мм – 6 Г.Т. и 15 Г.Т. Артиллерийский комитет ГАУ пришел к выводу о выработке универсального образца на базе взрывателя 4 Г.Т. Опытная партия таких модернизированных изделий была заказана Петроградскому трубочному заводу. Для планомерного перехода на новый тип взрывателя Сестрорецкому оружейному заводу и заводу АО «П.В. Барановского» было предписано переходить на производство взрывателей 4 Г.Т. и 14 Г.Т., которые с использованием дополнительной втулки планировалось использовать в снарядах калибра 152 мм³. Кроме этого был разработан упрощенный тип взрывателя, получивший наименование «трубка образца 1915 года». 4 декабря 1915 г. подготовительная комиссия по артиллерийским вопросам распределила заказ на 1 млн. таких взрывателей между товариществом «Феникс», торговым домом С.Н. Николаева, акционерным обществом (АО) «Сименс и Гальске» и Петроградским комитетом средней и мелкой промышленности⁴.

По словам В.И. Рдултовского, «<...> усилия названных учреждений (Артиллерийского комитета и Комиссии по применению взрывчатых веществ. – *Авт.*) были посвящены удовлетворению неотложных потребностей армии: разработке снаряжения снарядов суррогатными веществами (так как в начале войны запасов тротила почти не было), вооружению авиации, созданию траншейной артиллерии и выработке светящихся, зажигательных и химических снарядов»⁵.

Хорошо известным является факт, что в годы Первой мировой войны в России фактически с «нуля» была создана химическая отрасль промышленности. Главные цели, которые при этом преследовались, заключались, с одной стороны, в ликвидации катастрофического дефицита пороха и взрывчатых веществ, а с другой стороны, в налаживании совершенно нового вида производства – изготовления боевых отравляющих веществ. Первая из этих задач была успешно решена Комиссией по заготовке взрывчатых веществ во главе с В.Н. Ипатьевым.

Что касается производства химического оружия, то Особое совещание по инициативе председателя Госдумы М.В. Родзянко обратило внимание на эту проблему уже на одном из первых своих заседаний в самом начале июня 1915 г.⁶ В сентябре того же года были одобрены меры, предложенные ГАУ в этом отношении. Предусматривалось направление на Урал и в Донбасс двух комиссий для выяснения возможностей производства на местах, с наделением этих комиссий правами делать необходимые распоряжения. Общее руководство всем делом организации производства отравляющих веществ и подготовки специальных подразделений для армии возлагалось на помощника начальника Центральной научно-технической лаборатории (ЦНТЛ) Военного министерства генерал-майора И.А. Крылова, который с июня 1915 г. возглавлял комиссию по изготовлению удушающих средств при ГАУ⁷. Ему предоставлялись из военного фонда денежные средства, и ставилась задача в кратчайшие сроки организовать производство⁸.

Комиссия И.А. Крылова работала в тесной связи с Русским физико-химическим обществом, при котором опять же на средства, выделенные Особым совещанием по обороне, был создан Военно-химический комитет. В конце декабря 1915 г. было одобрено предложение этого комитета о строительстве опытного за-

вода «для выработки новых способов заводского получения химических веществ»⁹. Нелишним будет отметить, что позднее на базе Военно-химического комитета и опытного завода на Ватном острове Петрограда был образован Государственный институт прикладной химии, ставший крупнейшим отечественным научно-исследовательским центром химического профиля¹⁰.

В марте 1916 г. Комиссией по изготовлению удушающих средств Особому совещанию был представлен план снабжения отравляющими веществами (синильной кислотой, хлороформом) для снаряжения ими 2 750 000 снарядов калибра 76 мм. Автору плана – профессору Томского университета А.П. Поспелову – была поручена разработка комплекса мер по его реализации, предусматривающего в том числе и строительство казенного завода. Для выполнения плана Комиссии было выделено 8 750 тыс. руб.¹¹

Вмешательство Особого совещания по обороне сыграло важную роль и в деле снабжения армии средствами противохимической защиты. Первоначально этот вопрос находился в ведении Управления Верховного начальника санитарной и эвакуационной части. В связи с подготовкой к весенне-летней кампании 1916 г. Особое совещание решило держать это дело под своим контролем и делегировало в конце января своих представителей в комиссию по противогазовым средствам при этом Управлении¹².

Вскоре выяснилось, что положение с изготовлением средств защиты складывается из рук вон плохо. Заказанные в ноябре 1915 г. 2 млн. противогазов системы Горного института из-за недостатка жести изготавливались крайне медленно. Гораздо более совершенный противогаз Зелинского был выпущен небольшой партией, и то по инициативе и на «ответственность» Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК)¹³. 19 марта 1916 г. Особое совещание предписало Военному министерству немедленно приступить к изготовлению этих противогазов в необходимом для действующей армии количестве¹⁴. В апреле 1916 г. были одобрены и профинансированы заказы 4 млн. противогазов системы Зелинского-Кумманта через ЦВПК и Земгор¹⁵. Предприятия, задействованные в этом производстве, в первоочередном порядке обеспечивались жестью¹⁶. Особое совещание постановило организовать производство резиновых ма-

сок всеми приспособленными для этого заводами, несмотря на протесты фирмы «Треугольник», которой принадлежало патентное право на эти изделия¹⁷. Результатом этих усилий стало то, что к концу сентября 1916 г. в действующую армию было поставлено 2,7 млн. противогазов системы Зелинского-Кумманта¹⁸.

Однако окончательно вопрос с организацией снабжения средствами защиты был решен после передачи его летом 1916 г. в ведение Химического комитета при ГАУ. Разработанный этим комитетом план снабжения был одобрен Особым совещанием в начале августа 1916 г. Одновременно было решено учредить на фронте специальные инспекции для контроля за ходом снабжения и правильностью использования защитных средств войсками, организовать ремонтные мастерские, принять меры по обучению личного состава пользованию противогазами и другими средствами защиты, осуществлять постоянный мониторинг за ходом использования и вносить в конструкцию противогазов необходимые изменения¹⁹.

К 1 мая 1917 г. русской промышленностью в общей сложности было изготовлено 7,5 млн. противогазов. Новый план их изготовления, представленный Химическим комитетом ГАУ, был одобрен Особым совещанием в конце апреля. Предусматривался заказ противогазов различных типов: системы Зелинского-Кумманта (5 млн. шт.), системы князя Авалова (1 млн. шт.), влажных образца Химического комитета (1 млн. шт.), для защиты лошадей (50 тыс. шт.), а также двух типов шлемофонов для телефонистов – системы князя Нижерадзе и Магарамы и системы поручика Бодаревского (по 10 тыс. обоих типов). Общий расход средств по этому плану составил 42 млн. руб.²⁰

В августе 1917 г. Особое совещание одобрило приобретение в казну привилегии на изобретенный князем Аваловым тип противогаза, признанный Химическим комитетом ГАУ лучшим, и поддержало предложение комитета о приоритетном заказе промышленности только таких противогазов²¹. В это же время по представлению Химического комитета был разрешен заказ еще 1,5 млн. противогазов системы Авалова, 360 тыс. противогазов для лошадей и 5 тыс. кислородных приборов системы профессора Поспелова на сумму около 23,5 млн. руб.²²

В условиях позиционной войны большое значение приобрела так называемая траншейная артиллерия, наиболее перспек-

тивным «представителем» которой стал миномет. В русской армии применялись несколько типов этих орудий. Минометы калибра 58 мм системы Ф.Р. производились Невским и Ижорским заводами, общий объем заказа которым составил 1150 шт. Большой заказ в 2 500 минометов этой системы был выдан также через ЦВПК. 47-мм минометы выпускались Ижорским заводом, и небольшая партия их была поставлена Обществом Франко-Русских заводов. В ноябре 1916 г. Особое совещание санкционировало выдачу большого заказа еще ряду предприятий, при этом изготовление полуфабрикатов в виде болванок осуществлял все тот же Ижорский завод²³. На этом предприятии при участии капитана Лихонина был разработан и 89-мм миномет с дальностью стрельбы в 1200–1300 шагов. Особое совещание по обороне в самом конце декабря 1916 г. утвердило заказы на эти минометы и мины к ним Ижорскому и Невскому заводам²⁴. В феврале 1917 г. Ижорский завод согласился изготовить еще одну партию таких минометов, при этом ему для дооборудования производства была выделена ссуда²⁵.

Забываясь о размещении заказов на материальную часть, Особое совещание по обороне не оставило без своего внимания и вопрос совершенствования способов боевого применения минометного вооружения. По инициативе ряда членов в сентябре 1916 г. Штабу ВГК было предложено по примеру французской армии «сводить минометы в отдельные, специально подготовленные, части и пользоваться ими, как артиллерией»²⁶.

Большое развитие в ходе войны получили средства военно-технического снабжения, за обеспечение ими армии отвечало ГВТУ. Прежде всего все тот же позиционный характер военных действий предопределил совершенствование инженерных средств защиты войск, средств преодоления защитных сооружений противника, технических средств оборудования позиций.

В сентябре 1915 г. на базе гвардейского саперного батальона прошли испытания различных систем ножниц для резки колючей проволоки – совместной комиссией ГВТУ и ЦВПК. Годными к применению в армии были признаны ножницы нескольких систем: Устругова, Бромлея, Кржеминского, Корсака, Ридигера и Вербочкина²⁷. Во избежание чрезмерного разнообразия в снабжении армии Особое совещание по обороне поручило ГВТУ выбрать, исходя из результатов испытаний, три типа,

которыми следовало ограничиться при выдаче заказов предприятиям. Однако одновременно ГВТУ было поручено приобрести права на все шесть типов ножниц, используя при этом, в том числе, и возможность принудительного отчуждения прав изобретателей²⁸.

Унтер-офицером 4-го Сибирского саперного батальона Семеновым была сконструирована так называемая «ползучая мина» (удлиненный заряд) для разрушения проволочных заграждений противника. Конструкция заряда была одобрена Техническим комитетом ГВТУ, и промышленности в июле 1916 г. было заказано 1600 комплектов таких устройств. Выполнялся заказ небольшими предприятиями: столярной мастерской Х.Х. Маурина, фабрикой К.М. Шредера и заводом транспортных сооружений Л.И. Фаянса²⁹.

В марте 1916 г. ГВТУ провело через Особое совещание по обороне заказ опытной партии принадлежностей для преодоления вражеских электризуемых заграждений. С этой целью ряду предприятий были предоставлены поставки предохранительных кольчуг, ковриков, шлемов, рукавиц на общую сумму более 150 тыс. руб.³⁰

Одновременно проводились опыты по применению электризуемых проволочных заграждений и российскими войсками. В апреле 1916 г. по предложению ГВТУ промышленности были заказаны приборы для электризации 60–70 верст одной линии заграждений. Существовало два типа комплектов таких приборов. Первый из них включал двигатель мощностью 6–8 л. с., динамо постоянного тока, батарею аккумуляторов, умформер, трансформатор для повышения напряжения до 2500 В и обеспечивал защиту позиции протяженностью в полверсты. Несмотря на громоздкость этой аппаратуры, ее преимуществом было то, что периодический характер работы двигателя обеспечивал большую скрытность. В состав другого типа комплекта входил двигатель мощностью 10–15 л. с., динамо переменного тока и трансформатор на 2500 В. Его преимуществом была большая протяженность защищаемой им позиции – одна верста. Общий объем заказов аппаратуры составил по 50 комплектов каждого типа на общую сумму около 3 млн. руб. К производству этой продукции были привлечены фирмы «Асеа», «Бэта», «Тюдор», АО «Соединенные кабельные заводы»³¹.

Широко использовались в годы войны пашки дымовой завесы, которые помимо своего прямого назначения применялись и для борьбы с отравляющими газами противника. В июне 1915 г. Военный совет подтвердил мнение начальника ГВГУ о необходимости заказа 300 тыс. пашек на сумму 672 тыс. руб. Производство их было налажено на специально построенном заводе в Усть-Ижорском саперном лагере под контролем инспектора инженерной части Петроградского военного округа. К весне 1916 г. мощность завода была доведена до 125 тыс. пашек в месяц. Исходя из требований Ставки ВГК и необходимости снабжения пашками вновь формируемых химических команд, предпринято было заказано 2 млн. изделий на сумму 8 млн. руб. При этом для выполнения заказа в Англии и Франции закупались нафталин и бертолетова соль³².

В октябре 1916 г. Особое совещание выделило средства на проведение в ЦНТЛ Военного министерства опытов «по исследованию материалов и способов краскомаскировки». Предусматривалось исследование источников получения природных минеральных красок, исследования красок и материалов путем параллельных полевых и лабораторных испытаний, выработка технических условий приемки и испытаний краски. Всего на опыты было выделено более 10 тыс. руб.³³

К числу других средств инженерного снабжения армии, заготовление которых впервые началось в годы Первой мировой войны, можно отнести также траншейные перископы, экскаваторы, плуги для рытья окопов, дорожные машины, насосы для откачивания воды из окопов, колодцы, земленосные мешки и пр.³⁴

Весьма бурное развитие получили электротехнические средства связи и сигнализации. Достаточно только сказать, что утвержденный Особым совещанием по обороне в начале марта 1916 г. план снабжения армии радиотелеграфным имуществом уже к лету того же года не отвечал требованиям фронта. Приказами Начальника Штаба ВГК в мае 1916 г. было объявлено новое положение о радиотелеграфе в армии, дополненное затем еще двумя распоряжениями в конце июня. Согласно новому положению значительно увеличивалось количество приемных радиостанций особого назначения, находившихся при штабах армий и фронтов. Особенно большие изменения касались авиационной радиосвязи. Вместо одного типа радиопередатчика на са-

молетах с дальностью действия в 15–20 верст были введены три типа: 1) передатчики для корректировки стрельбы, соответствовавшие прежнему типу; 2) передатчики для ближней разведки с дальностью до 50 верст; 3) передатчики для дальней разведки с дальностью 100 верст. Вводились также новые типы радиоприемников: а) приемник для установки на самолет; б) приемная станция на двуколке; в) приемная станция для корректировки огня артиллерии³⁵. В результате внесения изменений в план снабжения армии общий объем расходов на его реализацию, утвержденный Особым совещанием по обороне в начале августа 1916 г., увеличился почти на 27 %³⁶.

Уделялось внимание и внедрению в практику войск отдельных видов средств связи.

Так, летом 1916 г. на захваченном самолете противника была обнаружена радиостанция мощностью в 200 Вт, заинтересовавшая ГВТУ. Штаб ВГК поставил задачу изготовить 60 таких станций. Ее тип не позволял заказать аналог ни одному из радиотехнических предприятий. Тогда было решено осуществить заказ составных частей станции на различных предприятиях, а сборку произвести в одной из частных или казенных мастерских. В частности, машины питания были заказаны АО электромеханических сооружений, изоляционные материалы – фирме «Уатт», отдельные приборы – электромеханической мастерской Н.Т. Аносова, кабели – АО «Соединенные кабельные заводы» и др. Такой порядок позволил существенно сэкономить время на производство и на 50 % сократить необходимые расходы³⁷.

В условиях позиционной войны возникла острая потребность в развитии средств прослушивания телефонных переговоров противника. Приказом Начальника Штаба ВГК № 1310 от 21 сентября 1916 г. при корпусных радиотелеграфных отделениях были образованы специальные команды. На снабжении каждой команды состоял комплект технического имущества в составе трех приемных станций с запчастями и принадлежностями, зарядного агрегата с тремя запасными аккумуляторными батареями, двух микротелефонных аппаратов с фоническим вызовом, восьми верст телефонного кабеля и необходимых принадлежностей, материалов и запчастей. Всего планировалось заказать 220 комплектов на общую сумму 3,25 млн. руб. Из-за неготовности отечественной промышленности часть оборудования

была заказана во Франции. Однако и российские предприятия получили заказы на отдельные виды оборудования. В частности, торговый дом «Паровая турбина Лавалия» и АО «Тюдор» изготавливали аккумуляторы, АО электромеханических сооружений – зарядные агрегаты, АО «Л.М. Эриксон и К» – телефоны и принадлежности к ним³⁸.

Позднее, в августе 1917 г., Особое совещание выделило средства на заказ ГВТУ станций для прослушивания подземных минных работ противника. Станция включала в себя микросейсмостетоскопы, образцы которых в 1916 г. были предоставлены Францией, а также микростетоскопы германского образца, образцы которых были захвачены союзниками на Западном фронте. 100 станций на сумму более 1 млн. руб. были заказаны электромеханической мастерской «Ротор»³⁹.

Появились новшества и в области тревожной сигнализации. Еще в конце декабря 1915 г. исполнительная комиссия при военном министре одобрила выдачу заказа инженеру Нагорскому на предложенный им прибор подводной сигнализации. Для создания схемы сторожевого охранения в апреле 1917 г. Особое совещание по обороне одобрило заказ еще 16 таких приборов и одного стационарного комплекта на общую сумму 42 тыс. руб.⁴⁰

Ряд нововведений появился и в интендантском снабжении армии.

В октябре 1915 г. на одном из заседаний Особого совещания по обороне председатель Госдумы М.В. Родзянко заявил о необходимости срочного обеспечения действующей армии кипяточниками. Главному интендантскому управлению была поставлена задача принять соответствующие меры⁴¹. Впрочем, вскоре, не ожидая решения вопроса в этом ведомстве, Особое совещание постановило ввести «в обиход армии, в качестве предмета нормального снабжения, кипяточников типа, принятого в Красном Кресте»⁴².

Новым предметом снабжения стали также карманные грелки. Образец такой грелки, разработанный в ЦНТЛ, был одобрен Техническим комитетом ГВТУ еще в январе 1915 г. Однако массовое снабжение ими войск задерживалось из-за нехватки материалов для производства угольков. В преддверии осенне-зимнего периода Особое совещание в сентябре 1915 г. санкционировало заказ крупной партии грелок и угольков в Японии, потребо-

вав одновременно наладить выпуск этих изделий и в России⁴³. В течение 1915–1916 гг. к производству грелок и углей были привлечены Петроградский технологический институт, Петроградские политехнические курсы М.А. Шуммера, товарищество на паях «И.Е. Кузнецов», петроградский завод «Токарь», а также целый ряд мелких предприятий, задействованных через ЦВПК и Земгор.

Особое совещание по обороне стало инициатором принятия на вооружение и металлических касок, использование которых в армиях союзников позволило на 70 % уменьшить количество ранений головы у личного состава⁴⁴. Император Николай II утвердил принятие касок на вооружение армии, в связи с чем во Франции их было заказано 2 млн. штук⁴⁵. В октябре 1916 г. Особое совещание одобрило заказ 1,5 млн. касок уже в России, этот заказ был предоставлен ЦВПК для распределения между заводами. При этом металл для изготовления касок предоставлялся вне очереди⁴⁶. В конце октября 1916 г. по требованию Полевого интенданта был разрешен заказ еще 1,5 млн. касок во Франции и 2,4 млн. в России со сроком исполнения до 1 июля 1918 г.⁴⁷

Деятельность Особого совещания по обороне неоднократно критиковалась и современниками, и последующими исследователями по самым различным поводам. В частности, авторитетный начальник ГАУ генерал-лейтенант А.А. Маниковский так писал об этом органе: «В этом огромном составе все же было мало людей, действительно понимающих военную технику и причины неудовлетворительного снабжения нашей армии и могущих указать меры, необходимые для его усиления <...> Если же в Особом совещании и были люди, понимавшие дело, то это были или вовсе мало влиятельные люди, или же “прикосновенные” к промышленности, а потому и заинтересованные больше всего в извлечении из войны личных выгод»⁴⁸.

Во многом эти слова справедливы. Однако следует отметить, что при рассмотрении технических вопросов органами Особого совещания по обороне всегда привлекались специалисты в лице офицеров военного и морского ведомств, инженеров и техников из числа служащих гражданских ведомств и общественных организаций, весьма авторитетных ученых. Среди них был, в конце концов, сам автор вышеприведенных критических строк, которого уж точно нельзя обвинить в отсутствии технических зна-

ний, и тем более нельзя говорить об отсутствии у него авторитета и необходимых властных полномочий.

Нужно отдать должное большинству членов Особого совещания по обороне, которые чаще всего прислушивались к мнениям специалистов в технических вопросах и принимали решения, способствовавшие развитию боевого и материально-технического оснащения армии.

¹ Положение об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства / Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (далее – ЖОСО). 1915 год. М., 1975. С. 531.

² Рдултовский В.И. Исторический очерк развития трубок и взрывателей от начала их применения до конца мировой войны 1914–1918 гг. М.: Оборонгиз, 1940. С. 210.

³ Журнал № 16 подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам (далее – ПКАВ). Заседание 23 октября 1915 г. / Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМАИВиВС). Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 70. Л. 67.

⁴ Журнал № 26 ПКАВ. Заседание 4 декабря 1915 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 24. Л. 7.

⁵ Рдултовский В.И. Указ. соч. С. 210.

⁶ Журнал № 5 Особого совещания... Заседание 1 июня 1915 г. / ЖОСО. 1915 год. С. 41.

⁷ Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф. Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. Пг., 1921. С. 37.

⁸ Журнал № 6 ПКАВ. Заседание 18 сентября 1915 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 16. Л. 87.

⁹ Журнал № 32 ПКАВ. Заседание 29 декабря 1915 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 24. Л. 51.

¹⁰ Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф. Указ. соч. С. 41.

¹¹ Журнал № 51 ПКАВ. Заседание 15 марта 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 52. Л. 68.

¹² Журнал № 44 Особого совещания... Заседание 30 января 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. М., 1977. С. 69.

¹³ Журнал № 52 Особого совещания... Заседание 2 марта 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. С. 131.

¹⁴ Журнал № 57 Особого совещания... Заседание 19 марта 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. С. 171.

¹⁵ Журнал № 60 ПКАВ. Заседание 26 апреля 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 53. Л. 101.

¹⁶ Журнал № 67 Особого совещания... Заседание 30 апреля 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. С. 249.

¹⁷ Там же. С. 253.

- ¹⁸ Журнал № 110 Особого совещания... Заседание 5 октября 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. С. 570.
- ¹⁹ Журнал № 86 ПКАВ. Заседание 9 августа 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/5. Д. 10. Л. 1.
- ²⁰ Журнал № 129 ПКАВ. Заседание 25 апреля 1917 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 65. Л. 60–61.
- ²¹ Журнал № 152 ПКАВ. Заседание 7 августа 1917 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 69. Л. 31–32.
- ²² Журнал № 185 Особого совещания... Заседание 16 августа 1917 г. / ЖОСО. 1917 год. М., 1978. С. 668.
- ²³ Журнал № 134 ПКАВ. Заседание 16 мая 1917 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 66. Л. 35.
- ²⁴ Журнал № 109 ПКАВ. Заседание 20 декабря 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/5. Д. 18. Л. 9–11.
- ²⁵ Журнал № 119 ПКАВ. Заседание 21 февраля 1917 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 63. Л. 64.
- ²⁶ Журнал № 105 Особого совещания... Заседание 17 сентября 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. М., 1977. С. 528.
- ²⁷ Журнал № 8 подготовительной комиссии по общим вопросам (далее – ПКОВ). Заседание 24 сентября 1915 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 69. Л. 113.
- ²⁸ Там же. Л. 115.
- ²⁹ Журнал № 88 ПКОВ. Заседание 28 июля 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/5. Д. 14. Л. 41.
- ³⁰ Журнал № 51 ПКОВ. Заседание 7 марта 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 51. Л. 26.
- ³¹ Журнал № 61 ПКОВ. Заседание 4 апреля 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 52. Л. 43.
- ³² Журнал № 63 ПКОВ. Заседание 21 апреля 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 52. Л. 106–107.
- ³³ Журнал № 103 ПКОВ. Заседание 13 октября 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 54. Л. 55.
- ³⁴ Всеподданнейший доклад по Военному ведомству за 1915 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 3/5. Д. 711. Л. 5.
- ³⁵ Журнал № 88 ПКОВ. Заседание 28 июля 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 52. Л. 37.
- ³⁶ Журнал № 93 Особого совещания... Заседание 3 августа 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. С. 445.
- ³⁷ Журнал № 79 ПКОВ. Заседание 23 июня 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/5. Д. 11. Л. 21–22.
- ³⁸ Журнал № 120 ПКОВ. Заседание 5 января 1917 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 58. Л. 15.
- ³⁹ Журнал № 154 ПКОВ. Заседание 17 августа 1917 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 66. Л. 62–64.
- ⁴⁰ Журнал № 134 ПКОВ. Заседание 6 апреля 1917 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 62. Л. 3.
- ⁴¹ Журнал № 17 Особого совещания... Заседание 21 октября 1915 г. / ЖОСО. 1915 год. С. 364.

⁴² Журнал № 21 Особого совещания... Заседание 4 ноября 1915 г. / ЖОСО. 1915 год. М., 1975. С. 392.

⁴³ Журнал № 5 ПКОВ. Заседание 14 сентября 1915 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 69. Л. 83.

⁴⁴ Журнал № 82 Особого совещания... Заседание 22 июня 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. С. 367.

⁴⁵ Журнал № 89 Особого совещания... Заседание 16 июля 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. С. 413.

⁴⁶ Журнал № 112 Особого совещания... Заседание 12 октября 1916 г. / ЖОСО. 1916 год. С. 584.

⁴⁷ Журнал № 107 ПКОВ. Заседание 31 октября 1916 г. / Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 54. Л. 136.

⁴⁸ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 3-е, перераб. и доп. Е.З. Барсуковым. М.: Госиздат, 1937. С. 72.

*М.А. Анисимова (Санкт-Петербург),
В.Б. Кизириа (Нью-Йорк, США)*

ГРУЗИНСКИЕ ПАЛАШИ «КАБИАНИ» В СОБРАНИИ ВИМАИВ_иВС

ЗАПАДНОГРУЗИНСКИЕ ПАЛАШИ и сабли с эфесами без гарды и с ножами особой конструкции в Грузии объединяют общим названием «кабиани хмали», или сабли с юбкой, от слова «каба», означающего нижнюю часть женского платья¹. Оружие данного типа занимает важное место в истории развития кавказского оружия, так как является промежуточным звеном между мечами и саблями с гардой и так называемой кавказской, или черкесской, шашкой. Переход к новому типу оружия предположительно был обусловлен переменами в тактике ведения боя. С распространением огнестрельного оружия одновременно произошло и уменьшение веса защитного вооружения как кавалериста, так и пехотинца, в пользу повышения мобильности. Это, в свою очередь, обусловило облегчение веса клинков и изменения в манере и методике действий клинковым оружием в нападении и защите². Точная дата появления клинкового оружия типа «кабиани» неизвестна, но его распространение относят к первой половине XVIII в. Оно, по всей видимости, активно использовалось около ста пятидесяти лет и было окончательно вытеснено кавказской шашкой во второй половине XIX в.³ (рис. 1).

Сабли и палаши «кабиани», несмотря на различие в форме клинков, объединяет ряд характеристик и деталей устройства клинка и ножен.

Клинок

Клинки могли быть как европейского происхождения, с европейскими клеймами, так и местного, грузинского, с имитацией европейских клейм или с грузинскими же клеймами.

**Рис. 1. Имеретинский князь
с палашом «кабиани».
Литография К. Беггерова. 1822 г.**

изогнутых линий с зубцами и точек, бывшее изначально принадлежностью мастеров города Тенуя, изготавливавших клинки. «Калдими» часто сопровождается изображением волка или кабана. Некогда клеймо с изображением волка принадлежало мастерам немецкого города Пассау, в гербе которого присутствовало это животное. Так как клинки с такими клеймами пользовались большим спросом, будучи неизменно высокого качества, в XVI–XVII вв. появились многочисленные подражания им, в том числе на Кавказе.

Самое раннее упоминание терминов «горда», «калдими» встречается в «Лексиконе грузинского языка», составленном Сулханом Саба Орбелиани в конце XVII в. Клейма неизвестных мастеров (одиночные и парные буквы грузинского алфавита, иногда со стилизованным анималистическим изображением, ряды знаков веретенообразной формы, равносторонние кресты и т. д.) встречаются, но так редко, что это не позволяет уверенно

Прямые клинки палашного типа, как правило, однолезвийные, острие смещено к линии обуха, также отмечается наличие долов.

Изогнутые клинки, наподобие сабельных, встречаются реже и преимущественно европейского типа. Встречаются немецкие клинки XVIII в., украшенные гравировкой⁴.

Из клейм на клинках как европейского, так и грузинского типа различают так называемые калдими – с державой (изображением царских регалий в виде сферы с крестом) (рис. 2) – и горда (гурда) – в виде

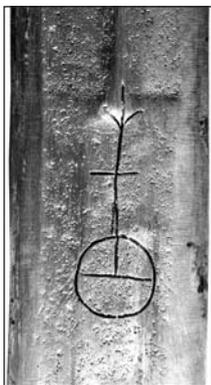

Рис. 2. Клеймо «калдыми» – держава, встречающееся на кавказских клинках

определить их как отдельный тип и атрибутировать. Клинки сабель и палашей «кабиани» могут нести любые из вышеперечисленных клейм, что предположительно указывает на их популярность и спрос на таковые⁵.

Эфес

Эфес одинаков по конструкции, не имеет гарды, состоит только из рукояти, образующей угол от 20 до 30 градусов по отношению к продольной линии клинка. Навершие, или головка, всегда клювовидной формы. Интересно, что данная форма головок по профилю почти идентична навершиям восточногрузинских, так называемых тифлиских (тбилиских) сабель рубежа XVIII – первой половины XIX вв.

Рукоять состоит из двух цельных накладок из дерева, которые закреплены на хвостовике клинка. В сечении такая рукоять представляет собой прямоугольник со слегка сглаженными углами. Сверху рукоять покрывали серебряными, иногда с позолотой, пластинками, украшенными резьбой, гравировкой, пайкой. Головки рукоятей украшались в технике ложной зерни, серебряных «косичек» и др. На центральную часть рукояти наматывалось два вида проволоки: плоская и витая. Между рядами плоской, украшенной по внешней поверхности капельками зерни, укладывалось два ряда витой проволоки. Основание рукояти покрывалось, подобно головке, пластинками, украшенными растительным орнаментом или изображениями животных. Одна из сторон пластинки на основании могла быть оставлена чистой, с последующим нанесением дарственной или памятной надписи, имени владельца, мастера-изготовителя.

Иногда на рукоятях встречаются клейма с надписями, к примеру, «Давид», «Баграт» или одиночные буквы и символы, «Б», «Д» и т. п. Они исполнены в алфавите мхедрули или асомтаврули⁶. Надписи на рукоятях обычно носят светский либо религиозный характер. Это могут быть дарственные надписи, клятвы верности от имени владельца лицу, одарившему оружием, фразы с прославлением имени Бога, фразы

из народных песен, пословицы и т. д. Более простой формой надписи являются имена владельца или мастера, работавшего над оружием.

Традиция дарить оружие в знак дружбы и преданности в Грузии существовала испокон веков, что подтверждают надписи на оружии и письменные источники, хранящиеся в музеях Грузии⁷.

Ножны

1. Ножны «кабиани» имеют такую конструкцию, что рукоять входит в нее до нижней границы головки, а устье ножен имеет широкую прорезь для более удобного вынимания клинка (как и у черкесских шашек).

2. Верхняя часть ножен, покрытая кожей, защищена двумя примыкающими друг к другу широкими обоймицами, которые составляют часто до $\frac{1}{4}$ от общей длины ножен. С внешней стороны обоймицы украшены рядом повторяющихся узоров, исполненных гравировкой. Иногда узор выполнен не гравировкой по пластинке, а отливкой в формы. Узор рядов верхней обоймицы отличается от узора рядов нижней.

3. К внутренней стороне обоймиц прикреплены кольца для ремней подвеса. Манера подвеса имеет сходство с подвесом черкесской шашки, т. е. лезвием назад, так, что «клюв» рукояти обращен вверх.

4. К нижнему краю «обоймицы» прикреплена двухслойная кожаная, иногда покрытая сафьяном или бархатом, каба (юбка). На внутренней стороне ножен каба скреплена по шву рядом заклепок-пуговиц.

5. Наконечник ножен имеет крупные прорези с двух сторон, образуя как бы рамку.

Детали могут иметь небольшие вариации.

Существуют ли аналоги описываемого оружия в иных культурных регионах?

Клинковое оружие с изогнутой рукоятью встречается в разных, порой весьма отдаленных друг от друга регионах, но, как правило, изгиб приходится на среднюю часть рукояти, в отличие от «кабиани», у которых наклон рукояти начинается сразу от основания. Одним из наиболее ранних и известных экземпляров сабли с изогнутой рукоятью является так называемая сабля Карла Великого, ныне хранящаяся в бывшей имперской сокровищнице, во дворце Хофбург в Вене⁸ (рис. 3).

Рис. 3. Сабля с изогнутой рукоятью из дворца Хофбург в Вене, предположительно принадлежавшая Карлу Великому

Изгиб, хоть и слабо выраженный, можно видеть также на рукоятках некоторых сабель периода китайской династии Цин (1636–1912), например, так называемых хвост быка – нювэй-дао – или ивовый лист – люедао. Клинковое оружие с выраженным изгибом рукояти отмечается и в регионах Индонезии и Малайзии, в частности меч «сикин панджанг», «клеванг», «сумара» (рис. 4), а также в Центральной Индии – меч «сукхела».

Рис. 4. Индонезийский меч сумара. ВИМАИВиВС. Инв. № 021/965

Среди европейского оружия также встречаются сабли и палаши с рукоятью, изогнутой в средней части под углом в 25 градусов по отношению к оси клинка.

Но, пожалуй, самыми близкими аналогами являются средневековые сабли Западного Кавказа. Сабли XIV–XV вв. с наклонным эфесом были зафиксированы в западнокубанских и пятигорских адыгских погребальных курганах. В отчете Императорской археологической комиссии упоминается о том, что у них «...малоизогнутые клинки, ...хвостовики отогнуты к лезвию...»⁹

Исследователи XX в. также отмечали тот факт, что сабли XIV–XV вв. из пятигорских кабардинских курганов «средне и слабо изогнутые, ...хвостовик слегка отогнут в сторону лез-

вия...»¹⁰ Рукоять, находящуюся под наклоном к клинку, можно видеть и на изображениях в грузинских манускриптах XIII–XV вв. из монастыря Джручи (Западная Грузия), где воины держат мечи со слегка наклонной рукоятью.

Можно отметить связь данного типа оружия с шашкой черкесского типа. Ее подтверждает не только отсутствие гарды и строение устья ножен, но и манера подвеса, что наиболее роднит эти два разных типа клинкового оружия. Такой подвес, видимо, способствовал возможности нанесения опережающего и убыстренного первого удара, который обеспечивался за счет легкости выхватывания шашки из ножен и положением клинка острием вверх. О таком преимуществе в бою упоминается в грузинском фольклоре. В качестве примера можно привести эпизод из народной песни «Амбавса гетахвит» («Расскажу историю»), где речь идет о разбойнике Хишлади, нападавшем на путников близ Мухрани. Герой песни и его жена сталкиваются на дороге с разбойником, который, не ожидая сопротивления (ибо навел страх на округу), целует женщину. Муж выхватывает шашку (леукури) и бьет врага. Однако тот тоже быстр и даже опережает его. Разбойник убит, но и муж умирает.

*«...лекур хмалс хели цававле (шашку рукой выхватил),
начукарс цоли дзмисаса (подаренную братом жены),
уцина иман момасцро (но тот упредил),
рисхваса хгавдес гвтисаса (словно кара Божья)...
тавс ис мовкда да болос ме (сначала он умер, потом я)...»¹¹*

Опыты, проведенные исследовательской группой директора Кабардино-Балкарского Национального музея Феликса Накова, подтвердили вышеназванные особенности рубки черкесской шашкой. Отсутствие гарды и подвес были следствием возникновения новой тактики клинкового боя, делавшей ставку на опережающий удар¹².

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) имеется четыре единицы клинкового оружия типа «кабиани», из них две с ножами. Три предмета – это палаши, четвертый представляет собой обломок клинка с рукоятью в ножнах сабельного типа.

1. Палаш «кабиани» с ножами. Грузия. Конец XVIII – начало XIX вв. (рис. 5)

Инв. № 109/375 (ОЦФ).

Рис. 5. Палаш «кабиани» с ножами. Грузия. Конец XVIII – начало XIX вв. ВИМАИВиВС. Инв. № 109/ 375 (ОЦФ)

Поступление: из милиции в 1935 г.

Клинок стальной, прямой, однолезвийный, острие смещено к линии обуха. Широкий неглубокий дол идет от основания до середины клинка. Верхняя часть клинка с обеих сторон украшена гравированным клеймом в виде стилизованного изображения волка.

Эфес состоит только из рукояти. Оси клинка и рукояти находятся под тупым углом, головка рукояти клювовидная, загнута к лезвию клинка. Рукоять деревянная, в сечении прямоугольная. Облицовка рукояти серебряная, покрыта позолотой. В средней части рукоять обвита чередующимися рядами плоской проволоки, выбитой ложной зернью, и рядами узкой витой проволоки. Загнутый конец рукояти покрыт накладкой, украшенной декором из ложной зерни и витой проволоки, а также чеканным орнаментом. На основании рукояти накладка с надписями (рис. 6–7) на грузинском языке в рамках. Надпись с правой стороны:

ქ: დედოფალთ დედო
ფალმან. ანნა მაცი
სკარებელმან ს'დ იმერ
თაგან. ინებან წყალობ
ა: ამისი. და მე ერდგულ
სა მისსა და

[К: дедопалт дедо палман анна маци скаребелман с'д имер таган инебан цхалоб

Х: а амиси да ме ердгул са мисса да]

[Царица цариц. Анна, восхваляемая до небес всеми имеретинцами. Соизволила милость такую и меня, преданного ей и]

Рис. 6–7. Палаш «кабиани». Инв. № 109/ 375.
Фрагменты с надписями

С левой стороны:

ვ'ე სისხთა დათხევად
მდე მზასა ქაის სხო
ზარათაშვილს ესეთ
მაშველი მიწ
ყალობა

[в'е сисхта датхевад мде мзаса каис схо бараташвилс есет машвели миц халоба]

[готового пролить кровь (ради нее), меня, Кайхосро Бараташвили, она великодушно одарила этой спасительной (саблей)].

Со стороны обуха на накладке имеется небольшая растительная гравировка.

Ножны деревянные, облицованы сафьяном разных цветов: у устья – черного, в средней части – темно-красного, в нижней – зеленого. Устье ножен имеет широкую прорезь для более удобного вынимания клинка. На средней части ножен прикреплена двойная «юбка» из темно-красного сафьяна, на которой с левой стороны имеется одиннадцать серебряных заклепок. В верхней части ножен имеются две массивных и широких серебряных обоймицы, с лицевой стороны украшенных рельефными поперечными выступами, черную и гравировкой. С изнаночной стороны на верхнем кольце припаяна серебряная петля с удлиненными концами, на нижнем – колечко с кольцом для подвеса. Наконечник ножен из белого металла с широкими прорезями с обеих сторон.

Размеры:

общая длина 88 см,

длина клинка 74,7 см,
ширина клинка 4,2 см,
длина ножен 86,2 см.

Исходя из надписи, можно предположить, что палаш был преподнесен грузинскому князю Кайхосро Бараташвили царицей Анной Имеретинской.

Анна Орбелиани-Багратиони (1765–1832) была женой грузинского царя Давида II Георгиевича, правившего Имеретией с 1784 по 1789 г. Красота, обаяние и ум царицы Анны вызывали поклонение и уважение ее современников, поэтов, царедворцев, воинов. Ее образ воспет многими грузинскими поэтами, в том числе Бессарионом Габашвили. Он посвятил ей поэму «*დედოფალს ანაზედ*» – «Восхваление царицы Анны» (1784–1785).

*«...Кто прельщает, кто сражает
Красотой? – Царица Анна!
С ней луна, ночами споря,
Погасает постоянно.
Звезды полночи служат ей
Все стремятся неустанно.
Посмотри, одна над миром
Светит Анна необманно...»¹³*

Анна имела множество поклонников и могла быть благосклонна к некоторым из них. В их числе мог быть и тот молодой аристократ, кому она преподнесла палаш, что соответствует существовавшей тогда в Грузии традиции преподносить оружие своему почитателю и рыцарю.

2. Палаш (?) «кабиани» с ножнами. Грузия. XVIII – первая половина XIX вв. (рис. 8)

Инв. № 117/869 (ОЦОФ).

Поступление: источник неизвестен, до 1935 г.

Имеется лишь половина клинка, нижняя часть обломана. Клинок с тремя долами с каждой стороны, с левой стороны имеется клеймо гурда (горда), состоящее из двух изогнутых линий с зубцами и шести точек, по три с каждой стороны.

Эфес состоит только из рукояти. Оси клинка и рукояти находятся под тупым углом, головка рукояти клювовидная, загнута к лезвию клинка. Рукоять деревянная, обтянута кожей, в сечении прямоугольная. Из серебряной облицовки рукояти сохранились

Рис. 8. Палаш (?) «кабиани» с ножнами. Грузия. XVIII – первая половина XIX вв. Инв. № 117/869 (ОЦОФ)

накладка на головке, покрытая полустертым чеканным орнаментом, и накладка у основания клинка, с левой стороны украшенная гравированным растительным орнаментом, справа гладкая, с гравировками в виде надписей на грузинском языке: буквы «ქ» [K] и имени владельца: «აგიაშვილი გიორგი» [Агиашвили Гиорги].

Ножны деревянные, покрыты сафьяном темно-красного цвета с отделкой из галуна золотистого цвета. Устье ножен имеет широкую прорезь для более удобного вынимания клинка.

На средней части ножен прикреплена двойная «юбка» из темно-красного сафьяна, на которой заклепки не сохранились, имеются лишь отверстия от них. В верхней части ножен две массивных и широких серебряных позолоченных обоймицы, с лицевой стороны украшенных художественной рельефной чеканкой и гравировкой и изображениями грифонов и растительным орнаментом. С изнаночной стороны на верхнем кольце припаяна серебряная петля с удлиненными концами, на нижнем – колечко с кольцом для подвеса.

Наконечник ножен из белого металла с прорезями. Кожа на ножнах местами порвана, «юбка» соединена веревкой. Ножны изогнуты, что предполагает наличие изогнутого клинка, наподобие шашечного (рис. 9). Поскольку клинок наполовину обломан, сложно сказать с уверенностью, был ли он прямым или изогнутым и являются ли эти ножны его принадлежностью.

Размеры:

общая длина 46,5 см,
длина клинка 34,5 см,
ширина клинка 3,6 см,

длина ножен 88 см,
 ширина ножен 5 см,
 ширина «юбки» 18 см.

Фамилия Агиашвили принадлежала роду имеретинских князей. Георгий (Гиорги) Агиашвили участвовал в известной Хрессильской битве (1757) в рядах ополчения мингрельского владетеля Кация Дадиани Второго. Другой имеретинский князь, которому, вероятнее всего, и принадлежало данное оружие, Георгий Теймуразович Агиашвили (1836–1901), генерал-майор, принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За храбрость был награжден орденом св. Владимира 4-й ст. В 1870–1876 гг. исполнял должность председателя дворянства Кутаисского уезда¹⁴. Был женат на представительнице мингрельского правящего дома Дадиани – Наталии Дадиани.

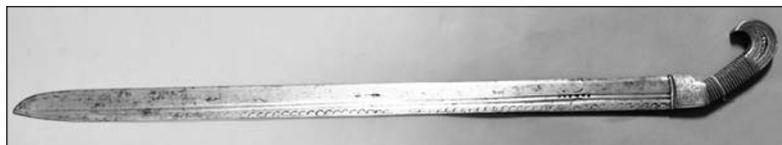
**Рис. 9. Палаш (?) «кабиани».
 Инв. № 117/869. Фрагмент**

3. Палаш «кабиани». Грузия. XVIII – первая половина XIX вв. (рис. 10)

Инв. № 109/374 (ОЦОФ).

Поступление: предположительно из коллекции великого князя Михаила Николаевича, до 1935 г.

Клинок стальной, прямой, однолезвийный, острие смещено к линии обуха с двумя долами разной длины, идущими от основания и почти до самого конца клинка. С обеих сторон клинок украшен гравированными изображениями изогнутых линий с зуб-

**Рис. 10. Палаш «кабиани». Грузия. XVIII – первая половина XIX вв.
 ВИМАИВиВС. Инв. № 109/374 (ОЦОФ)**

цами, с левой стороны надпись «ANDREA», справа: «FERARA» (рис. 11).

Эфес состоит только из рукояти. Оси клинка и рукояти находятся под тупым углом, головка рукояти кленовидная, загнута к лезвию клинка. Рукоять деревянная, в сечении прямоугольная. Облицовка рукояти серебряная, покрыта позолотой. В средней части рукоять обвита чередующимися рядами плоской проволоки, выбитой ложной зернью, и рядами узкой витой проволоки. Загнутый ее конец покрыт серебряной позолоченной накладкой, украшенной декором из ложной зерни и витой проволоки и дополнительно чеканным орнаментом, причем узор на торце рукояти отличается от узора по бокам. У основания клинка серебряная позолоченная накладка, сверху, со стороны обуха, надпись, выполненная чеканкой: «დადიანი» [Дадияни] (рис. 12), и растительный орнамент; с левой стороны гравированная надпись: «დადიანი კაცია ქ ბატონისშვილი იგორი» [Дадияни Кация к Батони(с)швили Гиорги] в рамке, заполненной зигзагообразным орнаментом. С правой стороны накладки – рамка с гравированным растительным орнаментом.

Ножен нет.
Размеры:
общая длина: 88 см,
длина клинка: 76 см,
ширина 4 см.

Надпись на грузинском языке «Батони(с)швили» означает «сын господина» и может быть прозвищем и титулом одновременно.

Рис. 11. Палаш «кабиани» с надписью «ANDREA» и клеймами «гурда».
Инв. № 109/374. Фрагмент

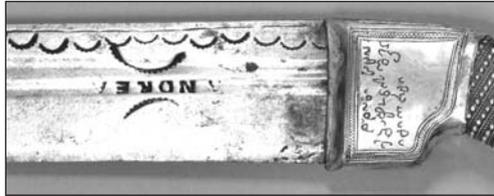

Рис. 12. Палаш «кабиани».
Инв. № 109/374. Клеймо «Дадияни»

Известны два владетельных князя Мегрелии, которые носили имя Кация Дадиани.

Дадиани – две династии владельных князей Мегрелии. Первая династия правила с 1323 по 1691 гг. В это время возникла смута, и князья Дадиани уехали в Россию, где приняли российское подданство. Основателем второй династии был Кация Чиковани, из небогатого дворянского рода. Вторая династия правила княжеством до 1867 г.¹⁵

Кация Первый был владетельным князем Мегрелии (1704–1710), с 1704 г. именовался Кация Дадиани, приняв фамилию прежней династии. Он был назначен правителем Мегрелии своим отцом Георгием и долгое время сохранял ему верность, однако вскоре вместе с братом Бежаном, не простив отцу развод с их матерью, рассорился с ним. Умер в 1710 г., после чего престол снова захватил его отец.

Кация Дадиани Второй – владетельный князь Мегрелии (1758–1788) – носил титул владетеля Одиши – Лечхуми – сванов и абхазов¹⁶.

Интересно, что клинок с точно такими же надписями и конструктивными особенностями упоминается в статье «Eine Sabelstudie» Эдуарда фон Ленца, опубликованной в Дрездене в 1912 г. Ленц пишет, что «случайно, при просмотре коллекции оружия, которая хранится в Новомихайловском дворце в Санкт-Петербурге, в резиденции ныне покойного Великого князя Михаила Николаевича, в свое время наместника Его Императорского Величества на Кавказе, автору попались на глаза два клинка Ферара в кавказской оправе. Публикация их описания может быть интересна широкому кругу знатоков оружия. Я испросил разрешения опубликовать описание этих двух экземпляров, чтобы сделать их доступным для оценки авторитетными специалистами, и их Императорское Величество Великий князь Николай Михайлович самым любезным образом разрешил мне сделать это. Полагаем, как и многие другие, что тут уместно выразить глубочайшую благодарность сиятельному владельцу от Общества исторического оружиеведения за предоставление столь интересных объектов...»¹⁷ Про один из предметов он пишет, что это оружие «с прямым, широким однолезвийным клинком было преподнесено в подарок Великому князю Михаилу Николаевичу в 1867 году от членов мегрельского княжеского рода Да-

диани. На ... серебряном позолоченном эфесе, рукоять которого имеет значительный наклон по направлению к лезвию клинка, есть две надписи на грузинском языке. Одна надпись выполнена методом прессования с плоским рельефом: “Дади (ани)”, и другая надпись гравирована: “Казиа Дадиани. Сработано Георгом, сыном Антония”. (По всей видимости, в переводе Ленц допустил неточность, прочитав слово *ბატონისშვილი* («Батони(с)швили») как сын Антония, в действительности означающее “сын господина”. – *Прим. авт.*). Размеры этого экземпляра с каталожным номером 1313 составляют: общая длина 88 см, длина клинка 76 см, ширина у основания 4 см». Ленц приводит фотографии предмета, отдельно надписей на клинке и рукояти, а также ножен с юбкой, не сохранившихся до нынешнего времени (рис. 13).

Ленц отмечает, что предмет «вызывает особенный интерес еще и потому, что его эфес расположен под необычно острым углом к режущей кромке клинка». Он приводит ряд исторических примеров холодного оружия с подобной наклонной рукоятью: «...те же детали

Рис. 13. Клеймо «Дадиани» и надписи на палаше из статьи Э. Ленца

мы встречаем в фигуре воина на пряжке VI века, найденной в пещерной крепости Руча, недалеко от развалин Кумбулта, ... сабли, которыми украшены Сасанидские серебряные блюда... Можно вспомнить бронзовые сибирские мечи. ...от северной границы Индии до самого Ассама и по сей день пользуются мечами с изломом рукояти под тупым углом к лезвию клинка. Сабельные клинки курдов очень причудливы и совершенно утрированно изогнуты. Кроме того, мы находим изогнутую рукоять у мечей “дха” в Бирме...» Ленц считал необходимым проведение исследования причины, по которой «на протяжении тысячелетий сознательно выбиралось наклонное положение рукояти к оси клинка». Автор статьи также высказывает предположение о назначении так называемой юбки – для защиты бар-

хатного покрытия ножен от трения о седло и ремень стремени. Он пишет, что «такой вид защитной оболочки упоминает шева-лье де Гамба в описании своего путешествия на Кавказ в начале прошлого века, и до сих пор встречается у отдельных курдских племен, но сейчас это стало редкостью. Сейчас для этой цели используется тканевый чехол, плотно прилегающий к ножнам, свисающие концы которого скрепляются в середине ножен¹⁸.

Упоминание о кавказском оружии, преподнесенном Михаилу Николаевичу князьями Дадиани, есть и в путеводителе по музею великого князя Михаила Николаевича, написанном его хранителем Д.П. Струковым. Струков пишет, что особенно-го развития собрание оружия достигло в период пребывания великого князя на Кавказе, «где подарками Великой княгини Ольги Федоровны и подношениями .., в том числе князя Дмитрия Гуриэли, Юзеф-бека Куринского, Шахмала Тарховского, персидского принца Бехмет-Мурзы, Даниэль Салтана, князей Дадиани и других лиц, состав экземпляров собрания насчитывался уже сотнями»¹⁹.

Музей имени великого князя Михаила Николаевича (1839–1909) был создан после его смерти и располагался в Новомихайловском дворце. В музее находилась коллекция оружия Михаила Николаевича с немалым количеством предметов кавказского происхождения. После революции музей был национализирован и находился в ведении Государственного музейного фонда, из которого значительная часть его имущества, в первую очередь оружейная коллекция, были переданы в Артиллерийский музей. Но, к сожалению, в документах на предметы, поступавшие в музей из Государственного музейного фонда в 1920-е гг., имена прежних владельцев практически никогда не указывались, что на сегодняшний день не позволяет выявить эту коллекцию среди других экспонатов музея. Описания, приведенные размеры и фотографии палаша в статье Ленца полностью совпадают с данным предметом из фондов музея, что позволяет утверждать с большой долей уверенности, что именно он и находился в коллекции великого князя Михаила Николаевича.

4. Палаш «кабиани». Грузия. XVIII – первая половина XIX вв. (рис. 14)

Инв. № 109/373 (ОЦОФ).

Поступление: неизвестно, до 1935 г.

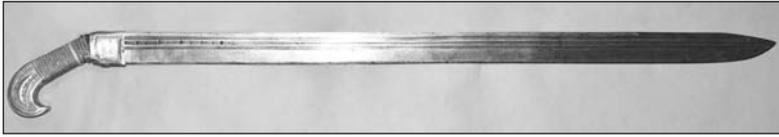

Рис. 14. Палаш «кабиани». Грузия. XVIII – первая половина XIX в. ВИМАИВиВС. Инв № 109/373 (ОЦОФ)

Клинок стальной, прямой, однолезвийный, острие смещено к линии обуха. На клинке имеется три дола, идущих от основания, два доходят до самого конца клинка, один заканчивается раньше. С обеих сторон вырезаны латинские буквы с углублениями ромбовидной формы.

Эфес состоит только из рукояти. Оси клинка и рукояти находятся под тупым углом, головка рукояти клювовидная, загнута к лезвию клинка. Рукоять деревянная, в сечении прямоугольная. В средней части рукоять обвита чередующимися рядами плоской серебряной проволоки, выбитой ложной зернью, и рядами узкой витой проволоки. Загнутый конец рукояти покрыт накладками из позолоченного серебра, украшенными декором из ложной зерни и витой проволоки, и дополнительно чеканным орнаментом, причем узор на торце рукояти отличается от узора по бокам. У основания клинка серебряная накладка, с правой стороны украшена с гравированной надписью на грузинском языке: « დავით დადიანი » [Давит Дадияни] в квадратной рамке, с левой – растительным орнаментом (рис. 15).

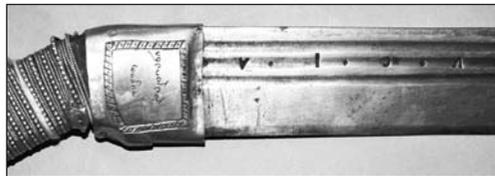

Рис. 15. Палаш «кабиани». Инв. № 109/373. Фрагмент с надписью

Ножен нет.

Размеры:

общая длина 88,3 см,

длина клинка 75 см,

ширина 3,7 см.

Давид (Давит) Дадияни (1812–1853) из рода Чиковани, сын владетельного князя Мегрелии Левана V (1793–1846), внучатый племянник царицы Имеретинского царства Марии, супруги

царя Соломона II, двоюродный племянник князя Абхазии Михаила Шервашидзе. Через свою бабушку – царевну Нино Багратиони – правнук последнего царя Грузии Георгия XII. Образование и воспитание получил под руководством князя В.О. Бебутова и генерала Г.В. Розена. В 1829 г. зачислен корнетом в Лейб-гвардии Казачий полк, в котором дослужился до чина полковника²⁰. В 1840 г. принял на себя управление Мегрелией, провел ряд реформ для укрепления ослабленного кризисами и конфликтами княжества.

Таким образом, палаши «кабиани» из собрания Музея артиллерии имеют особую ценность как предметы мемориальные, связанные с именами известных грузинских князей, а также великого князя Михаила Николаевича.

Перевод грузинских надписей и фрагментов статьи Э. Ленца осуществлен В.Б. Кизириа.

¹ Капианидзе М. Типология грузинских сабель // Вестник Грузинский национальный музей (მაშუკა ქაფიანიძე “ქართული ხმლებს თვითლოგობსაოვს”, საქართველოს ეროვნული მუზეუმის მოამბე, თბილისი). 2010. С. 315.

² Абазадзе Н., Кизириа В. Практические аспекты некоторых видов грузинского клинкового оружия // Исторический журнал. № 9. Тбилиси, 2007. С. 25.

³ Qapianidze M. Attribution and Expertise of Collection of Weapons of the National Museum of Georgia. Tbilisi, 2012. С. 96.

⁴ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004. С. 335.

⁵ Qapianidze M. Op. cit. С. 100–101.

⁶ Мхедрули и асомтавури – типы грузинского алфавита. Сохранившиеся памятники древнегрузинской письменности мргловани (асомтавури) относятся к V в., с IX в. используется письмо нухури (нухса-хуцури, хуцури, церковное); а с XI в. до сегодняшнего дня – письмо мхедрули. Однако буквы старинных форм алфавита использовались в царских подписях, печатях, клеймах вплоть до XIX в. – прим. В. К.

⁷ Чолокашвили К. Установление дружбы дарением оружия. Тбилиси, 1988. С. 18.

⁸ Hampel J. Der sogenannte säbel karls des grossen // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. 1897.

⁹ Раскопки в станице Белореченская. Отчет Императорской археологической комиссии. СПб., 1896. С. 5.

¹⁰ Левашева В.П. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 22. М., 1953. С. 177; Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья. Нальчик, 1981. С. 34–35.

¹¹ Сванидзе Г.Д. Грузинские народные песни и сказания. Тбилиси, 1957. С. 47–48.

¹² Наков Ф. Черкесское длинноклинковое оружие. Нальчик: КБГУ, 2004.

- ¹³ Древнегрузинская литература (V–XVIII вв.) / [Сост.: Л. Менабде; ред. А. Гвахариа] Тбилиси, 1982.
- ¹⁴ Тогидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921). Библиографический справочник. Киев, 2001. С. 18.
- ¹⁵ Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. СПб., 1890. С. 238.
- ¹⁶ ЦГИАГ (г. Тбилиси). Ф. 1448. Д. 2223.
- ¹⁷ Lenz E. von. Eine Sabelstudie // Zeitschrift für Historische Waffenkunde. В. 6. Drezden, 1912. S. 187–188.
- ¹⁸ Ibidem. S. 189–190.
- ¹⁹ Струков Д.П. Музей имени великого князя Михаил Николаевича. СПб., 1911. С. 12.
- ²⁰ Русский библиографический словарь. Т. 6. СПб., 1905. (Репринтное издание). С. 33.

В.А. Афанасьев (Москва)

КОМАНДНЫЕ КАДРЫ ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЗВЕНА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЗА ГОДЫ ВОЙНЫ командные кадры Красной армии прошли суровый экзамен на профессиональную пригодность. Советские войска в годы войны провели более 50 операций групп фронтов, около 250 фронтовых операций, большинство из которых отличались оригинальностью замысла и методов осуществления. Командующие фронтами продемонстрировали умение определять направление главного удара, осуществлять массирование сил и средств на решающих направлениях, организовывать взаимодействие войск, проводить скрытно, в тайне от противника, подготовку операций, научились мастерски ставить задачи войскам и проводить необходимое оперативное их построение.

Такие операции, как Сталинградская, Курская, Белорусская, Корсунь-Шевченковская, Яско-Кишиневская, Будапештская, Берлинская, Пражская, Маньчжурская и ряд других, проведенные под руководством наших полководцев, по праву вошли золотыми страницами в летопись советского военного искусства.

К 1945 г. во главе фронтов и армий остались военачальники, имевшие богатейший боевой опыт и способные решать самые сложные оперативные задачи. В результате сокращения общей протяженности советско-германского фронта и выполнения ряда стратегических задач, приведших к выходу из войны некоторых союзников Германии, для достижения окончательной победы над врагом оставалось 10 фронтовых объединений (два Прибалтийских фронта, Ленинградский, три Белорусских и четыре Украинских). Кроме того три фронта (два Дальневосточных и

Забайкальский) принимали участие в войне с Японией, поставившей точку во Второй мировой войне.

Во главе этих фронтовых объединений стояли военачальники преимущественно выходцы из рабочих и крестьян. Были они относительно молоды. Большинству из них к концу войны не исполнилось 50 лет (лишь Ф.И. Толбухину, А.И. Еременко и М.А. Пуркаеву было немного за пятьдесят), а И.Д. Черняховскому не было и 40.

По мере расформирования фронтовых управлений, завершивших выполнение порученных им стратегических задач, командующие, получившие значительный опыт руководства оперативно-стратегическими объединениями, направлялись на усиление других фронтов. Так Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, прокомандовавший фронтовыми объединениями 1010 дней, после расформирования управления Карельского фронта был направлен на Дальний Восток, где возглавил Приморскую группу войск, преобразованную затем в 1-й Дальневосточный фронт. Генерал армии И.И. Масленников, командовавший войсками 3-го Прибалтийского фронта, упраздненного 16 октября 1944 г., также был направлен на Дальний Восток, где во время войны с Японией исполнял обязанности заместителя командующего советскими войсками на Дальнем Востоке. Генерал армии В.Д. Соколовский, более года (412 дней) командовавший войсками Западного фронта, с апреля 1944 г. являлся начальником штаба 1-го Украинского фронта, а с апреля 1945 г. – заместителем командующего войсками 1-го Белорусского фронта. На посту начальника штаба фронта его сменил генерал армии И.Е. Петров, в годы войны командовавший фронтовыми объединениями 466 дней, действуя в обороне ограниченными силами против превосходящих сил противника, он проявлял исключительную оперативно-тактическую изворотливость и находчивость. «Иван Ефимович, – отмечал в своих воспоминаниях И.С. Конев, – был человеком с хорошей военной подготовкой и высокой общей культурой. На протяжении всей войны он проявлял храбрость и мужество и был этим известен в армии»¹. Генерал-полковник М.М. Попов, командовавший фронтом еще в первые месяцы войны, а всего за годы войны являвшийся командующим фронтом 404 дня, возглавил штаб Ленинградского фронта. Генерал армии Г.Ф. Захаров, командовавший до нояб-

ря 1944 г. войсками 2-го Белорусского фронта, войну закончил в должности заместителя командующего войсками 4-го Украинского фронта.

Необходимо отметить, что на завершающем этапе войны штабами фронтов руководили образованные, подготовленные военные специалисты, имевшие богатый опыт планирования, подготовки и проведения фронтовых операций. Все они, за исключением И.Е. Петрова, были выпускниками Военной академии им. М.В. Фрунзе, некоторые учились в Академии Генерального штаба. К началу войны все они, как правило, обладали опытом работы в крупных штабах. Так В.В. Курасов, В.Д. Соколовский, Ф.И. Шевченко занимали крупные должности в Генеральном штабе, в центральном аппарате Наркомата обороны проходили службу Ф.К. Корженевич и А.П. Покровский, М.М. Попов командовал войсками Ленинградского военного округа, М.В. Захаров руководил штабом Одесского военного округа, А.Н. Боголюбов преподавал в Академии Генерального штаба, остальные руководили штабами армий или корпусов. Уже в первые месяцы войны многие из них работали в армейских и фронтовых штабах. С 1941 г. возглавляли штабы фронтов М.В. Захаров и В.Д. Соколовский, с 1942 г. – М.С. Малинин, Л.М. Сандалов и самый молодой из начальников штабов фронтов – С.П. Иванов, которому в конце войны не было и 40 лет. С 1943 года руководили фронтовыми штабами А.Н. Боголюбов, Ф.К. Корженевич, В.В. Курасов, А.П. Покровский. Все они являлись надежными помощниками для своих командующих. Кроме того они, по образному выражению А.М. Василевского, были неофициальными заместителями начальника Генерального штаба на фронтах. «Они были не только незаменимыми помощниками при проведении в жизнь стратегических замыслов и решений Верховного Главнокомандования, но и разделяли с Генштабом все его невзгоды и радости»². В мае 1945 г. А.Н. Боголюбов, М.С. Малинин, И.Е. Петров, В.Д. Соколовский, руководившие штабами фронтов на завершающем этапе войны, были удостоены звания Героя Советского Союза. В сентябре этого же года, после победы над Японией, Золотые Звезды Героев получили также М.В. Захаров и С.П. Иванов. В послевоенное время двое из этой замечательной плеяды штабных работников – М.В. Захаров и В.Д. Соколовский – стали Маршалами Советского Союза, в разное вре-

мя возглавляли Генеральный штаб, а В.В. Курасов и С.П. Иванов стали генералами армии и руководили Академией Генерального штаба.

Командующие фронтами также были людьми весьма образованными, в большинстве своем имели академическое военное образование (за исключением маршалов Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского, окончивших курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии им. М.В. Фрунзе). Маршалы А.М. Василевский, Л.А. Говоров и генерал армии И.Х. Баграмян были слушателями первого набора Академии Генерального штаба (1936)³. Весьма показательно, что на завершающем этапе войны многие слушатели этого набора занимали в действующей армии видные должности. Среди них, кроме уже названных: начальник Генерального штаба А.И. Антонов, начальники штабов фронтов А.Н. Боголюбов, М.В. Захаров, В.В. Курасов, А.П. Покровский, Л.М. Сандалов, командармы А.А. Гастилович, М.И. Казаков, П.А. Курочкин, Ф.П. Озеров, А.В. Петрушевский, В.П. Свиридов, С.Г. Трофименко, начальники штабов армий Н.Е. Аргунов, В.Ф. Воробьев, А.М. Кущев, С.И. Любарский, Г.К. Маландин, А.Д. Пулко-Дмитриев, К.И. Упман, А.И. Штромберг.

Командующие фронтами 45-го года к началу войны имели богатый служебный, а многие и боевой опыт, занимая различное служебное положение. Так, Г.К. Жуков встретил войну в должности начальника Генерального штаба, К.А. Мерецков – заместителя наркома обороны, И.С. Конев командовал округом, А.И. Еременко – армией, штабами округов руководили Ф.И. Толбухин и М.А. Пуркаев, начальником артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского был Л.А. Говоров, заместителем начальника оперативного управления Генштаба – А.М. Василевский, И.Х. Баграмян – начальником оперативного отдела штаба округа, корпусами командовали К.К. Рокоссовский и Р.Я. Малиновский, а И.Д. Черняховский – дивизией.

За годы войны все они получили богатейший опыт командования крупными войсковыми объединениями. 1291 день командовал войсками фронта И.С. Конев, 1062 – Л.А. Говоров, 1029 – Р.Я. Малиновский, 1026 – К.К. Рокоссовский, 777 – Ф.И. Толбухин, 678 – А.И. Еременко, 532 – И.Х. Баграмян, длительное время находились на фронтах, координируя их действия, в качес-

тве представителей Ставки ВГК А.М. Василевский и Г.К. Жуков (исполнявший помимо этого обязанности командующего войсками фронта в течение 648 дней). Все они, за исключением М.А. Пуркаева, за умелое управление войсками в годы войны были отмечены высшими наградами Родины, некоторые неоднократно. Так, в годы Великой Отечественной войны Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский дважды были удостоены высшего полководческого ордена «Победа», этим же орденом были награждены маршалы Л.А. Говоров, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, К.К. Рокоссовский, Ф.И. Толбухин. Дважды были удостоены звания Героя Советского Союза Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.К. Рокоссовский, И.Д. Черняховский. Героями Советского Союза стали А.М. Василевский, Л.А. Говоров, Р.Я. Малиновский, И.Х. Баграмян, А.И. Еременко, в 1965 г. посмертно это звание было присвоено и Ф.И. Толбухину. Кроме того за Маньчжурскую операцию второй медалью Золотая Звезда Героя Советского Союза были награждены маршалы А.М. Василевский и Р.Я. Малиновский, а К.А. Мерецков был удостоен ордена «Победа».

В годы войны высшее воинское звание Маршал Советского Союза было присвоено 8 военачальникам (не считая Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, которому 6 марта 1943 г. было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза, а 27 июня 1945 г. – Генералиссимуса Советского Союза). Все они закончили войну, командуя фронтовыми объединениями.

Весьма символично, что в период с 1941 по 1945 гг. высшее воинское звание – генерал-фельдмаршал – получили 9 германских военачальников⁴, из них 8 воевали на советско-германском фронте (девятый – Э. Роммель – отличился в Северной Африке, а затем был направлен на Западный фронт, где покончил жизнь самоубийством в октябре 1944 г.). Но к маю 1945 г. в войсках оставался только Ф. Шёрнер, произведенный в фельдмаршалы только 5 апреля 1945 г., который должен был после смерти Гитлера возглавить сухопутные войска Германии, но фактически в должность не вступил, оставаясь командующим войсками группы армий «Центр», которой командовал с середины января 1945 г. Остальные были в разное время отстранены от занимаемых должностей и отправлены в отставку, а Ф. Паулюс был пленен советскими войсками в районе Сталинграда. М. фон Вейхс

после разгрома под Сталинградом был направлен на Балканы, а в марте 1945 г. отправлен в отставку. Г. фон Кюхлер был отправлен в отставку 31 января 1944 г. после разгрома немецких войск под Ленинградом, Э. фон Манштейн и Э. фон Клейст – в конце марта 1944 г. после поражения их войск на Украине, Э. фон Буш – 28 июля 1944 г. после разгрома немецких войск в Белоруссии (20 марта 1945 г. ему поручили командовать малочисленными разрозненными частями вермахта на Северо-Западе Германии, где он в начале мая был пленен английскими войсками). В. Модель, сменивший Буша на посту командующего группой армий «Центр», в августе 1944 г. был направлен командовать немецкими войсками на Запад, где в апреле 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

К слову сказать, из немецких военачальников, получивших фельдмаршальские звания до нападения Германии на Советский Союз, к маю 1945 г. при должности оставался только начальник штаба ОКВ фельдмаршал В. Кейтель, которому судьба уготовила незавидную долю – подписать Акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии в присутствии заместителя советского Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Остальных германских фельдмаршалов или уже не было в живых (В. фон Рейхенау умер в январе 1942 г., Г. фон Клюге в августе 1944 г. покончил жизнь самоубийством после неудачного покушения на Гитлера, а Э. фон Вицлебен был казнен как один организаторов этого покушения), или они были не у дел (В. фон Бломберг находился в отставке с 1938 г., В. фон Браухич отправлен в отставку после разгрома под Москвой, Г. фон Рунштедт 30 ноября 1941 г. был смещен с должности после оставления немецкими войсками Ростова, в марте 1942 г. был назначен командующим немецкими войсками на Западе, но в начале июля 1944 г., а затем и в марте 1945 г. был отстранен от командования и там, Ф. фон Бок был отстранен от командования войсками вначале в декабре 1941 г., а затем в середине июля 1942 г., В. фон Лееб отправлен в отставку в январе 1942 г., а В. Лист – в сентябре того же года).

Советские военачальники, приведшие подчиненные им войска в 1945 г. к победе, оказались с профессиональной точки зрения более состоятельными, нежели их германские оппоненты.

Обладея общими чертами, позволившими добиваться успеха в операциях, такими, например, как способность проникать в оперативные замыслы противника, точная оценка сил, средств и возможностей противника, знание своих войск, тщательная подготовка их к операции, умение достигать оперативной внезапности, точный расчет сил и средств для проведения операции и др., каждый из советских командующих фронтами имел свой, присущий только ему полководческий почерк.

Особое место среди них занимают Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский, которые в течение всей войны принимали участие в планировании, подготовке и проведении важнейших стратегических операций.

Ни один из полководцев Второй мировой войны не сравнится с Г.К. Жуковым по глубине, широте, прозорливости стратегического мышления, по силе воли и организаторским способностям. А.М. Василевский был выдающимся мастером стратегического планирования. И.С. Конев обладал на редкость хорошей интуицией, умело использовал мощь артиллерии в сочетании с быстротой, натиском и внезапностью удара, однако не всегда удачно он действовал в обороне. Л.А. Говоров был непревзойденным мастером боевого применения артиллерии и отличался высочайшей организованностью. К.К. Рокоссовского, Р.Я. Малиновского, Н.Ф. Ватутина, И.Д. Черняховского отличало умение гибко маневрировать войсками в ходе операции. И.Е. Петров, действуя в обороне ограниченными силами против превосходящих сил противника, проявлял исключительную оперативно-тактическую изворотливость и находчивость. Немало достоинств и особенностей полководческого почерка было и у других военачальников, прославившихся в годы войны. Полководческое искусство каждого из них достойно отдельного исследования.

* * *

Замечательная плеяда военачальников командовала на завершающем этапе войны и армейскими объединениями. Общевоинскими и танковыми армиями в 1945 г. командовало 72 военачальника, в том числе генералы А.И. Данилов, С.К. Мамонов, М.Ф. Терехин и Л.Г. Черемисов, участвовавшие тогда в боевых действиях только на Дальневосточном театре военных действий. Среди них три военачальника – В.Н. Гордов, П.А. Куроч-

кин, И.И. Федюнинский – до назначения на должность командующего армией командовали фронтами.

Самому старшему из командармов 45-го года генерал-лейтенанту Ф.Д. Гореленко было почти 57 лет, самому молодому – генерал-лейтенанту Я.Г. Крейзеру – не исполнилось 40.

Большинство из них прошли боевое крещение в огне 1-й мировой и Гражданской войн, участвовали в других войнах и вооруженных конфликтах, во время Советско-финляндской войны (1939–1940) некоторые из них занимали достаточно высокие должности. Так, В.И. Чуйков был командармом, В.Н. Разуваев – начальником штаба армии, С.Г. Трофименко – заместителем начальника штаба армии, корпусами командовали Ф.Д. Гореленко, А.И. Данилов, П.А. Курочкин, М.Ф. Терехин, М.С. Шумилов.

18 будущих командармов начали постигать военную науку еще в военных училищах и школах прапорщиков императорской России, 50 – обучались в военных академиях, 16, кроме того, окончили Академию Генерального штаба, остальные проходили подготовку и переподготовку на различных курсах усовершенствования командного состава, некоторые неоднократно.

Все они к началу Великой Отечественной войны имели солидный войсковой опыт. Войсками военных округов командовали В.З. Романовский, С.Г. Трофименко, П.А. Курочкин, заместителем командующего ЗапОВО был И.В. Болдин. Штабами округов руководили В.Н. Гордов, Г.Ф. Захаров, М.И. Казаков, а Д.Н. Гусев и В.Н. Разуваев были заместителями начальника штаба округа. С довоенного времени командовали армиями В.И. Кузнецов, Н.Э. Берзарин, Ф.Д. Гореленко. Л.Г. Черемисов и М.Ф. Терехин командовали армиями на Дальнем Востоке. Проходили службу в Генеральном штабе А.А. Гречко, С.В. Рогинский и М.Н. Шарохин, в центральном аппарате Наркомата обороны служил Ф.Н. Стариков.

Но многие из будущих командармов получили должностной рост только в годы войны. Так, например, П.Г. Чанчибадзе, П.Г. Шафранов, Ф.И. Перхорович в начале войны командовали полками (кстати, все трое за умелое командование армиями в годы войны были удостоены звания Героя Советского Союза), бригадами командовали Н.П. Симоняк (стрелковой на полуострове Ханко), П.Ф. Малышев (запасной стрелковой), К.С. Москаленко (артиллерийской противотанковой).

Некоторые военачальники, командовавшие в конце войны армиями, находились под следствием в годы массовых репрессий военных кадров в 1937–1938 гг., прошли через тюрьмы и лагеря. В частности, аресту подвергались будущие командармы А.В. Горбатов, П.Ф. Малышев, К.Н. Галицкий, В.Д. Цветаев, С.И. Богданов. Это обстоятельство не могло не сказаться на их служебном росте, но война все поставила на свои места. Все они прекрасно проявили себя на фронтах Великой Отечественной войны, руководимые ими войска решали самые сложные задачи, за умелое командование армиями А.В. Горбатов, К.Н. Галицкий и В.Д. Цветаев были удостоены звания Героя Советского Союза, а С.И. Богданов получил это звание дважды.

К слову сказать, кроме С.И. Богданова, командовавшего танковой армией, дважды Героями Советского Союза стали командующие общевойсковыми армиями генералы П.И. Батов, А.П. Белобородов, В.И. Чуйков, командующие танковыми армиями М.Е. Катуков и П.С. Рыбалко. 31 командарм стал Героем Советского Союза, кроме того за победу над Японией вторую Золотую Звезду получил Н.И. Крылов, дважды Героем стал тогда и А.Г. Кравченко (первую свою звезду он получил, командуя корпусом).

После войны многие командармы 45-го года стали видными военачальниками. Маршалами Советского Союза стали А.А. Гречко, С.С. Бирюзов, Н.И. Крылов, К.С. Москаленко, В.И. Чуйков, маршалами бронетанковых войск – М.Е. Катуков, С.И. Богданов и П.С. Рыбалко, 11 фронтовых командармов стали генералами армии.

¹ Конев И.С. Записки командующего фронтом 1943–1945. 3-е изд. М.: Воениздат, 1982. С. 462.

² Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы) / Сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008.

³ Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов / Авт.-сост.: В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев, Е.В. Юрина. М., 2011. С. 61–64.

⁴ Залесский К. Вермахт. Сухопутные войска и верховное командование. М.: Эксмо, 2005.

Е.В. Бабенко (Кобрин, Республика Беларусь)

НА ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ, ГОД 1915 (КОБРИН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

СОВРЕМЕННОКИ называли Первую мировую войну Великой. В советской истории она стала империалистической. Территорию современной Белоруссии разделял фронт. 70 тыс. белорусов пали, сражаясь в рядах армии, 60 тыс. мирных жителей погибли, 50 тыс. человек были насильно угнаны в Германию и Австро-Венгрию. Больше 2 млн (каждый третий житель) стали беженцами.

С первых дней войны западные губернии страны, в том числе белорусские, находились на военном положении¹. Военные действия на территории современной Белоруссии начались в августе 1915 г. К началу сентября русская армия под угрозой окружения была вынуждена покинуть значительную часть ее территории. В связи с этим ставка Верховного главнокомандующего была переведена из Барановичей в Могилев. 9 сентября немецкие войска прорвали фронт в районе Светян. Русская армия остановила наступление немецких войск в начале октября 1915 г. Фронт стабилизировался на линии Двинск – Постава – Сморгонь – Барановичи – Пинск.

Немцы оккупировали $\frac{1}{4}$ часть Беларуси, где до войны проживали около 2 млн. человек. Захваченная территория была включена в состав так называемой «земли Обер-ост». Население подвергалось массовым грабёжам, которые нередко заканчивались поджогами домов и убийствами. Действовала жесткая система различных налогов, принудительных работ, штрафов и реквизиций. Население в возрасте от 16 до 60 лет платило подушную подать. Оборудование промышленных предприятий, трудоспособное население, сельскохозяйственные продукты, животные,

лесные богатства (в первую очередь из Беловежской пущи) вывозились в Германию. Немецкие власти планировали колонизировать территории и германизировать местных жителей путем переселения сюда немцев.

Кобрину, небольшому городку на западной окраине Российской империи, повезло не стать прифронтовым городом. В его окрестностях не было значительных боев, не проходила линия фронта. Но данная территория подверглась длительной оккупации немецкими войсками, и потери, понесенные городом, оказались невосполнимы. О некоторых из них, касающихся в первую очередь культурно-исторического наследия, пойдет речь в данной работе.

Летописцем Кобрина долгие годы являлся А.М. Мартынов (1904–1999) – основатель и первый директор Кобринского военно-исторического музея им. А.В. Суворова. В одиннадцатилетнем возрасте он стал участником «беженской эпопеи» – переселения огромной массы людей на восток. Его воспоминания свидетельствуют об этом историческом переселении. А.М. Мартынов писал: «По приказу верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, приверженца безнадежно устаревшей военной теории “выжженной земли”, оставляемые противнику деревни подлежали беспощадному уничтожению, а их жители принудительно эвакуировались вглубь страны... О близящемся фронте загодя оповещали раскаты артиллерийской канонады. Затем под ее аккомпанемент на притихших деревенских улицах появлялся отряд казаков, на которых возлагалась обязанность превратить цветущее селение в безжизненную зону... Ссылки на суровые приказы, словесные увещевания, а то и плетки ретивых служак быстро раскаляли до крайности обстановку паники... Для предотвращения возможных попыток возвращения с пути вереница подвод, груженных случайной попавшим под руку добришком с привязанными к драбинам коровенками, до ближайшего большака, впадающего в московское шоссе, обязательно конвоировалась казаками. Мало того, с целью устрашения, как только подводы выезжали за околицу, на противоположной стороне уже полыхали подожженные жилища»². Тактика «выжженной земли» предполагала тотальное уничтожение всего, что могло быть полезно надвигавшимся немецким войскам. Население сельской

местности практически полностью подлежало переселению на восток.

С эвакуацией городского населения ситуация выглядела несколько иначе. Еврейского населения городов эвакуация практически не коснулась. Именно они составляли подавляющее большинство горожан западных областей империи, в том числе и Кобрина. Иначе обстояло дело с мещанами-земледельцами. Они в большинстве предпочли последовать примеру крестьян.

«Согласно плану эвакуации, для размещения кобринских учреждений предназначались города Мосальск Калужской губернии и Усмань Тамбовской. В эти же губернии рекомендовалось направляться прочим кобринцам...»³. Однако реальные границы расселения беженцев были куда шире определенных планами эвакуации. Вернуться в родные места смогла лишь часть переселенцев много лет спустя (рис. 1), да и возвращались они совсем в другое государство – Польшу, к которой отошли земли Западной Белоруссии в 1921 г.

В том же, 1915 году был эвакуирован кобринский архив. Надо отметить, что он был накоплен за 100 лет после грандиозного пожара, случившегося в городе во время кобринского боя

Рис. 1. Возвращающиеся на родину беженцы на пересыльном пункте. Орша, 1918 г.

15 июля 1812 г. Архив, кроме всего прочего, содержал документы о судьбе многочисленных земельных владений, входивших в состав Кобринского ключа. Того самого Кобринского ключа, который был подарен Екатериной II фельдмаршалу А.В. Суворову в 1795 г. Исследования капитана 2-го Брест-Литовского крепостного пехотного батальона Харкевича, проведенные в 1899 г. в Кобрине, и их публикация сохранили для истории эпизоды пребывания в Кобрине А.В. Суворова и судьбу владений после его смерти⁴.

К сожалению, весь этот архив канул в Лету в результате эвакуации 1915 г. А.М. Мартынов описал его судьбу следующим образом: «И снова, как это случилось в 1812 г., при приближении фронта к городу в августе 1915 г. тогдашний городской староста Петр Иванович Рафалович вывез ящики с городскими архивами в г. Мосальск Калужской губернии. Впоследствии при неоднократной перемене места жительства последний городской староста с заботливо сохраняемым архивом оказался в селе Насоново Валуйского уезда Харьковской (ныне Белгородской обл.) губернии. Перед своим возвращением в родные места, перешедшие тем временем под власть белополяков, в 1921 г. этот архив был оставлен в ризнице местной церкви... Послевоенные попытки нашего музея отыскать след этих документов оказались безуспешными»⁵.

Невосполнимой следует назвать потерю двух совершенно уникальных кобринских реликвий. Одна – древняя рукопись, которая хранилась в старинной Петропавловской церкви, в которую веками вносились все достопамятные события из жизни города, в том числе подробности о пребывании в Кобрине А.В. Суворова. Остается только догадываться, какого рода записи содержались в этой рукописи.

Вторая – старинное издание церковной книги (предположительно 1774 г.), в которой была сделана следующая надпись от руки: «...по сей псалтыри читал и пел Суворов». Утраченный документ вновь возвращает ко временам пребывания в Кобрине А.В. Суворова в 1797 и в 1800 гг. Полководец часто посещал Петропавловскую церковь (рис. 2), располагавшуюся в то время в центре города. Она была ближайшей к его дому. По воспоминаниям священника Петропавловской церкви Константина Михайловского, А.В. Суворов был активным участником церков-

**Рис. 2. Петропавловская церковь, так называемая Суворовская.
Фото 1899 г.**

ной службы: «Здесь он часто читал апостол, пел на клиросе и не раз звонил в колокола. Здесь же, можно сказать, Александр Васильевич возносил и предсмертные свои молитвы. По возвращении из Италии он прибыл в Кобрин совершенно больным и слег в постель»⁶. Однако в редкие дни улучшения самочувствия обязательно отправлялся в свою любимую церковь и вновь читал молитвы, пел с певчими, бил земные поклоны. Известно, что он соблюдал строгий пост.

Первая мировая война сыграла особую роль в судьбе этой церкви. В 1912 г. начался сбор средств на постройку нового каменного храма – старинную деревянную Петропавловскую церковь перенесли на окраину города, освободив место под будущее строительство. По подписным листам было собрано немало средств, и закуплена часть строительных материалов. Однако начавшаяся война поставила крест на этих планах, и собранные средства пошли на военные нужды.... А Петропавловская церковь, чудом пережившая все испытания в своей многовековой истории, так и стоит по сей день на восточной окраине Кобрин. И как знать: может быть, именно это отдаленное от истори-

ческого центра местоположение спасло ее от военных и богоборческих потрясений XX в. Кстати, именно Петропавловская церковь, которую до сих пор иногда называют Суворовской, была единственным действующим храмом в Кобрине в советской время, после 1960-х гг.

Почти детективная история произошла с памятником в честь первой крупной победы русских войск над войсками Наполеона – в кобринском бою 15 июля 1812 г. Величественный монумент, состоящий из высокого гранитного постамента и бронзовой скульптуры двуглавого орла, был установлен в Кобрине в 1913 г. Совсем недолго довелось жителям Кобрина любоваться этим произведением искусства. Сразу после прихода немецких войск в августе 1915 г. оккупационные власти начали настоящую «охоту» за любыми ресурсами, которые могли быть использованы на нужды войны, в том числе и за цветными металлами. В ход шло любое подходящее конфискованное имущество: медная посуда, самовары, церковная утварь, инструменты, даже дверные ручки⁷. Пострадали и многочисленные церковные колокола. Немецкая военная промышленность буквально «выкачивала» из оккупированных территорий все, что могло быть ей полезно. Жертвой этой погони за ресурсами стал и бронзовый орел. Момент его исчезновения не зафиксирован никакими документами. В одно «прекрасное» утро оставшиеся жители Кобрина просто не увидели гордую птицу на своем привычном месте. Известны несколько фото 1915 или начала 1916 гг., на которых орел еще простирает свои крылья над монументом (рис. 3). Восстановлен памятник был лишь в 1951 г., при этом его первоначальный вид претерпел значительные изменения: двуглавый орел стал одноглавым, а из лаврового венка, который разрывал орел, исчезла латинская буква «N» – символ надломленной славы Наполеона. И вновь послевоенные попытки отыскать следы скульптуры ни к чему не привели. Скорее всего, она была просто переплавлена вместе с кастрюлями и самоварами. Печальная судьба для исторического памятника...

И в заключение еще один подлинный эпизод из истории Кобрина начала XX в. Русский писатель Константин Паустовский (1892–1968) во время Первой мировой войны был военным санитаром. Вместе с отступающими русскими частями в составе полевого санитарного отряда он побывал в Кобрине

Рис. 3. Памятник в честь первой победы русских войск над войсками Наполеона 15 июля 1812 г. Фото 1915–1916 гг.

накануне занятия города немецкими войсками. Об этом небольшом событии есть упоминание в автобиографической эпопее «Повесть о жизни» в повести «Местечко Кобрин». Заслуживает внимания эпизод с еврейским цади́ком. Цадик (т. е. праведник) – в иудаизме благочестивый, безгрешный человек (святой), пользующийся особым расположением Бога. Согласно легендам, цади́ку нельзя было причинять вред, он как бы освящал место, где жил, считаясь своеобразным талисманом. Видимо, эвакуация кобринского цади́ка произвела на К. Паустовского настолько сильное впечатление, что он описал ее в подробностях много лет спустя: «В Кобрине мы видели, как увозили из местечка еврейского святого, так называемого “цади́ка”. Гронский рассказал нам, что в Западном крае и Польше есть несколько таких цади́ков. Живут они всегда по маленьким местечкам. К цади́кам приезжают со всей страны сотни людей за всякими житейскими советами. За счет этих приезжих кормится население местечек.

Около деревянного приплюснутого дома вздыхала толпа растрепанных женщин. У дверей стоял закрытый возок, запряженный четверкой тощих лошадей. Я никогда еще не видел таких

древних возков. Тут же, спешившись, курили драгуны. Это, оказывается, был конвой для охраны цадика в дороге.

Внезапно толпа закричала, бросилась к дверям. Двери распахнулись, и огромный высокий еврей с заросшим черной щетиной лицом вынес на руках, как младенца, совершенно высохшего белобородого старичка, закутанного в синее ватное одеяло.

За цадиком поспешали старухи в тальмах и бледные юноши в картузиках и длинных сюртуках.

Цадика уложили в возок, туда же сели старухи и юноши, вахмистр скомандовал: “В седло!” – драгуны сели на коней, и возок тронулся по грязи, качаясь и поскрипывая. Толпа женщин побежала за ним.

– Вы знаете, – сказал Гронский, – что цадик всю жизнь не выходит из дома? И его кормят с ложечки. Честное слово! Як Бога кохам!..»⁸

Видимо, ничего хорошего не ожидалось в будущем для населения западных окраин Российской империи, раз переселением редких еврейских цадиков занимались армейские части. Вместе с людьми из города уходила жизнь. Наступали тяжелые времена...

¹ История Беларуси. Учебное пособие / Е.Л. Абецдарская, П.И. Бригадин, Л.А. Жилунович и др. Мн., 1997. С. 187–189.

² Мартынов А.М. Беженская эпопея. Личный архив // Кобринский военно-исторический музей им. А.В. Суворова (далее – КВИМ).

³ Там же.

⁴ Розыски на Суворовских полях сражений // Варшавский военный журнал. Год второй. Варшава. 1900. № 4 (апрель). С. 351–352; Там же. Год третий. Варшава. 1901. № 2 (февраль). С. 167–174.

⁵ Мартынов А.М. Судьбы кобринских архивов. Личный архив // КВИМ.

⁶ Розыски на Суворовских полях сражений // Варшавский военный журнал. Год второй. Варшава. 1900. № 4 (апрель). С. 353.

⁷ Мартынов А.М. Кобринщина в 1918 г. Личный архив // КВИМ.

⁸ Паустовский К. Повесть о жизни. Местечко Кобрин. Книга 2. (Электронный ресурс.) URL: http://www.e-reading.link/chapter.php/96341/63/Paustovskiii_-_Povest%27_o_zhizni_Knigi_1-3.html

И.В. Бабич (Москва)

**ГАРНИЗОННЫЙ РОМАН:
ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
О ПОЛКОВНИКЕ Ф.А. ДОРИГНИ**

«Палашка, отнеси эти шпаги в чулан!»

А.С. Пушкин. «Капитанская дочка».

«Но Филиппка, хоть убей, она не любила»

Е. Габрилович. «Четыре четверти».

НЕСЧАСТЛИВЫЙ ЖРЕБИЙ, неуживчивый характер или неумение приспособиться к требованиям начальства обусловили тот факт, что карьера полковника Филиппа Доригни в России не задалась. С апреля 1720 г., когда офицер с боевым опытом в саксонской и шведской армиях отказался от возможности производства в генерал-майоры в Швеции и вступил в русскую службу, до августа 1741 г., когда он сменил статус ссыльного в Енисейске на пост командира дистрикта в Ялуторовске, Доригни не увенчал себя иными лаврами, кроме кратковременных успехов в конфликтах со старшими по должности и сослуживцами. И у строящейся Закамской линии, где он командовал Вологодским драгунским полком, никаких отличий в мелких стычках с не вполне замиренными «башкирцами» и калмыками не приобрел.

Гарнизонный быт XIX в. как кладбище надежд знаком нам по знаменитой картине «Анкор, еще анкор» П.А. Федотова, «Поединку» А.И. Куприна. Актуальность темы и для XX в. нашла подтверждение в фильмах П.Е. Тодоровского, процитировавшего в названии ленты федотовское полотно, и сериалу «Граница» А.Н. Митгы. В этих работах запечатлелись живые черты безвестных офицеров, не отмеченных каким-либо даром, но имевших

«души прекрасные порывы», стремившихся к чести и славе и надеявшихся обрести их на службе. На задворках империи в тесном мирке гарнизона и те, кто уже похоронил свою мечту вдалеке от великих задач, и те, кто еще хранил ее, в реальности лишь тянули груз армейской рутины.

Невостребованные «порывы» с разной степенью приложения нерастраченных сил трансформировались в «непотребные» занятия – карточную игру, пьянство, служебные подсиживания, интрижки – что в совокупности в общественном сознании связывалось с кризисным состоянием общества в названные эпохи. Однако те же реалии можно наблюдать и по имевшему место в конце 1730-х гг. судебно-следственному делу, заведенному по поводу конфликта полковника Ф. Доригни с Военной коллегией¹. Не касаясь ни его существа, ни отложившихся в нем материалов о других аспектах повседневности расквартированного вдалеке от столиц драгунского полка, сосредоточимся на едва ли не впервые развернутом на его листах сюжете гарнизонного романа конца первой четверти XVIII в. Романа хотя и не шекспировского масштаба, но в совершенном согласии с заветом В. Шекспира спасшего «цвет времени» от времени «черными чернилами» – правда, не художника, а служителей разных казенных канцелярий.

Уравнение с несколькими неизвестными

Филипп Доригни в 1724 г. приехал к месту службы на Черемшанских форпостах в Казанской губернии с женой. Имени ее в бумагах нет, все участники предпринятых несколько лет спустя судебных разбирательств называют ее исключительно «полковницей». Известно только, что замужем за Доригни она была 14 лет, следовательно, по меркам того времени, почиталась дамою определенно не первой молодости. Другие члены семьи в сферу внимания следователей не попали, что не свидетельствует однозначно об их отсутствии в прошлом или даже в описываемый период. Так, о сыне, родившемся 31 декабря 1725 г., упомянуто лишь, что в следующем месяце он был крещен «по греческому обряду» (имя, данное при крещении, не названо). Когда в апреле 1726 г. чета рассталась, младенца, по-видимому, уже не было в живых. Во всяком случае, ни в последующей переписке, связанной с арестами и ссылкой отца в 1733–1738 гг., ни в упоминаниях об отъезде матери ребенка «в Польшу» упоминаний о нем нет.

Можно предполагать, что знакомство Филиппа Доригни с женой состоялось в период его саксонской службы. «Чрез все 14 лет» брака, по словам полковника, он за супругой «притчины не видел», она «жила с ним почтиво и в дому его порядочно и богобоязна и с людьми обходительна, и не допускала до себя таких людей, которые непорядочно живут». Подводя итог понесенному ее изменой моральному ущербу, полковник отмечал, что был разлучен с женою «воровством», поясняя, что воровством называется лишение пожитков, а «лутчий пожиток» человека – его жена. Впрочем, разрушению очага невольно поспособствовал сам хозяин дома, приняв у себя переведенного из Нарвского полка капитана Осипа Деламота², которого три года привечал «как брат родной».

Черемшанский Дон Жуан

Деламот, чьи имя, возраст и наружность никого в ходе расследования не интересовали, как и его новый командир, имел опыт саксонской службы, которую оба, вероятно, вспоминали. По крайней мере, Доригни знал, что его, судя по чину, более молодой приятель тогда был уличен в связи с подполковницей Шварц, посажен ее мужем под арест, откуда «ушел» к фельдмаршалу Флемингу, в силу «немилости» к обиженному «полуполковнику» устроившему Деламота в другой полк. Капитан это обстоятельство, приведенное полковником в подтверждение его качеств записного соблазнителя, отрицал, как и показания других слушателей его рассказов о недавних амурных успехах в России.

Он якобы не говорил Доригни, что добился «под обещанием» жениться расположения дочери нижегородского вице-губернатора Ю.А. Ржевского, даже не знал имени девушки, виденной только в церкви. И не хвалился поручику Гарнышу, что отец «той Матрены» не возбранял «сидеть с ней» в своем доме, величая Деламота добрым человеком, про коего нельзя и «помыслить о непристойной кондиции». Не уверял вахмистра Софопова, что гулял с этой особой «наедине в саду», а адъютанта Неелова, будто «любил» ее и лазил к ней через забор в сад, в баню. Однако свидетельства лиц, посторонних относительно развода Доригни (в связи с которым они, судя по позднему сенатскому экстракту, допрашивались в Казани), говорят о том, что речь

о нижегородских приключениях заводил сам же герой, с повышением или понижением «градуса» своего мнимого или истинного успеха в зависимости от того, как складывался разговор о женщинах в мужской компании. В том же контексте узнаем – но уже от одного оскорбленного мужа – что после отъезда «полковницы» капитан «чинил блуд в крытых санях» с драгунской женой Авдотьей Якушевой, успевшей прежде пожить у капитана Хитрова и у поручика Гарньша. Последний «отдал ее замуж» за драгуна, но она и в замужестве «чинила непотребности, о которых явно писать не надлежит», за что в 1727 г. была, согласно Воинскому артикулу, из расположения Вологодского, а затем и соседнего с ним Луцкого полков изгнана³. Отрицал Деламот и это, возможно, тоже видя урон своей репутации в связи с «женкой» низкого социального статуса.

Отказаться от факта общения с женой своего командира, в доме которого он – единственный из офицеров – был принят, капитан не мог. Однако подчеркивал всегдашнее к ней почтение и невинность характера их времяпрепровождения. Вечерами, а иногда и «до полуночи», они всего лишь «забавлялись в карты». Возвращаясь к себе в квартиру, он, если не навещал по-дружески лекаря Лестока⁴, то «до рассвета» гулял «в поле», в саду под яблонями и в палатке сидел с полковницей «для того, что ... у него государева дела не было».

Сравним стандарты допустимого в сельской дворянской среде в исходе первой четверти XIX в.:

*Пошли домой вкруг огорода;
Явились вместе, и никто
Не вздумал им пенять на то...*

Когда речь идет о женихе безусловно добродетельной барышнии, порог дозволенности даже чуть выше:

*Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое;
Они в саду, рука с рукой,
Гуляют утренней порой;
/.../ Уединясь от всех далеко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят задумавшись глубоко...*

Поведение, обозначенное Деламотом – за сто лет до появления пушкинских строк – достаточно близко к очерченным в них границам. С полковницей в ее доме в Казани «глядели на огород» и сад подъячего, она предложила «идти в тот сад гулять смотреть яблонь». Он послал драгуна спросить разрешения подъячего, которого не оказалось дома, тогда – вылез в окно, пошел, сорвал несколько яблок и подал в окно, она подала ему салфетку, за которую взявшись, влез. И в другой раз, идя от кондуктора, окликнут был ею из окна, «чтоб шел прямо» через двор, не обходя по улице.

В нарисованной картине Деламот присутствует одновременно в двух ипостасях. Во-первых, он, если не пассивный участник, то и не инициатор даже тех действий, в которых безопасно признаться. Досуг его представлен вынужденным необеспеченностью делом на службе – со стороны начальства, то есть, собственно, мужа героини эпизода. Гулять в саду опять-таки предложил не он, а узнав, что сад чужой и хозяина нет, ограничился преподнесением глубоко символичного, но в заданном контексте невинного сувенира. Даже в окно влезал он как бы не вполне сам, а подчиняясь желанию дамы и держась за салфетку в ее руке. Наконец, именно полковница окликнула его, когда он случайно оказался на той же улице, и снова помогла взобраться в окно.

Во-вторых, те же самые действия соответствуют амплу и романтического героя, и покорителя женских сердец, может, и не известному ему в теории, но зато хорошо освоенному на практике. Он способен увидеть в даме не только «пожиток», но разделить с ней элегический душевный настрой, чувство прекрасного (и в первом, и во втором романе действие разворачивается в саду), лирические переживания («гулял до рассвета»), сделать милый трогательный жест, проявить галантность – вспомним про салфетку. Даже эта маленькая деталь в рассказе Деламота тщательно выверена и сама по себе «двузначна». Это не личная вещь дамы, а предмет домашнего обихода, что предотвращает обвинение в фамильярности и в то же время отвечает куртуазной символике дамского платка.

Пережив летом 1725 г. на фоне яблоневого сада, наверное, самые романтические мгновения своей женской жизни, полковница стала видеть в муже «тирана» и «медведя». В последний

день этого года она родила сына, в крестные которого Деламот еще загодя был приглашен Доригни, ни тогда, ни впоследствии не имевшим сомнений в своем отцовстве. При этом за две недели до рождения ребенка с полковником случился неприятный казус. Приехав на квартиру, он «велел поднести» себе и Деламоту «персидской водки», которую держали специально «для них». Жена послала служительницу принести ее из чулана, а тем временем сама налила гостю «чистой». Доригни, едва выпив, почувствовал, что «горло перехватило, стало давить и жечь», и спاسся только тем, что успел «два пальца в горло», а после «рвало трое суток». В тот момент это никому не показалось странным, и злосчастная водка надолго забылась.

Роды и крестины прошли своим чередом. В марте Деламот вновь стал крестным отцом, на этот раз вместе с полковницей – их позвал крестить дочь капитан Гебавер. Тучи стали собираться над головой героев в конце того же месяца. Драгуны, помимо перебазирования на зимние и летние квартиры, часто отправлялись на «заставы по рубеже с башкирцами» и по другим okazиям. Полковник, имея дом в Казани, жил с женою зимой в с. Гоньбе (там и родился у них сын), Деламот, как и другие офицеры, ездил за Каму и т. д. В разлуке со своим «сердечным ангелом» полковница вступила с ним в переписку, передав одно из посланий вахмистру Назарию Веревкину, который и «объявил» это «польское или немецкое» письмо Доригни, будто бы не зная, «кому оно».

Позднее он «вспомнил» и о других письмах, о которых жена командира говорила, что они от Лестока, и которые он якобы отправил «через почту с указами в роты», а от капитана было два или три, отданные полковнице. Но попади таковые «в роты», читателей оказалось бы так много, что они дошли бы до полковника раньше. Предположить полное непонимание вахмистром поручения тоже трудно. Жена Доригни, хотя и имела при себе одну «бабу-иноземку», судя по воспроизведенным в свидетельских показаниях диалогам с прислугой, подчиненными мужа и обитателями татарской деревни, через которую случилось проезжать, свободно объяснялась по-русски. Скорее речь шла о желании Н. Веревкина, что называется, «раскрыть глаза» своему начальнику.

При объяснении Доригни с женой та уже не скрывала отращения к законному супругу, прежде им не замечавшегося, хотя

спальни их уже давно были «через стену». Он высказал сожаление, зачем «она далася в обман», так как предмет ее чувства «во всю жизнь будет над ней насмехаться». Разговор не был ровным, полковник «очень сердился». Полковница божилась, что «любовь есть между нами, а больши ничего з грехом». Доригни «не верил», грозил прогнать обидчика «прочь от своего полка», жене сказал, что более она ему не нужна и он отправит ее в Польшу, как только будет переправа через Волгу. Между тем явно виновных «не изобличил», и совместная служба двух офицеров продолжалась наружно по-прежнему.

13 апреля капитан Гебавер, зайдя «отдать поклон» командиру, был прямо спрошен, не имеет ли писем от его жены. По признанию Гебавера, брать письмо, вынутое Доригни из его кармана «своею рукою», а прежде подкрепленное куском атласа, он не хотел и от дорогого подарка отказывался (но полковница настояла, напомнив, что его дочь ее крестница, и она вольна крестницу дарить). Это-то письмо, кажется, позднее и было передано в Казанскую губернскую канцелярию, где рассматривалось дело о супружеской неверности. По его пространному изложению в сенатском экстракте, полковница предупреждала Деламота, что предыдущее письмо перехвачено ее мужем, тревожилась из-за отсутствия ответов на другие ее письма – «четыре больших и три маленьких» (если считать их последним свиданием крестины у Гебавера, то выходит – семь писем были написаны в течение примерно месяца). Далее пересказывалось объяснение с мужем и сообщалось, что «наш приятель» не хочет более ее знать, отправляет «домой», а поедет она от Казани до Саранска, от Саранска до Курска, от Курска до Киева – очевидно, в робкой надежде, что Деламот захочет присоединиться к ней, если поедет «до Берлина».

Ни здесь, ни в следующем письме, переправленном с «мужиком» за четыре гривны и тоже попавшем в «дело», нет сожалений о «фортуне», которую «полковница», словами Доригни, навеки «потеряла», никаких жалоб и просьб, только признания, что «чуть жива», «совсем несчастлива», «правдивая и постоянная в любви всегда равно» и любить будет «даже до смерти».

И еще – беспокойство о том, как бы «ангел» не пострадал от «тирана» и, «съехавшись», не поубивали бы они друг друга. Не желая такого исхода, жена Доригни уговаривала Деламота на-

проситься у вышестоящего командира, генерал-лейтенанта Ф.Г. Чекина, в какую-либо казенную посылку и под этим предлогом покинуть расположение полка.

Полковник же, узнав обо всем, припомнил и чарку, которая едва не стала роковой, и то, что «перемену» в жене заметил за три дня до инцидента. И стал трактовать то и другое как результат дьявольского зелья, которым его стремились извести, а жену «приворожить», ухватившись за буквальное толкование брошенных ею слов, что муж ей «покажется яко за медведя». Ему это давало возможность уйти от нелестной для себя реальности и «перевести стрелки» на дьявольские происки, или порчу. Но характерно, что такой взгляд отчасти разделила и сама полковница. Ночью 4 мая 1726 г. в деревне Корелиной по Арской дороге, она «плакала и говорила, что испорчена», жене хозяина. В ответ на слова, будто «у нас мачеха испорчена», позвала ту «порченную татарку», «щупала у нее за сердце» и заключила, что и «у нее тако ж бьется» (что подтвердила под присягой Гувар Абергмова, жена хозяина).

С этим обращением к опытному знанию для подтверждения и объяснения волшебной/дьявольской силы чувств, «полковница» является на исторической сцене в последний раз. О будущем ее ничего неизвестно, так как никого из прочих действующих лиц описанных событий будущее это нимало не занимало. Для них, и прежде всего для обманутого мужа, значение имели лишь ее недавние прегрешения, которые предстояло, так сказать, социально идентифицировать.

«Подробности», versus отягчающие обстоятельства

Отпустив жену «без стыда», Доригни месяц спустя (14 мая 1726 г.) арестовал своего обидчика «под опасением» его «побега» за границу (следствие об этом намерении длилось под эгидой упомянутого Ф.Г. Чекина год и закончилось оправданием капитана). «Узнав», по его словам, от служителей и обывателей все «бездельные поступки» жены, полковник, «не хотел в стыде остатца,... принужден был для своей чести взыскивать и... в погоню посылал, но не догнали». Промедление он малоубедительно объяснял неуверенностью в ее «винах», сведения о которых в письмах полагал необходимым подтвердить формальным дознанием.

Лежала в основе действий Доригни жалость к жене, с которой был связан большой кусок жизни, или рациональный расчет экономии усилий за счет удаления с поля фигуры, уже лишней для новой партии, достоверно заключить трудно. Последнее возможно, поскольку примерно через полгода он вступил во второй брак с дочерью бригадира С.Н. Друманта, для получения разрешения на который должен был доказать свое право на развод с первой женой, ввиду совершенного ею прелюбодеяния⁵. В подтверждение такового казанские власти тщательно допросили всех объявленных полковником 11 свидетелей: служителей семьи Доригни и их соседей, помещиков Кашкадамовых, чинов полка и местных обывателей.

И каждый подробно рассказал, что своими глазами наблюдал, как Она, «встав с земли, отрясает платье», либо «исподницу опустила», а Он «ее за фартук взяв...», «завязывал фуфайку», надевал кафтан, либо «вскочил, штанов не надев, сел на стул в бостроге розстеган». Случалось, наблюдали не в одиночку: «Татарин Осман Ахтуганов сказал, что проходя в селе Гоньбе по улице, видел в яблоневом саду сидящего на скамье Деламота, а полковница, заворотя юбку, сидит у него на коленях и чинит блуд...» Он кликнул Афросинью Иванову, которая на тот час шла мимо огорода, глядеть «что полковница делает», и они сквозь забор смотрели. Подпрапорщик Жилин, застав пару в интимный момент в саду, пришел «на двор» и послал посмотреть денщика Дмитрия Копытова. Тот, придя, сказал, что видел блуд, подпрапорщик «вернулся в сад и видел...» А случалось, проявляли известную стыдливость: Матрена Андреева «зашла в светлицу на крик младенца» и увидела полковницу «на кровати в пологу,... а капитан чинил блуд стоя», и она, «видя непотребство, дверь закрыла». Служительница Доригни Михайлова сказала, что во время отлучки полковника из Казани капитан спал с полковницей на одной постели 8 недель, но чинился ли блуд, она не видела, так как «постель в горнице в комнате», а она со своими детьми спала в сенях.

Любовники же зрителями не слишком смущались. Когда подпрапорщик Жилин вошел в неподходящую минуту и на вопрос полковницы, «что пришел», спросил указания, «что готовить кушать», хозяйка распорядилась. Дней через пять ситуация повторилась с той разницей, что она поинтересовалась, где полковник,

и вернулась к прерванному занятию, получив ответ, что «поехал в поле». Иногда о предосторожности заботились и того меньше, лоя для запретной близости даже момент, когда Доригни «вышел в конюшню». Во время же отлучек хозяина дома Деламот и вовсе приходил ночевать почти каждую ночь. Под большим окном, где разыгрывалась романтическая сцена с салфеткой, был вбит прозаичный, но практичный кол, который использовался кавалером в качестве подножки. Однажды он приходил, закутавшись в калмыцкий тулуп, и в присутствии уже уснувшего полковника. Окликнутый часовым, назвался дворецким, но был узнан по голосу «человеком» своего господина. Когда «дворецкий» пошел в светлицу полковницы, тот, как и собирался, лег спать «у каморы» полковника.

Видимое удовольствие, с которым окружающие следили за поведением пары, не мешало и осуждать его, например, за «непотребство» в день Николая Чудотворца Зимнего, так что «когда стали благовестить к заутрене, полковница спать легла, а Деламот пошел на свою квартиру». Однако все до поры до времени молчали, и не только домашняя прислуга и нередко выступавшие в той же роли нижние чины и унтеры, то опасавшиеся «отмщения», а то и по-своему сочувствовавшие (так, служительница Михайлова вспоминала, что на другой день, как застала гостя «в сенях» со своей хозяйкой, та «упала ей в ноги»). Молчали и офицеры, которые так или иначе не видели в происходящем чего-либо, «касающегося до чести» участников.

Бедная женщина, покинутая и мужем, и возлюбленным, волновалась напрасно. Мысль о «поединке», против распространения которого, как европейского обычая, в России Петр I заранее ввел жесточайшие наказания, ни одному из офицеров даже не пришла в голову. Несмотря на иноземное происхождение, оба пытались разрешить свои «обиды» преимущественно «законным» способом взаимных доносов, да и в производившихся по ним судебных разбирательствах отнюдь не явили образцов благородства.

«Дуэль не состоялась. Или перенесена...»

Полковник, надо думать, сначала вполне удовлетворился взятием капитана под караул и его содержанием «в оковах» вплоть до доказательства, что об упомянутом в письме полковницы

плане отбыть «в Берлин» слышать от него могли лишь в смысле свидания с родственниками после получения официальной отставки из русской службы. Сравнительно с этим обвинением, о средствах опровержения которого сведений в рассматриваемом «деле» нет, обвинение в совращении чужой жены было гораздо менее серьезным. Зато использованный здесь Деламотом способ защиты известен вполне. Простой и эффективный, он сводился к огульному отрицанию фактов, не подтвержденных независимыми свидетелями, и дискредитации свидетелей, чьи показания невозможно было опровергнуть.

Доригни в объяснении причин холодности жены верить нельзя, так как к тому моменту он уже «держал курву». О его дурноте от «подозрительной» водки Деламот знал, но сам был ею обнесен просто потому, что был тогда болен. Одна из вроде бы видевших «блуд» служительниц имеет незаконного ребенка, другую полковница «выкупила из-под караула» за кражу. Земский комиссар сердит на капитана из-за непокупки через него рыбы, да к тому же «глух и плохо видит», на «басурман... слаться не надлежит», а офицеры правды не скажут, так как полковник к ним «без меры добр». Да и в любом случае все осведомленные о чем-либо преступном по закону обязаны доносить тотчас.

В итоге Деламоту удалось избежать неприятностей за «поступки» относительно жены Доригни, хотя его оправданиям местное начальство поверило не больше, чем в отсутствие под приказом полковника о его аресте личной подоплеки. Оно, по-видимому, приняло документально не зафиксированные решения равноценно удовлетворить стороны, замаяв неудобное для всех, включая высшее командование, подозрение в «ворожке»: полковник получил искомый развод, а капитана по освобождении из-под стражи перевели в соседний полк с повышением.

История, вероятно, тем бы и закончилась, если бы в начале 1730-х гг. положение Доригни не пошатнулось. Сперва из-за «ссор» с генерал-лейтенантом В.П. Шереметевым, затем вследствие служебного соперничества с полковником того самого полка, майором которого теперь служил Деламот. И тот не упустил случая сопроводить «протесты» нынешнего командира в Военную коллегия собственным уведомлением о подозрениях в отношении бывшего командира в злоупотреблениях с «фуражными деньгами» и полковыми лошадьми еще в 1724 г. А поскольку

попытки сместить того с должности далеко не сразу привели к желаемому результату, Деламот принял самое деятельное участие в акции, которая должна была радикально ускорить дело.

17 февраля 1733 г. он от имени полковника Х. Крецмара направил драгун «с примкнутыми штыками» на квартиру Ф. Доригни для «свода» состоявшего при нем «для письма», но формально уже не подначального ему подпрапорщика И. Воротникова. Воротникова повели из «людской» с «боем», на крики вышел хозяин дома – по первоначальным утверждениям атаковавших, с пистолетом, шпагой и угрозами, подкрепленными его «людьми», в количестве 15 человек выскочившими во двор с дубьем. Впоследствии было установлено, что шпагу, едва ли не по собственному почину, вынесла служительница Фекла после того, как ее господина стали колоть «против груди» штыком, так что он «от того страху упал». А после его пришлось поднимать и вести в дом под руки, тогда как шпага так и не была обнажена. В реляции же в Военную коллегия все было представлено как вооруженное сопротивление Доригни действовавшей по «инструкции» воинской команде, что стало одним из самых существенных оснований для его аресте в мае того же года.

В свою очередь, попав под караул «безвинно», полковник челобитными на происки разных недоброжелателей в Сенат добился рассмотрения всех собственных «дел» в особом Генеральном кригсрехте, перед лицом которого помимо прочего вспомнил и «воровство» Деламота. Эта судебно-следственная комиссия из высокопоставленных офицеров, оправдав полковника по большинству предъявленных ему «пунктов», затронула тему лишь в двух ее аспектах. А именно, доказала непричастность Доригни к каким-либо должностным хищениям и его законопослушное поведение относительно драгун Луцкого полка при намеренном «научении» их Деламотом вызвать драку, в которой «вы бы, де, его хотя и закололи». Вместе с тем и на этот раз майора, по обыкновению ни в чем не сознавшегося, хотя и «не без подозрения», отпустили, с готовностью исполнив требование фельдмаршала Б.-Х. Миниха вернуть его в полк ввиду «похода» (Русско-турецкой войны 1735–1739)⁶.

Таким образом, и члены Генерального кригсрехта, и утвердившие их мнение сенаторы, уклонились вслед за военным и гражданским руководством Казанской губернии от разбирательства

неудавшихся покушений на полковника, «взамен» оправданного в выдвинутых против него тяжких обвинениях. При этом они обнаружили тот же сугубый прагматизм восприятия выросшей из семейных отношений Доригни ситуации, который изначально демонстрировался всеми, кроме «полковницы», ее единственной реальной жертвы. И полное равнодушие к «моральному облику» офицеров, один из которых проявил себя жалким трусом, а другой – законченным мерзавцем.

Невозможность представить подобное несколько десятилетий спустя, когда дуэльная традиция как неотъемлемый элемент модели дворянского образа жизни была усвоена «благородным сословием», заставляет прежде всего заключить, что «дело» Доригни остается вне хронологических рамок этого процесса. Затем приходится предположить, что петровский «Патент о поединках» Воинского устава не просто опередил события, но, с учетом обязанности каждого армейского чина затвердить все уставные положения, невольно пропагандировал возможность запретного поступка. Здесь же можно вспомнить споры отечественных историков нескольких поколений о различиях между понятиями «чести» в культуре европейской и русской, где ее до какого-то момента отождествляют со служебным достоинством (что в данном конкретном случае выразилось в признании оскорблением посылкой полковнику на квартиру драгунского наряда с обнаженным оружием).

«Дело» Доригни побуждает взглянуть на перечисленные проблемы и под иным углом зрения. Представленное в нем «общество» не отсутствует и не «безмолвствует». Оно готово вступить за всякого, годного «в поход», не потому что не досрочно до осознания законов доблести, в отсутствии которой трудно упрекнуть того же Ф.Г. Чекина, с гордостью помнившего все свои 44 «баталии и акции»⁷, или не слышало о долге благородного мужа рисковать жизнью в ответ на посягательство на его, по сегодняшнему выражению, личное пространство. Об этом ясно свидетельствует позиция Б.-Х. Миниха, до вступления на стезю «русского военного деятеля» с готовностью встававшего «к барьеру». Охотно копировавшие другие иноземные обычаи русские дворяне оставались, – а почему-либо разделявшие их участь европейцы становились – глухи к дуэльным канонам постольку, поскольку не испытывали потребности в самоутверждении. На вол-

не необходимости такого самоутверждения с утратой средневековых сеньериальных прав «дела чести» приобрели самодовлеющее значение в странах побеждающего абсолютизма. В России вопросы «чести» начали ощущаться острее по мере того, как возникло и вскоре развилось чувство аналогичной утраты своей социальной роли. Это чувство в следующем столетии и нашло воплощение в бурном расцвете дуэльной практики уже на русской почве, вплоть до наступления XX в. с его поисками новых форм для выражения извечных страстей. Новизна же рассмотренного «дела», главным образом, в том, что на его листах запечатлелись те их формы, для России первой трети XVIII в., возможно, обыденные, которые могут стать предметом осмысления впервые.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 499. 404 л. Материалы, связанные с сюжетом настоящей статьи, заключены в лл. 257–298, подстрочные ссылки на которые, ввиду формата издания в тексте не приводятся.

² РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 41 об. Имя Деламота, отсутствующее в материалах дела, любезно сообщил автору В.П. Наумов.

³ Это изгнание стало причиной отдельного разбирательства. Выведенная драгуном (ставившим свечи и певшим за дьячка) из церкви и изгнанная «через профоса» из полка Якушева в июне 1731 г. жаловалась вышестоящему командиру (В.П. Шереметеву), что с мужем безвинно разлучена. На запрос начальства Ф. Доригни отвечал, что Якушева «жила у многих», в прошлом году была в сальвации (так называли в то время отделение для больных венерическими болезнями) «купно с драгунами за единою гнилою болезнью» и пораженное место публично демонстрировала. К тому же Якушева была штрафована как причастная к незаконной винной продаже и в конце концов была выгнана по статье 175 Воинского артикула (что блудницы при полках не должны быть терпимы): Там же. Л. 248.

⁴ И.-Г. Лесток, широко известный в русской истории XVIII в. прежде всего в связи с дворцовым переворотом 25 ноября 1741 и заговором 1748 гг., в описываемое время находился в Казани в первой своей ссылке, связанной с вольностями, которые он позволил себе по отношению к дочерям придворного шута Лакосты.

⁵ Сенат, разбиравший в 1736 г. «дело» Ф. Доригни, от рассмотрения его семейных обстоятельств абстрагировался, мимоходом отметив, что полковник «развелся собою», не высказав при этом каких-либо суждений о законности этого акта как такового.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 499. Л. 51–52.

⁷ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Ед. хр. 64. Л. 4–8.

М.В. Бабич (Москва)

СТРАННОЕ «ДЕЛО» О ПОЛКОВНИКЕ Ф.А. ДОРИГНИ

СТАВШЕЕ ПОВОДОМ к настоящей статье «дело» находится на пересечении военно-административных аспектов внутренней политики аннинского десятилетия, известных в истории данного периода лучше других¹. Это обстоятельство вместе с полной сохранностью обширного сенатского производства² обещает, на первый взгляд, всего лишь раскрытие еще не введенных в научный оборот фактов, которые могут конкретизировать представления о развитии как отечественной государственности, так и послепетровской армии, теснейшая взаимосвязь каковых ни у кого не вызывает сомнений.

И обращение к существу, течению и исходу процесса действительно обнаруживает типичные проявления армейско-бюрократической рутины. Но обнаруживает и определенные «странности», выделяющие его на фоне многочисленных следствий и судов над государственными служащими, – процессов, которые привычно воспринимаются почти как визитная карточка эпохи. Тем более, что речь идет об иноземце, убеждение же в привилегиях иностранцев перед природными русскими, вылившееся в хлесткую фразу В.О. Ключевского о «немцах», засыпавших страну, как «сор из дырявого мешка», до сих пор остается непреодоленным специальными исследованиями.

Постановление об учреждении под своим прямым контролем «особливой комиссии» по «касающимся до» Ф.А. Доригни «делам» Сенат вынес 26 марта 1735 г. (протокол подписан 30 марта, доклад императрице апробован 6 мая)³. Оно целиком соответствует правовым нормам, поскольку полковник неоднократно заявлял «подозрение» на Военную коллегия (и персонально

на ее президента фельдмаршала гр. Б.-Х. Миниха) в содержании (с 1733) под арестом и намеренном продолжении в Казани наряженного над ним «без вины» кригсрехта. А сама Военная коллегия, уведомясь об этом, отказалась (10 декабря 1734)⁴ от руководства казанским кригсрехтом (неотрывным от следствия – фергера – военным судом) под председательством коменданта бригадира Ф.Е. Буларта. Исходя из положений, что, с одной стороны, Военная коллегия состоит под ведением Сената, а с другой стороны, при подобном разбирательстве обязательно присутствие «генералитетских персон», сенаторы поручили его – из-за малочисленности в Петербурге таковых от полевой армии – генерал-майору и Конной гвардии подполковнику Б.-Э. Траутфеттеру со старшими офицерами Измайловского, Преображенского и Семеновского полков. Таким образом сложился получивший статус центральной правительственной комиссии гомогенный по составу Генеральный кригсрехт, ассессорами которого стали гвардии майоры И. Гампф и гр. С.Ф. Апраксин с капитанами И.О. Дурново, Ф.В. Полонским, Д.Г. Чернцовым и С.А. Юрьевым⁵, а делопроизводителями, помимо трех канцелярских служителей Военной коллегии, гвардейских же полков обер-аудитор Ф.И. Эмме и преображенский аудитор Ф. Королев⁶.

Представленные в Сенат за их подписями «сентенции» («мнения») от 30 июня – 15 июля 1736 г. с приложенными к ним экстрактами (за печатями по разным «параграфам» обвинения отдельно)⁷, а также целый ряд «рапортов» от имени Генерального кригсрехта (с 16 июля 1735 по 16 декабря 1736) Б.-Э. Траутфеттера – Ф.И. Эмме являют собой превосходный образец освоения представителями офицерского корпуса тонкостей судебного-следственных процедур и высокой квалификации военных юристов. Что, сравнительно с примерами и выводами непревзойденного исследователя теории и практики применения «воинских прав» при Петре I М.П. Розенгейма⁸, демонстрирует очевидный прогресс и в том, и в другом.

Столь же очевидно, что первоначальным толчком к «зачавшемуся» еще в 1726 г. конфликту Ф.А. Доригни со своими командирами (а затем и с Военной коллегией) было именно основательное знание им военного законодательства, опираясь на которое он долго отстаивал свои позиции вполне успешно. В указанной связи заметим, что, вероятно, в качестве сведущего в том

числе в названной сфере специалиста этот довольно высокопоставленный офицер, 18 лет прослуживший в шведской (и около шести в саксонской) армии, и был 1 апреля 1720 г.⁹ принят в русскую службу. И тут же отправлен Петром I, не отступавшим от идеи совершенствования и ориентации на лучшие европейские эталоны Воинского устава 1716 г., за «некоторым секретным делом» в Копенгаген¹⁰. Тогда же он отклонил официальное предложение вернуться в Швецию с производством в генерал-майоры, имея, судя по всему, в виду не только полковничью должность и бригадирский патент¹¹ (обещание которого, как и относительно ряда других залученных в Россию военных, не было исполнено), но и более заманчивые перспективы.

Косвенно это подтверждается назначением в октябре 1720 г. в Комиссию о пересмотре воинских артикулов, которая в феврале – марте 1721 г. без видимых достижений, но зато при личном участии государя трудилась над соотношением сухопутных «артикулов» с морскими¹². Как другое проявление карьерных амбиций на военно-правовом поприще можно – с определенной натяжкой – расценить и изданный вследствие донесения Ф.А. Доригни как полковника расположенного в Казанской губернии Вологодского драгунского полка указ от 5 июня 1725 г. о мерах к сдерживанию от бегства «в башкирцы» мурзинских татар Арской дороги¹³. Но приведенным эпизодом выпавшие на его долю служебные удачи, кажется, исчерпываются – далее выявленными документами фиксируются одни тяжбы и разрозненные биографические подробности.

Последние сводятся к следующим: выходец из Франции¹⁴, подпись «Philippus D'Origny» он к концу 1720-х гг. сменил на «Филипп Андреев сын д'Оригни» (д'Ориньи, в делопроизводстве именуясь Дериньи, а затем Доригни или Доригнием); не позднее того же времени свободно говорил по-русски; по-видимому, сразу вступив в подданство «навечно», в начале 1726 г. крестил сына «в греческой вере», но сам православия не принял и крепостных не приобретал; в январе 1727 г., не встретив никаких препятствий со стороны церкви в разводе с изменившей ему первой женой (и отослав ее «домой в Польшу»), вступил в новый законный брак с дочерью командующего воинским контингентом Канцелярии строения Закамской линии бригадира С.Н. Друманта (имена и судьбы обеих жен, а также детей, не ис-

ключая родившегося в декабре 1725 г. сына, не установлены); из имущества в 1737 г. достоверно владел домом в Казани, но, скорее всего, располагал и иными средствами, на которые годами существовал с половинным жалованьем, хотя формально других источников прокормить себя к 1741 г. не имел.

Детали же череды судов, в которых Ф.А. Доригни успел выступить во всех возможных ипостасях, благодаря незаурядным усилиям Комиссии Б.-Э. Траутфеттера, напротив, освещены в полной мере. Неясными остаются только искомые им с 1726 г. «обиды» от фельдмаршала кн. М.М. Голицына как командующего (до января 1730) Украинским корпусом, в котором числился, несмотря на преимущественное пребывание в Казанской губернии, Вологодский драгунский полк, и выдвинутый при начале «разбора» этого иска встречный иск против него полкового священника Василия Волкова. Священника с его претензиями (к тому же без признаков «интереса е. и. в.») в середине 1730-х гг. не стали и разыскивать, а «дело» по споре с кн. М.М. Голицыным было уничтожено повелением Анны Иоанновны, о чем сам фельдмаршал объявил Военной коллегии 28 июня 1730 г.¹⁵

Известно, однако, что добиваясь (в августе 1729) и добившись отстранения от открытого над ним в сентябре 1728 г. в Москве кригсрехта генерал-майора кн. И.Ф. Барятинского «с асессорами», Ф.А. Доригни упоминал о признании там своего «доказательства», что никогда «не вредил чести» и «не был противен команды» М.М. Голицына. А также ссылался на отбывание от обязанностей презуса над ним еще казанского губернатора генерал-майора В.Н. Зотова (вплоть до его отставки), нарушение И.Ф. Барятинским «артикула» о предоставлении ответчику копии с «пунктов» челобитчиков – и вместе с тем на его доверительный совет «протестовать» на возглавляемый им суд, который без того «не скончается в три года»¹⁶.

Параллельно противостоянию угрозам могущественного военачальника полковник не оставлял и попыток сместить с поста командующего драгунскими полками на Царицынской линии генерал-лейтенанта Ф.Г. Чекина, чьи «неправдивые» рапорты считал одной из причин голицынских нападков. На его «излишние сборы», взятки и «разорения» закамских «обывателей» в дистрикте, на который Вологодский полк «положен вечною квартирою», Ф.А. Доригни с 31 марта 1728 г. трижды доносил

в Верховный тайный совет. Напоминая при этом бар. А.И. Остерману, что и прежде писал о недовольстве инородческого населения Ф.Г. Чекиным, который под страхом штрафов и кнута не дает бить на него челом, – и убеждая, что «адгерентов» генерал-лейтенанта не победить, не поручив «следования» самому полковнику¹⁷.

Проверявший перечисленные сведения казанский губернатор А.П. Вольнский вопреки «дружбе», по словам Ф.А. Доригни, с Ф.Г. Чекиным подтвердил взимание им в деревнях (под исполняемые от случая к случаю посулы не «ставить» там драгунских рот) мехов и фуража – но не денег – и не обнаружил случаев запрета подавать жалобы (к которым Ф.А. Доригни же и склонил жителей)¹⁸. В итоге Ф.Г. Чекин, который прославился храбростью в Северной войне, но с наступлением мира лишь стяжательством и грубостью, включая «бой и бесчестье» собственной племянницы¹⁹, никакого наказания не понес. Но если впредь и проявлял «злобу» к выступившему против него подчиненному, то разве задержкой положенных «порционов и рационов», в чем, при нерегулярных тогда «довольствованиях» всех офицеров, трудно усмотреть жестокие «притеснения».

Между тем продолжались – в большинстве номинально – другие так или иначе замыкавшиеся на Ф.А. Доригни «дела», из которых Военная коллегия на 1730 г. насчитала неоконченными шесть, а комиссия Б.-Э. Траутфеттера на 1735 г. – уже 17²⁰. Это тоже не было необычным, поскольку каждый опасавшийся быть уличенным во вменявшихся «винах» почти всегда спешил и просителя на себя выставить нарушителем закона, что, как правило, вызывало очередные «доводы» и расширяло круг «обиженных», но вовсе не гарантировало реального и особенно скорого суда. В частности, новый командующий Украинским корпусом генерал-аншеф гр. И.-Б. Вейсбах сперва попросту проигнорировал ордер, подписанный президентом Военной коллегии фельдмаршалом кн. В.В. Долгоруким накануне собственного ареста в декабре 1731 г., о разбирательстве «непорядочных поступков» Ф.А. Доригни с 1720-х гг., за вычетом инцидента с М.М. Голицыным. В апреле же 1732 г. распорядился отложить предписанное следствие до прибытия на Черемшанские форпосты – главный оплот против набегов кочевников – новой «генералитетской персоны». А пока что вручил ему («по старшинству») объеди-

ненную команду там вместо назначенного в конце 1731 г. киевским губернатором генерал-лейтенанта В.П. Шереметева.

Но В.П. Шереметев, не слишком уступавший Ф.Г. Чекину необузданным нравом и тоже успевший столкнуться с Ф.А. Доригни²¹, к тому моменту уже передал ордер на оставляемую команду полковнику Луцкого драгунского полка Х. Крецмару. Возникла коллизия, разрешившаяся для центрального персонажа настоящей истории сибирской ссылкой, что при незамешанности в политической борьбе, хищениях, других стандартных государственных преступлениях или выдающихся «партикулярных» злодействах случай для послепетровской России редчайший. Хотя сначала переписка между Военной коллегией и И.-Б. Вейсбахом, с марта по август 1732 г. достаточно корректная, как будто не предвещала серьезных неприятностей Ф.А. Доригни, который активно сопротивлялся замаячившему «отказу от команды», видя в таком оскорбительное для себя подозрение, что «непорядочно поступал»²².

В коллежской поддержке назначения Х. Крецмара и своего отъезда к И.-Б. Вейсбаху «для судебных дел» он увидит и стремление президента Б.-Х. Миниха «уничтожить» себя. Но нет ни конкретных сведений, ни даже намеков в пользу предположения, что последний, едва вступив в должность президента, желал такой ценой показать твердость намерений навести порядок в своем ведомстве, включая строгое исполнение на местах однажды данных (пусть уже и «бывшим фельдмаршалом» В.В. Долгоруким) распоряжений.

Налицо, скорее, несчастное для Ф.А. Доригни стечение обстоятельств. Несогласованность ордеров разных «аншефтов», помешавшая получить надлежащий конвой едущему «по камыщким делам» П.Е. Беклемишеву; возмущение главы Канцелярии строения Закамской линии отказом драгунских полков дать лошадей для возки леса; сбой в позволенной Коллегией организации пресловутого кригсрехта адекватного полковничьему чину персонального состава в пределах Казанской губернии; готовность Х. Крецмара избавиться от соперника любыми средствами и вольная или невольная вовлеченность в его интриги упомянутого И.Ф. Барятинского, который осенью 1732 г. и явился на форпостах как «генералитетская персона». Его-то «протесты» (от 6 ноября 1732 и 16 и 21 апреля 1733) в «противности оборо-

не» и «продерзостном» отбитии подпрапорщика И. Воротникова, состоявшего при неуступчивом полковнике за писаря, у присланных за ним драгун «с инструкцией» в конечном счете и привели к безапелляционному указу Военной коллегии от 25 апреля 1733 г. арестовать Ф.А. Доригни и судить его казанскому коменданту хотя бы и с гарнизонными обер-офицерами²³.

Но Ф.Е. Буларт, который бытности весной 1726 г. и весной 1733 г. единственным «правителем» Казани уже безрезультатно «следовал» о покушениях его отравить или заколоть, караул при нем поставил, но вершить суд не спешил или, точнее, как простодушно рапортовал в Коллегию, «не смел»²⁴. Ф.А. Доригни же, утратив под ударами судьбы спокойствие тона и взвешенность логических построений, которыми отличаются его донесения 1720-х гг., пошел с этого времени традиционным путем упреков своих гонителей во лжи, воровстве и других «непотребствах». Но не утратил уверенности в своей правоте, которой «искал в пристойном месте» (Сенате). И в своих упованиях на «е. и. в. вспоможение»²⁵ на первом этапе своего «оборонения» не обманулся.

Созданная Комиссия, вызвав его в Петербург, всего чуть более года – с учетом общепринятой практики, оперативно – «рассуждала» по материалам представленных им полковых документов, новых запросов и очных ставок²⁶, «производств», с 1726 г. кочевавших по канцеляриям М.М. Голицына, В.Н. Зотова, И.Ф. Барятинского, И.-Б. Вейсбаха, генерал-майора А.Г. Загряжского, Ф.Г. Чекина и Ф.Е. Буларта. И почти по всем «пунктам», принятым к рассмотрению, «согласно» заключила, что «вины его никакой не явилось».

Донос «курских обывателей» (во взятии на драгун «вещей» на 68 руб. 86 коп.) от 1722 г., ход которому был дан после «ссоры» с М.М. Голицыным, опротестовали на основании наличия ордера генерал-аншефа кн. И.Ю. Трубецкого ввести Вологодский полк вместо Орла в Курск. Продажа в драгунские собственных лошадей взамен павших «на марше» в 1724 г. из Белгородской губернии в Казанскую и якобы самовольное заимообразное взятие в 1725 г. жалованья у полкового казначея, о которых в 1727 г. доносил соблазнитель первой жены Ф.А. Доригни капитан Деламот, – были квалифицированы как законные по «справкам» с другими офицерами и Кригс-комиссариатом. А арест по его при-

казу самого Деламота, который Комиссия выводила из личной «обиды» (так как использованный им предлог замысла «побега» за рубеж не был доказан), все же не был квалифицирован как преступный в силу того, что держание капитана в оковах санкционировал Ф.Г. Чекин, презус в кригсрехте с позитивным для последнего приговором.

Не поверив на слово В.П. Шереметеву в ответственности полковника за смерть (в 1731?) «от калмык» капрала, посланного будто бы за лекарством для лошадей за 70 верст в Сергиевск, где снадобья заведомо не было, Комиссия осуществила особо сложные изыскания. Было удостоверено, что на заброшенных заводах, в действительности бывших от Черемшанских форпостов в 7 верстах, серу и селитру «для государевых нужд» берут поныне. А о вылазке степняков, порубивших тогда же весь Кондукчерский редут, не знали ни в одном из закамских полков, командированные отсюда «в разные посылки» погибли тоже.

Не менее решительно были опровергнуты и серьезные, с точки зрения «артикулов», обвинения Ф.А. Доригни в «ослушании команд», в произошедшие из-за чего «непорядки» были втянуты чуть ли не все офицеры Вологодского и Луцкого полков, что судьи справедливо отнесли на счет противоречивости приказаний вышестоящих инстанций. И, наконец, был вынесен вердикт об отсутствии его сопротивления властям 18 февраля 1733 г., когда наученный тем же Деламотом, уже майором Луцкого полка наряд потерпел фиаско в «своде» с его двора И. Воротникова. Спровоцировать шум и свалку, в которой, как доходчиво намекнули подпрапорщику Н. Косачеву, «вы бы де хотя его и закололи», удалось. Но все закончилось проколотым шлафором так и не обнажившего шпаги полковника, после чего драгуны разбежались.

Добившись их признания и отослав «с экстрактом» в Военную коллегию «для сочинения» наказания, Комиссия, правда, не приняла аналогичных мер к Деламоту, который не признался ни в чем. Его отпустили «к полку» лишь с неким подобием определения, что он «не без подозрения находится», а о Х. Крецмаре, донесения которого на Ф.А. Доригни заочно признали ложными, отдельно не высказались вовсе. Но тактике двойных стандартов к впавшим в злоупотребления служащим разного социального состояния, на примере чисто «статских» следственных

комиссий, отмеченном еще Ю.В. Готье²⁷, здесь не приходится удивляться и потому, что иной подход обернулся бы «завязыванием новых дел». А этого члены Комиссии Б.-Э. Траутфеттера, по примеру своих гражданских коллег, тщательно избегали, делая все для сужения и так весьма скромно очерченных в их учредительных актах полномочий. Откуда и с готовностью удовлетворенное Сенатом «предложение» (от 16 июля 1735) «отставить» почти треть поступивших к судьям «дел» и отклонение из прочих 12-ти тех «пунктов», которые легко было оценить как «маловажные», «посторонние», «к оправданию неприличные» и т. д.

Как бы то ни было, Ф.А. Доригни был оправдан по всем статьям, кроме найденных в июньских 1731 г. рапортах В.П. Шереметеву «непристойных и насмешных и отчасти до его чести касающихся слов» на запрос о трех драгунских женах. То есть ответ, что «ведомости» о приказе профосу «выгнать» жаловавшихся генерал-лейтенанту женщин по «артикулу 175 о нетерпении при полках блудниц» посылать не надлежало, а надлежало, напротив, «верить ему», «ибо де он полковник, поверенный полком». И «ведомость» вследствие гневной отповеди на это В.П. Шереметева, с кем, когда и сколько раз перечисленные женщины «чинили блуд» с припиской, что если «ее недовольно», то по возвращении в полк всех отлучных «впредь более возмутся»²⁸.

О мотивах данной сентенции можно спорить. Но однозначно, что в полагающееся по ней наказание (телесное или в виде лишения чина) Генеральный кригсрехт зачел содержание с 14 мая 1733 г. под арестом по «делам», в которых не был виноват, постановил его освободить и по публичном извинении перед В.П. Шереметевым «отослать по-прежнему в команду». После чего резонно полагал свою задачу выполненной и, внося в Сенат предусмотренные материалы, запросил о сдаче в его архив всех имеющихся «дел»²⁹.

Сенат 2 сентября 1736 г. приговорил «учинить так, как оными сентенциями присуждено», и 12 сентября отослал доклад об этом к высочайшему утверждению, дополнительно поддержав августовскую челобитную Ф.А. Доригни о его отставке с награждением генерал-майорским рангом за долговременную службу³⁰. Но, к своему явно выраженному в «журнале» от 4 января 1737 г. удивлению, получил из Кабинета е. и. в. не дежурную конфи-

мацию, а предложение переслать «кригсрехт» с собственным сообщением по нему Б.-Х. Миниху. Из комплекса сенатских бумаг с декабря 1736 по апрель 1737 г.³¹ можно сделать вывод, что сенаторы³² отчасти сопротивлялись беспрецедентной «разметке» гр. А.И. Остермана о передаче решения высшего государственного учреждения с титулом «Правительствующий» на «усмотрение» главы Военной коллегии как подчиненного органа, для проверки действий которого и возникло само «дело». Обороты же инициировавших его челобитных об «уничтожении» там «государственных прав» самим причинением напрасных страданий на всем его протяжении воспринимались как фигура речи, а не как «касательство коллегии ругательными словами» или непочтение к фельдмаршалскому званию.

Однако не помогли ни аргументы Б.-Э. Траутфеттера – Ф.И. Эмме, что об исследовании по существу самих челобитных Ф.А. Доригни в Комиссии ничего не было в указе о ее образовании, а «ответствие» перед ней Б.-Х. Миниха с другими присутствующими членами, которого бы такое исследование потребовало, «по военным правам... неприлично». Ни еще одна сенатская поддержка как-то подсказанной полковнику новой челобитной о возвращении в службу без притязаний на повышение. Ни безусловно имевшая место и, может быть, осуществленная установка «советовать с господами кабинет-министрами». «Сообщение» последних в Сенат от 5 апреля 1737 г. признало уважительными лишь «причины» против апелляции к Военной коллегии, недвусмысленно обозначив содержание той «сентенции», которую теперь сам Сенат обязан был подготовить «по показаниям его, доригниевым».

Ее подготовку 24 (27) мая 1737 г. целиком возложили на производившего «прежнее дело» Ф.И. Эмме, который виртуозно справился с его переводом в русло «дерзновенных предосудительных слов» и «ложного довода». (Поскольку об аресте Ф.А. Доригни Коллегия распоряжалась «регульно», по «протестам от генералитета», по которым он «уже находился подозрителен». А «доказать имянно», в чем состояло персональное «нападение» от «коллежских членов» и «препятствие в объявлении об интересе», цель покрыть покушение на который Х. Крецмара вроде бы преследовали его поощряемые сверху доносы, было заведомо нереально).

Предрешенность сенатской «сентенции» от 9 сентября 1737 г.³³, известная вынужденность которой, наверное, повлияла на уже бессмысленную уничтожительность определений о лишении Ф.А. Доригни «вместо наказания» всех чинов и ссылке «вечно в Сибирь», в комментариях не нуждается, хрестоматийно укладывавшаяся в рамки народных сентенций типа «закон, что дышло» или «был бы человек, а статья найдется». Вопросы вызывает, скорее, подоплека позиции, артикулированной А.И. Остерманом, мрачная репутация которого в исторической памяти в изложенном «деле» находит документальное подтверждение. Но сколько-нибудь внятных ответов на них ни изученные материалы, ни политический или культурологический контекст (в той мере, в какой они знакомы автору), к сожалению, не дают. Самое рациональное предположение, которое приходит на ум, – это своеобразная переключка Комиссии о Ф.А. Доригни и ее завершения в Сенате с тоже сенатским Воинским судом 1723–1724 гг. Там «командиры» Военной канторы в генерал-майорском и полковничьем рангах были (тоже, кстати, с подачи М.М. Голицына) наказаны штрафом и лишением чинов на год за техническое нарушение порядка передачи указов в Украинский корпус³⁴. Но в петровской комиссии просматривается шаг (пусть и единственный) к развертыванию кампании за уважение институтов власти и протокола их функционирования (в, казалось бы, пустых его формальностях) самими служащими, безразлично военными или гражданскими, которая была декларирована через знаменитое решение «ссоры» 1723 г. вице-канцлера Г.Г. Шафирова в Сенате с его обер-прокурором Г.Г. Скорняковым-Писаревым. В аннинское же время, при множестве указов по повышению уровня административной дисциплины, других похожих акций не наблюдается, а для публичного «примера» в этом роде рядовой полковник, постоянно «обретающийся» на периферии империи, вряд ли был подходящей кандидатурой.

Под афиширование курса на уравнивание русских и иноземцев в служебных правах, тоже отражавшегося в законодательстве, Ф.А. Доригни «подвести» не легче, раз А.И. Остерман от имени государства «защищал» от него Б.-Х. Миниха, опираясь на юридические способности и политическую гибкость Ф.И. Эмме. Да и незаметно в его «деле» признаков «показательного процесса» или поползновений придать ему даже ограниченный об-

щественный резонанс, которого оно и не приобретает. Осужденного тихо и обыденно доставляют (7 июля 1738) в Тобольск, а оттуда в Енисейск, где он содержится «против прочих ссылочных» вплоть до амнистии 1741 г.³⁵

Хронологически последним из доступных сейчас актов о восстановленном в чине полковнике он был 28 июля 1741 г. назначен «в Ялуторовский дистрикт командиром»³⁶. В должность – не позднее 4 августа – вступил и, сохранив твердость почерка, в том же месяце приказывал «разослать в остроги и слободы подчиненным командирам» достигший Ялуторовска указ об «увольнении от воинских и статских дел» фельдмаршала Б.-Х. Миниха, который совсем скоро станет «бывшим»³⁷. С большой долей вероятности Ф.А. Доригни дождется³⁸ вестей о падении почему-то погубившего его А.И. Остермана или даже изменит собственную участь. Но это уже догадки, от которых остается только перейти к досужим размышлениям о превратности человеческих судеб вообще или, в популярной сегодня терминологии, «тайнах русской истории», редко милостивой к тем, кто слишком уверен в своей способности защитить свои «права» лучше других.

¹ Не вдаваясь в историографический экскурс, укажем лишь фундаментальную монографию Н.Н. Петрухинцева «Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 гг.» (СПб., 2001), которая дала мощный импульс плодотворному исследованию названной проблематики и другими учеными.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 499. 404 л.

³ Там же. Л. 27–27 об.; Опись именным высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в. / Сост. П. Баранов. СПб., 1872. Т. 2. № 5172; далее: Баранов П.И.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 156, 163 и далее. Т.е., с некоторыми изменениями относительно первоначально намеченного персонала, зачастую «списком» переносившегося в другие официальные «бумаги». Ср.: Там же. Л. 27–27 об.; Кн. 2096. Л. 13; Баранов П.И. Т. 2. № 2096.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 36, 39, 132 об. и др.

⁷ Там же. Л. 137–243.

⁸ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Первого. СПб., 1878.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 298–298 об.

¹⁰ Любопытно, что по крайней мере переговоры о переезде Ф.А. Доригни в Россию велись как раз в период активной работы над его, по М.П. Розенгейму, военно-уголовной и процессуальной частями. В составленном в Военной коллегии «Списке по старшинству» он числится полковником с 10 декабря 1715 г.

(РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 39), а его недатированное прошение о бригадирском ранге (с упоминанием копенгагенского индигента 1720 г.) помещено при «разборе» корреспонденции Кабинета Петра I в «книгу» 1716 г. (вопреки верной датировке его в самой ранней из описей императорской «архивы» 1720 г. (200-летие Кабинета его императорского величества, 1704–1904: Историческое исследование / Сост. В.Н. Строев и П.И. Варыпаев. СПб., 1911. Прил. С. 75)).

¹¹ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 3. Л. 234–235.

¹² РГВИА. Ф. 2. Оп. 2/1, ч. 2. Л. 277–277 об.; Розентгейм М.П. Указ. соч. С. 199–200; Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. М., 2004. С. 139, 275–276.

¹³ ПСЗ. Т. 8. № 4733.

¹⁴ Что подтверждается его первоначальными контактами с французской дипломатической миссией: Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра Кампредона с 1719 по 1722 г. / Под наблюд. Г.Ф. Штендмана. СПб., 1884. С. 89–90, 96, 124–125.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 22–22 об., 60, 105 об.

¹⁶ Там же. Л. 11–12.

¹⁷ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 / Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1893. С. 279–283 (Сб. Рус. ист. общества, т. 84); РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 10–10 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 6–9 об.

¹⁹ Там же. Оп. 32. Л. 232, 236; Тычина Н. Чекин Ф.Г. // РБС. СПб., 1905. Чаадаев–Швейков. С. 120–121.

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 22–22 об., 103–105 об.

²¹ Противопоставив его «протесту» 1731 г. на имя И.-Б. Вейсбаха свой «протест» в Военную коллегию, который до создания Генерального кригсрехта 1735 г. последствий не имел.

²² Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1905. С. 314 (Сб. Рус. ист. общества, т. 120); далее: Бумаги Кабинета. Сб. РИО.

²³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 18–22; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 120. С. 312, 317–318.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 19 об.

²⁵ Там же. Оп. 98. Кн. 7706. Л. 395.

²⁶ Более 10 свидетелей и участников событий были доставлены в столицу, а получение письменных «ответов» причастного генералитета и военнослужащих, бывших в «походе», обеспечила Военная коллегия.

²⁷ Готье Ю.В. Следственные комиссии о злоупотреблениях местных властей // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. СПб., 1909.– и др. его работы на ту же тему.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 135, 249, 251.

²⁹ Там же. Л. 132–12 об., 135–135 об.

³⁰ Там же. Л. 301–395 об.

³¹ Там же. Л. 319–329. Некоторые из этих и позднейших документов, отражающих излагаемые пережития, опубликованы: Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. / Подгот. А.Н. Филипповым. М., 1910–1911. Ч. 1. С. 11–12, 90, 256, 376, 427–429; Ч. 2. С. 21, 233; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 59, 171, 203, 627; Т. 120. С. 311–329.

³² Фельдмаршал кн. И.Ю. Трубецкой, генерал-аншеф А.И. Ушаков, действительные тайные советники кн. Ю.Ю. Трубецкой и бар. Г.Г. Шафиров, тайные советники гр. М.Г. Головин и А.Л. Нарышкин, камергер кн. Б.Г. Юсупов.

³³ Донесение подано 23 октября 1737 г., высочайшая резолюция дана 15 апреля 1738 г.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 362–391.

³⁴ Бабич М.В. Указ. соч. С. 343–344.

³⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 499. Л. 392–401.

³⁶ Там же. Л. 404–404 об. Назначение состоялось вследствие сенатского приговора от 12 (13) марта 1741 г. о его «употреблении в Сибирской губернии к делам, к каким способен,... чтоб он мог пропитание иметь»: Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. // Сенатский архив. СПб., 1890. Т. 3. С. 73–74, 467.

³⁷ РГАДА. Ф. 1016. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 20, 47–47 об.

³⁸ Достоверно он служит в Ялуторовске еще 19 декабря 1741 г. (РГАДА. Ф. 1016. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 11), более поздних документов по региону в обрывающейся на декабре архивной коллекции «из дел с известным титулом» в нашем распоряжении нет.

А.В. Багро (Игнатьева) (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ВОЙСКА «В ПОХОДЕ ВОИНСКОМ КАЗЫКЕРМЕНСКОМ»*

СТАТЬЯ ставит перед собой задачу введения в научный оборот нового материала по военной истории Российского государства конца XVII в.

После подписания Вечного мира 1686 г. с Речью Посполитой и вступления в Священную лигу для Российского государства стал актуальным вопрос противостояния с Османской империей, в том числе с Крымским ханством. Эти планы вскоре вылились в Крымские походы, не принесшие, однако, успеха. Во время первого Азово-Днепровского похода 1695 г. по указу Петра I была проведена операция под совместным руководством «ближнего боярина и воеводы Белгородского и наместника Вятцкого Бориса Петровича Шереметева и гетмана Войска Запорожского обеих сторон Днепра Ивана Степановича Мазепы» по завоеванию турецких крепостей Казикермен, Мустриткермен, Исламкермен и Мубереккермен, которые закрывали выход в низовьях Днепра в Черное море.

Историки при расчетах отправленного под Казикермен войска опирались на нарративные источники, вследствие чего эти данные утвердились в историографии. Впервые И.И. Голиков в «Деяниях Петра Великого...»¹ указал количество российской армии как 100 тысяч человек, хотя ссылки на источник в его книге нет. О.П. Оглоблин² и Н.И. Костомаров³ говорят о 100-тысячной соединенной армии, а Н.И. Устрялов, ссылаясь на донесение агента Священной Римской империи германской нации в Москве О.А. Плейера императору о событиях Азовского по-

* Статья приводится в авторской редакции.

хода от 4 января 1696 г., увеличивает цифру войска Шереметева до 120 тысяч человек⁴. За Н.И. Устряловым повторяет те же сведения А.И. Заозерский, таким образом, объединенное войско должно было бы превышать обозначенное количество в 120 тысяч человек⁵.

Цифру «сто тысяч» можно объяснить так: часто даже современник события, когда не знает точного числа войска, но хочет подчеркнуть его большое количество, использует характеристики «несметное количество» или «стотысячное войско», хотя совсем не обязательно войско составляет именно сто тысяч человек. Другая цифра – 120 000 – помимо сообщения немецкого агента, иногда трактуется историками как численность объединенного войска⁶, таким образом, 20 тысяч из общего числа должны были составлять войска Мазепы. Почему именно 20 тысяч? Предположительно, по аналогии с походом на Азов в 1696 г., в котором, действительно, принимали участие украинские казаки. (В Малороссийском приказе сохранились документы, в которых Петр просит у Мазепы указанное количество войск для похода, но в итоге гетман отправил только 15 тысяч⁷.) Если учесть, что в походе 1696 г. принимали участие казаки шести полков⁸, а в походе на Казыкермен участвовали все десять городских полков и охотничьи войска, становится ясно, что 20 тысяч войск в 1695 г. – цифра ошибочная. В связи с тем, что не сохранились данные о количестве казацкого войска, отправленного на Казыкермен, нельзя документально подтвердить или опровергнуть количество 100–120 тысяч, но нам кажется, что эта цифра завышена.

Вероятно, чтобы объяснить причину поражения под Азовом в 1695 г., еще при Петре принято было подчеркивать значительную разницу в количестве войск, отправленных на Дон и на Днепр. Однако утверждение, что Азов был главной целью похода, при этом туда было отправлено в 3 или 4 раза меньше войск, не логично. Зачем было для отвлекающего маневра и сдерживания татарских сил, которые только с большой долей вероятности могли помешать штурму Азова, выделять такое большое войско? Иногда это утверждение обосновывают тем, что под Азов Петр отправил самую боеспособную армию так называемого «нового строя», а под Казыкермен выслал конные войска «старинного московского устройства»⁹, т. е. дворянскую конницу и

казаков. Но, если исходить из анализа смотренных списков в войске¹⁰, тезис не соответствует действительности.

Считается, что в полки «нового строя» входили рейтарские и копейные войска (конные), состоявшие из дворян, а также драгунские (конные) и солдатские (пешие), в которые входили «охочие» свободные люди и даточные. Соответственно полки «старого строя»: дворянская конница (ополчение), стрельцы. Согласно этому принципу российское войско Шереметева, отправленное под Казикермен, было укомплектовано в основном полками «нового строя», которое составляли рейтарские полки Белгородского разряда, московские чины (т. е. рейтары), Белгородский копейный полк и полк Смоленской шляхты, а также солдатские полки Белгородского разряда и Смоленский солдатский полк. Стрельцы участвовали в походе, но их количество было относительно не велико (пять полков).

Можно предположить, что активное распространение заведомо ложной информации о том, что огромное войско собирается отправиться в поход именно на Крым, и, таким образом, скрыть второе направление удара на Азов, было воспринято как действительные данные. Возможно, этой информации поверили иностранные послы и информаторы, как, например, Плейер, на основе донесения которого появилась в историографии завышенная цифра.

На основе архивных документов Разрядного приказа рассмотрим, какие силы составляли российское войско под Казикерменом. Большое количество войск, отправленное на Днепр, историки объясняют тем, что согласно плану похода в войско Шереметева должны были войти Севский, Белгородский, Путивльский и украинские слободские полки¹¹. Однако на деле, исходя из анализа документов Разрядного приказа, боярин и воевода возглавлял значительно меньше людей. Ни Севский разрядный полк Петра Лукича Львова, ни Путивльский полк под Казикерменом не были.

Основным звеном войска Шереметева стал Белгородский разрядный полк. Для сравнения с 1695 г. приведем известные данные по данному полку: согласно росписи 1699 г. Белгородский разрядный полк состоял из одного копейного, 6 рейтарских, 11 жилых солдатских и 2 новоприборных солдатских полков¹², в 1697/98 г. по списку в нем числилось 53 114 служилых лю-

дей. Однако в 1695 г. не все полки из этого Разряда принимали участие в осаде и штурме Казыкермена, так как часть войск была оставлена для отражения возможного татарского нападения, а часть солдат отправлена в Воронеж на строительные работы.

Расчеты даны на основе документов Разрядного приказа, озаглавленных как «Выписка перечневая великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев ратных московских и иных всяких чинов людем, сколко каких чинов на их великих государей службе в полку боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева так ж в полку князя товарища ево боярина и воеводы думного дворянина и воеводы Семена Протасевича Неплюева в Кезыкерменском походе было с приезде до отпуску. И оставлено во взятом турецком городе Тавани, и во время над Кезыкерменем воинского промыслу ранено и побито и в том походе померло, и поворотясь ис того походу отпущено ис полку в дома их, и сколко каких же чинов в том Кезыкерменском походе не было, и оставлено у переправы реки Днепра для береженья стругов, и за болезни оставлено ж у Орла городка и в Белоогоороде, и отпущено ис полку в Белогород и в дома их, так ж московских чинов сколко послано ис полку к великим государем к Москве с отписки, и в полке к товарищу ево боярина и воеводы к думному дворянину и воеводе к Василью Петровичю Вердедевскому, и ис полку бежало, и сколко на их великих государей службе в полк к нему боярину и воеводам по наряду не бывало, и в домех померло, и то писано в сей перечневой выписке по чином, и по полком, и по городом по розны ниже сего»¹³.

Согласно документам, Белгородский разрядный полк, отправленный в поход, составляли:

- Белгородский копейный полк, в который входили наиболее родовитые помещики из числа рейтар (1427 человек, в том числе 31 – начальных людей и 1196 – копейщиков);

Четыре из шести рейтарских полков (не вошли Курский и Мценский полки), формировавшихся по территориальному принципу, а именно:

- Белгородский рейтарский полк (1053 человека),

- Обоянский рейтарский полк (1069 человек),

- Ливенский рейтарский полк стольника и воеводы Ильи Дмитриева Мамонова (912 человек),

- Козловский рейтарский полк думного дворянина и воеводы Семена Протасьеви́ча Неплюева (1093 человека).

Всего 147 начальных людей и 7103 рейтара.

Как отмечено в документе, всего конных людей было 5554 человека.

Семь жилых солдатских полков из 11 существующих (не вошли Мценский, Козловский, Курский и Ефремовский полки), а именно:

- Белгородский солдатский полк (1276 человек),
- Яблоновский солдатский полк (1237 человек),
- Старооскольский солдатский полк (955 человек),
- Хотмышский солдатский полк (1518 человек),
- Ливенский солдатский полк (1124 человека),
- Добренский солдатский полк (1159 человек),
- Усмонский солдатский полк (924 человека).

Солдаты (как и перечисленные ниже стрельцы) были доукомплектованы даточными солдатами, мобилизованными именно для этого похода (так называемые «поддаточные»), которые по окончании военных действий отпускались домой.

Помимо этого в походе участвовали стрельцы, солдаты, пушкари, казаки и другие категории служилых людей, состоящие в «полковой» службе Белгородского разряда:

- Белгородский полк городов в полку думного дворянина и воеводы у Семена Протасевича Неплюева (148 человек);
- Курские новокрещенные калмыки и донские, яицкие и орешковские кормовые казаки и выборные комышники и очередные (425 человек);
- Белгородский жилой стрелецкий полк (1145 человек);
- Курский жилой стрелецкий полк (954 человека).

Белгородский и Курский жилой стрелецкий полки были также увеличены в размерах за счет даточных солдат.

К Белгородскому приказу относились слободские полки Черкасских полков (5896 человек):

- Сумского,
- Ахтырского,
- Харьковского,
- Изюмского,
- Острогожского.

Всего по спискам в Белгородский разрядный приказ входило 22 315 человек.

В войско Шереметева помимо большей части Белгородского полка, отправленного в поход, входила также небольшая часть Московского разрядного приказа:

- московские чины (поместная конница, рейтары) (1584 человека),

- полк московских стрельцов (1117 человек).

Всего по росписи из числа Московского разрядного приказа в походе участвовал 2701 человек.

Также участие в походе принимала часть Смоленского разрядного полка:

- Полк смоленской шляхты («полк Смоленского шляхецкого генерала майора Костянтинова полку Лярского») (636 человек), особый корпус, с собственными выборными командирами. Дополнительным подтверждением участия данного полка в походе является опубликованный «Список со смотренного списка Смоленской шляхты полку боярина Бориса Петровича Шереметева бывшего в Ыкерманском (?) походе 1695 г.»¹⁴ В документе перечислены те же самые 7 рот, прибывшие в Белгород 25 апреля, в том числе «Белская шляхта, что пишутся Смоленскою, и Рословская шляхта».

- Смоленский стрелецкий полк (684 человека),

- Смоленский жилой стрелецкий полк (937 человек),

- Смоленский жилой солдатский полк (1568 человек).

Все три смоленских полка были увеличены за счет даточных солдат.

Всего по спискам в Смоленский разрядный приказ входило 3825 человек.

Таким образом, по росписным спискам в войско Шереметева, отправленное под Казыкермен, входило 28 841 человек. Однако из текста документа понятно, что не все указанные в списках люди были задействованы непосредственно при осаде и штурме крепости (в списке указано, «сколко каких же чинов в том Кезыкерменском походе не было, и оставлено у переправы реки Днепра для береженья стругов, и за болезни оставлено ж у Орла городка, и в Белогороде, и отпущено ис полку в Белогород и в дома их», «послано ис полку в Белгород для провожанья хулого ружья и для присылок в приставы, оставлено в Белгороде для короуду козенных анбаров», «бежало со стругов, по наряду в полк не бывало, быв ис полку бежало, идучи в полк с дороги

бежало»). В связи с этим можно назвать другое количество человек, которые непосредственно находились под стенами крепости Казикермен: 25 273 человека¹⁵.

Отметим, что в росписи указано число людей, «во время над Кезикерменем воинского промыслу ранено и побито и в том походе померло», эти данные могут стать основой отдельного исследования.

Возникает закономерный вопрос: могли ли остальной частью войска, численностью, как указывают историки, в 100–120 тысяч человек, участвующего в сражении под Казикерменом, помимо 30 тысяч войска Шереметева (при грубом округлении) быть украинские войска гетмана Мазепы?

Списки украинских войск, отправленных под Казикермен, аналогичные спискам войска Шереметева, не были обнаружены в архивах. Считается, что не сохранилось документов с реестрами украинских казаков последнего десятилетия XVII в., численность отдельных полков неизвестна, поэтому количество казаков не представляется возможным подсчитать. Только один украинский историк Т.В. Чухлиб указывает предполагаемое количество войск, принимавших участие в данном походе, – 40 тысяч человек, с учетом левобережных, охотничьих и запорожских казаков¹⁶.

Однако нами найдены документы, в которых перечислены раненые и убитые казаки в результате Казикерменского похода¹⁷. Эти данные можно использовать для вычисления тех полков украинских казаков, которые принимали участие в походе, и, таким образом, предположить численность войска Мазепы.

В состав войска гетмана входили городовые полки (реестровые) и наемные (охотничьие) полки, а также запорожцы. В походе принимали непосредственное участие все десять городских полков: Нежинский, Полтавский, Гадяцкий, Миргородский, Стародубский, Прилуцкий, Переяславский, Лубенской, Черниговский, Киевский. Наемная часть войска Мазепы была также важным элементом гетманского войска¹⁸. Наемные полки, или «охотничьие», подразделялись на пешие войска, которые назывались «сердюцкие», и конные – назывались «компанейские».

Согласно Коломацким статьям, реестр казаков составлял 30 тысяч. Это количество должно было быть пересмотрено после подписания Московских статей в 1689 г.¹⁹ Но точного числа согласно новому реестру найти не удалось. В.Н. Заруба считает,

что в реальности количество казаков было значительно меньше, а, по мнению историка В.А. Дядиченко, количество реестровых казаков достигало 40–50 тысяч человек²⁰.

По вопросу численности наемного войска И.П. Крипякевич отмечал, что во время гетманства Мазепы было 5 полков пехотных и 5 конных охотничьих полков, которые насчитывали по 500–600 человек²¹. Однако О.Г. Сокирко придерживается другого мнения, что количество наемных полков до начала XVIII в. сохранялось неизменным – 7 полков: 5 пехотных и 2 конных²². Он приводит данные по численности охотничьих войск до 1688 г. (приблизительно 6 тысяч человек) и считает, что до первой половины XVIII в. охотничье войско насчитывало около 7 тысяч человек, а численность реестровых казаков составляла около 30 тысяч²³. Указанное историком количество полков соответствует данным документов 1695 г., в которых число «конных охотных и пехотных полковников» – семь человек²⁴, при этом соотношение полков иное: четыре конных и три пехотных полка²⁵.

В тексте другого архивного документа с «грамотой к гетману о посылке военных людей под Азов» в 1696 г. Мазепа ссылается на то, что боеспособного и укомплектованного войска у него менее 30 тысяч²⁶.

На службе Мазепы были также запорожцы, об этом идет речь во многих царских указах кошевому атаману²⁷. Действительно, запорожцы участвовали в походе, однако в каком количестве, неизвестно. Есть только упоминание, что запорожцы «немалым собранием из Сечи своей пошли на лодках под те бусурманские крепости»²⁸. Можно предположить, что запорожцев было на службе в 1695 г. аналогичное количество, как в 1696 г. под Азовом, когда их насчитывалось 2 тысячи человек²⁹.

Еще необходимо упомянуть, что в войско Мазепы входили полк стрелецкий стольника и полковника Григорья Ивановича Анненкова и полк московских стрельцов стольника и полковника Степана Матвеевича Стрекалова, которые по указу Петра служили в Батурине и находились в распоряжении гетмана³⁰. Об этой службе неоднократно упоминают в своих письмах Стрекалов («по их де великих государей указу был он Степан и с полком своим на их великих государей службе при гетмане Иване Степановиче Мазепе под Казыккерменем»³¹) и Анненков («в прошлом государи 203 году по вашему великих государей ука-

зу был я холоп ваш с полком на вашей великих государей службе в военном Казыкерменском походе, в полку вашего царского пресветлого величества подданого Войска Запорожского обоих сторон Днепра у гетмана Ивана Степановича Мазепы, и город Казыкермень добывали»³²). Полк Стрекалова составлял 656 человек стрельцов. Оценить количество человек в полку Анненкова сложнее, потому как в документах указано только 50 человек стрельцов, отправленных в поход с кормовыми запасами из гетманской казны³³. Сохранились в архивах имена капитанов, пятидесятников, десятников и рядовых стрельцов из этих полков, которым была особая похвала от царей за их службу.

Таким образом, с учетом того, что часть войска казаков принимала участие в штурме Азовской крепости в 1695 г., то под Казыкерменом под предводительством гетмана могло быть войско в количестве примерно 35 тысяч человек. Из этого следует, что всего в походе под Казыкермен союзное войско Шереметева и Мазепы могло составлять 65 тысяч человек, но отнюдь не 100 или 120 тысяч человек.

¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1837. Т. 1. С. 263.

² Оглоблин О.П. Гетьман Иван Мазепа та його доба. 2-е доп. вид. Нью-Йорк – Київ – Львів – Париж – Торонто, 2001. С. 71–100.

³ Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 83–85.

⁴ Устрялов Н.И. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 223–224.

⁵ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М.: Наука, 1989. С. 52.

⁶ Заруба В.Н. Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ: ПП Ліра ЛТД, 2003. С. 383; Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 114; Аваков П.А. Мазепа и Азовские походы Петра I: Историографические мифы и реальность прошлого // Украинский кризис: предпосылки, формы и проявления: Материалы круглого стола (1 октября 2014 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2014. С. 194.

⁷ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 3. № 102. Л. 54 об.; Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 19. № 198. Л. 14; Сокирко О.Г. Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. К.: Темпора, 2006. С. 90.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 19. № 198. Л. 14.

⁹ Устрялов Н.И. Указ. соч. С. 223–224; Заозерский А.И. Указ. соч. С. 52.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6д. № 167. Приездные списки служилых людей разных чинов, полков и городов, ведавшихся Белгородским столом, участвовавших «в воинском промысле над Казыкерменом», с приложением списков пегчиков, убитых и раненых этого похода. Л. 1174 а–1279.

- ¹¹ Заозерский А.И. Указ. соч. С. 383; Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720. К., 1855. Т. 3. С. 273; Літопис гадацького полковника Григорія Грабянки / Пер. із староукр. К.: Т-во «Знання» України, 1992. С. 155.
- ¹² Великанов В.С. К вопросу об организации и численности российских вооруженных сил в 1699 г. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции, 15–17 мая 2013 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 335–350.
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. бд. № 167. Приездные списки служилых людей разных чинов, полков и городов, ведавшихся Белгородским столом, участвовавших «в воинском промысле над Казыкерменом», с приложением списков нетчиков, убитых и раненых этого похода. 1282 л.
- ¹⁴ Список со смотренного списка Смоленской шляхты полку боярина Борис Петровича Шереметева бывшего в Ыкерманском (?) походе 1695 г. (Электронный ресурс.) URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Spisok_smolensk_sljachty_1695/text.htm (Дата обращения: 24.12.2014); РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. № 7. Л. 1. Опубликован в: Смоленская шляхта. Т. II. Списки шляхты, хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов. (Историческая библиотека Б.Г. Федорова, Кн. 9). М.: Российское экономическое общество, 2006. С. 154–179.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. бд. № 167. Приездные списки служилых людей разных чинов, полков и городов, ведавшихся Белгородским столом, участвовавших «в воинском промысле над Казыкерменом», с приложением списков нетчиков, убитых и раненых этого похода. Л. 1174 а–1279.
- ¹⁶ Чухліб Т.В. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. К., 2010. С. 405.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. № 84.
- ¹⁸ Крип'якевич І.П. Історія Українського Війська. Ч. II. Запорозьке Військо. Львів: Видання Івана Тиктора, 1936. С. 256; Таирова-Яковлева Т.Г. Указ. соч. С. 56.
- ¹⁹ Таирова-Яковлева Т.Г. Московські статті гетьмана Івана Мазепи // Український археографічний щорічник. К., 2006. Вип. 10/11. С. 451.
- ²⁰ Заруба В.Н. Ор. cit. С. 90. Дядиченко В.А. Участь українських козацьких полків в Азово-Дніпровських походах 1695–1696 рр. // Наукові записки Інституту історії України АН УРСР. К., 1952. Т. 4. С. 251.
- ²¹ Крип'якевич І.П. Ор. cit. С. 257.
- ²² Сокирко О.Г. Ор. cit. С. 97.
- ²³ Ibid. С. 143.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 3. № 102. Л. 26 об.–43 об.
- ²⁵ Там же. Оп. 2. № 75. Л. 106 об.–107.
- ²⁶ Там же. Оп. 3. № 102. Л. 53–54 об.
- ²⁷ Там же. Оп. 2. № 75. Л. 157 об.–158 об.
- ²⁸ Там же. Л. 98–102.
- ²⁹ Там же. Оп. 3. № 102. Л. 55.
- ³⁰ Там же. Оп. 2. № 75. Л. 95–97 об.
- ³¹ Там же. Л. 168 об.–172.
- ³² Там же. Л. 244–246.
- ³³ Там же. Л. 168 об.–172.

С.В. Барчевский (Москва)

КЛИНКОВОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ВЬЕТНАМА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА. ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

АБСОЛЮТНОЕ БОЛЬШИНСТВО предметов вьетнамского холодного оружия, хранящихся в музейных и частных коллекциях всего мира – это церемониальные мечи и сабли XIX – первой половины XX вв. По вьетнамской классификации означенный период практически точно совпадает с эпохой правления династии Нгуен (1802–1945). Этот правящий дом пришел к власти, серьезным образом реформировав сухопутные силы, артиллерию, военный флот, инженерное и фортификационное дело при помощи военных специалистов из Франции. Уже в начале XIX в. вьетнамские сабли приобрели французские элементы конструкции и декора, которые сохранились до середины прошлого столетия¹.

Но атрибуция вьетнамского холодного оружия XIX – первой половины XX вв. вызывает затруднения у специалистов-оружиеведов по другой причине – его нередко принимают за китайское. Это неудивительно – к началу интересующего нас периода «северное доминирование» в культуре, образовании, политике и военном деле имело место на протяжении уже более 2000 лет. Однако, несмотря на явное преобладание китайского влияния, вьетнамцы приняли и творчески переработали достижения оружейной культуры Камбоджи, Таиланда, Франции и Японии².

Здесь необходимо сделать важное отступление, прямо относящееся к бытованию и сохранности дошедших до нас предметов холодного оружия. С середины XIX в. Франция начала колониальное наступление на Вьетнам, закончившееся полным подчинением в 1885 г. Французские власти постоянно проводили кампании по разоружению коренного населения – по колониальному

законодательству за изготовление и распространение холодного оружия полагалось 5 лет тюремного заключения и штраф от 100 до 1000 пиастров³. Сильнее всего пострадала южная часть Вьетнама – Кохинхина. Она была объявлена колонией и целиком и полностью подчинялась французской администрации. В средней части, Аннаме, формально была сохранена власть вьетнамского императора (правители Камбоджи и Лаоса, также входивших во Французский Индокитай, формально продолжали оставаться его вассалами) со всем подобающим штатом административных и придворных чиновников, императорскими гвардейцами и телохранителями. Северная часть, Тонкин, находилась – опять-таки, чисто формально – под совместным управлением французской администрации и чиновников императора⁴.

Для нас важно то, что в соответствии с традиционными китайскими установлениями, которым стремилась соответствовать династия Нгуен, каждого вьетнамского чиновника в официальной обстановке сопровождал положенный по рангу штат помощников и слуг. Среди них обязательно находились и люди, несущие установленное по чину число мечей или сабель. Отчасти таких служащих можно назвать и телохранителями, но безусловно основной их функцией было соблюдать церемониал и своим присутствием вызывать почтение (а можно сказать, и страх) простого народа.

Неудивительно, что подавляющее большинство сохранившихся образцов вьетнамского холодного клинкового оружия – это богато украшенные церемониальные мечи и сабли периода правления династии Нгуен.

Пожалуй, первое, с чего стоит начать при атрибуции вьетнамских предметов – обилие в отделке чеканного серебра (гораздо реже – посеребренной латуни). Часто из него сделаны все детали металлического прибора оружия, как мечей, так и сабель. В Китае для этих целей использовали сталь, а позднее (с конца XVIII – начала XIX вв.) преимущественно латунь.

Совершенно выдающимся является использование красной меди – из нее нередко изготавливали черены рукоятей, гарды и ножны. Их инкрустировали серебром и латунью и патинировали в благородный коричнево-красный цвет⁵.

Стоит обратить внимание, что во вьетнамском оружии гораздо чаще, чем в китайском, использовались редкие и драгоценные

материалы – черепаховый панцирь, перламутр, слоновая кость. По мнению автора, это связано с меньшей по сравнению с Китаем регламентацией вьетнамского служащего сословия. При этом такие типичные китайские приемы, как оклеивание шкурной ската и обвязка рукоятей шнуром сыкоу, не нашли себе применения.

Кроме перечисленного, во Вьетнаме применялись и уникальные местные материалы – молочные бивни слонят, поперечные спилы коренных зубов слона и четыре вида ценных пород твердого дерева. На этом стоит остановиться подробнее. В процессе роста слонята меняют бивни (которые являются измененными по форме резцами) на взрослые⁶. Получаются практически готовые рукояти холодного оружия – выпавшие бивни имеют длину около 300–400 мм, диаметр 20–30 мм, небольшие утолщения на окончаниях, кроме того они полые внутри. Коренные зубы слона при поперечном распиле имеют очень красивую слоистую структуру, напоминающую лучшие сорта декоративных камней. В Европе, куда кроме Вьетнама они попадали из Индонезии, их иногда называли «драконо-вый зуб». Деревья, древесина которых считалась особо ценной, это лим (вьет. Lim, лат. *Erythrophleum fordii* Olive), чак (вьет. Trác, лат. *Dalbergia cochinchinensis*), гу (вьет. Gù, лат. *Sindora tonkinensis*) и чай (вьет. Chai, лат. *Dipterocarpus*). Для работы с ценными породами дерева требовалось специальное разрешение⁷. Черены и ножны из такого дерева обычно богато инкрустировались серебром и перламутром.

Из конструктивных особенностей, присущих вьетнамскому клинковому оружию, необходимо отметить особую форму уплотнительной муфты, своим простым симметричным вырезом отличающуюся и от китайской тунькоу, и от японской хабаки. Чаще всего эта же форма выреза повторялась и на металлических деталях прибора ножен, что уже в целом характерно для Юго-Восточной Азии. Как было отмечено выше, еще в самом начале эпохи Нгуен устройство и отделка сабель подверглись заметному французскому влиянию. Появилась защитная дужка с характерным изгибом, навершие в виде стилизованной львиной головы, в пасти которой крепился конец дужки, а наконечник ножен получил гребень, оканчивающийся скрученным в шарик завитком⁸.

Декоративное оформление клинкового оружия Вьетнама также имело специфические элементы, позволяющие с высокой степенью уверенности отличать его от китайских предметов.

Одним из таких излюбленных мотивов являлись вьющиеся побеги винограда. В стилизованной форме их очень часто гравируют на клинках, более натуралистично, с листьями и гроздьями плодов, изображали на ножнах. Причина популярности винограда в том, что его цепкие, настойчиво тянущиеся к свету побеги были символом активной мужской энергии, упорной борьбы за место под солнцем, а гроздья ягод – многочисленного мужского потомства, продолжателей рода⁹.

Нередко среди декоративных элементов встречаются изображения атрибутов даосских святых (меч, свитки, музыкальные инструменты и т. д.), перевязанных длинными развевающимися лентами. Упругие извивы этих лент прямо ассоциируются с побегами винограда и символизируют поток энергии, исходящей от волшебных предметов. В китайских изображениях ленты если и присутствуют, то лишены динамики.

Очень часто на вьетнамском оружии имеются изображения дракона. Помимо всех тех положительных смыслов, которые связываются с ним в Восточной и Юго-Восточной Азии, дракон является мифическим предком и покровителем вьетнамского народа. Характерным является изображение с картушем со стилизованным иероглифом во рту (одной из многочисленных разновидностей иероглифа 壽 шоу – кит. долголетие, бессмертие)¹⁰. С усилением французского влияния связывают один из стилей изображения дракона – превращение его зооморфной формы в растительный орнамент. Прием, популярный в европейском искусстве начиная с эпохи позднего Возрождения, вполне мог быть передан вьетнамским ученикам в Школе прикладного искусства, открытой французами в Ханое в 1924 г.¹¹

Рамка-картуш со стилизованными знаками посреди растительного орнамента – нечастый, но специфический элемент декора вьетнамского оружия. Любое изображение иероглифа в этой стране уважалось, вероятно, даже больше, чем в Китае.

Таким образом, по совокупности конструктивных признаков, примененных материалов и использованных декоративных мотивов, по мнению автора, можно со значительной степенью уве-

ренности атрибутировать предметы вьетнамского клинкового оружия XIX – первой половины XX вв.

¹ Rodell Scott M. Vietnamese Sword // The Asian Art Newspaper. Vol. 2. Issue 7. 1999. May.

² Там же.

³ Васильева В.Я. Индо-Китай. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 176.

⁴ Там же. С. 169–170.

⁵ Нгуен Фи Хоань. Искусство Вьетнама. Очерки истории изобразительного искусства. М.: Прогресс, 1982. С. 123.

⁶ Сведения получены автором от кандидата биологических наук В.И. Жегалло.

⁷ Нгуен Фи Хоань. Указ. соч. С. 74.

⁸ Rodell Scott M. Op. cit.

⁹ Волшебный мир узоров. Энциклопедия орнаментальных мотивов Юго-Восточной Азии. М.: PRINT HOUSE, 2003. С. 51.

¹⁰ Нгуен Фи Хоань. Указ. соч. С. 116.

¹¹ Там же. С. 77.

Е.В. Бей (Москва)

ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ В.А. СУХОМЛИНОВ: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА Первой мировой войны заметно оживила научную общественность, а в дискуссиях все чаще стали затрагивать роли отдельных личностей государственных и военных деятелей этого грандиозного конфликта. Одним из таких персонажей, о котором пойдет речь в данной статье, является бывший военный министр Российской империи генерал от кавалерии генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов (рис. 1).

11 июня 1915 г. – в разгар войны – военный министр был снят с должности и шесть месяцев провел в заключении в Петропавловской крепости. После Февральской революции Временное правительство вновь арестовало его, чтобы с 10 августа по 12 сентября провести позорный показательный судебный процесс. На Сухомлинова свалили все недостатки подготовки России к войне, объявив его ни много ни мало «германским шпионом». Суд

Рис. 1. Военный министр генерал от кавалерии генерал-адъютант В.А. Сухомлинов (1911–1912)

признал доказанными девять из десяти предъявленных обвинений, включая измену, и приговорил экс-министра к полной утрате прав и бессрочной каторге¹. Министр иностранных дел Великобритании лорд Эдвард Грей в разговоре с председателем Государственной думы по этому поводу справедливо высказался: «Ну и храброе у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра»². Действительно, случай в истории беспрецедентный и не укладывающийся в голове, но тогда парадокс выглядел правдоподобно.

Сейчас несомненно одно: В.А. Сухомлинов многое сделал для пользы русской армии. При нем Военное министерство было наиболее творческим и результативным по количеству коренных реформ в армии в сравнении с деятельностью предшественников. Известный историк и политолог А.И. Уткин обращает внимание на то, что во главе русской армии, в отличие от большинства других армий того времени, стояли не генералы-аристократы, а специалисты. И тот гигантский скачок в развитии вооруженных сил, который совершила Россия в период между Русско-японской и Первой мировой войнами, состоялся во многом благодаря военному министру В.А. Сухомлинову, которого он назвал вождем «простолюдинской» фракции российского генералитета³. И с этим трудно не согласиться. «Сухомлинов... не родовитого дворянства, не княжеского или графского рода, мелкий дворянин он на девять десятых обязан самому себе, своим способностям, усидчивости, прилежанию, энергии и настойчивости тем, что, в конце концов, дошел до самых верхушек служебной лестницы, стал военным министром величайшего в мире государства», – отмечал В. Невский в своем предисловии к первому изданию мемуаров генерала в Советском Союзе в 1926 г.⁴

В.А. Сухомлинов занял пост военного министра в непростое и противоречивое время, когда в острых дискуссиях решались вопросы о путях дальнейшего военного строительства. Кардинальные перемены затронули практически все области военного дела: организацию высших органов военного управления, структуру вооруженных сил, техническое оснащение армии, боевую подготовку и многие другие отрасли, повысившие боеспособность армии.

В самом общем виде реформы касались трех аспектов: личного состава, стратегии и техники. К сожалению, все они оказались

под влиянием существенного сдерживающего фактора – отсутствия широких финансово-экономических возможностей страны. Именно поэтому центр тяжести многих преобразований лежал в более выгодной новой организации армии, что позволило военному министру, не отягощая государственного бюджета, сделать значительный шаг вперед в деле укрепления обороноспособности страны⁵.

Сухомлиновские реформы в сочетании с введенным в 1906 г. сокращением срока военной службы по призыву (что увеличило на 25 % число обученных мужчин на случай войны) обеспечили оптимальное использование личного состава резерва. Когда в августе 1914 г. разразилась европейская война, в России почти треть сразу мобилизованных пехотных подразделений была сформирована из «скрытых кадров». Эта система не помогла России одержать победу в первые шесть месяцев войны, однако, вероятнее всего, именно она предотвратила поражение русской армии в этой же начальной фазе военных действий. Очень скоро второочередные дивизии даже в выполнении важных оперативных задач (которых по положению на них возлагать не полагалось) сравнялись с полевыми и далеко превзошли своими качествами резервные дивизии времен Русско-японской войны⁶.

В вопросах стратегии традиционная оценка Сухомлинова сводится к характеристике его как разрушителя милютинско-обручевской системы. Однако следует понимать, что в России того времени не было выработано единой военной доктрины, единого понимания способов ведения войны и военных действий. Система, заложенная военным министром Д.А. Милютиним еще в 1873 г., предусматривавшая возможность обороны по линии крепостей против Германии и наступления на Австро-Венгрию при десанте на Босфор, не соответствовала ни международному и стратегическому положению России, ни уровню развития военной техники и военной мысли к концу десятых годов XX в.⁷

Военный министр разоружил фортификационные позиции в так называемом «передовом театре» (Привислинском крае), т. е. треугольнике крепостей Варшава, Новогеоргиевск, Зегрж. Исходя из текущего состояния армии, Сухомлинов позволил себе открыто говорить в правящих кругах о неизбежности отступления в случае войны с Германией. Отсюда его план укрепления отдельных польских крепостей и переброски войск, расположенных

в Царстве Польском, на линию Пермь-Вологда, который устранил, с одной стороны, расходы на ненужные крепости, неспособные устоять перед современным артиллерийским огнем, с другой – давал возможность сконцентрировать армию для успешного действия против австро-германских войск⁸. И здесь интересна не только его верная, по сути, позиция (учитывая плачевное состояние западных крепостей), но и дар предвидения: через 30 лет, уже в ходе боев 1939–1940 гг. на Восточном и Западном фронтах, судьбы сражений во многом решала авиация, но никак не крепости – устаревшие польские или вполне современные французские, бельгийские и голландские⁹.

Третьей целью проводившихся Сухомлиновым реформ была военная техника. Сухопутная война в Маньчжурии продемонстрировала важность недооцененных типов оружия, а именно пулеметов и горной артиллерии. В первые двенадцать месяцев пребывания Сухомлинова на посту его министерство приняло на вооружение две новые гаубицы; значение мортирной и тяжелой артиллерии также было учтено, и если проводилось в жизнь в минимальных размерах, то исключительно по финансовым соображениям¹⁰. Были сделаны первые крупные заказы на пулеметы 1909 г. выпуска, которые стали значительно легче и, следовательно, по своим тактико-техническим характеристикам превосходили старые модели¹¹. Число пулеметов в арсенале армии, составлявшие накануне Русско-японской войны приблизительно 1000 единиц, к 1914 г. возросло до 4000, хотя и эта цифра была на 17 % меньше положенной нормы¹².

Сухомлинов также, как выяснилось, обладал достаточным воображением, чтобы предвидеть военное использование моторизованного транспорта и авиации. Именно при нем появились и получили дальнейшее развитие совершенно новые виды и рода войск. Историк справедливо замечает: «...поколение пятидесятых годов, из которого вышли большинство генералов Первой мировой войны, совершило гигантский скачок из прошлого в будущее: от лошадей к автомобилям, самолетам и телефонам»¹³. Так, например в 1910 г. была создана первая учебная автомобильная рота, ставшая вскоре центром автомобильно-технического обеспечения войск и образцом для создания автомобильной службы русских вооруженных сил вообще (рис. 2). Необходимо понимать, что под стандартным строевым названием «ро-

**Рис. 2. Николай II и генерал В.А. Сухомлинов обходят
моточасти учебной автомобильной роты после пробега
Петербург-Москва-Петербург (Новый Петергоф. 12 июня 1912 г.)**

та» в стране появился первый испытательный, исследовательский и учебный центр, впоследствии преобразованный в первую в России Военную автомобильную школу¹⁴. В предвоенный период Россия успешно экспериментировала с броневыми автомобилями. Предложение Сухомлинова о сформировании «бронированной пулеметной автомобильной батареи» положило начало существованию блиндированных (т. е. защищенных стальной броней) автомобилей в русской армии и формированию первой в мире броневой части¹⁵ (рис. 3, 4).

Нельзя не отметить успехи, достигнутые в новом для России – авиационном деле. Сухомлинов в своей докладной записке императору «О предложениях постановки и развития воздухоплавательного дела в русской армии» 19 ноября 1911 г. подчеркивал, что «Военное ведомство должно направить ныне все усилия для скорейшего снабжения армии самолетами»¹⁶. 10 мая 1912 г. вступил в силу закон об отпуске средств на формирование авиационных отрядов и укомплектование их материальной частью, а 12 августа по военному ведомству был издан приказ, согласно которому вводился в действие штат воздухоплавательной части Главного управления Генерального штаба. С возник-

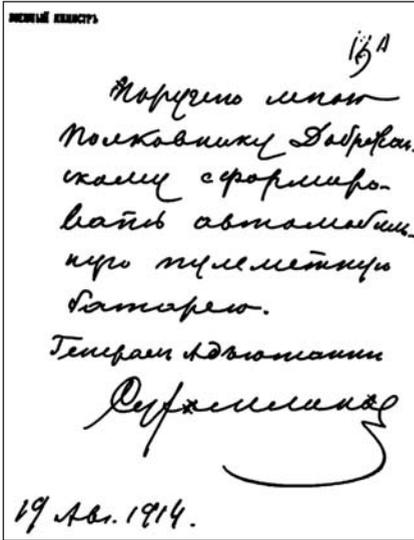

Рис. 3. Записка военного министра с распоряжением о формировании «автомобильной пулеметной батареи», положившая начало бронесилам в России

Рис. 4. Точная копия броневедомителя «Руссо-Балт» 1914 г. 1-й автомобильной пулеметной роты Русской императорской армии –возле здания Центрального музея современной истории России. Москва, 2011 г.

новением в русской армии единого органа, руководившего воздухоплаванием и авиацией, последняя практически выделилась в самостоятельный род войск (рис. 5) (правда, находившийся еще в подчинении у Главного инженерного управления). Эта памятная дата указом президента Российской Федерации 1997 г. № 949 была официально установлена как День Военно-воздушных сил.

В 1914 г. Сухомлинов лоббировал вопрос постановки на вооружение четырехмоторного стратегического самолета-разведчика и бомбардировщика «Илья Муромец», созданного талантом молодого авиаконструктора И.И. Си-

корского. Это событие определило начало создания в русской армии тяжелой стратегической бомбардировочной авиации¹⁷. «Илья Муромец» постоянно модернизировался и выпускался различными сериями. По своим летно-техническим характеристикам эти

Рис. 5. Военный министр поздравляет поручика Е.В. Руднева – одного из первых военных летчиков – с успешным полетом. 1913 г.

самолеты вплоть до 1917 г. считались непревзойденными в мире. Каждая машина приравнивалась к боевому отряду со всеми положениями и штатами¹⁸. Всего Военное министерство передало заводу 82 заказа на постройку этих самолетов¹⁹ (рис. 6).

Накануне Первой мировой войны военный министр принял решение об объединении имеющихся 39 авиационных отрядов (244 боевых самолета) в единые авиационные войска, однако законодательного оформления эта мера не получила. В то же время, создание в России авиационной службы позволило успешно применять самолеты в начавшейся крупномасштабной войне.

Рис. 6. Самолет-гигант гениального русского конструктора И.И. Сикорского – «Илья Муромец»

За годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны, Сухомлинов разработал и провел в жизнь четыре программы перевооружения армии – одну в 1910 г., две в 1913 г. и еще одну в 1914 г. Как можно было ожидать, в совокупности четыре плана перевооружения требовали выделения только на сухопутные силы в течение десяти лет дополнительного миллиарда рублей сверх обычных расходов. Как следствие бюджетные расходы страны резко возросли. К примеру, расходная часть бюджета России в 1913 г. составила 3094,2 млн р. (в 1900 г. – 1459,3 млн р.). Самыми крупными статьями расхода являлись военные нужды: в общей сложности на эти цели ассигновалось около 28 % (для сравнения: в 1913 г. в Германии, Англии и Франции соответственно расходовалось 27, 35 и 27 %) государственных средств. К 1914 г. Россия тратила на нужды армии и флота 965 млн р. – сумма эта почти на 33 % превышала те 643 млн р. из бюджета 1909 г., когда Сухомлинов занял свой пост. Экстраординарный рост военных расходов сыграл решающую роль в выходе российской промышленности из периода экономического кризиса²⁰.

Начавшаяся война не дала возможности осуществиться многим мероприятиям последней – «Большой программы», полное выполнение которой намечалось к 1 ноября 1917 г., а главной части, связанной с артиллерией, к 1 апреля 1917 г.²¹ И все же, несмотря на это, к началу войны мобилизованная русская армия достигала на всех фронтах грандиозной цифры: 1830 батальонов, 732 эскадрона и 6720 орудий²². Спустя девять лет после неудачной Русско-японской войны в России была подготовлена грозная по численности вооруженная сила, не уступавшая соединенной силе двух наиболее опасных врагов, Германии и Австро-Венгрии²³.

Но была ли Россия действительно готова к войне, как об этом заявлял Сухомлинов в нашумевшей статье под боевым заголовком: «Россия хочет мира, но готова к войне»?²⁴ Субъективно военный министр не лгал: армия действительно была готова к крупномасштабному конфликту, но только к тому, на который рассчитывали генеральные штабы всех крупных держав Европы. То есть сроком не более 6 месяцев. Еще в записке 1909 г. Сухомлинов утверждал, что политические и экономические условия жизни соседей России не допускают возможности ведения дли-

тельной борьбы. Поэтому программа перевооружения русской армии строилась в расчете на краткосрочную войну, на возможность создать в ее начале превосходство сил для решительного и быстрого наступления и ведение боевых действий за счет подготовленных заранее запасов вооружения и боеприпасов²⁵. Бесспорно, для ведения такой войны Военное министерство действительно сумело поднять вооруженные силы на общеевропейский уровень, что само по себе было превосходным результатом, если вспомнить, в каком беспомощном состоянии Российская империя находилась после революции 1905–1907 гг. – и в материальном, и в финансовом отношениях.

Именно поэтому уже в эмиграции генерал Сухомлинов имел все основания отметить: «Прежде всего, вопрос – готовы ли мы были к войне? В 1909 году не только безусловно не готовы были, но наша армия находилась в полнейшем развале. В 1914 году же в ней порядок и боеспособность оказались восстановленными настолько, что к выступлению в поход продолжительностью от четырех до шести месяцев никаких сомнений не возникало»²⁶. «Генерал Сухомлинов абсолютно прав, – отмечает М.В. Оськин. – Накопленные запасы артиллерийских боеприпасов закончились ровно на пятый месяц войны (первые требования Ставки о радикальной экономии снарядов – декабрь 1914 г.), а последние запасы были расстреляны в Карпатах еще за три месяца – к апрелю 1915 г.»²⁷ Сухомлинов также вполне справедливо указывал на неправомерно большое расходование запасов фронтами, где оружие и снаряды исчезали в невиданных количествах. На некоторых участках безответственные командиры относились без должного внимания и расчета к использованию техники и боеприпасов. По крайней мере, очевидцы свидетельствуют, что с полей битв русские (в отличие от немцев) оружие не собирали. Лишь год-полтора спустя, встав перед проблемой нехватки оружия, командиры стали выдавать премии за нахождение готовой к бою винтовки.

К 1914 г. русская армия имела мобилизационные запасы почти в полном соответствии с утвержденными нормами, хотя сами эти нормы и оказались заниженными. И, конечно же, эти нормы не могли учесть ни грандиозных масштабов конфликта, ни беспрецедентной скорости расходования орудийного снаряжения.

Военный министр России был не один в своих просчетах, считая, что война продлится не более 4–6 месяцев. Подобные ошибки не являлись специфическими особенностями ни русской армии, ни ее Генерального штаба в целом, а также особенностями отдельных личностей. Все были уверены, что при «технике XX века» экономика любой страны длительную войну выдержать не сможет. Этот «психоз», или «состояние умов», охвативший военные верхи Франции и Германии, не говоря уже о Великобритании, не мог не затронуть и Россию, которая, будучи союзницей Франции, имела с ней постоянные совещания по военным вопросам в предвоенные годы.

Во второй части статьи хотелось бы остановиться на эмигрантской жизни экс-министра, она во многом не известна – в отличие от его государственной деятельности на родине, судя по многочисленным архивным источникам²⁸. Неудивительно, что ограниченность в достоверной документальной информации привела к неточностям и искажениям исторических фактов, которые до сих пор можно встретить в отечественной и иностранной литературе.

Итак, Октябрьская революция застала Сухомлинова в Петропавловской крепости. Поначалу новый режим мало чем облегчил жизнь заключенного. Однако уже 1 мая 1918 г. по декрету большевистского правительства бывший военный министр был освобожден по амнистии, как достигший семидесятилетнего возраста.

Вскоре по бывшей столице прокатилась новая волна массовых репрессий²⁹. Многие из тех с кем Сухомлинов до недавнего времени находился в заключении (бывшие министры внутренних дел Н.А. Маклаков, А.Н. Хвостов, министр юстиции и последний председатель Государственного Совета – И.Г. Щегловитов, директор департамента полиции С.П. Белецкий), были этапированы в Москву, где в Петровском парке их публично расстреляли³⁰.

При таких условиях оставаться в Петрограде стало не безопасно. Сухомлинов отчетливо понимал, что не сегодня – завтра он мог вновь очутиться не только в тюрьме, но и «на том свете», тем более что его фамилию стали называть как случайно избежавшего расстрела. Поначалу он скрывался на одной из мансард в Коломне³¹, а затем и вовсе решил покинуть Советскую Россию.

Как и большинство беженцев, Владимир Александрович воспользовался близостью Петрограда к финляндской границе. Вечером 22 сентября он отправился на Финляндский вокзал, где сел в поезд до станции Белоостров, располагавшейся на южном берегу пограничной реки Сестры. 24 числа, переправившись через реку, Сухомлинов оказался на финской станции Раяйоки³².

К этому времени в Финляндию уже прибыли дворяне самых благородных кровей, интеллигенция, политики и чиновники, крупные предприниматели, высокопоставленные офицеры. Можно упомянуть, что кузен Николая II великий князь Кирилл Владимирович приехал в Финляндию еще весной 1917 г. Из бывших министров здесь находился А.Ф. Трепов, возглавивший в Гельсингфорсе³³ «Особый комитет по делам русских в Финляндии». А в ночь на 19 октября 1918 г. на вокзале Раяйоки объявились бывший премьер-министр В.Н. Коковцов с супругой.

Лиц, пытавшихся проникнуть нелегальными путями в Финляндию, оказалось так много, что погранкомендант капитан К.Н. Рантакари еще в сентябре заявил о своем единоличном решении пропускать их в страну. Сенат поддержал это решение, и границу открыли³⁴. Было очевидным, что люди могли проникать в Финляндию, минуя пограничную охрану, с этим не могли совладать ни подразделения регулярной Красной армии, ни финская пограничная стража.

О появлении на станции Раяйоки бывшего военного министра было доложено погранкоменданту, который в свою очередь перевез его в Терийоки³⁵. Далее Сухомлинов отправился в Гельсингфорс, после того как получил официальное разрешение властей прибыть в финскую столицу.

Судя по вышедшим в Гельсингфорсе нескольким небольшим очеркам Владимира Александровича, логично предположить, что в Финляндии он пробыл несколько лет, вплоть до 1920 г.³⁶ Несмотря на значительный поток эмигрантов, на постоянное жительство в недавно еще русской Финляндии оставалось мало представителей высшего света и интеллигенции. Многие из них задержались в финском государстве на год-два, но затем покинули его в 1920-х гг., отправляясь дальше на запад. Крупные центры континентальной Европы притягивали к себе более широкими горизонтами.

Переехав в Германию и окончательно обосновавшись там, Владимир Александрович в одиночестве заканчивал свой век на чужбине. Практически вся эмиграция отвернулась от генерала, и мало кто из русских поддерживал отношения с бывшим министром.

Обозленный несправедливостью по отношению к себе, Сухомлинов попытался реабилитироваться. В своих трудах, написанных «по памяти», он не стеснялся в выборе слов и фраз в критике своих недругов, не исключая и лиц императорской фамилии. Как следствие, эти работы не только не реабилитировали экс-министра, а еще больше усилили критические отзывы, звучащие в его сторону.

«Erinnerungen» («Воспоминания» – нем.) вышли в декабре 1923 г. на немецком языке. В январе 1924 г. объемный том книги был напечатан на русском языке уже по новой орфографии в «Русском универсальном издании» в Берлине. А в 1926 г., как уже отмечалось, в СССР вышло переиздание – вероятно, тут ко двору пришлись диатрибы генерала против либералов, буржуазии, Временного правительства и т. д. В 1925 г. в Берлине вышла следующая работа Сухомлинова – брошюра о великом князе Николае Николаевиче. В так называемых «Очерках за рубежом» автор перешел все границы такта, из-под его пера вышел, по сути, полемический труд дурного тона³⁷.

Известный русский писатель и прозаик Р.Б. Гуль, описывая эмигрантскую жизнь в Берлине в своих мемуарах, в том числе упоминает о визитах бывшего военного министра Сухомлинова в немецкое издательство «Таурус», где Роман Борисович тогда работал: «Он приходил к Г.Г. Блюменбергу, бывшему московскому издателю, онемеченному русскому, помогавшему ему в издании двух его книг (“Вел. кн. Николай Николаевич младший” и “Воспоминания”). Книги успеха не имели. Когда Сухомлинова хоронили на русском кладбище в Тегеле, один могильщик, бывший белый офицер, будто бы, сказал: “Ну, немецкий шпион, иди в немецкую землю”»³⁸.

Этот факт неприличной сцены на похоронах также нашел свое отражение в воспоминаниях последнего дворцового коменданта генерал-майора В.Н. Воейкова: «Нашелся милый соотечественник, позволивший себе, к великому возмущению присутствовавших, даже в такую минуту возразить архиерею в резкой фор-

ме и сказать по адресу покойного несколько грубых слов. Этот факт свидетельствует о том, как сильно действует на людей массовый психоз, заставляя их повторять с чужих слов то, о чем они ровно никакого понятия не имеют и в чем даже разобраться не хотят»³⁹.

Ошибочных представлений, связанных с рассматриваемой персоналией, сколько угодно. Даже в новейшем переиздании мемуаров В.А. Сухомлинова в предисловии отмечается, что в эмиграции бывший военный министр поселился в пригороде Берлина на вилле у Ванзе, и в 1923–1926 гг. был консультантом по восточноевропейским вопросам при главном штабе рейхсвера⁴⁰. Необходимо пояснить, что основой для такого поспешного вывода, скорее всего, послужила книга советского журналиста-историка М.К. Касвинова, в которой, помимо вышесказанного, также утверждается, что Сухомлинов, «некогда совмещавший шпионаж с должностью российского министра», теперь в роли консультанта «помогал группе Секта-Брахучича-Фрича отрабатывать планы нападения на Советский Союз»⁴¹.

Большинство источников указывают, что Владимир Александрович умер в Берлине. Все его современники, так или иначе, сходятся в этом мнении⁴². Сегодня с достоверностью можно утверждать, что жизнь бывшего военного министра в эмиграции была полна превратностей и злоключений, он постоянно бедствовал, проживал в ужасных условиях и даже голодал. Впрочем, таковой участи не смогли избежать многие из эмигрантов первой волны.

После переезда в Германию, где Сухомлинову предоставили статус беженца, он на некоторое время поселился в Вандлице – небольшом местечке, расположившемся недалеко от шумного Берлина⁴³. В свое время Вандлиц стал прибежищем многих известных личностей. Одной из известных резиденций был гостевой дом семьи Польстеров по адресу Прецлауэр шоссе, 205. Об этом свидетельствуют и обширные записи старой гостевой книги, недавно найденной при реконструкции здания. Третья запись в книге сделана Владимиром Александровичем и датирована январем 1924 г.⁴⁴

По утверждению начальника отдела культуры Вандлица – доктора Клаудии Шмидт-Райтен (dr. Claudia Schihid-Rathjen), докторально изучившей историю и культурное наследие своего

муниципалитета, Сухомлинов недолго прожил у Польстеров. Вскоре он перебрался в небольшой дом, который предоставила в его распоряжение семья одного русского офицера⁴⁵.

За время проживания в Вандлице с 1923 по 1924 гг. Сухомлинов завершил и подготовил к изданию свои мемуары (предисловие книги подписано: «November 1923 – Wandlitzsee»). Особенно холодная зима 1923–24 гг. серьезно подорвала здоровье 75-летнего старика. В конце концов, он заболел и некоторое время проживал в больнице и санатории⁴⁶.

Сухомлинов умер 2 февраля 1926 г. в берлинской городской больнице, скорее всего от приступа, так как последние годы «тяжело болел сердцем»⁴⁷. Похоронили бывшего генерала на русском православном кладбище в Тегеле (6-й ряд, 4-й квартал, 17-е место) в западном секторе германской столицы (ул. Виттештрассе, 37).

Следует также отметить, что в годы Второй мировой войны русскому кладбищу был нанесен колоссальный ущерб. Во время восстановления комплекса были вновь насыпаны свыше 150 могильных холмиков и поставлено около 50 могильных крестов⁴⁸.

Повидимому, могила Сухомлинова также пострадала от многочисленных бомбежек и впоследствии была восстановлена. Но, к сожалению, была допущена ошибка, которая не исправлена и по сей день. На деревянном восьмиконечном кресте датой смерти Владимира Александровича указано – 2 ноября, что не соответствует действительности (рис. 7). В учетной карточке захоронения, хранящейся в картотеке храма Святых Елены и Константина, датой кончины отмечено – 2 февраля 1926 г.⁴⁹ (рис. 8).

Рис. 7. Могила В.А. Сухомлинова. Берлин, кладбище в районе Тегель в западном секторе германской столицы

На деревянном восьмиконечном кресте датой смерти Владимира Александровича указано – 2 ноября, что не соответствует действительности (рис. 7). В учетной карточке захоронения, хранящейся в картотеке храма Святых Елены и Константина, датой кончины отмечено – 2 февраля 1926 г.⁴⁹ (рис. 8).

В заключение необходимо отметить, что в оценке русского генералитета времен Великой войны произошел существенный сдвиг. Высший командный состав теперь характеризуется не только по конечному – пораженческому – результату его деятельности. В данном случае ответственность падает в равной степени на все верховное правительство России. Историки видят в генералах прежде всего профессионалов своего дела. Кризис же армии в большей степени представляется прямым следствием коренных противоречий в российском обществе и ошибок высшего политического руководства страны. В свою очередь мы попытались представить личность генерала Сухомлинова в несколько ином, не столь привычном негативном освещении. Представлять его в виде абсолютно положительного персонажа было бы, разумеется, некорректно, однако проявить в его оценке немного терпимости будет не лишним.

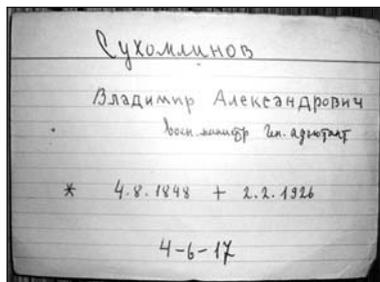

Рис. 8. Учетная карточка захоронения В.А. Сухомлинова из церковной картотеки на более чем три тысячи анкет, составленных персонально на каждого похороненного

¹ Генерал В.А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы: сборник документов. М., 2014. С. 488–497; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 163. Л. 162–172 об.

² Цит. по: Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992. С. 200.

³ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002. С. 114; Войтехович К.Г. Высший командный состав Российской императорской армии в годы Первой мировой войны в освещении современной российской историографии // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения. Мн., 2011. С. 23–27.

⁴ Невский В. Предисловие // Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 6.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6659. Л. 41.

⁶ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в начале XIX века. М., 1986. С. 13–14.

⁷ Айрапетов О.Р. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2004. Т. 1. С. 128.

⁸ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 7–8.

⁹ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 104.

¹⁰ Барсуков Е.И. Русская артиллерия в мировую войну. Т. 1. М., 1938. С. 29.

- ¹¹ Из Всеподданнейшего доклада по Военному министерству о мероприятиях и состоянии всех отраслей военного управления за 1911 год // Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). М., 2004. С. 356–363.
- ¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2290. Л. 11.
- ¹³ Стоун Н. Первая мировая война. Краткая история. М., 2010. С. 18.
- ¹⁴ Кирилец С.В., Канинский Г.Г. Автомобили Русской Императорской армии. «Автомобильная академия» генерала Секретева. С. 62.
- ¹⁵ Коломиец М.В. Броня русской армии. Бронеавтомобили и бронепоезда в Первой мировой войне. М., 2008. С. 40.
- ¹⁶ Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России (период до 1914 г.). М., 1981. С. 200.
- ¹⁷ 10 декабря (23 декабря – по новому стилю) 1914 г. Является днем рождения российской тяжелой авиации.
- ¹⁸ Бычков В. Русский воздушный богатырь // Крылья Родины. 1987. № 2. С. 32.
- ¹⁹ См.: Цыкин А.Д. От «Ильи Муромца» до ракетносца. М., 1975; Сытин Л.Е. Все об авиации. М., 2011.
- ²⁰ Подробнее об этом см.: История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. М., 2013. Т. 1. С. 581–582.
- ²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 302. Л. 23–27.
- ²² Зайончковский А.М. Подготовка России к Мировой войне. М., 1926. С. 94.
- ²³ Численность вооруженных сил по окончании мобилизации составила: Россия – 5 461 тыс. человек, Германия – 3 882 тыс. человек, Австро-Венгрия – 2 300 тыс. человек. (Верховский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1964. С. 44–45).
- ²⁴ Россия хочет мира, но готова к войне / Биржевые Ведомости. (Вечерний выпуск). № 14027. 1914. 27 февр.
- ²⁵ Авдеев В.А. В.А. Сухомлинов и военные реформы 1905–1912 годов // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. М., 2003. С. 277.
- ²⁶ Сухомлинов В.А. Великий Князь Николай Николаевич. Берлин, 1925. С. 19.
- ²⁷ Оськин М.В. Первая мировая война. М., 2010. С. 36–37.
- ²⁸ Собранные в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 962. Оп. 1, 2) обширные материалы следственного дела В.А. Сухомлинова позволяют считать его личным фондом бывшего военного министра.
- ²⁹ Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре».
- ³⁰ Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 22.
- ³¹ Коломна – один из старейших районов Санкт-Петербурга. Во второй половине XIX в. эта часть города активно застраивалась доходными домами.
- ³² Раййоки (Rajajoki) – железнодорожная станция; в описываемое время находилась на финляндской территории на правом берегу пограничной реки Сестры, в километре от станции Белоостров. Во время Великой Отечественной войны станция подверглась полному уничтожению и более не восстанавливалась.
- ³³ Тельсингфорс (Helsingfors) – шведское название финского города Хельсинки (Helsinki). В 1812–1917 гг. столица и крупнейший город Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Расположен на юге страны, на берегу Финского залива Балтийского моря.

- ³⁴ Неваляйнен П. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 63–64.
- ³⁵ Терийоки (Terijoki) – до 1939 г. финская деревня, входившая в состав Финляндии; ныне Зеленогорск – дачно-курортный пригород Санкт-Петербурга.
- ³⁶ Сухомлинов В.А. Письмо товарищу эмигранту. I. Гельсингфорс, 1919; Он же. Письмо товарищу эмигранту. II. Гельсингфорс, 1920.
- ³⁷ Сухомлинов В.А. Очерки за рубежом. Великий Князь Николай Николаевич (младший). Издание автора. Берлин, 1925.
- ³⁸ Гуль Р.Б. «Я унес Россию». Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1984. Т. 1. С. 5.
- ³⁹ Воейков В.Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936. С. 320.
- ⁴⁰ Лукашевич А.М. Предисловие // Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005. С. 34, 45.
- ⁴¹ Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1989. С. 56.
- ⁴² Наверное, исключением является профессор Рейн, который в воспоминаниях отмечает, что Сухомлинов скончался в санатории под Дрезденом. (Рейн Г.Е. Из пережитого 1907–1918 гг. Берлин, 1935. Т. 2. С. 43).
- ⁴³ В коллективном сборнике трудов советских военспецов – бывших штаб-офицеров и генералов царской армии – «Великая забытая война», впервые вышедшем в 1925 г., в частности отмечается, что бывший военный министр В.А. Сухомлинов «в настоящее время» проживает в «Wandlitzsee близ Берлина». (Мартынов Е.И. Военные деятели эпохи мировой войны // Великая забытая война. М., 2009. С. 581).
- ⁴⁴ Kleines Wandlitz, große Menschen / Märkische Oderzeitung. Bernau, 2010. 17 November.
- ⁴⁵ Dr. Claudia Schihid-Rathjen. Geschichtswerkstatt Wandlitz. 2006 – Ein jahr der Jubiläen // Amtsblatt für die gemeinde Wandlitz. 2006. 15 juli. S. 41.
- ⁴⁶ Dr. Claudia Schihid-Rathjen. Wandlitz ausflugsort, urlaubsort, zufluchtsort // Wandlitzer extrablatt. 2003. Juni. S. 11; Автор выражает благодарность д-ру К.Ш. Райтен за сотрудничество и предоставленные материалы.
- ⁴⁷ См.: Смерть В.А. Сухомлинова / Руль. 1926, Берлин. 3 февр. № 1572; В.А. Сухомлинов / Дни. Париж, 1926. № 921; Умер царский военный министр Сухомлинов / Русский голос. США, 1926. 3 февр. Vol. X. № 3731; Сухомлинов / Сегодня. 1926. 4 февр. № 27.
- ⁴⁸ См., напр.: Закидальский А. Русский уголок на чужбине (Кладбищенский храм в Тегеле) // Голос Православия. Берлин, 1952. № 4. С. 63.
- ⁴⁹ За предоставленные материалы автор выражает признательность Александру Клондеру – основателю и редактору сайта «Погост Тегель». Электронный ресурс: URL: <http://www.pogost-tegel.info>

А.Н. Белков (Москва)

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ РУССКОГО ОХРАННОГО КОРПУСА НА БАЛКАНАХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В ПРЕДДВЕРИИ 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне особый интерес вызывают неоднозначные и недостаточно изученные моменты этого величайшего противостояния в истории человечества. Одним из таких вопросов является участие русских людей в войне на стороне гитлеровской Германии. Широко известный принцип, что для победы над врагом необходимо знать его, заставляет нас объективно и беспристрастно рассматривать такое явление, как русский коллаборационизм в годы Второй мировой войны. Подлинная информация без идеологических клише и политических штампов о составе и мотивации той части русского народа, которая с оружием в руках сражалась на стороне врага, поможет в перспективе избежать подобных трагедий и не допустить раскола общества.

Русский Охранный корпус в Сербии – одно из самых непримиримых антисоветских вооруженных формирований в годы войны. Поэтому особый интерес вызывает моральная мотивация его военнослужащих. Одним из источников, проливающих свет на эту проблему, является официальная периодическая печать корпуса. Рассматривая ее, необходимо вкратце осветить историю создания самого соединения.

Основу личного состава корпуса составили эмигранты, бывшие чины Белых армий. Идеологические противоречия между ними и советской властью породила Гражданская война в России. Это военно-политическое противостояние привело к тому,

что многие участники Белого движения, а также их родственники, или просто «классово враждебные элементы» вынуждены были покинуть Родину и поселиться на чужбине. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС) (с января 1929 г. – Югославия) была одна из крупнейших общин белоэмигрантов. Отечественный историк К.М. Александров отмечает, что по состоянию на 1 ноября 1925 г. IV (Югославянский) отдел РОВСа (Русский общевоинский союз) насчитывал 10 955 чинов (в том числе 6,5 тыс. генералов и офицеров), уступая по численности лишь I отделу, находившемуся во Франции¹. Кроме РОВСа в Королевстве Югославия действовали еще ряд военных и военно-политических объединений русских эмигрантов. Среди наиболее влиятельных из них следует выделить Корпус офицеров Императорской армии и флота, также в 1920 – начале 1930-х гг. в Белграде действовал «Союз участников Великой войны»². В 1934 г. была создана легитимистская монархическая организация под руководством генерал-майора М.Ф. Скородумова «Русское народное опочение» (РНО)³. С 1936-го стал функционировать Югославский отдел Русского национального союза участников войны (РНСУВ) генерал-майора А.В. Туркула и т. д. Значительное внимание в среде бывших белогвардейцев уделялось вопросам воспитания молодежи: это различные кадетские корпуса, скаутское и «сокольское» движения и военно-училищные курсы РОВС (в Белграде эти курсы возглавлял подполковник М.Т. Гордеев-Зарецкий). Следует отметить, что значительная часть эмигрантов на Балканах придерживалась правых политических взглядов и жила идеей «весеннего похода». Достаточно емко характеризует сложившиеся к тому времени ожидания высказывание одного из очевидцев: «Настроения можно было выразить фразой: «Там, за “чертополохом”⁴, осталась одна Совдепия, а вся Россия выехала за границу. И вот к этой атмосфере четко прибавилось осознание подавляющего большинства военной эмиграции: “Драться”»⁵. Подобные воспоминания сохранил и бывший корпусник Ю. Шеффер: «Мы только и ждали быть в России»⁶.

Таким образом, перед началом Великой Отечественной войны в Югославии, и в особенности в Сербии, сложилась достаточно большая группа лиц из числа бывших военнослужащих Белых армий и молодежи, прошедшей соответствующую идео-

логическую и военную подготовку, с ярко выраженными антисоветскими политическими взглядами. Большая часть этих людей встретила нападение нацистской Германии на СССР более, чем оптимистично*. Наглядным примером такого отношения стало обращение «к русскому народу и русской эмиграции». Подписали этот документ известные русские журналисты в Сербии: А.В. Ланин, Е.Э. Месснер, Е.А. Шелль, Н.Н. Чухнов и др. В нем говорилось, что «22 июня... пробил час, который, начиная с 1917 г., ожидали все национально-мыслящие русские люди... германские вооруженные силы... объявили беспощадную войну не Русскому народу и не России, а...коммунистическому интернационалу... Победа над... коммунистами... принесет Русскому народу освобождение и избавление, подлинную свободу, мир, порядок, справедливость и национальную Русскую власть»⁷. Вполне естественно, что люди с таким мировоззрением не желали оставаться в стороне от вооруженного противоборства, и уже

Рис. 1. Генерал-майор М.Ф. Скородумов в форме рядового Русского корпуса (не ранее 1943 г.)

(с № 51 от 9.12.1942 – «Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии») (рис. 2). Вот как значение этого факта оценили

12 сентября 1941 г. под руководством генерал-майора М.Ф. Скородумова (рис. 1) начал формироваться Отдельный Русский корпус (РОК)⁸. В течение сентября – октября 1941 г. проходило формирование частей корпуса. 25 ноября корпусники совместно с немцами приняли первый бой⁹, а 8 декабря 1941 г. самостоятельно отбили нападение партизан на охраняемый чинами РОК рудник «Столице»¹⁰.

Необходимость информационного сопровождения соединения понимало не только командование корпуса, но и его чины. Поэтому уже 23 декабря 1941 г. вышел в свет первый номер официального печатного органа соединения «Ведомости Охранной Группы»

* Многие эмигранты, не понимая истинной сущности нацизма, искренне считали его союзником в борьбе с большевизмом.

сами издатели «Ведомостей...» полгода спустя: «...мы вступаем во второе полугодие существования наших Ведомостей. Не делаем из этого юбилея... Но не можем не указать, что возникновению нашей газеты мы обязаны главным образом Начальнику Охранной Группы генерал-лейтенанту Штейфону. Будучи не только офицером со славным боевым прошлым ... но и выдающимся военным писателем, а также газетчиком, много лет работавшим в русских зарубежных

Рис. 2. Заголовок газеты «Ведомости Русской Охранной Группы» с автографом генерал-майора М. Ф. Скородумова

периодических изданиях, генерал Штейфон ... не мог ... не стремиться к созданию печатного органа Охранной Группы. ... и дал нам приказание пустить в ход печатный станок»¹¹.

Итак, можно выделить несколько основных условий создания официальной периодики Русского корпуса. Во-первых, исторически сложившаяся эмигрантская база, позволившая сформировать достаточно крупное воинское соединение. Во-вторых, наличие кадров, не только желающих писать, но и способных воплотить это желание на должном уровне. А также большой процент в корпусе образованных людей, для которых чтение было ежедневной потребностью. Однако, следует добавить, что для некоторых корпусников печать соединения была едва ли не единственным источником информации, так как на сербском и на немецком языках могли читать не все, а альтернативной русскоязычной периодики практически не было. И, в-третьих, ярый антикоммунизм, который и определял вектор периодической печати РОК.

Точный штат сотрудников в настоящее время установить не представляется возможным, однако достоверно, что были главный редактор и ответственный (ответственный секретарь). Должность корреспондента штатом не предусматривалась, но ряд авторов публиковался достаточно регулярно. На должность главного редактора газеты Начальник Охранной Группы генерал-лейтенант Б.А. Штейфон (рис. 3) пригласил профессора

**Рис. 3. Командир корпуса
Б.А. Штейфон**

градское отделение). Его заместителем в «Ведомостях ...» был В.К. Иванов-Гордовский. Остальные авторы публиковались на добровольной основе по согласованию с редакцией. Начиная с

**Рис. 4. Е.Э. Месснер
(послевоенное фото)**

Евгения Эдуардовича Месснера (рис. 4), с которым был знаком со времен Гражданской войны. Личность Месснера была достаточно известна на Балканах не только в эмигрантских кругах. Еще до войны он работал военным обозревателем ряда сербских и русских эмигрантских газет. Во время войны некоторое время параллельно исполнял должность редактора в сербской газете «Обнова» («Обновление») и сотрудничал с «Ново Време» («Новое Время»). Был постоянным военным обозревателем газеты «Сегодня» (Рига). Кроме журналистики Е.Э. Месснер преподавал на Высших военно-научных курсах генерала Н.Н. Головина (Белградское отделение). Его заместителем в «Ведомостях ...» был В.К. Иванов-Гордовский. Остальные авторы публиковались на добровольной основе по согласованию с редакцией. Начиная с 15 номера газета пользовалась услугами корпусного фотографа – Александра фон Лешерна. Постоянными корреспондентами газеты были в основном чины корпуса – их возраст и довоенный социальный статус имели достаточно большой диапазон. Среди них: унтер-офицер отдела пропаганды штаба корпуса Георгий Люцианович де Симон (Томин), в прошлом актер керченского театра, поручик Добровольческой армии; генерал-майор, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, интендант армии генерала Врангеля Михаил Васильевич Глаголев; старший портупей-юнкер, с сентября 1942 г. подпоручик Валентин

Валентинович Андерс; Владимир Христианович Даватц, выступавший не только в роли публициста, но и поэта, в прошлом профессор математики Харьковского университета.

Собственником и издателем «Ведомостей...» являлся корпус, так было указано в самой газете, однако необходимо учитывать, что сам РОК находился на службе у немцев, а с 1 декабря 1942 г. был включен в вермахт. Газета имела четыре полосы (хотя некоторые номера вышли на шести полосах), выходила еженедельно. Первоначально формат был немногим больше А4, а в дальнейшем он менялся в сторону увеличения, и последние номера были немногим меньше А3. В орфографии «Ведомости...» соблюдали старое, дореволюционное правописание и устаревшую лексику. С марта 1942 г. издание отказалось от использования твердого знака в конце слов для экономии места (объявление об этом помещено в № 14).

Точных сведений о тираже издания нет. Однако, исходя из того, что численность корпуса изменялась – к концу 1942 г. РОК насчитывал около 6000 солдат и офицеров, а к сентябрю 1944 г. уже 11 197 человек¹² – логично предположить, что и тираж газеты не был постоянным в течение всего времени ее выпуска. Также нужно учитывать ряд фактов. Во-первых, направление деятельности соединения, рассредоточенность подразделений и частей. Во-вторых, «Ведомости...» доставлялись не только в самые отдаленные места, где несли службу корпусники, но и в госпиталь, где они находились на излечении. И, в-третьих, издание было рассчитано, в том числе, на гражданское население (в первую очередь, членов семей и родственников чинов корпуса). И все эти категории были обеспечены печатным органом РОК, о чем свидетельствует постоянная переписка с читателями на страницах издания. Тем самым, можно предположить, что тираж газеты колебался от 1500 до 2500 экземпляров.

Редакция и типография находились в Белграде, первоначально в Русском Доме¹³ по адресу: Краљице Наталије (Королевы Натальи), 33. В № 22 было опубликовано объявление, в котором редакция просила сдать для нее комнату в центре города, из-за отсутствия дальнейшей возможности размещаться по прежнему адресу¹⁴. В следующем номере (№ 23) в заметке «Не конкуренция, а соревнование» сотрудники газеты благодарят всех, откликнувшихся на просьбу. В этом они видят желание подде-

ржать Охранную Группу, что, по мнению редакции, и является проявлением патриотических чувств. Особенно выделяется предложение редакции газеты «Новый Путь»¹⁵, которая предоставила часть своих помещений. В связи с этим редакция «Ведомостей» переехала на улицу Краля Милана (Короля Милана), 12, где и находилась все последующее время своего издания¹⁶.

Очередной номер, как правило, открывала передовица, в которой освещалось то или иное важное событие недели или информация идеологического характера. Также на первой полосе печатались новости за неделю, идеологические статьи или иная официальная информация, иногда приказы командира корпуса. Нередко статьи с первой полосы переходили на вторую и третью. Центральный разворот (2-я и 3-я полоса рассматриваемого издания) заполнялся обязательными материалами немецкой пропаганды, политико-пропагандистскими лекциями и научно-теоретическими статьями. Объемные статьи переходили из номера в номер. Так, например, статья Е. Месснера «Принципы оперативного искусства» вышла по частям в трех номерах (№ 35–37), «Лекции о национал-социализме» генерал-майора М.В. Глаголева печатались десять номеров подряд (№ 14–23), «Между русскими людьми» Р.В. Живадиновича – в трех номерах с перерывом (№ 72, 73, 75) и т. д. На четвертой полосе, реже на третьей, публиковались небольшие фельетоны Егорова Егора Егоровича (предполагаем, что за этим псевдонимом скрывался Е.Э. Месснер); разного рода объявления, как частного, так и общего характера; информация о событиях культурной жизни, отчеты о проведенных мероприятиях и финансовых расходах благотворительных организаций, так или иначе связанных с корпусом; кроме этого размещались некрологи. В целом тематику издания можно разделить на ряд условных направлений: немецкие сводки, внешнеполитическая обстановка, русские официальные материалы (приказы и распоряжения), новости из СССР, публицистика, объявления и реклама, описание службы и быта Русского корпуса.

Всего вышло 75 номеров. В заключительном номере от 26 мая 1943 г. сообщалось, что «Ведомости...» и «Новый Путь»¹⁷ объединились в одну газету, которая будет носить название «Русское Дело»¹⁸. 6 июня 1943 г. увидел свет первый номер объединенной, как было указано в подзаголовке, еженедельной русской

Рис. 5. Фрагмент страницы газеты «Русское Дело»

газеты «Русское Дело» (рис. 5). Новое издание, как и анонсировалось, имело увеличенный формат (первоначально немногим больше А3, однако затем он менялся в сторону увеличения). Газета выпускалась еженедельно, в воскресный день, а с 1 апреля 1944 г. – два раза в неделю по средам и субботам. Как и планировалось, она выходила на шести полосах, однако с № 9 объем сократился до четырех.

Тираж объединенной газеты, как и ее предшественников, не был постоянным, но, опираясь на сведения о личном составе корпуса, контингенте русскоязычных войск и количестве русских эмигрантов на Балканах, можно предположить, что составлял не менее 5000–6000 экземпляров. Размещалась новая редакция по прежнему адресу «Ведомостей...» и «Нового Пути». В организационно-штатной структуре «Русское Дело» первоначально состояло из трех отделов: военного, внешней политики и русского (с июня 1944 – внешней политики) и культурно-просветительского. Редакторами отделов были соответственно: профессор Е.Э. Месснер, Б.К. Ганусовский (рис. 6) и В.К. Иванов-Гордовский. С десятого номера вводится четвертый отдел – Ниро¹⁹, который возглавляет Н.Н. Чухнов. Общее руководство изданием осуществлял редактор-издатель К.К. Миллер.

С первого номера «Русское Дело», в отличие от «Ведомостей...», заявило о переходе на новую орфографию, объяснив это

желанием устранить помехи, которые могут возникнуть при об­мене мыслями Русского Зарубежья и теми бывшими граждана­ми СССР, которые «встали на путь борьбы с большевизмом»²⁰.

По традиции того времени каждый номер «Русского Дела» открывала передовица, которая имела свое на­звание (для сравнения – в «Ведомос­тях...» такие статьи шли без назва­ния) и посвящалась наиболее важно­му событию недели. Автором такой статьи, как правило, был один из ре­дакторов отдела или сам главный ре­дактор. Далее на первой полосе по­мещались новости с фронтов и обзор международной политической ситу­ации. На второй полосе публиковал­ся обзор зарубежной или русской пе­риодики, материалы из других изда­ний, которые, по мнению редакции,

**Рис. 6. Б.К. Ганусовский
(послевоенное фото)**

заслуживали внимания, и статьи о «русских людях, вставших на путь борьбы с большевизмом или трудившихся в Рейхе». На­иболее часто перепечатывались статьи из таких газет, как: «Но­вое Слово» (Берлин), «Голос Крыма» (Симферополь), «Новый Путь» (Бобруйск), «Северное Слово» (Ревель), «Новое Время», «Речь» (Орел), «Последние Новости» (Киев), «Голос Донбасса», «За Родину» (Псков), «Боец РОА» и др. Кроме этого, на данной полосе могли помещаться различные зарисовки о жизни на ок­купированных территориях Советского Союза. Начиная с седь­мого номера под рубрику «Из жизни Русского Корпуса» выде­лена специальная полоса, как правило третья или четвертая. На ней в дальнейшем и размещались все статьи, материалы и дру­гая информация, так или иначе касавшаяся корпуса. Четвертую полосу занимали различные объявления, отчеты или анонсы со­бытий культурной жизни, а также размещалась официальная ин­формация от Управления делами Российской эмиграции. В це­лом газета сохранила те тенденции и подходы к подаче материа­лов, которые были характерны для «Ведомостей...».

Одной из отличительных особенностей «Русского Дела» яв­лялось освещение так называемого власовского движения. Уже

во втором номере третью полосу занимает статья «Знаки различия Русской Освободительной Армии», где приводится краткое описание знаков различия военнослужащих этого антисоветского вооруженного формирования с иллюстрациями погон, петлиц и нарукавного знака РОА. В материале Б. Ганусовского «Рост Освободительного Движения» говорится о росте движения, автор апеллирует к увеличению числа публикаций. Далее он переходит к идеологической программе власовцев, в которой выделяет три главных пункта: «1) Уничтожение большевизма, Сталина и его клики. 2) Заключение почетного мира с Германией. 3) Совместная работа с Германией и народами Новой Европы над восстановлением России без большевизма и капитализма»²¹. Именно эти три пункта выделены не случайно, они выражали основную мотивацию той части эмиграции, которая поддержала нападение А. Гитлера на Советский Союз и участвовала в тех или иных вооруженных формированиях на стороне Германии (в данном случае, это в первую очередь касается Русского корпуса).

В № 4 помещена короткая заметка под названием «На курсах пропагандистов». Она повествует о проведенных в Могилеве курсах пропагандистов добровольческих отрядов Русской освободительной армии. Особое внимание на этих занятиях было обращено на оккупацию России, которой, по мнению руководителей этих курсов, она подвергалась трижды. Первая – монгольская, вторая – польская в Смутное время и третья – «господство жидов с 1917 года»²².

Можно сказать, что, сохранив общий тон своих предшественников, «Русское Дело» приобрело и новую характерную особенность – активное освещение власовского движения, как с помощью авторских материалов сотрудников редакции, так и перепечатывания материалов других изданий.

В таком виде газета просуществовала до конца января 1944 г. С 1 февраля реактором-издателем становится Е.Э. Месснер. «Русское Дело» приобретает новые ориентиры и направленность. Об этих переменах сообщается в передовице № 6 (36) от 6 февраля 1944 г.: «Война вступает в свою решительную фазу... Все мысли и чувства посвящаем мы тем, кто с оружием в руках борется против большевизма. И газета “Русское Дело” ставит отныне своею задачею обслуживание наших воинов в составе Русского Корпуса и в других войсковых частях»²³.

В газете увеличился объем военной тематики, появилось больше статей на религиозные темы и проповеди, а также памфлеты и фельетоны для развлечения военнослужащих в часы досуга. Редакция активно пыталась привлечь новых авторов к сотрудничеству, объявив конкурс на литературное произведение в прозе с серьезными денежными призами²⁴. За первое место полагалась денежная сумма 2000 динар (при курсе 20 сербских динар – 1 рейхсмарка). Для сравнения: ежемесячное денежное довольствие холостого рядового в Русском корпусе составляло 60, а женатого – 90 рейхсмарок²⁵. Для получения более качественных материалов в газете была размещена рекомендательная статья под названием «Как научиться писать»²⁶. Кроме этого следует отметить, что газета несколько раз поменяла дизайн заголовка.

Осенью 1944 г. в связи с новой военной обстановкой на Балканах редакция газеты «Русское Дело» переместилась в Вену (Австрия). Со сменой типографии уменьшился формат издания. Теперь газета выходит на четырех полосах формата А3. В остальном «Русское Дело» сохранило верность своим традициям в подаче материала вплоть до последнего номера, который вышел на следующий день после оглашения манифеста Комитета освобождения народов России в Праге, 15 ноября 1944 г. и в большой степени был посвящен этому событию. Всего отпечатано 100 номеров, из них 30 в 1943 г. и 70 в 1944 г.

Таким образом, «Русское Дело» оказалось в полном объеме продолжателем традиций официальной периодики Русского корпуса, заложенных «Ведомостями...». Это объясняется, во-первых, сохранением прежнего авторского коллектива с его достаточно твердыми антисоветскими убеждениями. Во-вторых, необходимостью использования официальных материалов нацистской пропаганды. А также определяющую роль для характера издания сыграли отводимые ему функции информационного обеспечения. В процессе своей деятельности редакция отказалась от первоначального замысла создания единого печатного органа для Управления делами Российской эмиграции в Сербии, Русского корпуса и других антисоветских вооруженных формирований и стала рассчитывать только на военную аудиторию. Однако такая переориентация издания не изменила его сущности.

С декабря 1944 г. редакция «Русского Дела» объединилась с фронтовой газетой вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР) «За Родину», и выходила объединенная русская солдатская газета «Борьба» (рис. 7) с периодичностью 2 раза в неделю. Возглавил это издание профессор Е.Э. Месснер. Располагалась редакция в Вене. Издание выходило с подзаголовком «Соединенные газеты: “За Родину!” и “Русское Дело”». Год издания IV-й» (в 1945 г. соответственно появилось «...Год издания V-й»), этим подчеркивалась преемственная связь со всеми предыдущими официальными изданиями Русского корпуса. «Борьба», печаталась в той же типографии, что и последние номера «Русского Дела», поэтому формат газеты остался прежним: четыре полосы А3. И в целом новое издание очень походило на своего предшественника.

Газета продолжала следовать традициям корпусной периодики. Как и у предшественников, первую полосу открывала передовица. Далее на полосе размещались сводки с фронтов, новостные материалы и официальные обращения, поздравления или приказы. Вторая полоса, как правило, наполнялась идеологичес-

Рис. 7. Фрагмент страницы газеты «Борьба»

кими статьями, разъясняющими цели и задачи власовского движения или «обличающими» советский строй. Третья полоса посвящалась Русскому корпусу и военнослужащим других антисоветских вооруженных формирований, а также размещались объявления по розыску родственников и знакомых. На четвертой полосе публиковались анекдоты в постоянной рубрике «Смех не грех» и фельетоны Е. Егорова в разделе «С наблюдательной вышки», а также другие материалы развлекательного характера. В отличие от своих предшественников «Борьба» высылалась бесплатно добровольцам и их семьям, о чем сообщалось на страницах газеты²⁷.

Но объективная реальность диктовала свои условия – поражение фашистской Германии в войне было очевидным даже для самых ярких сторонников борьбы с большевизмом до победного конца. Несмотря на все пропагандистские усилия, сотрудники редакции газеты «Борьба» объективно оценивали ситуацию, будучи образованными людьми, и старались устроить свою дальнейшую судьбу. Так, уже к концу первой декады апреля 1945 г. главный редактор издания Е.Э. Месснер перешел на службу в штаб 1-й Русской Национальной Армии (РНА) генерал-майора Б.А. Хольмстон-Смысловского на должность начальника оперативного отдела (I A) с присвоением воинского звания майор²⁸. Приблизительно в то же время в армию Смысловского прибыл Г. Симон-Томин вместе с редакцией, насчитывающей в тот момент 10 человек²⁹. В это время 1-я РНА направлялась для интернирования в Лихтенштейн в условиях ударов бомбардировочной авиации союзников и полного транспортного коллапса на дорогах Третьего рейха³⁰. Естественно, что в такой ситуации выпуск газеты был невозможен. Всего было выпущено не менее 21 номера газеты «Борьба».

9 мая 1945 г. в 0 часов 43 минуты по московскому времени был подписан Акт о капитуляции вооруженных сил Германии, однако Русский корпус сдался в плен британским войскам в Австрии только 12 мая. После сдачи чины корпуса находились в лагере Клагенфурт, в котором в первый же день плена начал выходить информационный листок под названием «Наши Вести»³¹ (рис. 8). Если учесть, что соединение распущено приказом командира корпуса № 129 от 1 октября 1945 г.³², то «Наши Вести» были последним официальным печатным органом РОК. Это

Рис. 8. Обложка журнала «Наши Вести»

общность русских эмигрантов в Югославии, объединенных радикальным антисоветским мировоззрением. Во-вторых, внутриполитическая обстановка в оккупированной Сербии, которая требовала людских ресурсов, из-за чего идея создания Русского корпуса смогла воплотиться в реальность. И, в-третьих, потребность в получении информационного источника для большей части военнослужащих корпуса и членов их семей.

Официальная периодическая печать Русского корпуса возникла немногим позже самого соединения и просуществовала до конца войны. Она выполняла функции информационного обеспечения личного состава корпуса, хотя со временем аудитория данного органа печати расширилась. Носила не всегда объективный характер, но при этом имела свой русский национальный колорит.

Данная периодика является источником по истории не только корпуса, но и в целом Русского Зарубежья на Балканах 1941–1945 гг. А также наглядно демонстрирует особенности и содержание антисоветской пропаганды, которую и сегодня частично используют враги СССР и его политического преемника Российской Федерации. Объективное и всестороннее изучение кол-

издание просуществовало 56 лет, пережило практически всех чинов Русского корпуса, для которых оно и предназначалось. За это время этот печатный орган прошел путь от информационного листка до одного из самых ярких журналов Русского Зарубежья. При этом журнал «Наши Вести» стал одним из немногих органов эмигрантской печати, который после распада Советского Союза выходил в России.

Итак, возникновение официальной периодической печати Русского Охранного корпуса стало возможным из-за стечения ряда факторов. Во-первых, это исторически сложившаяся

лаборационизма и его идеологических мотивов является одним из аргументов в борьбе с попытками фальсификации истории России.

¹ Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 года. Сборник статей и материалов / Сост. К.М. Александров, О.А. Шевцов, А.В. Шмелев. СПб.: Скрипторнум, 2012. С. 82.

² Антропов О.К. Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг.: монография. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. С. 403.

³ Александров К.М. Указ. соч. С. 87.

⁴ Имеется в виду за государственной границей СССР, соответственно названию романа П.Н. Краснова «За чертополохом».

⁵ Трушнович Я.А. Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. / Публ. и коммент. К.М. Александрова // Новый Часовой (СПб.). 1994. № 2. С. 140–141.

⁶ Русский Корпус: свидетельства. Шестисерийный документальный фильм, режиссер М. Ордовский-Танаевский. 2 серия.

⁷ Исторический архив Београда (ИАБ), Ф. Zika Jovanovic. Д. 115 (Цит. по: Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945 / Тимофеев А.Ю. М.: Вече, 2010. С. 26.

⁸ Скородумов М.Ф. История образования Русского корпуса в Сербии. Мемуары владовцев / Сост. А.В. Окоороков. М.: Вече, 2011; также более подробно см.: Александров К.М. Указ. соч. В дальнейшем Отдельный Русский корпус неоднократно менял свое название: с 2.10.1941 – Русский Охранный корпус, с 18.11.1941 – Русская Охранная Группа, с 1.12.1942 – Русский Охранный корпус в составе вермахта, с 10.10.1944 – Русский корпус в Сербии, с 31.12.1944 – Русский корпус, с 16.02.1945 – Русский корпус в составе вооруженных сил КОНР (РОА); здесь и далее для краткости соединение будем именовать «корпус», «Русский корпус» или РОК.

⁹ Русский корпус на Балканах. 1941–1945 гг. М.: Вече, 2008. (Переиздание сборника «Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников» под редакцией Д.П. Вертепова (изд. «Наши Вести», Нью-Йорк, 1963 г.). С. 57.

¹⁰ Там же. С. 70; Русский корпус на Балканах (1941–1945 гг.). Сборник воспоминаний и документов / Под ред. Н.Н. Протопопова, И.Б. Иванова. СПб., 1999. С. 93.

¹¹ Ведомости Охранной Группы. 1942. № 27. С. 1 // ГАРФ, научная библиотека.

¹² Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 570, 572.

¹³ Имеется в виду Дом Русской Культуры на улице Королевы Натальи – главное учреждение русских беженцев в Белграде, построенный по проекту архитектора В.Ф. Баумгартена, открыт в 1933 г. по разрешению короля Александра Карагеоргиевича.

- ¹⁴ Ведомости Охранной Группы. 1942. № 22. С. 4 // ГАРФ, научная библиотека.
- ¹⁵ «Новый Путь» – еженедельный информационный орган Бюро по защите интересов русской эмиграции. Главный редактор Б.К. Ганусовский. Издавался с 8 февраля 1942 г. по 30 мая 1943 г., всего вышло 68 номеров.
- ¹⁶ Ведомости Русской Охранной Группы. 1942. № 23. С. 4 // ГАРФ, научная библиотека.
- ¹⁷ См. ссылку 15.
- ¹⁸ Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии. 1943. № 75. С. 1 // ГАРФ, научная библиотека.
- ¹⁹ Нירו (от нем. Hilfpolizei) – вспомогательная полиция.
- ²⁰ Русское Дело. 1943. № 1. С. 2. Цит. по: Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. С. 64.
- ²¹ Русское Дело. 1943. № 2. С. 3 // ГАРФ, научная библиотека.
- ²² Русское Дело. 1944. № 4. С. 3 // ГАРФ, научная библиотека.
- ²³ Русское Дело. 1944. № 6 (36). С. 1 // ГАРФ, научная библиотека.
- ²⁴ Русское Дело. 1944. № 9 (39). С. 5 // ГАРФ, научная библиотека.
- ²⁵ Данные по денежному довольствию и курсу валют приведены по: Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. С. 46, 47.
- ²⁶ Русское Дело. 1944. № 9 (39). С. 5 // ГАРФ, научная библиотека.
- ²⁷ Борьба. 1944. № 2. С. 4 // ГАРФ, научная библиотека.
- ²⁸ Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И. Особый штаб «Россия». М., 2011. С. 294.
- ²⁹ Там же. С. 301.
- ³⁰ Там же. С. 303.
- ³¹ Подробнее см.: Белков А.Н. К истории журнала «Наши Вести» // Эхо войны. 2013. № 1 (5). С. 59–64.
- ³² Русский Корпус на Балканах 1941–1945 гг. С. 392–394.

О.А. Белозерова (Санкт-Петербург)

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИЕЙ А.Н. КУРОПАТКИН И СОВЕЩАНИЕ 28 ФЕВРАЛЯ 1905 ГОДА

ПОСЛЕ СДАЧИ КРЕПОСТИ Порт-Артур и известий о результатах боев под Мукденом, 28 февраля 1905 г. С.Ю. Витте обратился с письмом к Николаю II с предложением прекратить войну, которое император оставил без ответа, что, скорее, служило «доказательством слабости миролюбивых настроений в России»¹. В этот же день в Царском Селе состоялось военное совещание, посвященное обсуждению положения дел на театре военных действий, призыву 400 тысяч запасных и вопросов о перспективах войны для России. Присутствовавшие признали, что требовалась перестройка системы управления и организации армии, и «пришли к единому мнению о необходимости безотлагательного создания Совета государственной обороны»² (СГО). Под руководством великого князя Николая Николаевича был разработан проект «Положения о Совете государственной обороны», согласно которому предполагалось перенести центр руководства вооруженными силами в СГО, который становился не только совещательным, но и руководящим и контролирующим органом. Таким образом, намечалось новое промежуточное звено между верховной государственной властью и военным и морским ведомствами, а председатель СГО великий князь Николай Николаевич наделялся самой большой властью в государстве после императора с правом назначения на высшие командные и военно-административные должности в армии³.

Военный министр и председатель Военного совета генерал В.В. Сахаров выступил 4 июня 1905 г. против идей великого князя Николая Николаевича, в силу чего был отстранен от дел. Уже 25 июня последовало решение о сформировании ГУГШ пу-

тем выделения из Главного штаба ряда управлений, который организационно не входил в состав военного министерства и мог самостоятельно разрабатывать оперативно-стратегические планы. Возобладала идея, предложенная генералом Ф.Ф. Палицыным, как наиболее соответствующая целям и задачам, преследуемым СГО. Председатель думского комитета по обороне А.И. Гучков так оценивал сложившуюся ситуацию: «Эти два учреждения разделили власть военного министра, обессилили и обезличили его»⁴. Еще в 1902 г. А.Н. Куропаткин, работая над военными планами на случай войны на западных границах и обсуждая их с императором и великим князем Николаем Николаевичем, не раз предупреждал о том, что от военного министра не должно быть никаких секретов.

Обращает на себя внимание тот факт, что перестройки велись постоянно и затрагивали самые основы государственной и военной системы, причем в принятии решений часто участвовали лица далекие от целостного видения международного, экономического и военно-стратегического положения. Так, в мае 1903 г., с подачи А.М. Безобразова, был принят в отсутствие военного министра и без должной проработки финансового, военного и организационного плана «новый курс» в дальневосточной политике, что тяжело отразилось на планах военного министерства. А менее чем через три месяца, с образованием наместничества 31 июля 1903 г., произошел правительственный кризис, и три министра (финансов, иностранных дел и военный) практически оказались отстраненными от дел. В результате за шесть месяцев до начала войны были распатаны дипломатические связи и основы управления армией, а финансовая политика перешла в другие руки.

В военное время, в октябре 1904 г., А.Н. Куропаткину после длительной и тяжелой Ляоянской битвы было сообщено о реорганизации Маньчжурской армии в две, а затем в три армии, в то время когда полным ходом шла подготовка к важному для кампании сражению под Мукденом, при этом назначались офицеры, мало знакомые с современными методами ведения войны, со спецификой театра военных действий, а также характером и моральной стойкостью противника.

Наконец, 28 февраля 1905 г., великий князь Алексей Александрович заявил, что армия находилась «в гораздо худшем поло-

жении», чем все думали, и что «так дальше дело вести нельзя»⁵, а великий князь Николай Николаевич, взяв за основу предложения графа Н.И. Бобрिकова, выступил с идеей образования Совета государственной обороны, который ратовал за заключение мира. А.Н. Куропаткин, наблюдая за реформами великого князя Николая Николаевича, предупреждал об опасности заключения преждевременного мира.

В Санкт-Петербурге, с одной стороны, действовал пацифистски настроенный С.Ю. Витте, сложились определенное общественное мнение и средства массовой информации, с другой – инициативы великого князя Николая Николаевича, а на расстоянии 10 000 верст, в тяжелых условиях, шли бои. С назначением нового военного министра генерала А.Ф. Редигера армия лишилась еще одной своей опоры. Характерно, что, оценивая ситуацию, сложившуюся к началу 1908 г., А.Ф. Редигер писал: «В настоящее время единое высшее военное управление распалось на шесть частей, а считая канцелярию Совета государственной обороны, даже на семь, и все они были готовы толковать свою автономию в широком смысле»⁶.

После Мукденского сражения встал вопрос и о смене главнокомандующего. В силу разных причин, особенно в мемуарах, факты, связанные со сменой А.Н. Куропаткина, освещены не всегда точно. В этом отношении характерно воспоминание А.И. Деникина: «После мукденского поражения вопрос о непригодности Куропаткина на посту главнокомандующего стал окончательно на очередь, и государь наметил преемником ему ген. Драгомирова. Последний жил на покое, в Конотопе, в своем хуторе; был слаб – ноги плохо слушались; но головой и пером работал по-прежнему. Военный министр Сахаров в конце февраля прислал с фельдъегерем письмо Драгомирову, предупреждая о предстоящем предложении ему командования; советовал подумать – может ли он, по состоянию здоровья, принять этот пост. По свидетельству зятя Драгомирова, А.С. Лукомского, М.И. Драгомиров был очень обрадован, преобразился весь, почувствовав прилив сил и бодрости. Вскоре последовал вызов в Петербург; ген. Драгомиров прибыл туда и ждал приглашения во дворец. Но три дня его не вызывали. М.И. Драгомиров нервничал, предчувствуя перемену настроений государя. Наконец получено было приглашение, но... для участия в совещании

по поводу избрания главнокомандующего. Совещание наметило ген. Линевича (28 февраля), который 4 марта и вступил в главнокомандование»⁷.

В связи с вышесказанным, значительный интерес представляет журнал военного совещания 28 февраля 1905 г. в Царском Селе под председательством Его Величества⁸, на котором собравшимися давалась оценка деятельности генерала А.Н. Куропаткина и который показывает, что на 28 февраля 1905 г. речи о назначении генерала Н.П. Линевича главнокомандующим еще не было.

Совещание было открыто императором следующими словами: «Я собрал вас сегодня для того, чтобы выслушать от каждого из вас откровенное мнение относительно тяжелого для МЕНЯ и всей нашей армии вопроса, может ли или должен ли Генерал-Адъютант Куропаткин оставаться Главнокомандующим действующих армий. Прошу вас высказаться совершенно откровенно»⁹. Присутствовали: великие князья Алексей Александрович и Николай Николаевич, генерал от инфантерии Х.Х. Рооп, генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков, генерал-адъютант М.И. Драгомиров, генерал от инфантерии К.В. Комаров, генерал-адъютант барон В.Б. Фредерикс, генерал от инфантерии Н.И. Гродеков, генерал-адъютант П.П. Гессе и генерал-лейтенант В.А. Сухомлинов. Насколько далеки были собравшиеся на этом совещании от понимания происходившего на театре военных действий, видно из их заявлений и из того, что никто из них не принимал непосредственного участия в той кампании.

Генерал М.И. Драгомиров выступил первым и признал, что «дальнейшее пребывание генерала Куропаткина Главнокомандующим вредно и для армии и для России»¹⁰. В свойственном ему ключе его критика в адрес А.Н. Куропаткина была уничтожающей, однако не имеющей ничего общего с реальным положением дел: «...с тех пор как свет стоит не было еще примера, чтобы начальник штаба, даже образцовый становился Главнокомандующим, хотя бы сносным», и далее: «...командование армией не канцелярщина, тут на словах гораздо больше делается, чем на бумаге. Говорят, он молится по дням и ночам и не выходит из своего вагона. Какой же это Главнокомандующий. Под Ляояном у него не хватило духа довести дело до конца»¹¹ и т. п. Остается предположить, что генерал М.И. Драгомиров полагал, что сам

мог справиться с полномочиями Главнокомандующего гораздо лучше. Однако его кандидатура не рассматривалась даже в начале войны. Сам генерал не был на театре военных действий и придерживался весьма консервативных взглядов старой школы, в частности в отношении скорострельного оружия и военных игр, и отличался неуравновешенным характером. Через несколько месяцев в октябре 1905 г. он скончался. В вину генералу А.Н. Куропаткину он ставил непонимание им «азбуки военной организации».

Генерал граф И.И. Воронцов-Дашков, не считая, что генерал А.Н. Куропаткин был на высоте своего положения, полагал, что «не время теперь, когда армия находится по-видимому в хаотическом состоянии, менять Главнокомандующего» и что «немедленная смена Главнокомандующего при теперешнем положении армии внесет в нее еще больший хаос», считая, что «к этой замене несомненно следует придти, но погода». Он также предположил, что если «наша армия в действительности больше не существует, то японцы легко перенесут действия на другой театр войны», и придавал первостепенное значение удержанию Владивостока, а командирование в действующую армию лица, «особенно Великого Князя Николая Николаевича, конечно, и без всякой огласки будет принята как замена Главнокомандующего»¹². Граф только накануне совещания 27 февраля 1905 г. был назначен наместником Кавказа (до 1916), главнокомандующим войсками Кавказского Военного округа и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск.

Генерал Х.Х. Рооп, проявляя дипломатию, не считал возможным «высказаться категорически за необходимость замены генерала Куропаткина» и обращал внимание на то, что «надо иметь в виду всю исключительность условий войны»¹³, подчеркивая неготовность к войне, удаленность, а также, что «для всякой армии нужна самостоятельная операционная линия, а тут для 3-х армий служит одна единственная железная дорога». По его мнению, «исключительность положения армии» заключалась еще и в том, что военные действия происходили на территории нейтрального государства, где можно всегда было «ожидать нападения не только японцев, но и китайцев». Генерал совершенно справедливо отмечал, что «это такие тяжелые условия, при которых необходимо было положить в основание действий осто-

рожность». Х.Х. Рооп не разделял убеждения, что А.Н. Куропаткин «грешил осторожностью», подчеркивая, что есть «смягчающие обстоятельства в тех действиях его, которые ему ставят в вину». Тем не менее он признавал, что главнокомандующий «далеко не оправдал тех надежд, которые на него возлагали», и, выдвигая новые обвинения, выделил «одним из главных его недостатков – это, что он лишен способности прозревать, предвидеть события»¹⁴.

Последующие его доводы показали полное незнание генерала Х.Х. Роопа с положением, которое сложилось накануне войны в связи с образованием наместничества и полномочиями наместника в отношении укрепления крепостей Порт-Артура и Владивостока и общего управления регионом, а также в отношении мобилизации. Еще в октябре 1903 г. генерал А.Н. Куропаткин, ввиду опасности положения, вышел из вынужденного отпуска с докладом к императору о приступлении к выполнению своих обязанностей и с просьбой о мобилизации, в которой ему было отказано. В итоге генерал заключил, что главнокомандующий «не обладал в достаточной мере великим даром даровитого полководца определять истинные пункты главной атаки неприятеля и сообразовываться с расположением сил его», а также «теми способностями великого полководца, которые необходимы, чтобы вывести армию из тяжелого положения»¹⁵. Вслед за графом И.И. Воронцовым-Дашковым генерал Х.Х. Рооп не мог не согласиться, что необходимо было «разобраться с хаотическим состоянием армии» после отступления под Мукденом, поскольку «новый человек встретит в этом сложном деле еще более трудностей», при этом генерал сомневался: «Неизвестно еще, подорван ли окончательно авторитет Главнокомандующего вследствие ряда отступлений или еще держится. Если есть Главнокомандующий, который может сразу приобрести доверие армии, то медлить не надо, но в данную минуту, в тех тяжелых условиях, в которых находится генерал Куропаткин, надо дать ему разобраться»¹⁶. Будучи намного старше А.Н. Куропаткина, Х.Х. Рооп с октября 1890 г. состоял членом Государственного Совета и в августе 1905 г. получил знак отличия за 50 лет беспорочной службы. Его заключение состояло в том, что главнокомандующий «не на высоте положения и что необходимо выяснить, пользуется ли он еще авторитетом в армии», а относитель-

но дальнейших действий армии полагал, что предстоит отступление до р. Сунгари и что следует отказаться от мысли вновь овладеть Порт-Артуром, считая, что «это один из худших портов, которые существуют»¹⁷.

Генерал П.П. Гессе выступил с конструктивным предложением, поддержав мнение, что «быстрое, немедленное отозвание Главнокомандующего может поставить армию в очень трудное положение». Признавая популярность генерала Н.П. Линевица, генерал выразил сомнения, с учетом его возраста, в том, «будет ли он в состоянии вести такое сложное дело», и предложил «послать Главнокомандующему другое доверенное лицо в качестве начальника штаба, который по истечении некоторого времени мог бы вступить в командование армиями», поскольку, как было известно на тот момент, «отношений между Главнокомандующим и Начальником его Штаба» не существовало¹⁸. П.П. Гессе также был далек от военных действий: с 1896 г. до конца жизни в 1905 г. он состоял в должности дворцового коменданта.

Великий князь Алексей Александрович признавал, что ему «трудно говорить, как моряку, перед авторитетами военно-сухопутными», и коснулся только «принципиально вопроса»: «Хуже, чем теперь кампания велась, вести ее нельзя. От той или другой причины это происходит, я не берусь судить, или сам Куропаткин нерешителен, или помощники его плохи, или весь Генеральный Штаб у него не состоятелен в таком серьезном деле, так или иначе, но мы стоим теперь в самом критическом положении. Армия находится в гораздо худшем положении, чем мы думаем, тут уж не отступление, а что называется – “debandade” – бегство. Так дальше вести дело нельзя. Надо послать другого человека, но когда именно, не берусь сказать. Что касается морской части, то в распоряжении Куропаткина как Главнокомандующего имеется всего два крейсера (третий еще не готов) и подводные лодки и некоторое число миноносцев – сила, о которой не стоит серьезно говорить. Если адмиралу Рожественскому удастся прорваться во Владивосток, то это может изменить положение дела»¹⁹.

В отношении военных перспектив великий князь Алексей Александрович высказался, что «с открытием навигации японцы предпримут операции против Сахалина, а затем и против Владивостока», что «Русский Остров необходимо отстоять, в против-

ном случае Владивосток будет взят, и японцы овладеют устьями Амура и Камчаткой, и тогда наше положение при заключении мирного договора будет совершенно иное». Его заключение было следующим: «...надо немедленно обеспечить Владивосток. Что касается Порт-Артура, то он имел для нас значение лишь пока существовал арендный договор на территорию Маньчжурской железной дороги и Квантуна, но нам придется отказаться от Маньчжурии»²⁰, тем самым признавая, что понесенные жертвы и финансовые затраты на «империю Витте» были напрасны. После Цусимской битвы 2 июня 1905 г. генерал-адмирал добровольно подал в отставку.

Генерал Н.И. Гродеков, в силу своего опыта и назначений, показал большее знание реального положения дел, разделяя деятельность генерала А.Н. Куропаткина «на две части: когда Главнокомандующим был адмирал Алексеев и потом, когда он стал самостоятельным», отмечая, что А.Н. Куропаткин «был в очень тяжелом положении, пока он не мог сделать ни шагу, не испрашивая разрешения Адмирала Алексеева, который между тем, не считая себя компетентным, спрашивал высших указаний из Петербурга. Дело дошло до того, что когда наступил решительный момент, физическое и нравственное состояние Куропаткина было подорвано. Начальник его Штаба женится на позициях. Как же разговаривать с таким начальником штаба». Н.И. Гродеков ставил весьма важный вопрос: «По всей вероятности Штаб Главнокомандующего не удовлетворяет требованиям. Не знают даже количество японских войск. Не знают, что в Семигортах совершаются события, которые сваливаются, как снег на голову нам. Вообще Штаб армии не состоятелен. Заменять высших начальников трудно. Пока, кажется, только командир 10-го корпуса заменен. Поэтому, конечно, самому Куропаткину нести бремя Главнокомандующего очень тяжело при настоящих условиях»²¹.

Н.И. Гродеков обратил внимание на то, что, кроме того, у генерала А.Н. Куропаткина «нет счастья. А между тем счастье необходимо полководцу» и признал, что он – «единственный человек», который мог «привести в порядок в настоящую минуту армию, когда она пришла в полное расстройство». Несколько противореча своему ранее высказанному мнению о том, что нравственное состояние А.Н. Куропаткина подорвано, генерал выделил тот факт, что главнокомандующий «удивительно хлад-

нокровен и влияет своим присутствием духа на армию» и что «она до сих пор ему верила». Соглашаясь с графом И.И. Воронцовым-Дашковым, он заключил, что «сменить теперь генерала Куропаткина нельзя, так как другой не в состоянии был бы привести армию в настоящую минуту в порядок»²². Н.И. Гродеков, являясь приамурским генерал-губернатором (1898–1906), участвовал в подавлении Боксерского восстания, хорошо знал положение дел на Дальнем Востоке. В 1902 г. Н.И. Гродеков был назначен членом Государственного Совета, а с 1905 г. до 3 февраля 1906 г. был постоянным членом СГО до своего назначения командующим войсками на Дальнем Востоке с правами главнокомандующего. При обмене мнениями между членами совещания, в отношении цели дальнейших военных действий его взгляд заключался в «необходимости отказаться от попытки возвратить Порт-Артур». Также, не имея информации, – «может быть, настоящей армии у нас более нет в Маньчжурии» – он считал, что «новая кампания потребует большого напряжения. Надо поставить теперь другие задачи и отказаться от широкого плана Куропаткина»²³.

Генерал барон В.Б. Фредерикс, министр Императорского Двора (1897–1917) был краток. Признавая себя не вправе судить о боевой деятельности генерала А.Н. Куропаткина, он также находил, что «сменить его в настоящую минуту нельзя», поскольку «трудно судить беспристрастно здесь теперь, когда не знаешь, каковы его сотрудники и какова вообще обстановка его деятельности». Он был убежден, что «смена Главнокомандующего в настоящую минуту была бы бедствием для армии»²⁴, и высказал свое мнение в связи с возможным подписанием мира, что, чем дальше армия отступает, «тем лучше будет наше положение и хуже условия для японцев, но при заключении мира такое положение в отношении занятой взаимно территории будет для нас хуже»²⁵.

Генерал В.А. Сухомлинов также признал, что «смена Главнокомандующего такое серьезное дело, что решиться на него трудно», однако подчеркнул, что «дело высшего командования в армии не в порядке, самая большая доля в этом должна быть отнесена к самому Главнокомандующему. По документам видно, что как при двойственности положения генерала Куропаткина, так и потом дело шло не ладно. Так управлять армией не годит-

ся. Как смотрят на Главнокомандующего офицеры действующей армии, я сужу по письмам тех из них, которые Киевского округа <...> уверенности в том, что он поведет их к победе, у них больше нет». Он также, как Н.И. Гродеков, отметил, что отношения между генералом А.Н. Куропаткиным и его начальником штаба «ненормальные». Его заключение было следующим: «На основании моего личного знакомства с Куропаткиным раньше я нахожу, что этот год войны сильно отразился на нем, но не могу сказать, сознает ли он сам, теперь или потом, что он нездоров и не может вести дело»²⁶. По мнению В.А. Сухомлинова японцы должны были «преследовать нас у Телина новым обходным движением» и «несомненно» мы должны были отступить к Сунгари, а также «японцы учатся на боевых столкновениях с нами, и следует ожидать от них развития настойчивого преследования»²⁷. К счастью, этот прогноз не оправдался.

Важно отметить, что военный министр А.Н. Куропаткин в свой список кандидатур на должность командующего Маньчжурской армии включил генерала В.А. Сухомлинова, отличая его среди офицеров высшего эшелона. После того как император остановил свой выбор на А.Н. Куропаткине, В.А. Сухомлинову было предложено занять должность начальника штаба в действующей армии, однако он не принял предложения, мотивируя свой отказ плохим знанием дальневосточного театра военных действий.

В том, что касается офицеров действующей армии, упомянутых В.А. Сухомлиновым, в силу своего положения, авторитета и деятельности А.Н. Куропаткин не мог избежать оппозиции. Характерны оценки А.Н. Куропаткина генерала К.К. Случевского, о ком не раз появлялись записи в его дневниках, а также генералов Л.Н. Соболева, Ф.Е. Мейндорфа, С.К. Гершельмана и ряда других. Однако А.Н. Куропаткин имел обыкновение пересматривать свои первые впечатления, как, например, с генералом Л.Н. Соболевым, которому сначала была дана нелестная характеристика, но после «молодецкого дела» в его адрес появились похвальные слова. В то же время в отношении генерала К.К. Случевского отзывы оставались большей частью неблагоприятными, хотя признавались и сильные его стороны. Влияние великого князя Николая Николаевича и генерала М.И. Драгомирова было весомым в определенных кругах, а, как известно,

отношения у них с А.Н. Куропаткиным не складывались. Военный министр, подготавливая список кандидатов в командующие Маньчжурской армией, все же вычеркнул из него кандидатуру великого князя Николая Николаевича. Преждевременное возвращение адмирала Е.И. Алексеева и генерала О.-Ф. Гриппенберга с театра военных действий также сыграло свою роль.

В том, что касается здоровья генерала, климатические условия и нервное напряжение безусловно сказались на нем и сказались бы на любом командующем. Силы генерала были подорваны восемью годами чрезвычайно напряженной работы, о чем он сам писал в своих дневниках в начале 1906 г. Однако от природы А.Н. Куропаткин обладал хорошим здоровьем, имел прекрасную физическую подготовку и отличался незаурядной энергией, дисциплиной и силой воли. Имея три тяжелых боевых ранения до Русско-японской войны, генерал, даже ведя войска в бой под Ляояном, не был ранен, однако ранение, хотя, со слов, и не очень серьезное физически, произошло при иных обстоятельствах еще до Ляояна и от руки великого князя Бориса Владимировича²⁸.

Генерал К.В. Комаров произвел впечатление знающего и категоричного, ссылаясь на документы (не называя их), он отмечал, что А.Н. Куропаткин «находился в постоянном противоречии с самим собой. Представляя свои соображения и получая на них одобрение Вашего Величества, он их однако не приводил в исполнение; он не выдерживает характера». Он дал довольно поверхностные характеристики ряда ситуаций, сложившихся, например, в деле генерала М.И. Засулича на р. Ялу, в сражениях при Вафангоу, Ляояне, упрекая главнокомандующего, что «под Мукденом его обходили, но он не знал, сколько сил у неприятеля, растянул свою линию на 130 верст, а теперь части смешались, перепутались. После всех этих уроков надо или дать ему нравственную сильную поддержку, или просто удалить»²⁹.

Генерал К.В. Комаров, будучи намного старше А.Н. Куропаткина, был знаком с ним по предыдущим кампаниям и назначениям. В апреле 1883 г. он был на непродолжительное время назначен начальником Туркестанской стрелковой бригады, получал назначения комендантом ряда крепостей. По представлению А.Н. Куропаткина в 1902 г. генерал К.В. Комаров был назначен членом Военного совета. В 1905–1906 гг. он состоял членом следственной комиссии по делу о сдаче крепости Порт-Артур

японским войскам. Он также был далек от дальневосточных дел и считал, что «положение серьезное. С каждым днем оно становится для армии хуже. Если нельзя идти на соглашение с противником, необходимо послать немедленно нового Главнокомандующего. Популярность Куропаткина дутая, газетная». Он также указывал на важность «удержать Владивосток, так как это ключ к Амуру»³⁰.

Великий князь Николай Николаевич полностью поддержал мнение графа И.И. Воронцова-Дашкова, отмечая, что «весь ход кампании не дает права надеяться, что дело пойдет лучше», и еще раз указал, что «положение очень мрачное, что, конечно, японцы займут Телин, это их авангардная позиция. Каждый час отступления громадной армии существенно меняет обстановку. Только через несколько дней выяснится состояние армии. Тогда Ваше Величество признаете, может быть, нужным избрать другое решение»³¹.

На основании сказанного Николай II заключил, что лучшим выходом из положения было бы выбрать доверенное лицо, командировать его в армию, «чтобы передать привет войскам, ободрить их, узнать о положении армии и ее средствах и о настроении войск для доклада МНЕ, а затем назначить это лицо Главнокомандующим. До того пройдет достаточно времени, чтобы генерал-адъютант Куропаткин привел в порядок армию и мог бы ее передать другому лицу в должном состоянии»³², но речи о назначении Н.П. Линевича и о мире не было.

Таким образом, следует, что присутствующим на совещании положение дел на Дальнем Востоке представлялось не совсем ясным, как многие и признавали это, а также, что будущий СГО во главе с великим князем Николаем Николаевичем приобретал все большие очертания и весомость. Как и прозвучало в выступлении великого князя Николая Николаевича, решение императора было изменено уже через день. Наиболее реалистичные оценки и рекомендации были даны генералами Н.И. Гродековым и В.Б. Фредериксом. Помимо оценки деятельности главнокомандующего, а также обсуждения, следует ли его заменить другим лицом, наметились тенденции к пересмотру военных целей, поиску путей выхода из войны посредством перемирия из опасения захвата Сахалина, Владивостока и Амура. Сила и способность японской армии вести наступление были завышены.

Сам факт возможной замены главнокомандующего в тех условиях присланным лицом скрывал в себе чрезвычайную опасность. Хотя это и не следовало из вышеупомянутого журнала сошествия 28 февраля 1905 г., решение императора 2 марта 1905 г. назначить новым главнокомандующим генерала Н.П. Линевича можно считать наиболее удачным из возможных вариантов. Однако, по документам, опубликованным «Красным архивом», видно, что даже генералу, принявшему армию в январе 1904 г. и принимавшему непосредственное участие в военных действиях, задача казалась сверхсложной.

Это осознавал и А.Н. Куропаткин. Не забывая данной присяги и исполненный чувства долга в трудную минуту, он обратился к императору с просьбой оставить его в действующей армии и получил его соизволение с назначением командующим 1-й армией. Утверждение, что генерал «не мог вести дело», не подтвердилось. Второй раз генерал, не считаясь со своим престижем, не думая о себе, ради служения отечеству добровольно пошел на понижение в должности. Он продолжил свою работу и делал все от него зависящее, оказывая посильную помощь новому главнокомандующему. На это откликнулись общественные деятели, ученые и средства массовой информации. Принимая во внимание переписку нового главнокомандующего генерала Н.П. Линевича с новым военным министром А.Ф. Редигером, трудно сказать, какой характер приняла бы кампания, не останься генерал А.Н. Куропаткин в строю.

¹ Лукоянов И.В. 1) «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 585; 2) Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 16–33.

² Бурдужук В.И. «Властное многоголовье» и как его ликвидировали. Что препятствовало масштабным преобразованиям высшего и центрального управления русской армии в ходе военной реформы 1905–1912 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 159. Л. 5.

⁶ Цит. по: Бурдужук В.И. Указ. соч. С. 7.

⁷ Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 107–108.

⁸ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 159. Л. 2–7.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 2 об.

¹¹ Там же. Л. 2–2 об.

¹² Там же. Л. 2 об; Л. 6 об.

¹³ Там же. Л. 2 об.–3.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 5 об.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же. Л. 5–5 об.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Л. 4–4 об.

²³ Там же. Л. 6 об.

²⁴ Там же. Л. 4 об.

²⁵ Там же. Л. 6 об.

²⁶ Там же. Л. 4 об.

²⁷ Там же. Л. 6 об.

²⁸ В штабе адм. Е.И. Алексеева. Из дневника Г.А. Плансона / пред. А. Попова // Красный архив. 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 148–204; Дневник генерала А.Н. Куропаткина / вступ. ст. О.Р. Айрапетова. М., 2010. С. 308.

²⁹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 159. Л. 5.

³⁰ Там же. Л. 6.

³¹ Там же. Л. 6 об.–7.

³² Там же. Л. 7.

В.Н. Бенда (Санкт-Петербург)

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б.Х. МИНИХА ПО УПРАВЛЕНИЮ ИНЖЕНЕРНЫМ И АРТИЛЛЕРИЙСКИМ КОРПУСАМИ (1727–1729)

ДО 1727 г. Б.Х. Миних в большей степени выполнял задачи по строительству российских путей сообщения и портов, а также по ремонту существовавших и строительству новых крепостей. В частности он руководил постройкой дороги из Шлиссельбурга в Петербург, Ладожского канала. Миних разработал проект строительства Рогервикского (Балтийского) порта. После низвержения недолюбливавшего его Меншикова, круг обязанностей Миниха существенно и быстро стал расширяться¹.

Рассмотрим положение дел, сложившееся в области инженерного дела в преддверии назначения Б.Х. Миниха на главную инженерную должность в Российской империи.

Военные инженеры и инженерные подразделения (в то время роты) находились под общим руководством Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Еще Я.В. Брюс неоднократно высказывал мнение о необходимости учреждения должности особого генерал-инженера, который бы отвечал за производство всех фортификационных и инженерных работ.

5 декабря 1722 г. состоялся указ Петра I, которым при артиллерии учреждалась должность генерал-директора над фортификациями, исполнять которую был назначен инженер генерал-майор А.С. Де Кулон. Причем указ определял: быть «...в его дирекции всем инженерам, инженерной и минерной ротам»². Перед генерал-директором сразу же встал ряд сложных вопросов, от решения которых зависело успешное развертывание деятельности формируемого корпуса инженеров. Дело в том, что указ Петра I, лишь законодательно провозгласив его создание, объединил в нем все военно-инженерные силы и средства. В усло-

виях строгой регламентации лаконичные строки петровского указа не давали ответа на многие вопросы. Прежде всего, четко определения субординации служебных взаимоотношений руководства инженерного корпуса с руководством Главной артиллерии и других вышестоящих организации, а также с руководящими инстанциями периферии.

Не менее важным был вопрос о штатах инженерного ведомства с разделением его инженерных сил на полевые и гарнизонные, штатное положение которых зависело от определения прежде всего общего количества российских крепостей, которые надлежало обеспечивать «строением и починкой».

И, наконец, необходимо было определить годовую финансовую смету на содержание инженерного корпуса и починку крепостей.

Следует отметить, что Петр I проявил исключительное внимание к нуждам военно-инженерных подразделений и успел решить многие вопросы в интересах развертывания их нормальной деятельности. В мае 1723 г. Петр I внес некоторые поправки в штатное положение полевых инженерных подразделений, а именно, уточнил штаты минерной и инженерной рот³. В это время генерал-майор А.С. Де Кулон по поручению Петра работал над проектом инженерного штата и готовил для доклада другие вопросы, касающиеся положения и деятельности инженерного корпуса.

13 января 1724 г. Де Кулон был на приеме у Петра с подготовленным «докладным реестром». Об этой встрече и последовавшем затем указе Петра имеется следующая запись: «Государь император, будучи в зимнем доме и слушав челобитье генерал-майора Де Кулона ...о Инженерном штате, чтоб им быть в ранге против Артиллерийских, изволил на докладном реестре собственной своею рукою написать тако: “полевых особо, и гарнизонных особо, ранг дать против Артиллерийских”. И по тому ЕИВ указу правительствующий Сенат приказали: оной Инженерной штат росписать в Военной коллегии, которым быть полевым, и которым гарнизонным, а о рангах, против артиллерийских, внести в табель»⁴. С этого момента во всех официальных документах термины «инженерный штат», «инженерный корпус» стали существовать самостоятельно и упоминаться наряду с понятием «артиллерийский штат».

Одним из первых документов, где инженерный штат упоминается отдельно от артиллерийского, была «Инструкция генерал-провиантмейстеру», утвержденная Петром 20 января 1724 г. В ней говорилось, что генерал-провиантмейстер всегда должен иметь генеральные таблицы о состоянии всей полевой армии и гарнизонов, а «также Артиллерийскому и Инженерному штату»⁵. В этот же день Петр I решил вопрос о создании при Главной артиллерии особого органа управления инженерными силами – «конторы инженерской»⁶, получившей первоначально название «Конторы инженерного правления», а затем «Фортификационной конторы», в связи с чем управление Главной артиллерии стало именоваться Канцелярией главной артиллерии и фортификации. Отметим, что с момента утверждения инженерного штата (30 мая 1726) и организации Инженерной конторы (25 июля 1726) последняя лишь номинально подчинялась Главной артиллерии, имея прямое подчинение Государственной Военной коллегии (ВК). Самым главным вопросом был, конечно, вопрос о составлении самого инженерного штата. Высоко оценивая роль инженерных сил по обеспечению боевой деятельности войск, Петр I лично составил таблицу полевых инженеров. Чрезвычайно интересно отметить, что он пошел дальше существовавшей в западноевропейских армиях практики и принял решение о создании полевого инженерного полка в составе восьми рот. В каждой роте, согласно петровской таблицы, имелось пять инженерных штаб- и обер-офицеров и 24 инженерных кондуктора. Вместе со штабом инженерный полк насчитывал 236 человек. Согласно петровской таблицы штаб инженерного полка состоял из: 1) полковника – 1, подполковника – 1, премьер-майора – 1, секунд-майора – 1; 2) в каждой из восьми рот: капитан – 1, капитан-лейтенант – 1, поручик – 1, подпоручик – 1, прапорщик – 1, инженерных кондукторов – 24; 3) в отдельной минерной роте: капитан – 1, капитан-поручик – 1, поручик – 1, подпоручик – 1, сержантов – 4, каптенармусов – 2, фурыеров – 1, капралов – 6 и рядовых минеров – 72⁷.

В период войны полк должен был придаваться главным силам действующей армии; в мирное время офицеров и кондукторов полка предполагалось использовать на крепостных и других инженерных и фортификационных работах.

По указанию Петра и указу ВК, генерал-майор А.С. Де Кулон на протяжении 1724 г. работал над штатом гарнизонных инженеров из расчета содержания 31 российской крепости (по В.В. Яковлеву – 34 крепостей и укрепленных пунктов⁸). Трудность составления этого штата заключалась в том, что, помимо штатного состава гарнизонных инженерных офицеров и мастеровых, необходимо было определить объем работ по починке каждой крепости и составить смету необходимых материалов и финансовых средств на их годовое содержание.

Прогрессирующая болезнь, а затем и смерть Петра I 28 января 1725 г. надолго задержали решение вопроса об утверждении инженерного штата: проект Де Кулона был рассмотрен в Главной артиллерии, направлен в Государственную ВК и утвержден только 30 мая 1726 г.⁹ 25 июля 1726 г. Главная артиллерия в своем указе на имя генерал-майора Де Кулона сообщила: «...по учиненному мая 30 дня 1726 году штату инженерство и минерство армейское и гарнизонное и школою також строение и починку крепостей ведать и все что по оному надлежит исправлять вам генерал-майору, (яко генерал-инженеру и директору) и для того учредить вам особую контору и все дела не вершенные до инженерства и минерства касающиеся, також о строении и починке крепостей и о содержании оных в главной Артиллерии имеющиеся (кроме тех, которые по вашим доношениям решения требуют), для рассмотрения и определения поручить вам же; понеже по указам из Военной коллегии 1722 и 1723 годов всем инженерам и минерам в вашей дирекции, а вам над всеми крепостями генералом директором быть велено; а для вспоможения во исправлении в той конторе дел определить вам офицеров из своей команды по своему рассмотрению, також и канцелярских служителей потребное число содержать и им жалование и на расходы употреблять из положенной на оное инженерство и минерство и на строение и починку крепостей денежной суммы...»¹⁰

Можно утверждать, что указ Петра I о выделении инженеров из артиллерийского ведомства и назначении генерал-майора Де Кулона обер-директором над всеми фортификациями Российской империи с подчинением ему всех инженеров и инженерных подразделений, а также утверждение штата полевых и гарнизонных инженерных служителей можно считать оконча-

нием процесса создания русского инженерного корпуса, который в дальнейшем развивался и совершенствовался.

Напомним, что к июню 1727 г., хотя и формально, но в реальности артиллерийским ведомством руководил генерал-аншеф И.Я. Гинтер. Инженерным корпусом управлял генерал-майор А.С. Де Кулон. Главным начальником инженерных войск на тот момент был генерал-фельдцейхмейстер.

И.Я. Гинтер и А.С. Де Кулон были, если можно так сказать, давними сослуживцами на русской службе и прекрасно знали друг друга. Отсюда становится очевидным, почему И.Я. Гинтер сопротивлялся назначению Б.Х. Миниха начальником над русскими инженерами. Однако, несмотря на это сопротивление и на тот факт, что 25 июля 1726 г. генерал-майор А.С. Де Кулон был утвержден в должности начальника вновь учрежденной особой конторы инженерного правления и фактически руководил инженерным ведомством, Б.Х. Миних с помощью своих покровителей, фаворитов Петра II – князей Долгоруких, и своего друга Остермана добился своего назначения начальником особой конторы инженерного правления (особая контора инженерного правления 28 сентября 1728 г. была переименована в Главную (или Генеральную) фортификационную контору¹¹), став при этом, как отмечалось выше, полным генералом и «обер-директором над фортификациями всей Российской империи», с правом распоряжаться крепостями и служащими инженерного корпуса, за исключением минеров, «мимо главной артиллерии»¹².

С назначением Миниха уже генерал-лейтенант А.С. Де Кулон перешел к нему в подчинение. Добровольно ли Де Кулон согласился на такое подчинение? Нам неизвестны какие-либо источники, дающие однозначный ответ на этот вопрос. Только в одном источнике нам удалось обнаружить мнение по этому поводу, что Де Кулон вряд ли добровольно согласился на подчинение Миниху¹³. Подробности таковы. В 1730 г. Де Кулон оставил инженерный корпус и был обер-комендантом в Выборге. По всей видимости, Де Кулон после всех его весомых заслуг в создании и развитии инженерного корпуса России, в какой-то степени и был уязвлен фактом главенства Миниха. Наверное, это понимал и Миних, так как старался не уязвлять самолюбие Де Кулона, и всегда выказывал ему должное уважение и почет. Это подтверждает и изучение значительного количества документов в архиве

ВИМАИВиВС, включающих в себя многолетнюю служебную переписку между Минихом и Де Кулоном. Как правило, Миних в начале своих писем, в соответствии с принятыми в то время правилами, писал: «Высоко благородный и превосходительный господин генерал-лейтенант», а после изложения сути дела излагал свое решение или указание не в повелительной или приказной форме, а с применением таких оборотов речи как-то: «...а по мнению вашего превосходительства...определить надлежит...»¹⁴, или «...того ради вашему превосходительству предлагаю изволить...»¹⁵, или же «...по доношению вашего превосходительства... мною потребованы...»¹⁶ и т. д.

Несмотря на это, смело можно утверждать, что едва ли Де Кулон добровольно перешел в подчинение к Миниху, не испытывая при этом не ощущая себя уязвленным. Тем не менее, среди множества недоброжелателей и врагов Б.Х. Миниха нет имени Де Кулона. Во всяком случае, нам не известны, какие-либо источники, могущие опровергнуть это утверждение. Честь и хвала А.С. Де Кулону, который государственные интересы поставил выше своих, личных, и, даже находясь в подчинении у Миниха, прикладывая все силы, старание и умения для развития инженерного дела в России.

В связи с этим отметим, что деятельность А.С. Де Кулона на благо российского государства не получила достаточного освещения в отечественной историографии и требует дополнительного изучения и исследования.

Итак, с мая 1727 г., как отмечалось выше, инженерное ведомство было поручено генералу Миниху, в ведении которого находились все дела, касающиеся инженерной части, т. е. инженеры, инженерная школа, крепости и пр. Свою деятельность здесь Миних начал с того, что составил «анштальт» (штат) выделенной из состава артиллерийского ведомства инженерной части, который был утвержден 23 июня 1727 г. и в силу которого инженерная часть составляла отдельное самостоятельное управление под руководством Миниха. Б.Х. Миних так торопился приобрести независимость инженерного ведомства от артиллерийского, что по неизвестным причинам не включил в состав нового инженерного штата минерную роту. После этого началось уже открытое противостояние Миниха и Гинтера, опять же окончившееся победой Миниха. В Военную коллегия Минихом было направле-

но донесение, что инженерный корпус отдан под начальство без минерной роты, оставшейся в ведении артиллерийского ведомства, и уже 2 августа 1727 г. состоялся указ о передаче минерной роты в состав инженерного корпуса¹⁷. А вскоре произошло падение одного из самых всесильных недоброжелателей Миниха – князя А.Д. Меншикова.

Уже 11 сентября 1727 г. Миних стал членом ВК, вице-президентом которой в тот же день стал И.Я. Гинтер, который еще с большей настойчивостью старался, если так можно выразиться, насолить Миниху¹⁸. В частности, И.Я. Гинтер в конце сентября 1727 г. отдал указание начальнику Санкт-Петербургской инженерной школы инженер-капитану Гольцману, чтобы инженерная школа, располагавшаяся в одном из помещений артиллерийской слободы Санкт-Петербурга, освободила это помещение. Только 14 октября 1727 г. состоялся указ ВК о том, чтобы школу оставить на прежнем месте, т. е. на «перспективной улице» около реки Фонтанки на дворе Юшкова¹⁹.

Следующим шагом Миниха было составление специальной инструкции, в которой он определил обязанности «обер-директора от фортификации как главы инженерного корпуса...», включающей 14 пунктов и несколько подпунктов²⁰. Необходимость такой инструкции Миних обосновывал тем, что «...такая инструкция мне зело надобна, дабы я мог Его Императорскому величеству в том важном чине пользовательные услуги показать и инженерный корпус во всем, что им знать принадлежит, а паче российских молодых людей, как наилучше обучать»²¹.

В середине августа 1727 г. генерал-лейтенант Де Кулон направил Миниху реестр крепостей, которые предписывалось содержать в соответствии с указом Петра Великого. Кстати, в сопроводительном письме было перечислены наименования 33 крепостей, а в самом реестре – только 30-ти²². 1 ноября 1727 г. Миних направил Де Кулону предписание о составлении фортификационной карты России, на которой следовало обозначить все границы и главнейшие провинции государства, реки и моря, места расположения всех крепостей, которые находились в ведении инженерного управления²³. Заметим, что атлас с точными планами и профилями всех крепостей в дальнейшем получил название «Сила Российской империи», а его составление было завершено лишь в 1746 г.²⁴

После падения Меншикова, несколько раз планирующаяся и откладываемая поездка в Москву молодого императора Петра II для коронации, наконец, была назначена. 20 января двор и император отправились из Петербурга в Москву, куда прибыли 15 февраля²⁵. Это обстоятельство весьма благоприятно сказалось на всей дальнейшей карьере Б.Х. Миниха в России.

Перед поездкой Петр II назначил генерала командующим войсками в Ингерманландии, Карелии и Финляндии и Петербургским генерал-губернатором с оставлением в должности обер-директора над фортификациями империи²⁶. 24 февраля 1728 г. Б.Х. Миних произведен в графское достоинство Российской империи²⁷. А так как Петр II после завершения коронационных мероприятий не собирался возвращаться в Санкт-Петербург, Б.Х. Миних приобрел статус главного начальника над военной и гражданской администрацией столицы.

Уже на следующий день после коронации Петра II из Москвы во все губернии и провинции к губернаторам и воеводам были посланы соответствующие указы «...с объявлением о совершившемся короновании Его Величества» 25 февраля 1728 г. В протоколе Верховного тайного совета (ВТС) № 87 от 26 февраля 1728 г. отдельно сказано, что такой указ должен быть послан и «... в С.-Петербург к генералу графу фон Миниху...»²⁸ С этого момента для честолюбивого и тщеславного Миниха наступили благодные времена и началась полоса сплошного везения и стремительного подъема по карьерной лестнице. К Миниху, единственно от которого зависело производство в следующий чин или предоставление отпусков, стали обращаться с просьбами не только «просто» влиятельные лица, но и члены императорской фамилии, имевшие в частях и подразделениях русской армии, расположенных в Петербурге и его окрестностях, своих сыновей, братьев, племянников, друзей, знакомых и т. д.

В Архиве ВИМАИВиВС мы изучили множество таких собственноручно написанных обращений. Вот несколько из них, на наш взгляд наиболее любопытных. Цесаревна Елизавета Петровна 12 апреля 1729 г. обращается к Миниху «благородный господин генерал и кавалер» с просьбой о производстве поручика князя Якова Шаховского в капитаны лейб-регимента, подписав письмо: «В прочем пребывающая в вашей милости доброжелательная Елизавет»²⁹. После других писем Елизаветы Петров-

ны с просьбами к Миниху, подписанных ею в таком, например, виде: «...в надежде склонного вашего в том исполнении пребываем»³⁰, отчасти, становится понятно, почему Елизавета Петровна так жестоко расправилась с Минихом и его семейством после своего восшествия на российский престол. Мы полагаем, для Елизаветы, при принятии такого решения, помимо всех официально предъявленных Миниху так называемых «вин», может быть, главенствующее значение имели личные мотивы и затаенные до поры до времени обиды – за то униженное положение, в котором оказывалась дочь Петра Великого при обращении к Миниху, который всего лишь несколько лет находился на русской службе, на которую его, кстати, принял ее отец.

Вот письмо от 9 марта 1728 г. генерал-фельдмаршала князя И.Ю. Трубецкого к Миниху: «...прошу ваше превосходительство определить... и надеюсь сего моего прошения оставить не изволите, в чем я в противном случае отслужить вам не оставлю»³¹. Кстати, отметим, что И.Ю. Трубецкой и Б.Х. Миних были произведены первый в «генерал-фельдмаршалы», а второй в «графы» в один день, т. е. 24 февраля 1728 г.³²

Или же письмо от 30 декабря 1728 г. генерал-майора В.Д. Корчмина, видного русского военного инженера, сподвижника Петра Великого, с «покорностью ваше высокоблагородие...» просящего за своего родственника, со словами: «...за что вашему высокоблагородию со всей моей покорностью отслужить обещаюсь»³³.

21 декабря 1727 г. ВК подала на имя Петра II доклад с предложением об учреждении инженерного корпуса, школы и минерной роты, и для управления всем этим и инженерной конторы с соответствующими штатами, разработанными Военной коллегией на основе двух штатов. Проект одного из них был разработан генерал-лейтенантом А.С. Де Кулоном, подан Главной артиллерией для утверждения в ВК и был утвержден 30 мая 1726 г.

Напомним лишь о том, что в соответствии с этим штатом инженерные офицеры были разделены на полевых (армейских), состоящих при войсках, и гарнизонных, принимавших участие в ремонте старых и строительстве новых крепостей и укрепленных пунктов. Их статус был уравнен со статусами артиллерийских офицеров. Доклад в Военную коллегияю об уравнивании в рангах инженерных офицеров с артиллерийскими был подан

еще 21 октября 1723 г. тогда еще «от фортификации генерал-майором» Де Кулоном (в документе Де Кулонг)³⁴. Ранги и оклады денежного содержания инженерных офицеров были определены более высокими по сравнению с армейскими офицерами.

Б.Х. Минихом были поданы в ВК свои предложения о штате инженерного корпуса. Миних писал, что составленный в Главной артиллерии штат (анштальт) инженерного корпуса рассмотрели совместно с генерал-лейтенантом Де Кулоном и на его основе составили свой проект штата, который и представили на рассмотрение в ВК. В этом документе предлагалось упразднить деление инженерных офицеров на полевых и гарнизонных, а полевых и гарнизонных (крепостных) штаб- и обер-офицеров с другими служащими уравнивать в окладах денежного содержания и разделить их на 3 части: одну содержать в остзейских крепостях, другую – в российских и третью – при персидских, в соответствии с рангами и классом крепостей.

ВК из двух представленных проектов об учреждении инженерного корпуса, минерной роты, инженерной школы и конторы составлен «аштальт», который был приложен к докладу Петру II об учреждении инженерного корпуса в соответствии с приложенными к своему докладу штатами³⁵.

3 июня 1728 г. Петром II было дано указание об учреждении инженерного корпуса, школы, минерной роты и инженерной конторы. Инженерный корпус предписывалось содержать в соответствии со штатом (анштальтом)³⁶, составленным Военной коллегией и утвержденным Верховным тайным советом (ВТС) 7 июня 1728 г.³⁷

Отметим, что в тот момент Государственная Военная коллегия была подчинена ВТС³⁸, созданному в соответствии с указом императрицы Екатерины I от 8 февраля 1726 г.³⁹, а не Правительствующему Сенату (с момента учреждения ВТС стал именоваться «Высокий Сенат»), который сам находился в подчиненном положении к ВТС. Кстати, с воцарением Петра II характер подчинения Сената ВТС проявляется в более резких формах чем при Екатерине I. О каких-либо «советах» ВТС с сенаторами нет и речи, а из него в Сенат передаются лишь категорические указания и приказы.

«Анштальт», утвержденный в 1728 г., до конца 50-х гг. XVIII столетия определял организационное устройство инженерных

войск и соответственно состоял из следующих разделов, определявших количество личного состава с его жалованием и рационами, а также другие вопросы материально-технического обеспечения минерной роты: 1) генералитет с его канцеляриями; 2) Инженерный полк, состоящий из восьми «компаний» (рот) из офицеров и кондукторов; 3) инженерные служители при крепостях (писари, мастеровые и т. д.); 4) инженерная школа; 5) инженерная контора (или контора инженерного правления); 6) минерная рота.

Конечно же, такое деление было по сути условным, так как инженеры, минеры и служители, сведенные в отдельные команды, состоящие иногда из нескольких человек, привлекались к несению службы в разных местах, никогда не собираясь вместе.

Следует также отметить еще один весьма существенный момент. До середины XVIII в. понятие «инженерный корпус» не имело привычного сегодня для нас значения. Тогда этими словами обозначались собственно только те, кто нес инженерную службу – генералитет, военнотружущие инженерного полка и служители при крепостях. А инженерная школа, контора инженерного правления и минерная рота как бы стояли особняком, так как непосредственно к инженерной деятельности отношения не имели, хотя и входили в состав инженерного корпуса.

Это можно объяснить тем, что минерная рота укомплектовывалась личным составом, имеющим другую воинскую специальность, отличную от инженерной, а контора и школа не входили в состав инженерного корпуса так же, как не входили в состав полевой армии Государственная ВК, которая управляла ею, и готовивший для нее офицеров Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Выражаясь современной терминологией, инженерная школа и контора были наподобие подразделений обеспечения и управления.

Штат 1728 г., которым продолжали руководствоваться в течение почти 30 лет, помимо номинальной структуры, имел один весьма серьезный недостаток – предусмотренное в нем количество людей было гораздо меньшим, чем требовалось. Подтверждением этому факту служит письмо Б.Х. Миниха в Государственную Адмиралтейскую коллегия с просьбой о зачислении в инженерный корпус учеников геодезии Морской академии в

С.-Петербурге и соответственно об их исключении из академии, мотивируя это следующим образом: «Понеже и ныне команды моей в инженерный корпус для комплекта оного числа по штату служителей требуется немалое число и за не имением оных в содержании крепостей остается весьма немалая нужда ...прошу дать указом его Императорского Величества повелено будет в вышеписанный инженерный корпус нужд означенных учеников геодезии для определения в оной инженерный корпус разделить и из академии выключить»⁴⁰.

В соответствии с указами, изданными в различное время, в штате инженерного корпуса к 1749 г. «по необходимой надобности» числилось более 300 человек сверх штата⁴¹. То же происходило и в дальнейшем. Тем не менее, людей все равно было недостаточно. Кроме работ, ведшихся в крепостях и на укреплениях, количество которых со времени составления штата увеличилось практически вдвое (например, огромные объемы работ на Царицынской и Украинской линиях), инженеры принимали участие в сооружении различных инженерных сооружений гражданского профиля, таких как дороги, каналы, гавани, доки, назначались в состав различных экспедиций, выполнявших в том числе секретные задачи и поручения, а также использовались в других областях, не имевших иногда никакого отношения к инженерному делу.

Военная коллегия стремилась не увеличивать численность инженерного корпуса, стараясь соблюдать штат 1728 г. При необходимости, инженерных служащих, находившихся за штатом, содержали на сумму, оставшуюся от 70 000 р., ежегодно отпускаемых государством на ремонт крепостей. Рекомендовалось обходиться людьми, находившимися в наличии, и привлечением к работе инженерных учеников, которых тоже не хватало. Это становится очевидным из письма Б.Х. Миниха генерал-лейтенанту Де Кулону от 4 января 1728 г. в котором он пишет, что «...ныне при инженерной школе учеников имеется самое малое число»⁴². Кстати, это позволяет нам усомниться в правильности суждения Н.Л. Ломана, что якобы к 1728 г. «...прежний комплект (150) учеников ... был всегда полон... и еще состояло немалое число сверх комплекта...»⁴³

Более детально деятельность Санкт-Петербургской инженерной школы в постпетровское время нами рассмотрена в преды-

душих работах⁴⁴, поэтому считаем нецелесообразным дальше подробно останавливаться на этом вопросе.

Начиная с 1724 г. численный состав инженерного корпуса постоянно увеличивался. Наглядно это видно из приведенной ниже таблицы 1.

Табл. 1

Наименование подразделения, входящего в состав инженерного корпуса	Количество личного состава в подразделении в соответствии с утвержденным штатом в тот или иной год				
	1710	1712 ⁴⁵	1724 ⁴⁶	1728 ⁴⁷	1730 ⁴⁸
Инженерный полк	-	-	236	262 (здесь и далее цифры без учета денщиков)	313
Одна инженерная рота в составе инженерного полка (всего 8 рот (компаний))	-	-	29	29	В 8 ротах 295 чел.
Минерная рота	38 ⁴⁹	75	89	211	259
Инженерная школа	-	-	-	66	81
Прочие инженерные чины и служащие (при крепостях и гарнизонах)	-	37	409	192	530

Увеличение количества обслуживающего персонала допускалось в том случае, если присутствовала экономия средств, получавшаяся в результате перевода доли полевых вакансий на гарнизонные, менее оплачиваемые в сравнении с полевыми, или же при уменьшении размеров чиновничьих окладов. Например, в 1749 г. штат увеличился на 24 прапорщика, которым было определено жалованье, соответствующее должности кондуктора⁵⁰.

На годовое содержание инженерного корпуса, инженерной школы и конторы, а также минерной роты из артиллерийской суммы в 300 000 р., определенной в соответствии с имен-

ным указом Петра I от 29 мая 1724 г. на содержание армейской и гарнизонной артиллерии, на жалованье, провиант и фураж⁵¹, выделялась сумма в 55 297 р. 8 к.⁵², (в соответствии с архивными данными – 55 189 р. 87,5 к.⁵³), а именно: на инженерный корпус (генералитет, офицерский корпус и прочие инженерные чины и служителей) – 44 755 р. 74 к.; на инженерную школу – 2407 р. 12,5 к.; на инженерную контору – 1576 р.; на минерную роту – 5993 р. 86,5 к.; на материально-техническое обеспечение минерной роты – 312 р. 53 к.

По ходатайству Б.Х. Миниха было принято решение о том, что начиная с 1729 г. полагавшаяся на содержание инженерного корпуса сумма в артиллерию не отсылалась, а отсылалась прямо в инженерный корпус⁵⁴.

Таким образом, инженерное управление, после его отделения от артиллерийского ведомства, получило самостоятельное положение в органах военного управления и военной администрации и было непосредственно подчинено Военной коллегии, из которой получало соответствующие предписания и указы. Придание инженерным подразделениям самостоятельности в организационном плане и некоторой автономности от артиллерийских частей имело немалое значение для развития и дальнейшего совершенствования организационной структуры русской армии и дальнейшего развития инженерного корпуса.

Утверждения некоторых отечественных историков и ученых о том, что якобы указом Петра II от 3 июня 1728 г. было положено начало отдельному, самостоятельному существованию инженеров в России, не совсем правильное⁵⁵. Выше мы показали, что еще в начале 20-х гг. XVIII в. первые конкретные шаги в этом направлении были сделаны Я.В. Брюсом и А.С. Де Кулоном.

1 июля 1728 г. произошло немаловажное событие для самого Б.Х. Миниха и для экономики Российской империи. Ладожский канал, строившийся под руководством Миниха, был частично открыт для судов. Петр II дал указание ВТС изготовить благодарственный адрес, который и был вручен Миниху в этом же месяце.

Строительство Ладожского канала на этом не закончилось. ВТС в конце декабря 1728 г. принял решение о продолжении строительства канала до Шлиссельбурга, мотивируя это тем, что он имел важное экономическое и политическое значение, успеш-

твенно удешевлял доставку различных товаров и материалов из центральных регионов России в Санкт-Петербург и его окрестности⁵⁶. Однако ВТС решил проверить – вся ли работа при строительстве канала выполнена в том объеме и с тем качеством, как это было представлено в докладе Миниха, поданном им еще Екатерине I. С этой целью была сформирована специальная комиссия в составе одного из компетентных сенаторов и генерал-лейтенанта Де Кулона. Результаты своей работы комиссия обязана была представить прямо в ВТС⁵⁷.

Далее события в артиллерийском и инженерном ведомствах развивались следующим образом. Напомним, что Екатерина I, в связи с увольнением в отставку генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса, поручила И.Я. Гинтеру управление всей артиллерией. Несмотря на интриги Миниха, И.Я. Гинтер был утвержден в должности генерал-фельдцейхмейстера императором Петром II в сентябре 1728 г.: «...в 1728 г. сентября 9 дня Его Императорское Величество указу ему генералу Гинтеру пишется генерал-фельдцейхмейстером...»⁵⁸

В сентябре 1728 г. произошло переименование конторы инженерного правления, которая стала называться Главной (или Генеральной) фортификационной конторой⁵⁹, и права Б.Х. Миниха как обер-директора уравнивались с правами И.Я. Гинтера как генерал-фельдцейхмейстера⁶⁰. Это было приятным моментом для ущемленного самолюбия Миниха.

В октябре 1728 г. граф фон Миних принимал участие в организации похорон в Петербурге дочери Петра Великого и Екатерины I – Анны Петровны, умершей в Голштинии⁶¹.

Вместо умершего в феврале 1729 г. генерал-фельдцейхмейстера И.Я. Гинтера, генерал фон Миних занял пост вице-президента Военной коллегии. А 20 мая 1729 г. Б.Х. Миних был назначен главным в артиллерии: «...сиятельный и высокорожденный граф господин генерал и кавалер и над фортификациями всей Российской империи обер директор... Указом Его императорского величества из государственной военной коллегии главной артиллерии 20 мая сего 1729 года объявлено в указе той коллегии из Верховного тайного совета написано, Его Императорского Величества указом (от 28 апреля 1729 г. – В. Б.) артиллерией ведать вашему сиятельству и быть при том деле главным»⁶² и поручено управление создаваемой Канцелярией от артиллерии и фортификации»⁶³.

Подводя промежуточные итоги деятельности Миниха за первые два года его руководства инженерным ведомством Российской империи (1727–1729) следует сказать, что:

во-первых, к несомненным заслугам Б.Х. Миниха на инженерном поприще следует отнести успешное продолжение и завершение строительства части Ладожского канала, игравшего огромное значение для России в экономической и внешнеполитической сфере.

Во-вторых, в начальный период управления Б.Х. Миниха инженерным корпусом положительным моментом можно считать разработку административно-регламентирующих документов, определявших должностные обязанности служащих инженерного корпуса и организацию его деятельности. В частности, была разработана инструкция, определявшая должностные обязанности генерал-директора. Например, в соответствии с вновь составленным регламентом, генерал-директор отвечал за комплектование инженерного корпуса, прием иностранцев на российскую службу. Генерал-директор имел право присваивать (производить) очередной чин вплоть до инженер-майора, предоставлять отпуска, назначать денежное содержание и т. д.

В-третьих, в эти годы окончательно утверждено самостоятельное управление инженерным корпусом – независимо от артиллерийского, что способствовало совершенствованию системы управления и организационно-штатной структуры русской армии. Даже после скорого (31 июля 1729) их соединения в один орган военного управления под названием Канцелярия от артиллерии и фортификации это объединение уже не мешало действовать каждому из управлений самостоятельно.

В-четвертых, мы не в полной мере согласны с тезисом, часто встречающимся в некоторых военно-исторических источниках, суть которого заключается в том, что, мол, якобы Б.Х. Миниху в этот период (1727–1729) принадлежит заслуга разработки плана по учреждению русского инженерного корпуса, проекта его штата, «...заведения специальной школы для приготовления сведущих офицеров по этой части (имеется в виду инженерная часть. – В. Б.)⁶⁴, что он проявлял «...неослабевающую с годами полезную деятельность»⁶⁵ на высоких постах в системе органов военного управления, основанием для назначения на которые и дальнейшего возвышения Миниха послужили милости и до-

верие к нему Петра I, что «...эпоха Миниха не разрывает с Петровской эпохой, что она не является эпохой поворота от данных Петром национальных начал в военном деле к основам, выработанным на западе, эпохой упадка военного искусства в России», что «...военная деятельность Миниха не только не шла вразрез с идеями Петра, но что она сохранила для будущего Петровские начала»⁶⁶ и т. д.

Что касается мероприятий по началу формирования русского инженерного корпуса и разработки проектов штата инженерного корпуса, то об этом мы говорили выше и подробно рассмотрели этот вопрос в предыдущей нашей работе⁶⁷. Первоначальным мероприятием по образованию в России относительно самостоятельной инженерной части послужило определение Военной коллегии в 1722 г. о назначении генерал-майора Де Кулона генерал-директором над всеми российскими крепостями, с подчинением ему всех инженеров, инженерной и минерной рот, несмотря на то что главным начальником инженерных войск являлся генерал-фельдцейхмейстер. Мы полагаем, что заслуги генерал-лейтенанта А.С. Де Кулона в развитии инженерного дела России куда более существенны и полезны по сравнению с миниховскими.

В-пятых, не выдерживает никакой критики утверждение, что Миниху принадлежит заслуга утверждения в России специального образовательного учреждения, готовившего кадры для инженерного корпуса. Опять же, об этом мы много и подробно говорили в предыдущих наших работах. Вкратце отметим, что основанием для создания центра подготовки инженерных кадров в Санкт-Петербурге послужил указ Петра I от 19 марта 1719 г. (в некоторых источниках 16 марта 1719 г.⁶⁸), комплектование которой производилось из учеников Московской инженерной школы⁶⁹. Вновь образованная Санкт-Петербургская инженерная школа была подчинена Де Кулону, отвечавшему за организацию учебного процесса в ней⁷⁰.

В-шестых, личная вражда, возникшая между двумя немцами-генералами И.Я. Гинтером и Б.Х. Минихом из-за попытки последнего незаслуженно занять пост генерал-фельдцейхмейстера, вскоре переросла в активное противодействие Главной артиллерии вновь учрежденному инженерному управлению. Очень скоро это противостояние привело к возникновению враждебности в личных отношениях между служащими артиллерийского

и инженерного ведомств. По всей видимости, дело доходило до массовых драк между артиллеристами и инженерами, из-за чего Миниху пришлось издавать специальный приказ для своих подчиненных, чтобы они «... с артиллерийскими служителями во всем имели согласие и дружеское обхождение, а ссор и прочих не порядков отнюдь бы не вчиняли»⁷¹.

От эскалации конфликта спасло то, что при переезде в Москву Петра II с двором и некоторыми государственно-административными органами гражданского и военного управления, Главная артиллерия также переехала в Москву, а Миних остался в Петербурге.

¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное инженерное управление. Исторический очерк. Ч. I. СПб.: типография акционерного общества печатного дела «Слово», 1902. См.: Введение. С. XXVII.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 183.

³ Полное собрание законов Российской Империи. Первое собрание. (ПСЗ). СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Т. 7. (1723–1727). 932 с. № 4229. С. 67–68.

⁴ Там же. № 4412. С. 201.

⁵ Там же. № 4430. С. 209.

⁶ Там же. № 4427. С. 207.

⁷ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Императора Петра Великого. СПб.: Императорская Академия Наук, 1861. 642 с. С. 586–587.

⁸ Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации. М.: Государственное военное издательство, 1931. 287 с. С. 85.

⁹ Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. С. 587.

¹⁰ РГВИА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

¹¹ Там же. Ф. 826. Оп. 2. Д. 463. Л. 1–3.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–3.

¹³ Столетие Военного министерства. См.: Введение. С. XXVII.

¹⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 212. Л. 2 об.–3.

¹⁵ Там же. Л. 111 об.–112.

¹⁶ Там же. Оп. ШГФ. Д. 77. Л. 2. и др.

¹⁷ Там же. Д. 74. Л. 32.

¹⁸ Хмыров М.Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха // Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: в типографии В. Безобразова и Комп., 1874. 406 с. С. 244.

¹⁹ Савельев А.И. Исторический очерк инженерного управления в России. СПб.: типография Р. Голике, 1879. Ч. 1. 324 с. С. 76.

²⁰ Савельев А.И. Указ. соч. С. 70–74.

²¹ Цит. по: Савельев А.И. Указ. соч. С. 226.

- ²² Савельев А.И. Указ. соч. С. 234–235.
- ²³ Савельев А.И. Указ. соч. С. 226–227.
- ²⁴ Столетие Военного министерства. См.: Введение. С. XXXI.
- ²⁵ Манштейн Х.Г. Современные записки о России в историческом, политическом и военном отношении. Ч. I. Дерпт: в университетской типографии М. Гренциуса, 1810. 425 с. С. 62.
- ²⁶ Миних Э.И. Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания графа Эрнста Миниха. СПб.: типография В.С. Балашева, 1891. 328 с. С. 20; Столетие военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб.: типография П.О. Пантелеева, 1902. 682 с. С. 23–24.
- ²⁷ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1728. Т. V. (Январь-июнь 1728 г.) // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 79. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1891. 604 с. С. 170.
- ²⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. С. 175.
- ²⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 74. Л. 413.
- ³⁰ Там же. Д. 79. Л. 319.
- ³¹ Там же. Д. 74. Л. 110.
- ³² Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. С. 170.
- ³³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 74. Л. 341.
- ³⁴ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное инженерное управление. См.: Приложения. С. VIII–IX.
- ³⁵ Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. Ч. III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб.: Императорская Академия Наук, 1865. 1016 с. С. 819–820.
- ³⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4785а. Л. 3 об–4.
- ³⁷ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Протокол № 247. С. 422–423.
- ³⁸ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. I. СПб.: Сенатская типография, 1911. 665 с. С. 379.
- ³⁹ История Правительствующего Сената за двести лет. С. 345.
- ⁴⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 212. Л. 25 об.–26.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 218. Л. 14 об.; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4785а. Л. 10–10 об.
- ⁴² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 212. Л. 2 об.–3.
- ⁴³ Цит. по: Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1862. 201 с. С. 14.
- ⁴⁴ Бенда В.Н. Деятельность системы подготовки артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке: монография. СПб.: ГУАП, 2009. 154 с. С. 83–101; Его же. Деятельность Санкт-Петербургской инженерной школы с момента образования и до 1758 г. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. № 2. Серия «История» С. 56–69; Его же. Военно-специальные школы России в первой половине XVIII в. Монография. Германия. Saarbrücken. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. 2011. 317 с. С. 269–303.
- ⁴⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4785а. Л. 2.
- ⁴⁶ Там же. Л. 2 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 3 об.–4.
- ⁴⁸ Там же. Л. 4 об.–5 об.

- ⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 195.
- ⁵⁰ Там же. Оп. ШГФ. Д. 4785а. Л. 10–10 об.; РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 264. Л. 17–18, Д. 303. Л. 5–6 об.
- ⁵¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 75. Л. 214–214 об.
- ⁵² Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. С. 432.
- ⁵³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1074. Л. 47.
- ⁵⁴ Там же. Д. 79. Л. 319.
- ⁵⁵ Савельев А.И. Указ. соч. С. 69.
- ⁵⁶ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1728. Т. VI. (Июль – декабрь 1728 г.) // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 84. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1893. 745 с. С. 511.
- ⁵⁷ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1728. Т. VI. С. 568.
- ⁵⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3392. Л. 2.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 463. Л. 1–3.
- ⁶⁰ Хмыров М.Д. Указ. соч. С. 247.
- ⁶¹ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1728. Т. VI. С. 571.
- ⁶² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 75. Л. 2; РГВИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
- ⁶³ РГВИА. Ф. 5. Оп. 1/72. Кн. 2. Л. 1–206.
- ⁶⁴ Цит. по: Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории. (Электронный ресурс.) URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/435702/> (дата обращения 13.07.14).
- ⁶⁵ История русской армии и флота. Вып. 2. М.: Типография русского товарищества, 1911. 182 с. С. 5.
- ⁶⁶ Цит. по: Байов А.К. Курс истории русского военного искусства: Вып. III. Эпоха Миниха. (Царствование императрицы Анны Иоанновны). СПб.: Тип. Гр. Скачкова, 1909. 97 с. С. 90–91.
- ⁶⁷ Бенда В.Н. Основание Петром I русского инженерного корпуса в первой четверти XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10. Ч. 2. С. 35–40.
- ⁶⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1 (Приказ артиллерии). Д. 230. Л. 539.
- ⁶⁹ РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 598. Л. 3.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ⁷¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 73. Л. 314.

С.Н. Бирюк (Псков)

147-й ПЕХОТНЫЙ САМАРСКИЙ ПОЛК В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 ГОДОВ

Мобилизация и путь на фронт

В НОЧЬ на 27 января 1904 г. японский флот внезапно атаковал русскую Тихоокеанскую эскадру, стоящую на внешнем рейде Порт-Артура, а днем 27 января у порта Чемульпо – крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». Началась Русско-японская война.

27 января издан был Высочайший манифест, объявлявший населению империи, что Наместнику Е. И. В. Алексееву на Дальнем Востоке повелено «вооруженною силою ответить на вызов Японии». В манифесте говорилось, что «были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Д. Востоке»; что «в сих миролюбивых целях изъявлено было согласие на предложенный японским правительством пересмотр существующих между обеими империями соглашений по корейским делам», но что Япония, «не выждав даже получения последних ответных предложений» нашего правительства, разорвала дипломатические сношения с Россией и начала военные действия¹.

28 января была начата мобилизация войск Наместничества, а 2 февраля – Сибирского военного округа. Для подкрепления войск Дальнего Востока были назначены X и XVII армейские корпуса и 6 резервных дивизий. 1-я частная мобилизация началась 25 апреля, развертывание резервных дивизий отложили.

После 1-й частной мобилизации планы по отправке подкреплений изменились. Дело в том, что первый бой с японцами на реке Ялу показал, с каким серьезным противником предстоит борьба. Признано было необходимым назначить в действующую армию преимущественно полевые, а не резервные части. Одна-

ко отказываться от переброски резервных войск было уже поздно, так как полевые войска еще не были готовы к отправке. Полное изменение плана повлекло бы перерыв в движении войск на Дальний Восток. Поэтому было решено вместо 6 резервных дивизий направить 4, остальные заменить I армейским корпусом².

I армейский корпус дислоцировался в Петербургском военном округе. В состав корпуса входили 22-я и 37-я пехотная дивизии, артиллерийские, инженерные и другие вспомогательные части. Для приведения корпуса в боевую готовность была намечена 3-я частная мобилизация, первым днем которой было 4 июня³.

Со времени введения Устава о воинской повинности 1874 г. в Российской империи было установлено, что для однородности частей войск каждая из них получала бы новобранцев, по возможности, из одного и того же определенного района, с одного и того же участка. Все местности внутренних губерний России с коренным русским населением разделялись на основные участки, по числу армейских пехотных полков, входящих в состав дивизий. В большинстве случаев участок включал 2–3 уезда, но в зависимости от численности населения мог включать до 6. Ежегодно полк получал $\frac{3}{4}$ новобранцев с одного и того же основного участка. Остальные новобранцы поступали из местностей со сплошным иноплеменным населением. Подобное распределение сохранялось и при мобилизации⁴.

Уезды Псковской губернии входили в основные участки комплектования полков 37-й пехотной дивизии, в частности 147-го пехотного Самарского и 148-го пехотного Каспийского полков⁵.

9 июня от управления по делам воинской повинности в адрес псковского губернатора поступило совершенно секретное письмо. Оно гласило, что «для предстоящей в самом ближайшем времени третьей частной мобилизации некоторых частей войск и учреждений Санкт-Петербургского, Московского, Киевского и Казанского военных округов необходимо призвать нижних чинов запаса и произвести поставку лошадей в нескольких уездах, не вошедших первоначально в план частной мобилизации».⁶

Согласно действовавшему в тот период мобилизационному расписанию № 18, на укомплектование 147-го пехотного Самарского полка из запаса призывалось 1442 нижних чина Островского и 235 нижних чинов Порховского уездов⁷.

В Качановской волости Островского уезда объявление о призыве было получено из Островского уездного полицейского управления 19 июня, утром 20 объявлено, с началом сбора запасных 21 июня. Однако часть запасных явилась к волостному правлению уже 20 июня и требовала немедленной отправки в г. Остров. Волостной старшина, боясь волнений, исполнил это требование. В волости призывалось всего 110 человек, 40 из них прибыли раньше времени. Разместились они на постоянных дворах или у знакомых. Денег у них на питание не было, а волостной старшина Мартин Тимофеев уехал в Псков по неотложному общественному делу, не заботясь о запасных. По Вышегородской волости запасные должны были следовать на подводах 21 июня, однако из двух обществ, Гривского и Щербаковского, отправились самовольно на 1-й день мобилизации – 20 июня. Вскоре вопрос с питанием и размещением был благополучно решен. Стоит отметить, что население к мобилизации отнеслось безропотно и не уклонялось от призыва, наблюдалось даже поднятое настроение⁸.

По мере сбора команд, запасные по железной дороге направлялись в место дислокации Самарского полка – Ораниенбаум. Здесь 27 июня начались занятия с запасными. 1-й и 2-й батальоны проходили стрелковую подготовку, 3-й и 4-й – одиночное обучение и ознакомление с уставом. На следующий день батальоны поменялись. 29 и 30 июня обучение и стрельба продолжались. Вскоре начались занятия по сколачиванию подразделений. Всю первую половину июля полк проходил взводные, ротные, батальонные тактические учения. Изучалось сторожевое охранение⁹.

20 июля император Николай II провожал 147-й Самарский и 148-й Каспийский пехотные полки в Петергофе, благословляя и желая победоносного возвращения. Офицеров император благодарил за труды по приведению полков в столь короткое время в блестящий вид, говорил, что полки представились даже лучше, чем в мирном составе.

По окончании смотра Николай вручил командиру корпуса икону, благословение от войск гвардии и Петербургского военного округа. Тут же были переданы иконы от частей корпуса, не следующих с ним в поход: 50-й резервной пехотной бригады и артиллерии корпуса (22-й и 37-й артиллерийских бригад)¹⁰.

Вскоре 147-й Самарский полк начал погрузку в эшелоны. Очевидец так описывает происходившее на вокзале: «Густая толпа людей всякого звания обступала наш поезд. Одни спокойно нас разглядывали, иные плакали, а иные забавлялись картиной этой шумной суеты. Слышно было пение, ликующие возгласы и всхлипывание. ... И вот резко, громко, безжалостно прозвучал третий звонок... Раздались истерические рыдания и громкие всхлипывания, заглушаемые пением солдат и громким “ура” толпы. Жутко стало на сердце от такой симфонии, при воспоминании о которой и теперь еще у меня дрожь пробегает по спине»¹¹.

Довольствие в пути было хорошее: посылались по ходу движения телеграммы о заготовке потребного количества продуктов, и пища готовилась в походных кухнях в приспособленных для этого вагонах. Предпочитали пищу своего приготовления, а не подаваемую на пунктах питания. В Москве один из вагонов приспособили под полевые кухни. Поначалу кухни топились под кипяток, но затем станции с продовольственными пунктами стали попадать на ночное время, и тогда пища готовилась в походных кухнях, благодаря этому люди могли обедать днем. В вагон, входили только две кухни и пищу варили два раза, так за один раз могли обедать только две роты. Довольствие из походных кухонь имело тот недостаток, что в них нельзя варить каши. Второй вагон использовать под кухню не было возможности: «...ибо в поезде было всего 35 вагонов, из коих один – офицерский, шесть – для 43 лошадей, один – для казенной прислуги, один для кухни, один под фураж и один – для больных трахомой. Таким образом, для помещения людей остается 24 вагона, что крайне мало для батальона. В каждом вагоне по 38–40 человек, крайне тесно расположенных; подстилки людям нет никакой. Лошади стояли по восемь в вагоне»¹².

В конце августа 1904 г. эшелоны 37-й дивизии стали выгружаться в Маньчжурии. 30 августа на станцию Хушитай прибыли 6 эшелонов Новочеркасского и Царицынского полков. 2 и 3 сентября выгружались последние эшелоны Каспийского и Самарского полков¹³.

21 сентября Русская армия перешла в наступление, началось сражение на р. Шахэ. Наступление велось двумя группами – Западным и Восточным отрядами. Стык Западного и Восточного отрядов прикрывался отрядом генерала, продвигавшимся

к Янтайским сопкам. За ним следовал общий резерв, в том числе и 37-я пехотная дивизия. 27 сентября отряд Мау занял сопки Лесистая и Двурогая. 28 сентября эти сопки были атакованы японскими 10-й пехотной дивизией и 15-й бригадой 2-й пехотной дивизии. Тяжелое положение отряда генерала Мау вынудило Куропаткина поддержать его силами 37-й дивизии. В таких условиях вступала в сражение на реке Шахэ 37-я пехотная дивизия.

Сражение на реке Шахэ

147-й пехотный Самарский полк в свой первый бой вступил в ночь на 29 сентября. Полк насчитывал 68 офицеров и 3325 нижних чинов. 1-й батальон подполковника Петра Гужева в 8 вечера 28 сентября был выдвинут на позицию между Двурогой сопкой и позициями отряда генерала Мау.

Батальон был направлен из резерва для поддержки Новочеркасского и Царицынского полков, атакованных превосходящими силами 10-й японской дивизии. Генерал Мандрыко, командовавший отрядом из этих полков, приказал 1-й роте Самарского полка капитана Демидова занять кумирню, остальным – окопы царицынцев. Едва самарцы начали выполнять этот приказ, как попали под жестокий ружейно-пулеметный огонь. Начавшийся бой заставил генерала Мандрыко изменить план, одна рота заняла кумирню, остальные роты расположились у восточных скатов Двурогой сопки¹⁴.

В начале второго ночи орудия 2-й батареи 43-й артбригады дали три последовательных выстрела, после чего наступила гнетущая тишина. Опасаясь за судьбу батареи, Мандрыко направил к ней одну роту Самарского полка. Прибывший дозор доложил, что батарея, оставив два зарядных ящика, снялась с позиции. Одновременно поступили сообщения об обходе японцами 4-го батальона Новочеркасского полка.

Японцы вели огонь, не прекращавшийся до самого утра, иногда кричали «ура!», желая, по-видимому, вызвать русских на встречу, так как после этих криков слышалась усиленная стрельба из пулеметов. 4-й батальон новочеркасцев отступил, начала отходить и 1-я рота Самарского полка. В 5 часов кумирня была оставлена. Мандрыко приказал вернуть утраченные позиции, однако сделать это не удалось¹⁵.

Командир отряда приказал начать отход. Японцы вели интенсивный обстрел отступавших. Из резерва были выдвинуты по роте Самарского и Новочеркасского полков. Увлекаемые офицерами, пехотинцы бросились вперед и, хотя не смогли забраться на отвесные камни Двурогой сопки, но все-таки сдержали противника и позволили отступавшим отойти в порядке.

Мандрыко доложил в штаб, что соседние части отошли и его отряд «изолирован, но продержится до рассвета». Также генерал просил подкрепления.

На помощь были направлены два батальона. Еще до прибытия подкреплений, 2-я рота Самарского и 7-я рота Новочеркасского полков провели контратаку. Двурогая сопка и кумирня вновь перешли в руки русских¹⁶.

Однако в 9 часов утра был получен приказ отойти к д. Тунсанхо. К 16 часам отряд сосредоточился у этого населенного пункта.

С отходом отряда генерала Мандрыко, занимавшего эту сопку отошел и этот батальон. 2-й и 3-й батальоны были в резерве у д. Тунсанхо. Утром 29 сентября 3-й батальон находился в прикрытии артиллерии у этой деревни.

29 сентября в 9 утра поступило приказание «2-му и 3-му батальонам Самарцев со 2-й и 4-й батареями 43-й артиллерийской бригады следовать в распоряжение командира 4-го Сибирского арм. корпуса в дер. Хамытань». К 12 часам эти части прибыли к месту назначения и усилили центр и правый фланг корпуса. 4-й батальон находился при Главной квартире А.Н. Куропаткина¹⁷.

Днем 1-й батальон с подразделениями Каспийского полка занял д. Саньцаца. Ночью пошел дождь, при сильном ветре. Под прикрытием стихии и ночной тьмы, японцы атаковали деревню. Наступавшие пытались охватить фланги русских войск.

Атака была отбита ружейными залпами рот Самарского и Каспийского полков. 1-я и 4-я роты Самарского полка капитанов Евгения Демидова и Виктора Бирюкова перешли в штыковую контратаку, однако японцы, подтянув подкрепления, отбили ее. Затем последовала вторая атака японской пехоты, отраженная исключительно ружейным огнем¹⁸.

Тем временем на позиции 4-го Сибирского корпуса, занимаемые Барнаульским и Семипалатинским полками, японцы вели яростные атаки. На помощь был отправлен батальон Самарского полка. Он встал в резерве за атакуемым участком. Японцы

в 4 часа дня начали новые атаки. Они при поддержке еще одного батальона самарцев были отбиты.

К вечеру командир 4-го Сибирского корпуса получил приказ, так как соседние части отступили: «Примите меры к обеспечению Вашего правого фланга; если признаете нужным, отнесите позицию несколько назад; возможно меньше»¹⁹.

На поле боя опустилась ночная тьма. Части выставили дозоры. В случае наступления японцев было приказано встретить их в окопах штыками, без стрельбы, без криков «ура», а лишь сомкнувшись плотнее. Японцы в 11 часов вечера открыли сильный артиллерийский и ружейный огонь.

Атаки начались в полночь. Главный удар был направлен на сопки, защищаемые Самарским и Иркутским полком. Батальоны получили приказ отстоять позиции или умереть. К моменту атаки цепи были усилены и приказ повторен. Японцы провели три последовательные атаки; первые две были отражены ружейным огнем, а последняя штыковым ударом. Японцы производили атаки следующим образом: «...сначала был слышен гул от сбора войск, затем шумдвигающихся колонн, который скорей угадывали, чем слышали, вслед затем раздавался единодушный и дружный крик “банзай”. Японцы не выдерживали гробового молчания русских рот и с 500 шагов открывали частый огонь; получив ответные залпы, отступали.

Так как артиллерия накануне была снята с позиций, то самарцам и иркутцам приходилось отбиваться только ружейным огнем. Несмотря на это, они с честью отстояли позиции²⁰.

В бою пропали без вести командир 7-й роты капитан Витольд Белявский и поручики Павел Морозов и Андрей Лапин. Погиб поручик Федор Тихонов. 15 января 1905 г. от ран скончался штабс-капитан Журавлев. Павел Хорев спас жизнь командующему 6-й роты штабс-капитану Павлу Терпиловскому.

30 сентября только 1-й батальон Самарского полка оставался в распоряжении командира 1-го армейского корпуса. Он расположился у д. Тунсанхо. Около 15 часов Куропаткин приказал корпусу отойти на новые позиции Шэшаньцза – Иньшоутунь. Самарцы отходили последними, прикрывая отступление других полков. Они заняли позиции на высотах к западу от д. Иньшоутунь, составив крайний левый фланг расположенный корпуса²¹.

Ночью части, располагавшиеся рядом с 1-я батальоном самарцев, отошли, оставив фланг открытым. С рассветом стало видно, что японцы сосредотачиваются против позиций Самарского и Капитолийского полков. Рапорт командира 4-го батальона Самарского полка подполковника Вячеслава Орехова сообщал, что на сопках поднимался японский флаг, затем на них взбирались густые цепи противника²².

Утром 1 октября японцы начали атаки. Батальон Самарского полка был назначен в резерв, но потом занял позиции между Новочеркасским и Каспийским полками. Бой на позициях 1-го батальона Самарского полка ограничился перестрелкой. Самарцы поддержали ружейным огнем Каспийский полк, когда его позиции атаковали значительные силы японцев. Другой соседний полк – Новочеркасский – не выдержал атак японцев и отошел. Самарцы, чтобы не обнажить фланг Каспийского полка, перешли в контратаку, причем многие офицеры стреляли из револьверов по японским пехотинцам. Противник штыкового боя не принял.

Дав время каспийцам отойти уступом влево, Самарский батальон начал отступление под напором японцев. Одна часть батальона отошла у Сандиаза, другая к Эрдагоу²³.

Накануне боя 4-й батальон Самарского полка был выдвинут из резерва на крайний левый фланг позиции. Отряд генерала Мау оставил соседний участок, и 4-й батальон оказался под угрозой удара во фланг и тыл. С рассветом японцы подвергли позиции батальона обстрелу огнем двух артиллерийских батарей из района д. Шимяоцзы. Нашу артиллерию поднять на сопки не удалось, и части, расположенные на левом фланге, остались без артиллерийской поддержки. Объясняется это тем, что, в отличие от русских, японцы имели легкие горные орудия.

В 8 часов утра японская пехота начала колоннами спускаться с сопки у с. Тунсанхо и отсюда расходилась в восточном и южном направлениях, занимая исходное положение для атаки. Самарцы были усилены 4 ротами Царицынского полка.

В полдень полк противника при поддержке горной артиллерии начал атаки на русские позиции. Самарцы и царицынцы отбивали противника залповым ружейным огнем. Около часа дня был получен приказ отступить на рубеж Эрдагоу – Сандиаз²⁴.

2-й и 3-й батальоны 147-го Самарского полка, находившиеся в составе 4-го Сибирского корпуса, были назначены в 9 утра в общий резерв Куропаткина. Они были направлены в Эрдагоу²⁵.

2 октября все четыре батальона Самарского полка собрались у д. Хуаньцзятунь, поступив в общий резерв Маньчжурской армии.

Самарский полк потерял офицеров: убитыми 2, ранеными 23, пять осталось на поле боя; нижних чинов 158 убитыми, 602 ранеными и 213 осталось на поле боя²⁶.

Отличившиеся нижние чины Макар Песник, Павел Хорев, Илья Тихонов, Андрей Петров, Михаил Васильев, Афанасий Немытченков, Иван Васильев, Павел Михайлов, Павел Мясников, Алексей Григорьев, Иван Исаков, Логин Федоров и многие другие были удостоены Знаков отличия Военного ордена (ЗОВО) 4-й степени²⁷.

Период после сражения на реке Шахэ проходил в позиционной борьбе. Стороны вели разведку позиций. Так, в ночь с 19 на 20 декабря охотничья команда и 1-я рота Самарского полка совместно с охотниками 145-го и 148-го полков и несколькими саперами под командованием командира 1-й роты капитана Демидова провели поиск на д. Фаншинь. Потеряв убитым одного нижнего чина, захватили в плен четырех японцев²⁸.

22 декабря была проведена разведка подступов к д. Фаншинь. Сводная команда из рот 4-го батальона, под командованием командира 15-й роты поручика Шымковского, подобралась со стороны редутов. Японцы на этот раз были бдительны, как только разведчики приблизились к японским позициям – они были встречены ружейным огнем. Убедившись, что движение далее невозможно, самарцы отступили. В этом поиске было ранено 3 нижних чина²⁹.

В первый день нового года в 6 часов утра партия японцев попыталась сбить посты Самарского полка, но была своевременно обнаружена и отогнана. Потерь у Самарского полка не было³⁰.

4 января японцы вновь атаковали сторожевое охранение, на этот раз пост № 3. При помощи 20 охотников, подоспевших в самый напряженный момент, атака была отражена. У самарцев был ранен один старший унтер-офицер³¹.

В период нахождения на позициях с 5 октября по 13 января Самарский полк потерял убитыми 8, ранеными 34, из них в охотничьих командах убитых 6 и 21 раненый³².

В ночь на 20 января было дано приказание провести демонстрацию. Начальник дивизии решил атаковать д. Фаншинь, предварительно обстреляв ее артиллерией. В полночь открыли артиллерийский обстрел, продолжавшийся 5 минут. Он только повредил делу, так как японцы повысили бдительность.

После обстрела батальон Самарского полка занял Фаншинь, вырезал находившуюся там заставу и сжег землянки. Оставив охотников, батальон отошел. Утром японцы, направив 2 батальона, вынудили русских очистить деревню.

При взятии д. Фаншинь было захвачено значительное количество ручных гранат, указывавшее на хорошую обеспеченность японцев взрывчатыми веществами. Также захватили две самодельные картечницы, изготовленные из снарядных гильз, поставленных на деревянные лафеты. Заряжались картечницы осколками, пулями, гвоздями; стреляя из них с расстояния 30 шагов, японцы наносили русским ужасные рваные раны.

По свидетельству штабс-капитана Суханова: «Захваченное оружие и снаряжение свидетельствовали о заботливом уходе за ним и крайне аккуратной пригонке; все металлические части ложи, за которые приходилось держаться руками, ввиду морозов, были обшиты сукном. В каждом ранце имелись письменные принадлежности, компас, принадлежности для еды и два сорта каких-то пилюль»³³.

В этой демонстрации Самарский полк потерял офицера и уряд-прапорщика ранеными; потери нижних чинов составили: убитыми 16, ранеными 50, без вести пропавшими 4³⁴.

За храбрость и мужество при разведке японских дозоров у Фаншиня старший унтер-офицер 13-й роты Борис Главацкий был удостоен Знака отличия Военного ордена 2 ст. Всего за войну он был ранен 4 раза, но всегда возвращался в строй³⁵.

25 января полк сдал занимаемые 4 месяца позиции 148-му пехотному Каспийскому полку. Батальоны перешли в Людзятунь. Помещения, оставленные там Каспийским полком, были в плохом состоянии, их пришлось исправлять³⁶.

Мукденское сражение

На 1 февраля полк насчитывал 80 офицеров и 2783 штыка. Штаб с 1-м и 2-м батальонами располагались в д. Лосянтунь, остальные батальоны в Татхамутуне³⁷.

9 февраля охотники при поддержке 12-й роты вновь произвели разведку у д. Фаншинь. Зауряд-прапорщик Иосиф Ульяновский с 11 охотниками атаковал и обратил в бегство японскую заставу. Затем самарцы выбили из рва работавших там японцев и отошли, забрав с собой их шанцевый инструмент и амуницию. Отход прикрывала 12-я рота. Ульян Баранов, метко стреляя, способствовал успешному отходу. Оба воина удостоены Знака отличия Военного ордена 3-й ст.³⁸

19 февраля охотничья команда Самарского полка совместно с командами Новочеркасского и Каспийского полков при поддержке нескольких пехотных рот пыталась контратаковать японцев у д. Людзятунь. Японцы, открыв шквальный огонь, отразили наступление³⁹.

20 февраля 1-й, 2-й и 3-й батальоны Самарского полка находились в составе отряда полковника Запольского, направлявшегося к деревням Тахэнтунь, Сантайцзы, Кунцзятунь. У д. Тахэнтунь отряд должен был сменить 4-й Восточно-Сибирский полк.

В это время японцы овладели д. Падяза, и Запольский получил приказ направить Самарский полк для фланговой атаки на эту деревню. Самарцы должны были совместно с отрядом генерал-майора Де-Витта отбить эту деревню.

В 2 часа дня Самарский полк, имея в голове охранение из охотничьей команды, выступил из д. Сантайцзы. Заняв д. Паодаотунь, охранение обнаружило впереди японскую цепь, а у Падязы конные разъезды противника⁴⁰.

Самарский полк получил приказ, расположившись фронтом на северо-запад у д. Паодаотунь, прикрыть фланг частей, атакующих д. Падяза. В 16 ч 30 мин в распоряжение командира полка прибыли две конно-охотничьи команды с двумя пулеметами и 5-я батарея 40-й артиллерийской бригады. Полк приступил к укреплению деревни⁴¹.

Падяза была занята 12-м пехотным Великолукским полком. Самарский полк ночью получил приказ присоединиться к великолукцам. Выступив из Паодаотуня в 4 часа ночи 21 февраля, самарцы к 6 утра прибыли в д. Падяза. В 10 утра три батальона Самарского и два с половиной батальона Великолукского полков начали движение к д. Цуанванче⁴².

Цуанванче была накануне занята 1-м Восточно-Сибирским стрелковым полком. Занятие деревни создавало сильную угро-

зу японцам, так как их 1-я дивизия уже ушла северней, а шедшая им на смену 9-я дивизия опаздывала. У японцев около Цуанванче оставался только батальон из 7-й дивизии, который, закрепившись в д. Люцзяхуань, подверг стрелков жесточайшему обстрелу⁴³.

Для развития успеха и были направлены самарцы. Командир Самарского полка князь Макаев приказал 2-му батальону перейти в наступление на безымянную деревушку с рощей, лежащую северней д. Люцзяхуань.

Батальон наступал по открытой местности, левее наступления соседних частей не было, действовавшие на правом фланге русские части отстали. Самарцы попали под обстрел японской батареи, выехавшей на позиции почти во фланг, не имея никаких укрытий, батальон нес большие потери. На поддержку были направлены в цепь 1-я и 4-я роты Самарского и три роты Великолукского полка. Однако продвинуться вперед самарцы не смогли.

Потери продолжали увеличиваться, держаться у безымянной деревушки не было возможности. В 4-й роте были убиты или ранены все офицеры, в командование ротой вступил фельдфебель Алексей Кириллов. Такая же ситуация сложилась и в 8-й роте, где за выбытием офицеров в командование вступил зауряд-прапорщик Андрей Федоров. Командир 1-го Восточно-Сибирского полковник Леш приказал самарцам отойти за кумирню, а батальону стрелков на восточную окраину Цуанванче⁴⁴.

Итальянский корреспондент при японской армии Барцини так описывает эти события: «Движение должно было закончиться в ночь на 20 февраля, но войска чересчур утомились. Утром 21 февраля дивизии еще находились в пути. Русские узнали об этом движении и перешли в контратаку. Деревня Ташичао, оставленная почти без обороны, яростно атакуется; снаряды падают даже в штаб дивизии. Артиллерийская бригада решает победить, отразив эти контратаки»⁴⁵.

В 5 вечера командование категорически потребовало взять деревни. Самарцы и стрелки двинулись в наступление, но, несмотря на дружный натиск, японский ружейно-пулеметный огонь остановил атаку. К этому времени подошла японская 9-я дивизия, а в районе Люцзяхуаня действовали 4 японские батареи. Остатки 2-го батальона Самарского полка были сведены в две роты и

получили приказ укрепиться у кумирни. 1-й Восточно-Сибирский полк разместился за ними в резерве.

Самарский полк развернулся в Цуанванче следующим образом: 2-я и 3-я роты, имея в резерве 1-ю и 4-ю, заняли юго-западную околицу деревни; роты 3-го батальона западную и северо-западную окраины, в резерве расположились две сводные роты 2-го батальона⁴⁶.

Ночью на д. Люцзяхуань планировали провести новую атаку, но она не состоялась, так как самарцы и стрелки не были поддержаны соседними частями.

В бою за Люцзяхуань русские потеряли 43 офицера и 1834 нижних чина убитыми и ранеными, из них 2-й батальон Самарского полка потерял 11 офицеров и 438 нижних чинов⁴⁷.

В ночь на 22 февраля охотничья команда полка пробралась на позиции японцев и добыла важные сведения о противнике. Отличились Михаил Кузьмин, Иван Панкратьев и Гавриил Михайлов.

22 февраля японская артиллерия с 11 часов обстреливала русские батареи, которые согласно реляции Самарского полка «действовали очень энергично»⁴⁸.

В 3 часа дня японцы обрушились огнем своей артиллерии на занятую Самарским полком д. Цуанванче, причем японцы одну из батарей выкатили на прямую наводку. Огонь этой батареи поражал позиции полка наискось. Передние фасаы деревни засыпались фугасными снарядами, над позициями стоял черный удушливый дым. Очевидно было, что японцы подготавливают атаку пехоты. Об этом доложили полковнику Лешу, последовал ответ «удерживаться, постараюсь отвести батареи назад, резерв выдвигаю»⁴⁹.

Одновременно в 3 часа японская артиллерия начала усиленно обстреливать соседнюю с Цуанванче деревню Цаохатунь. Батальоны 12-го Великолукского и 162-го Ахалцыкского полков не выдержали обстрела и начали отступать. Японцы в половине шестого вечера пошли в атаку, батарея 40-й артиллерийской бригады оказалась под угрозой захвата. Стрелкам было приказано вывезти орудия на руках, но, несмотря на мужественное исполнение приказа, два орудия попали в руки японцев⁵⁰.

Тем временем японская артиллерия разрушила глинобитную ограду д. Цуанванче, самарцам пришлось убрать с позиций пу-

леметы. Японская пехота густыми цепями начала перебегать от Люцзяхуаня к Цаохатуню. Русские части стали отступать с передовых окопов к Цаохатуню, правый фланг Самарского полка был обнажен.

Обратимся вновь к Барцини: «Бой ведется за каждую деревню. Для достижения скорейших результатов японская артиллерия подходит вплотную к русским позициям, но несет большие потери в лошадях и людях. Некоторые орудия докатываются на руках до 600 м. от противника. Времени терять нельзя; нельзя также ради сбережения людей, ждать подготовки атаки; приходится все ставить на карту. Армия Ноги без усталости день и ночь атакует русских. Деревни то и дело переходят из рук в руки. Японцы держатся на невозможных позициях, гибнут массами, лишь бы продвинуться вперед и достигнуть хотя бы малейших преимуществ»⁵¹.

Вслед за этим японская пехота стала продвигаться к Цуанванче. 2-я и 3-я роты Самарского полка встретили их с дистанции 800–1000 шагов фронтальным огнем, роты 3-го батальона обстреливали их с правого фланга. Японская артиллерия обстреливала не только позиции, но и тылы полка. Самарский полк был обойден с двух сторон.

Старший унтер-офицер 2-й роты Адриан Чуркин, за выбытием офицеров, принял командование ротой на себя и, несмотря на сильный напор японцев, поддержал в роте полный порядок. По причине выбытия офицеров в командование 7-й ротой вступил зауряд-прапорщик Иван Иванов. Реляция Самарского полка гласила, что «Положение десяти рот Самарцев становилось критическим; батареи снимались с позиции и уезжали; резерва не было видно; командир полка, князь Макаев, был убит»⁵².

Получив донесение, что самарцы расстреляли все патроны, полковник Леш приказал оставить Цуанванче. Самарский полк отошел к д. Фансытунь.

В бою 22 февраля 147-й пехотный Самарский полк потерял 2 офицеров убитыми, 5 ранеными, 288 нижних чинов убитыми и ранеными. Кроме командира полка Владимира Макаева погиб поручик Александр Труханов. Позднее от ран, полученных в бою, скончался поручик Юрий Алашев⁵³.

В ходе дальнейшего отступления отряд полковника Леша 25 февраля вышел к д. Вазые. Здесь в большой выемке между

железной дорогой и опушкой рощи Вазые собралось до 10 тысяч нижних чинов разных полков. Это была неорганизованная толпа. Несмотря на то что в выемку залетали японские снаряды, нижние чины считали, что за ее пределами будет хуже, и оставались в ней⁵⁴.

В 2 часа дня самарцы, несмотря на сильный перекрестный огонь, в порядке отошли по западной стороне деревни Вазые. Полк стал собираться в овраге на окраине деревни. Уже в ходе сбора полк подвергся обстрелу со всех сторон: с запада и северо-запада летели артиллерийские снаряды, с востока почти навстречу полку японская пехота открыла ружейно-пулеметный огонь. Не было видно никакого выхода. Подразделения, бывшие в голове, под пулеметным огнем подавались назад и, нарушая порядок, перемешивались со следовавшими за ними. Ситуацию усугубила толпа нижних чинов, побежавшая из Вазые. Несколько ранее были рассеяны Болховский и Великолукский полки⁵⁵.

Часть рот полка все-таки сохранила порядок. Зауряд-прапорщик 2-й роты Петр Родионов первым вызвался прорваться через японскую цепь и увлек остальной личный состав за собой. Отличился рядовой Семен Пурышев, выяснивший наиболее слабо охраняемый японцами участок, через который прорвались самарцы. Старший унтер-офицер 9-й роты Василий Андреев, за выбытием всех офицеров из строя, умело руководил своим взводом и успешно отбивал атаки японцев, преследовавших полк⁵⁶.

Полковник Леш, видя весь этот хаос, направил артиллерию еще западней Вазые. Сам же с 8-й ротой 1-го Восточно-Сибирского полка и знаменем направился к Унгентуню. По пути к нему присоединились остатки Самарского и Болховского полков со своими знаменами⁵⁷.

У д. Вазые 25 февраля пропали без вести 4 офицера, один был ранен; потери в нижних чинах убитыми, ранеными, без вести пропавшими составили 501 человек⁵⁸.

4-й батальон Самарского полка, находившийся в резерве Куропаткина, 22 февраля был направлен в район позиций 6-го Сибирского корпуса к д. Даянелгунь. Боевые потери этого батальона составили одного офицера и 58 нижних чинов⁵⁹.

Общие потери полка в Мукденском сражении составили: убитыми – по два офицера и зауряд-прапорщика и 82 нижних чина; ранеными и контуженными 13 офицеров, 5 зауряд-прапорщиков

и 571 нижнего чина; 2 офицера, 2 зауряд-прапорщика и 662 нижних чина пропали без вести⁶⁰.

14 марта в 10 утра полк объезжал Куропаткин, благодарил офицеров и нижних чинов «за мужественную и доблестную службу и выразил уверенность, что и в будущем Самарцы подержат свою боевую славу. Провозгласив “Ура” Государю Императору, Главнокомандующему и славному 1-му корпусу»⁶¹.

С 26 марта от частей дивизии ежедневно отправлялась партия рабочих на укрепление Шер-Сантайской позиции. Рабочие снабжались шанцевым инструментом. 27 марта Самарский полк направил на работы 400 нижних чинов при офицерах. Работы продолжались две недели⁶².

17 мая прибыли на пополнение 480 нижних чинов из 19-го Восточно-Сибирского запасного батальона, 19 мая прибыло еще 352 человека⁶³.

9 июля прибыли 842 молодых солдата. Все из Днепровского и Одесского полков 12-й пехотной дивизии. Вид был бодрый, хотя еще не успели отдохнуть после сделанного большого перехода⁶⁴.

После Мукденского сражения полк в боях не участвовал, с 1 марта по 1 августа погиб один нижний чин⁶⁵.

Эпилог

23 августа был подписан Портсмутский мирный договор. Полк начал готовиться к отправке в Россию. Нижние чины, согласно приказу Линевица, были распределены на три категории, соответственно времени их призыва из запаса:

1. Призванные с начала войны до 1 сентября 1904;
2. Призванные с 1 сентября 1904 до 1 марта 1905;
3. Призванные после 1 марта.

В конце января они стали покидать Маньчжурию. Перед посадкой в поезд эшелоны обходил Куропаткин, лично опрашивал запасных, благодарил за службу, желал счастливой дороги и напоминал, что при возвращении в свои села и деревни надо вести себя примерно вели и поддерживать законный порядок.

Всю дорогу как запасные, так и срочнотружущие, вели себя очень хорошо. Никаких недоразумений и нарушений дисциплины не было⁶⁶.

Старший унтер-офицер Борис Главацкий стал кавалером трех степеней Знака отличия Военного ордена, 22 человека награж-

дены Георгиевскими крестами 3-й и 4-й ст., более 100 удостоены 4-й ст. Полковник Владимир Драгомиров заслужил почетную награду – Золотое оружие. Многие офицеры полка удостоены нескольких боевых орденов.

Полк был награжден коллективной наградой. 6 января 1907 г. Высочайше пожалованы знаки в виде ленты (из латуни) на головные уборы нижних чинов: «За Цуанванче 21 и 22 февраля 1905 г.». Офицерам пожалована надпись: «За Цуанванче 21 и 22 февраля 1905 г.» на шейный знак.

Согласно санитарному очерку полк за всю войну понес следующие потери: 6 офицеров убитыми, 8 попало в плен, 41 был ранен; нижних чинов погибло 262 человека, 516 пленено и 1299 ранено⁶⁷.

Пусть Маньчжурская земля будет для воинов пухом. Они не оттеснили врага, не смяли, не принудили его просить пощады, но они свято исполнили присягу, свой долг. В больших операциях полк представлял малую, но достойную часть армии...

¹ Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. С. 54.

² Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1910. С. 26–27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1900. С. 115.

⁵ ГАПО. Ф. 77. Оп. 2. Д. 6. Л. 7–8.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 7–8.

⁸ Там же. Л. 134–135.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 12290. Л. 3 об.–4.

¹⁰ 1-й Армейский корпус в войну с Японией 1904–1905 гг. По дневникам, запискам и письмам участников. Вып. 1. СПб., 1909. С. 11.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Русско-японская война 1904–1905 гг. Приложение 1. С. 25–26.

¹⁴ Куропаткин А.Н. Отчет генерал-адъютанта Курпаткина. Т. 2. СПб., 1906. С. 219.

¹⁵ Там же. С. 220.

¹⁶ Там же. С. 221.

¹⁷ Там же. С. 335–336.

¹⁸ Там же. С. 336–337.

¹⁹ Там же. С. 347.

²⁰ Там же. С. 347–348.

²¹ Там же. С. 394–395.

- ²² Там же. С. 395.
- ²³ Там же. С. 458.
- ²⁴ Там же. С. 460–461.
- ²⁵ Там же. С. 470.
- ²⁶ Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1910. Приложение 48. С. 464.
- ²⁷ Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. Списки пожалованным за Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Сост. И. Маркин, Д. Бутрым. М., 2006.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 12611. Л. 13–14 об.
- ²⁹ Там же. Л. 14 об.–15.
- ³⁰ Там же. Л. 25 об.
- ³¹ Там же. Л. 29.
- ³² Там же. Л. 37.
- ³³ Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Вып. 1. 1907; П. Суханов Участие 37-й пехотной дивизии в Русско-японской войне 1904–05 гг. С. 122.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 12611. Л. 54.
- ³⁵ Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. С. 48.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 12611. Л. 50.
- ³⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1910. Приложение 1. С. 34–35.
- ³⁸ Знак отличия Военного ордена Св. С. 114.
- ³⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1910. С. 331.
- ⁴⁰ Там же. С. 345.
- ⁴¹ Там же. С. 348.
- ⁴² Там же. С. 390.
- ⁴³ Там же. С. 390.
- ⁴⁴ Там же. С. 394.
- ⁴⁵ Барцини Л. Японцы под Мукденом. СПб., 1908. С. 150.
- ⁴⁶ Описание действий Маньчжурских армий под Мукденом. Т. 2. Ч. 1. М., 1907. С. 276.
- ⁴⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1910. С. 394.
- ⁴⁸ Описание действий Маньчжурских армий под Мукденом. С. 276.
- ⁴⁹ Там же. С. 277.
- ⁵⁰ Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1910. С. 434.
- ⁵¹ Барцини Л. Указ соч. С. 151.
- ⁵² Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1910. С. 435.
- ⁵³ Описание действий Маньчжурских армий под Мукденом. С. 278.
- ⁵⁴ Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 5. Ч. 2. СПб., 1910. С. 147.
- ⁵⁵ Описание действий Маньчжурских армий под Мукденом. Т. 3. М., 1907. С. 211.
- ⁵⁶ Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. С. 113.
- ⁵⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 5. Ч. 2. СПб., 1910. С. 149–150.
- ⁵⁸ Описание действий Маньчжурских армий под Мукденом. Т. 3. М., 1907. С. 211.
- ⁵⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1910. С. 407.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 12611. Л. 122–123 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 84–85 об.

⁶² Там же. Л. 93.

⁶³ Там же. Л. 108.

⁶⁴ Там же. Л. 110 об.–111.

⁶⁵ Там же. Л. 123.

⁶⁶ Общество ревнителей военных знаний. Кн. 2. СПб., 1913; Цвецинский. Описание похода и боевых действий 5-й роты 146-го пехотного Царицынского полка в русско-японскую войну 1904–1906 гг. С. 37.

⁶⁷ Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарный очерк. Пг., 1904. С. 61.

Н.Р. Бискуп (Санкт-Петербург)

КЛЕЙМА НА ДРЕВКОВОМ ОРУЖИИ XV–XVII ВЕКОВ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В СОБРАНИИ Государственного Эрмитажа находятся 850 предметов древкового оружия Западной Европы и России. На данный момент выявлено 140 предметов, на которых имеются клейма. Большинство из них относится к периоду XV – первой половины XVII вв. На более поздних вещах клейма мастеров встречаются значительно реже, что мне кажется связанным с увеличением массового поточного производства. Вновь клейма на древковом оружии появляются уже в конце XVIII–XIX вв., но это тема для другого исследования.

К сожалению, существует не так много литературы, посвященной клеймам на холодном оружии, их регламентации и организации этого процесса в позднее средневековье и ранее Новое время. Еще в XIX в. В. Бехайм издал труд, касающийся центров оружейного дела в Европе и на востоке, к сожалению, с простым перечислением основных центров и кратким описанием их. Им же был издан справочник клейм в качестве приложения к его энциклопедии оружия¹.

В 1912 г. вышла монография Ч. Фолкса «Оружейник и его труд», составленная в основном на английском материале и затрагивающая в основном вопросы изготовления доспехов². Одной из работ, наметивших проблему клейм и принципов их появления на оружии, является монография Ф. Счеттера, рассматривающая происхождение торговых знаков и связанное с этим законодательство³. В 1992 г. вышла небольшая книга М. Пфаффенбихлера «Оружейники», также касающаяся большей частью вопросов производства доспехов⁴. Небезынтересна статья Г. Ричардсона, рассказывающая о ранних торговых знаках, клеймах и организации производства.

На русском языке также существует ряд работ, посвященных клеймам и их регламентации. Одним из самых ранних сборников клейм эрмитажной коллекции стоит считать каталог Э. Ленца⁵.

В недавнее время были попытки составить клеймовники западноевропейских и русских клейм – авторы Б.Г. Трубников («Оружейные клейма»⁶) и Г.И. Введенский⁷. К сожалению, первая книга является всего лишь сводом всех найденных автором в литературе клейм, без каких-либо экскурсов в историю вопроса. С точки зрения истории и анализа любопытна статья Ю.В. Золотухина «Знаковая система в клеймении средневекового оружия»⁸. Небольшие упоминания клейм и их использования есть также в работах А.Н. Кулинского.

Появление клейм и специальных знаков производства прослеживается еще в древние времена. Древнейшие торговые знаки появились в Риме – на изделиях из керамики, а также на изделиях кузнецов, изготавливавших мечи. В Темные века эти знаки пропадают и снова возникают уже в период развитого средневековья. Время с XI до XVI вв. в литературе часто именуется «Торговой революцией средневековья». Первоначально люди покупали товары только местного производства, но постепенно торговля расширялась. Таким образом, текстиль из Англии оказывался на Ближнем Востоке, оружие из Италии продавалась по всей Европе и даже попадало в Россию. Распределение товаров становилось все сложнее, появлялись разнообразные товары. Ремесленник переставал заниматься еще и реализацией своей продукции – если мы имеем дело с массовыми товарами, а холодное оружие среднего качества уже начинало становиться массовым товаром. Ремесленники продавали большую часть своих товаров купцам, которые перепродавали их за сотни километров от места изготовления. Производители перестали иметь прямой контакт с конечными потребителями. Вследствие этого – огромное количество средневекового рынка составляла так называемая контрафактная продукция – продукция ненадлежащего качества, продавцы которой лгали о ее действительном происхождении и качестве⁹. Как пишет Ричардсон, во многом это происходило из-за отсутствия защиты прав потребителей и также регламентации производства и продажи.

Клейма, таким образом, в это время были трех разных видов. Во-первых, это клейма производителей, гарантировавшие вы-

сокое качество изделий. Производители организуют торговые гильдии, члены которых живут в одном городе, занимаются одним делом и стандартизируют свою продукцию. Успешные гильдии распространяют свое торговое влияние на другие города и сельские районы, где происходит конкуренция с другими такими же гильдиями. Устанавливается контроль качества над производимой продукцией, чтобы не страдала репутация производителя. Подобным же шагом является придание производимым вещам особых свойств, которые можно продемонстрировать покупателю, тем самым доказав, что это изделие того самого производителя, которому он доверяет. Так, в случае с тканями это был особый узор, а в случае с оловом, например – специальный резонанс при ударе. Это уменьшало возможность копирования этой продукции недоброкачественными производителями. Производители, имевшие хорошую репутацию, могли назначать более высокую цену за свои изделия, они продавались в большем количестве и были востребованы далеко за пределами своего ареала производств. Здесь я уже вплотную подхожу к такому понятию, как «торговый знак». Торговые знаки первоначально возникли в Италии в XIII – XIV вв. и позже распространились на всю Европу.

Промышленные центры в Италии первыми начали законодательно охранять товарные знаки, сто лет спустя эта же практика появилась в Нидерландах. Правовая защита, лежащая в основе этого нововведения, однако, не распространялась далеко от города.

Второй вид клейм использовали торговцы, которые помечали таким образом продаваемую продукцию. Эти знаки обозначали обычно, что предмет прошел через руки той или иной уважаемой компании или предпринимателя, что за товар уплачены пошлины или, например, что правительство региона, в котором продается товар, разрешило экспорт. В позднее средневековье многие европейские страны вводили драконовские законы относительно ввоза, вывоза и изготовления определенного вида оружия. В 1336 г. в Лукке было запрещено изготовление и ношение некоторых видов оружия под угрозой большого штрафа¹⁰.

Третий вид клейм, которые, по моему мнению, можно встретить на древковом оружии – это клейма принадлежности к определенному арсеналу.

В собрании Арсенала можно отметить 140 предметов древкового оружия, на которых содержится 105 клейм (некоторые клейма повторяются). Большое количество из них описано и атрибутировано уже Эдуардом Ленцем, хотя мне и удалось найти клейма, не отмеченные у него в каталоге. Клейма, которые удалось атрибутировать, здесь я говорю совокупно о проделанной Ленцем работе и частично добавленных мной сведениях, можно разделить по следующим странам:

Австрия (быв. Штирия) – около 14,

Германия (в основном Южная Германия) – около 20,

Италия – около 20,

Швейцария – около 5.

Почти половина клейм пока точно не определена, но уже можно сказать о заметном преобладании клейм из Южной Германии и Австрии. Итальянские клейма представлены в основном Северной Италией – Миланом, Брешией и Луккой.

Действительно, основными центрами массового производства оружия на древках в позднее средневековье и ранее Новое время были мастерские Италии, Германии, Австрии и Швейцарии.

В Италии центрами производства оружия были Милан, Флоренция, Брешия, Болонья и Рим. Именно Брешия, расположенная возле богатых месторождений железа в горах Монте-Прельба и Монте-Конке, до XVI в. была местом массового производства клинков и наконечников древкового оружия. Кузнечное ремесло было развито в этом регионе еще с времен античности. В позднее средневековье и ранее Новое время Брешия входила в зону влияния Венеции и являлась местом производства оружия для этого города, а также для Мантуи, Феррары, Урбино. В архивах города за 1388–1486 гг. указано 160 имен оружейников, причем треть из них происходила из Милана. Миланские мастера часто встречались в качестве хозяев мастерской и в других странах – в Бургундии, Испании, Англии.

Также нужно отметить такие очаги оружейного производства, как Беллуно и Серавалле в провинции Фриули, где Венецианская республика вплоть до XVI в. заказывала все свое оружие. Еще Максимилиан I вооружил большую часть своих всадников и ландскнехтов фриульским оружием, а до него здесь же приобретали оружие своим отрядам наемников император Фридрих III и эрцгерцог Зигмунд Тирольский. Эта провинция – родина

одного из видов древкового оружия типа рунки – фриульского копья.

Уже с XIII в. на передний план выходит такой оружейный центр, как Милан, где было развито как оружие массового производства, в том числе древкового, так и эксклюзивные заказы. Сырье миланские мастерские получали из близлежащих рудников. Небольшие мастерские, в том числе и по производству оружия на древках, находились в Лукке, где кузнечный промысел также был развит с древнейших времен.

Вторым центром массового производства древкового оружия была Австрия (Штирия), где оружейный промысел восходит еще к началу железного века. Эта промышленность создана еще иллирийскими кельтами и производство оружия в этой местности упоминается еще в работах Плиния и Тацита. В Средние века многие штирийские мастера переселялись в Германию, где основывали свои мастерские. В Германии оружейное производство группировалось на юге, в таких городах, как Нюрнберг, известный как раз массовой продукцией, Аугсбург и Инсбург. Также известны и менее крупные центры – Страсбург, Ульм, Штутгарт, Базель и др. В Нидерландах центром производства оружия можно назвать Брюгге.

До нас дошло очень мало имен мастеров Средних веков, чьи клейма мы встречаем на оружии. В отношении раннего Нового времени ситуация немного проясняется, но когда мы говорим о таком массовом оружии, как оружие на древках, эта ситуация не слишком отличается от прежней. Если имена знаменитых изготовителей доспехов, мастеров штучного товара на слуху, то кузнец, сделавший около 1000 алебард для массового заказа, почти наверняка остается безымянным.

В большинстве старинных центров оружейного дела корпорации мастеров имели жесткую цеховую организацию. Старейшие уставы подобных объединений относятся еще к началу XIII в. Оружейные гильдии следили за качеством продукции, объединяли мастеров одной профессии. Отдельно выступали изготовители доспехов, кольчуг, шлемов, щитов, холодного оружия. Одна из старейших оружейных гильдий зарегистрирована в Кельне, это гильдия изготовителей доспехов. 1391 годом датируется сохранившийся устав этой организации, но известия о ней есть и раньше. В уставе сказано, что каждый ученик должен нахо-

диться в учении не менее 6 лет, а мастер может иметь в подмастерьях не более 3-х человек. Только один представитель гильдии может продавать свою продукцию за пределами Кельна. После 1391 г. эта ситуация меняется, и теперь любой мастер может продавать кольчуги, если на них стоят клейма 3-х мастеров, подтверждающих качество товара. В Нюрнберге, например, в уставе гильдии написано, что каждый ученик должен быть сыном гражданина города, находиться на обучении не менее 4-х лет. А мастер обязан учить не более одного ученика за раз, подмастерий же он мог иметь двоих. Таким образом искусственно ограничивались производственные мощности. Впрочем, оружейники часто выходили из этой ситуации: в случае больших заказов они устраивали субподряды и делили заказ между мастерскими. Также в Германии часто запрещалась продажа в городе доспехов не городского производства. Но, например, уже в Вене оружейники могли продавать вещи любого производства, помеченные своим собственным клеймом. Исключение делалось для венецианского контрольного клейма. Впрочем, особенно именитые оружейники не обращали внимания на подобные регламентации.

В Италии не было столь строгого порядка производства и оружейники нанимали сколько угодно подмастерьев и помощников. Итальянские оружейники организовывались в огромные торговые

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

альянсы, также там была более развита специализация. Сохранился миланский устав оружейной гильдии за 1587 г. Исходя из него оружейник не мог открыть свой магазин, не проработав без перерыва в этой области не менее 8 лет. После создания своего «шедевра» и одобрения других членов гильдии он вносил некоторую плату и регистрировал свое клеймо. Про доспехи известно, что рядом с клеймом мастера ставились клейма гильдии, с целью обозначить контроль качества продукции, на древковом оружии чаще всего встречается только одно клеймо.

Если именитые оружейники работали по заказу крупных феодалов, а то и королевских фамилий и выполняли индивидуальные заказы, более мелкие производители оружейной продукции часто работали по заказу городских арсеналов, таких, например, как в Граце, Цюрихе, Венеции. Например, на арсенал Граца работало большое количество оружейников. Некоторые из них просто имели официальное позволение продавать свою продукцию арсеналу, а другие находились на официальном жалованье. Такая же ситуация была и в Цюрихе и Венеции. Более мелкие ар-

Рис. 4

Рис. 5

сены в Филадельфии, в музее Граца, а также в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Надо особо отметить некоторое количество клейм, носящих явные геральдические черты (рис. 3–6). Это свойственно в преобладающем большинстве для клейм, атрибутированных как штирийские или немецкие. Одно из них отмечено еще Ленцем – не как клеймо мастера-производителя, а как герб владельца, а точнее, наверное, все же герб владельца арсенала или патрона оружейной мастерской. Это клеймо (рис. 7–8) представляет собой герб епископа Мюнстерского Христиана Бернгарда фон Гален (1650–1678), прозванного «der Bombenfurst» (рис. 9). Можно предположить, что и остальные подобные клейма носили геральдическую основу и, возможно, были знаками не мастера-изготовителя, а знаком владения. С этим и связана опреде-

сеналы крепостей и замков также имели в своем штате оружейников.

Оружейные клейма часто представляют из себя какой-то символ или букву, как, например, зубчатое колесо – знак известного австрийского оружейника Петра Шрекайзена (рис. 1, 2), поставившего с 1568 по 1599 гг. австрийскому двору около 1689 алебард. В Эрмитаже имеются 3 алебарды, помеченные его клеймом, аналоги находят-

Рис. 6

Рис. 8

Рис. 7

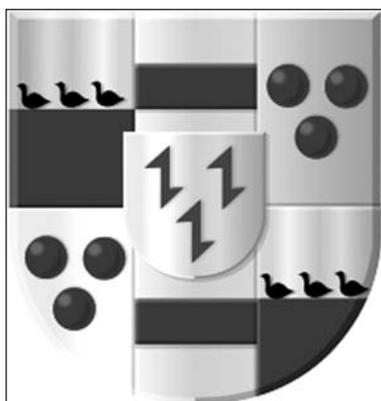

Рис. 9

ленная проблема, поскольку я не могу пока однозначно сказать, являются ли клейма знаками мастера или же знаками арсенала, где находилось и, возможно, производилось оружие. Возможно также, что это знак мастерской, находящейся под покровительством определенного феодала или города.

Этого никак нельзя сказать однозначно, поскольку в это время бытовала практика и среди мастеров стилизовать свои клейма под гербы. Очень часто такие клейма передавались в семье на протяжении нескольких поколений, как отличительный знак мастерской. Яркий контраст эти «геральдические» клейма составляют с традиционными итальянскими отметками, для которых чаще всего использовались буквы или простые символы.

Рис. 10

Рис. 12

Рис. 11

«Арбалет» (рис. 10–11) – итальянское клеймо, может быть венецианское, которым помечены два предмета из эрмитажного собрания – копье и протазан. В зале Совета десяти в Венеции хранилось большое количество (около сотни) глеф, 22 из которых помечены таким же клеймом. Это клеймо оружейника или знак принадлежности к венецианскому арсеналу, неясно.

Клеймо из Фриули – абстрактной геометрической формы (рис. 12–13), стоящее на так называемом фриульском копье. В военной зале Совета десяти в Венеции было 48 таких копий, помеченных подобным клеймом.

Перечеркнутый треугольник (рис. 14–15), напоминающий литеру А – клеймо оружейников семейства Biscotto/Biscotti (имя, взятое ими в конце XV в.) из Лукки. В эрмитажном соб-

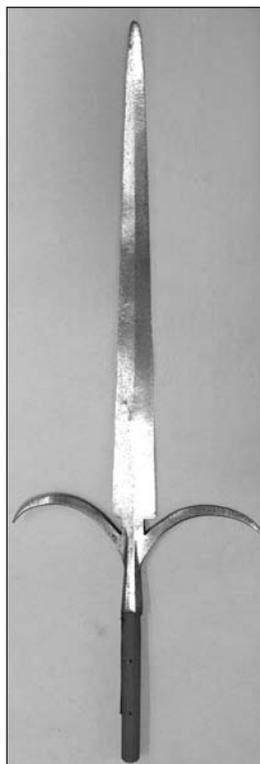

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 17

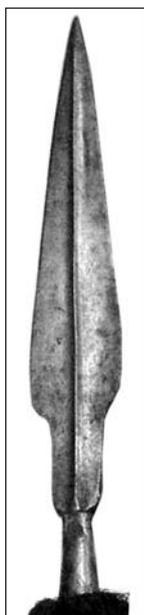

Рис. 15

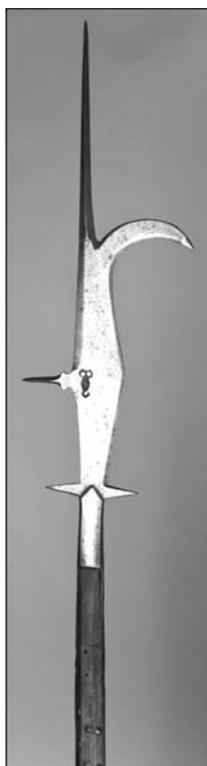

Рис. 16

Рис. 18

рании имеется полудторный меч, помеченный тем же клеймом и атрибутированный Бочча как принадлежащий к работам Биско-ти. В собрании древкового оружия один предмет также помечен похожим клеймом. Также существует предположение, что это просто клеймо местной гильдии оружейников.

Одно из наиболее известных клейм – изображение знака скорпиона (рис. 16) – знак миланской мастерской. Внутри клейма помещены инициалы, видимо принадлежащие разным масте-рам. Впрочем, итальянцам, хоть и в меньшей степени, также свойственно использование геральдической символики. Так, на-пример, клеймо (рис. 17–18) лилия является контрольным зна-ком Флоренции.

Таким образом следует заключить, что в отношении клейме-ния оружия массового производства остается еще много невыяс-ненных вопросов, которые требуют дальнейшего изучения и по-нимания.

¹ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995 (переиздание и перевод 1890 г.).

² Ffoulkes C. The Armourer and his craft. London, 1912 (reprint New York 1988).

³ Frank I. Schechter. The Historical Foundations of the Law Relating to Trade-Marks. New York, 1925.

⁴ Pfaffenbichler M. Armourers. London, 1992.

⁵ Ленц Э. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения. Ч. 1. Собрание оружия. СПб., 1908.

⁶ Трубников Б.Г. Оружейные клейма. СПб., 2004.

⁷ Введенский Г.И. Оружие. Возникновение, эволюция, применение. Каталог европейских оружейных клейм XV – н. XX веков. СПб., 2005.

⁸ Золотухин Ю.В. Знаковая система в клеймении средневекового оружия // Вісн. Харк. держ. акад. дизайну і мистецтв. Х., 2007. № 1. С. 36–55.

⁹ Richardson G. Brand names before the industrial revolution, national bureau of economic research. 2008.

¹⁰ Reid W. Biscotto me fecit. Armi Antiche. 1965. P. 9.

В.А. Бобков (Брянск)

**ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА
(НА ПРИМЕРЕ БРЯНСКОГО РЕГИОНА)**

ЗНАЧЕНИЕ МЕСТ ПАМЯТИ (мнемонических мест) подчеркивал, в частности, основатель теории исторической памяти французский социолог Морис Хальбвакс. Известный историк Пьер Нора впоследствии назвал их территорией памяти или пространства памяти. «Если бы мы сами продолжали населять нашу память, нам было бы незачем посвящать ей особые места. Они бы не существовали, потому что не было бы памяти, унесенной историей. ... Как только появляется след, дистанция, медиация – мы более не в истинной памяти, но в истории»¹.

В своих рассуждениях П. Нора подталкивает к дискуссии, указывая: «Если пристально взглянуть в большие категории объектов, которые принадлежат к виду “места памяти”, – во все то, что относится к культу мертвых, что принадлежало наследию, что управляет присутствием прошлого в настоящем, – то станет ясно, что некоторые из них, не вошедшие в него из-за узкого определения, могут претендовать на то, чтобы быть включенными в него, и что, напротив, многие, и даже большинство из тех, которые могли бы быть включены в него в принципе, должны на самом деле быть исключены»².

П. Нора выделяет истинную (непосредственную) и косвенную память. Истинная память находит свое убежище в жесте и в привычке, в ремеслах, в умениях тела, в механической памяти и рефлекторных навыках. Косвенная память превращена в полную противоположность – в историю.

Как продолжает пояснять П. Нора, сущность мест памяти – это «сползание от мемориального к историческому, от мира, где были предки, в мир случайных отношений с тем, что нас сделало, переход от тотемической истории к истории критической – это и есть момент мест памяти»³. В силу этого места памяти не являются местами в узком или географическом смысле, они определяются как своеобразные точки пересечения, где складывается и концентрируется память общества. К таким точкам пересечения относятся: события, предметы, здания, традиции, легенды, географические объекты, которые окружены символической аурой. На наш взгляд, точки пересечения исторической памяти с одной из сторон соединены с историей, а с другой – с памятью, чем и определяется их значимость как средств памяти.

Переходя собственно к рассмотрению темы, необходимо определить и ее географическую привязку. В круг настоящего рассмотрения попали точки пересечения исторической памяти об Отечественной войне 1812 г., имеющие отношение к географической территории Брянского края в современных границах.

Вероятно, не всякий регион России воспринял Отечественную войну 1812 г. в равной степени, а значит, и впоследствии неодинаково отразил в своей памяти. Это может объясняться рядом причин, и, конечно, одной из немаловажных является степень включенности той или иной территории и проживающего на ней населения в происходящие события.

Россия славится своими просторами. В результате одни территории непосредственно стали театром военных действий, другие были лишь затронуты войной, а третьи столкнулись с ней в большей степени информационно. Исследователи, рассматривая определенные аспекты, отмечают, что отношение к проявлениям войны было различным на разных территориях России. Например, отношение к военнопленным французской армии населения в западных губерниях России, разоренных войной, было более враждебным, чем во внутренних областях⁴.

Один из авторов утверждает, что «размещение значительного количества пленных во внутренних губерниях вносило определенное беспокойство в размеренную жизнь уездных городов и создавало большие трудности для местных властей. От военнопленных можно было ожидать и организованных выступлений, и просто противоправных действий из хулиганских побуж-

дений, справиться с которыми подчас было довольно сложно»⁵. Другие исследователи сообщают о другом. В Саранске и дворянское сообщество, и простой народ в обхождении с пленниками были вежливы, редко проходя мимо них, не поздоровавшись. А «настраивает жителей против пленных правительство»...⁶

Вероятно, восприятие Отечественной войны 1812 г. уже в ходе самих боевых действий было различным. С течением времени определенные факты в сознании современников сглаживались, трансформировались, забывались, переосмысливались, усреднялись и т. д.

К тому же, на наш взгляд, уже изначально формировались два уровня исторической памяти: общероссийский и региональный (более конкретный, специфический, детализированный и вместе с тем имеющий элементы уникальности для той или иной территории). Соответственно создание точек исторической памяти могло инициироваться на общероссийском или региональном уровне, а как будет показано далее, и одновременно на двух.

Темой настоящей статьи является региональный уровень создания точек пересечения исторической памяти об Отечественной войне 1812 г., а также государственное участие в процессе их сохранения и поддержания, реконструированный на примере Брянского региона. Рассмотрение вопросов, связанных с исторической памятью, на примере регионов сделает возможным получение новых выводов на уровне государства.

Итак, Брянщина в силу близости к театру военных действий Отечественной войны 1812 г. была во многом вовлечена в непосредственный ход исторических событий. А значит, на территории региона сложился комплекс точек пересечения исторической памяти с определенной степенью уникальности (местной специфики).

Наиболее устойчивыми в физическом смысле в данном контексте являются архитектурные точки пересечения исторической памяти Отечественной войны 1812 г. Именно их посещение пробуждает воспоминания о прошлом. Простое созерцание подобных мест также оставляет свои следы в памяти, поэтому это один из самых действенных способов развития исторической памяти. Не надо забывать и связанные с этими местами ритуалы, которые закрепляют в памяти событийный ряд, связанный с исторической памятью.

Архитектурные свидетельства Отечественной войны 1812 г. на территории Брянщины представлены в первую очередь храмами. Строение храмов-памятников имеет давние традиции. Храмы возводились в знак благодарности за победу и в знак вечного поминовения погибших. Одним из первых подобных памятников считается храм Софии Киевской, воздвигнутый Ярославом Мудрым на месте битвы с печенегами в Киеве. На общегосударственном уровне идея создания храма в сохранение вечной памяти о спасении России от наполеоновского нашествия принадлежала Александру I. Храму Христа Спасителя было суждено открыться при Николае I благодаря архитектору К. Тону.

Брянский регион не остался в стороне и на местном уровне проявил инициативу в создании архитектурных символов победы в память Отечественной войны 1812 г. В центре с. Лыщичи Унечского района Брянщины на берегу реки в 1814 г. в честь победы была построена церковь Рождества Богородицы⁷. В 1909 г. была надстроена трапезная с приделами по сторонам и сооружена новая колокольня, тогда же, видимо, появилось и нынешнее завершение храма. Оригинальный крестообразный в плане храм в стиле позднего классицизма с пристройкой в русском стиле.

В Мглине, одном из крупных городов Брянщины в 1815 г. заложен каменный Успенского собор. Строительство проводили на пожертвования коллежского асессора Г. Лишина. В связи с недостатком денег строительство шло медленно, и возведенное в основном в 1825 г. здание было закончено в 1827–1830 гг. на средства, присланные Николаем I⁸. Таким образом, храм не только напоминал о событиях Отечественной войны 1812 г., но стал символом регионального и государственного сотрудничества в области созидания подобных средств памяти, подлинных ценностей победы. Успенский собор в Мглине являл собой великолепное зрелище. Огромный пятиглавый храм с двумя трехъярусными колокольнями по сторонам (утрачены), возведенный в стиле позднего классицизма, стал играть доминирующую роль в городской панораме⁹.

К архитектурным символам и средствам памяти 1812 г. во многом можно отнести комплекс построек артиллерийского арсенала в Брянске. Этот архитектурный комплекс возник еще в конце XVIII в. и формировался до середины XX-го. Его основные сооружения расположены в центре старого Брянска на

участке прямоугольной формы, в центре Московской ул. (ныне ул. Калинина), к которой обращены главные фасады основных построек. Большую часть территории занимает литейный двор. Центр уличного фасада определяет Литейный дом – главное здание арсенала.

Во многом облик строений арсенала предопределил архитектор Николай Андреевич Лебедев (1860–1933). Работая здесь с 1891 г., Н.А. Лебедев – в своей новорусской архитектуре – стремится применить достижения древнерусского зодчества эпохи московского барокко и народного зодчества. В классическом стиле Литейного дома появляются черты, свидетельствующие о поиске мастером новых образных решений промышленных зданий¹⁰.

В период наполеоновских войн Брянский арсенал поставлял армии пушки, лафеты, ядра и т. д. В сознании народа предприятие ассоциировалось, в том числе, и с артиллерией – «богом войны», во многом предопределившей победу в войне. Артиллерийское орудие стало символом ужасов войны и в то же время радости победы. В своих записках один из артиллерийских командиров, впоследствии артиллерии генерал-майор И.Т. Раджицкий писал: «Однажды моя пушка увязла колесом в ухабе и чуть не опрокинулась. Я подбежал с канонирами, чтобы поддержать ее, и увидел колесо засевшим между костями разможенного, замерзлого трупа, который занесен был снегом»¹¹. В то же время, что, как не орудийный салют, ассоциируется у нас с победой? На эту глубоко укоренившуюся в сознании человека ассоциативную связь с Отечественной войной 1812 г. указывали и артиллерийские орудия, находившиеся с начала XXI в. и до недавнего времени у Литейного дома Брянского арсенала.

Артиллерийские орудия периода войн с Наполеоном находятся и у дома генерала – директора арсенала. Здание было построено одновременно с предприятием на вершине Покровской горы, на территории Брянской цитадели. Два артиллерийских орудия в натуральную величину появились на этом месте, вероятно, в конце XX в. и остаются там по настоящее время.

В 2009 г. на Брянском машиностроительном заводе были отлиты в натуральную величину еще два орудия периода войн с Наполеоном. Они установлены перед Брянским государственным объединенным краеведческим музеем за памят-

ником партизанскому движению на Брянщине на Площади партизан.

Последним по времени создания – из архитектурных средств памяти, яркой точкой пересечения исторической памяти в Брянске стало архитектурно-скульптурное сооружение «Город воинской славы».

Указом президента РФ от 25 марта 2010 г. Брянск получил почетное звание Города воинской славы. В городе сооружена памятная стела, представляющая собой колонну дорического ордера, увенчанную гербом РФ. Она установлена на постаменте в центре площади. На передней части постамента расположен картуш с текстом указа президента, с обратной стороны – картуш с изображением герба города. По углам площади устанавливаются скульптурные барельефы с изображением событий, в связи с которыми городу присвоено почетное звание. Один из углов площади украшен барельефом с изображением событий Отечественной войны 1812 г.

Следующей «зоной» пространства исторической памяти является печатное наследие. По определенным причинам, характеризуя эти точки пересечения исторической памяти, здесь необходимо проявлять осторожность. П. Нора задает вопрос: «Разве всякий великий исторический труд и всякий исторический жанр не являются местами памяти?» Ответ таков: «Только те книги по истории являются местами памяти, основу которых составляет переработка памяти, или те, что представляют собой педагогические бревиарии»¹².

Если посылка П. Нора воспринята нами верно, то к зоне пространства исторической памяти относятся тяготеющие к обобщениям публикации журналистов брянских газет, научно-популярные монографии и, конечно, местом исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. будут настоящие рассуждения.

История Отечественной войны 1812 г. в том или ином аспекте рассматривалась в конце XX – начале XXI вв. на страницах газет «Брянская газета», «БК Факт», «Брянская неделя», что является заслугой журналиста газеты «БК Факт» В.Г. Деханова. Периодически к истории войны 1812 г. в связи с историей Брянского арсенала обращался главный редактор газеты «Арсеналец» Е.В. Родина. В частности, в преддверии крупного юбилея Брянского арсенала редкий номер газеты не содержал статей, посвя-

щенных воспоминаниям о минувшем, выходявших в специальной рубрике «К 220-летию завода».

В число публикаций, отнесенных к данной точке пересечения исторической памяти, необходимо включить коллективную научно-популярную монографию по истории Брянского края. В книге присутствует целый параграф «Брянский край и Отечественная война 1812 г.»¹³

В 1983 г. Брянский арсенал праздновал свое двухсотлетие, и к юбилею вышла научно-популярная литература, с кратким обзором ключевых событий в истории предприятия, в том числе событий Отечественной войны 1812 г.¹⁴

Следующей точкой пересечения исторической памяти являются оружие, мундиры, награды, сохранившиеся со времени Отечественной войны 1812 г. и представленные в экспозициях Брянского государственного объединенного краеведческого музея, краеведческих музеев Брянского края, заводского музея ОАО «Брянский арсенал». С определенными оговорками к данной точке пересечения исторической памяти относятся выставки, организуемые сотрудниками государственного архива Брянской обл. Нужно иметь в виду мнение П. Нора: «...архивное хранилище не является местом памяти, если воображение не наделяет его символической аурой»¹⁵.

Вероятно, подобная аура присутствует на выставках рисунков, сочинений, рефератов, эссе, посвященных войне и проводимых в рамках работы библиотечной сети Брянского региона. Направляет деятельность указанной структуры Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева.

П. Нора метко подметил, что «игра памяти и истории формирует места памяти, взаимодействие этих двух факторов приводит к их определению друг через друга». При этом, как он отмечает, «прежде всего, необходимо желание помнить. Если отказаться от этого приоритета как принципа, можно быстро перейти от узкого определения, самого богатого по своему потенциалу, к определению возможному, но рыхлому, однако способному включить в категорию все объекты, достойные воспоминания»¹⁶.

Рассуждая о точках пересечения исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. на Брянщине, стоит констатировать, что историческая память о Великой Отечественной войне во многом «перевешивает», она переключила внимание на се-

бя. На территории Брянщины, например, существует мемориальный комплекс «Партизанская поляна», поддерживающий историческую память о Великой Отечественной войне. В последние годы появляются и новые подобные учреждения. При этом инициатива исходит как с регионального, так и государственного уровня. Например, открытие мемориального комплекса «Хацунь» состоялось после масштабной реконструкции, решение о проведении которой было принято в 2010 г. администрацией Брянской обл. при поддержке президента РФ Д.А. Медведева. В день открытия «Хацунь» посетил В.В. Путин, в то время председатель правительства РФ. В торжественной церемонии приняли участие полномочный представитель РФ в Центральном федеральном округе О.М. Говорун, главы регионов России, Беларуси и Украины, представители Международного союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей, ветераны Великой Отечественной войны, представители общественных организаций, поисковых отрядов, делегации городов и районов Брянской обл., почетные гости. Строительство мемориального комплекса «Хацунь» осуществлено на народные пожертвования, благотворительные взносы предприятий и организаций при поддержке президента РФ.

К сожалению, специальные учреждения культуры, поддерживающие память об Отечественной войне 1812 г., на Брянщине отсутствуют.

В заключение отметим, что на Брянщине уже в первые годы после окончания Отечественной войны 1812 г. были созданы так называемые точки пересечения исторической памяти. Во многом инициатива создания храмов исходила от населения, и это вполне понятно, так как воспоминания о событиях войны были ярки, а участники событий еще живы (в течение 1812 г. Брянщина дала русской армии 16 290 воинов). С естественным уходом современников, с изменением исторических реалий видоизменялась и историческая память. Другие события, и в первую очередь Великая Отечественная война, существенно повлияли на ситуацию и во многом заняли место в памяти, отведенное для Отечественной войны 1812 г.

В начале XXI в. очевидно, что, хотя образ Отечественной войны 1812 г. в исторической памяти жителей Брянского региона несколько утратил свои позиции, имеющиеся точки пересече-

ния исторической памяти оставляют надежду на то, что это значительное событие российской истории не будет забыто, а средства его памяти будут расти. В этом убеждает наиболее значимый тезис П. Нора: «...прежде всего, необходимо желание помнить»¹⁷.

¹ Нора П. Франция-память. СПб., 1999. С. 19.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 28.

⁴ Белоусов С.В. Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2005. № 4. С. 80.

⁵ Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье: размещение, содержание, взаимоотношения с местным населением // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 1. С. 52.

⁶ Миловидов Б.П. Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С. 145.

⁷ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. М., 1998. С. 585.

⁸ Там же. С. 355.

⁹ Там же. С. 352.

¹⁰ Городков В.Н. Архитектурные образы Брянщины. Тула, 1990. С. 19, 26–31.

¹¹ Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста 1812–1816 гг. Ч. 1. М.: Типографии Лазаревых Института Восточных языков, 1835. С. 280.

¹² Нора П. Указ. соч. С. 43.

¹³ Горбачев О.В., Дубровский А.М., Колосов Ю.Б., Крашенинников В.В., Шинаков Е.А. История Брянского края. Ч. I: С древнейших времен до конца XIX века. Брянск, 2000; Горбачев О.В., Колосов Ю.Б., Крашенинников В.В., Лупоядов В.Н., Тришин А.Ф. История Брянского края. XX в. Клинцы, 2003.

¹⁴ Хронология важнейших событий 200-летней истории Брянского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени завода дорожных машин. Брянск, 1983; Этапы большого пути: Из истории (Брянского дорожного машиностроения им. 50-летия Великого Октября) завода. Брянск, 1983.

¹⁵ Нора П. Указ. соч. С. 40.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Л.А. Бобров (Новосибирск)

«ИНДО-ПЕРСИДСКИЙ» ШЛЕМ ХАНА ДЖАНГИРА И ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ НАГОЛОВИЙ «КУЛА-ХУД» XVI–XIX ВЕКОВ¹

ШЛЕМЫ «КУЛА-ХУД» (традиционно именуемые в отечественном оружейоведении «индо-персидскими») и их дериваты представляют собой финальную стадию развития традиционных боевых и парадных наголовий воинов Передней Азии. В эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени шлемы данного типа получили широкое распространение среди состоятельных панцирников многих стран мусульманского мира. Их конструкция оказалась настолько удачной, а декоративное оформление настолько эффективным, что «кула-худ» практически без изменений воспроизводились оружейниками Западной, Средней и Южной Азии на протяжении нескольких столетий². В отдельных регионах (Иран, Казахстан, Мавераннахр, Восточный Туркестан, Индия, Северная и Центральная Африка и др.) они продолжали применяться в ходе боевых действий даже в середине – второй половине XIX в. Наряду с «тюрбанными» шлемами и османскими «шишаками» «кула-худ» могут быть отнесены к числу наиболее узнаваемых воинских наголовий Мусульманского Востока.

До нашего времени дошли сотни подлинных экземпляров «кула-худ», десятки их изображений и описаний, выполненных авторами XVII–XIX вв. Однако, несмотря на обилие источников, данная разновидность шлемов ни разу не становилась объектом специального научного исследования. Данный факт весьма негативно сказывается на изучении иранского комплекса защитного вооружения на завершающем этапе его эволюции, а также анализе позднесредневекового доспеха мусульманских народов

в целом. Таким образом, обращение к данной теме представляется весьма актуальной научной задачей.

Нами собраны сведения о 314 экземплярах «кула-худ» и их дериватах, хранящихся в музейных собраниях России, Ирана, Индии, Великобритании, США, ФРГ, Казахстана, Узбекистана и других стран. Типология данных наголовий, а также их эволюция будет рассмотрена нами в специальной работе. В настоящей публикации мы наметим основные вехи становления «кула-худ», а также проанализируем данную разновидность шлемов на примере богато оформленного наголовья, хранящегося в фондах Российского этнографического музея (РЭМ, колл. № 3806–1)³.

Согласно исследованиям сотрудника РЭМ С.В. Дмитриева, рассматриваемый шлем передала в музейное собрание в мае 1919 г. Ф.Н. Чингисхан, являвшаяся вдовой генерал-лейтенанта от кавалерии Султана Хаджи Губайдуллы Джангир-оглы Чингисхана (1840–1909)⁴. Этот известный администратор, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и кавалер ордена св. Анны первой степени был четвертым сыном правителя Бокеевской (Внутренней) Орды хана Джангира (1824–1845). С.В. Дмитриев пришел к выводу, что переданные в РЭМ вещи ранее входили в состав знаменитой «коллекции» хана Джангира, получившей широкую известность благодаря описаниям современников⁵.

Традиция формирования оружейных arsenалов при ставке степного правителя уходит корнями в эпоху Средневековья. В Казахских жузах подобная практика сохранилась вплоть до середины XIX в. Обычно арсенал казахского хана или султана состоял из двух частей. Богато украшенное парадное и боевое оружие вывешивалось в юрте, демонстрируя гостям славу и богатство хозяина. В ходе военных походов это вооружение использовалось самим правителем и членами его семьи. Вторая часть арсенала, хранившаяся в специальных кибитках «кунак-ханэ», состояла из более простого защитного и наступательного вооружения, которое в канун боевых действий выдавалась теленгитам (людям, лично зависимым от хана), а после завершения похода возвращалось в «кунак-ханэ»⁶.

По единодушному мнению современников хан Джангир был ценителем дорогого оружия. Он не только сохранил арсенал, доставшийся ему от предков, но и активно приобретал понравив-

шиеся ему образцы защитного и наступательного вооружения. Однако, в отличие от своих предшественников, Джангир реформатировал традиционный ханский арсенал по образцу частных оружейных коллекций европейского образца. С.В. Дмитриев систематизировал сведения современников о так называемой «оружейной комнате» хана Джангира: «В доме Джангер-хана была особая комната, называемая оружейной. Его страсть к редкому оружию отмечает А. Евреинов. По его словам, он доставал редкие образцы “не щадя денег”. Для хранения собрания были сделаны специальные красного дерева шкафы, в которых за стеклом помещались восточные пистолеты, ружья, сабли, ятаганы, шашки, топорики, булавы, кольчуги, щиты, латы, шлемы, налокотники, многие из которых были украшены насечкой золотом и серебром, чернью, а также камнями. Эта оружейная комната была рассмотрена А.И. Терещенко, который оставил ее достаточно подробное описание. По его словам, многие из образцов оружия были с надписями арабской, в том числе куфической графикой. Некоторые надписи были дарственными от российских императоров и императриц предкам Джангер-хана, и это оружие имело, таким образом, значение фамильного собрания. Среди дарителей значились императрицы Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II, императоры Павел I и Александр I»⁷. В то же время необходимо отметить важную особенность степных «оружейных коллекций» наподобие джангировской, по сравнению с классическими европейскими собраниями. Перекочевав со стен юрты в «красного дерева шкафы», это вооружение не превратилось в раритет, но продолжало оставаться частью ханского и султанского арсенала. В случае военной опасности оно извлекалась из-под «стекла» и использовалось по своему основному назначению. Судя по данным вещественных и письменных источников, представители казахской, узбекской и киргизской знати вплоть до середины XIX в. продолжали использовать в ходе боевых действий не только сабли, боевые топоры и булавы, но и кольчатые панцири, зеркальные доспехи «чар айна», шлемы, щиты и т. д.⁸

Рассмотрим конструкцию и систему оформления шлема № 3806–1 из Российского этнографического музея (рис. 1).

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи к отделу цельнокованых, по форме

купола к типу сфероконических. Общая высота шлема – 32,0 см (в том числе навершие – 17,7 см), диаметр – 20,0 см.

Цельнокованая тулья шлема имеет почти полусферическую форму. Ярко выраженный сфероконический силуэт наголовью

**Рис. 1. Шлем № 3806–1
(фото О.В. Ганичевой)**

придает высокое навершие, состоящее из воронковидного «подвершия» (пластины-основания), увенчанного граненым пиковидным острием с уплощенным «яблоком» на шейке. Нижний край пластины-основания оформлен полукруглыми фестонами. К налобной части шлема прикреплен подвижный наносник-стрелка. Он представляет собой длинный [-образный в сечении стержень, заканчивающийся плоскими пластинами-наконечниками сложной вырезной формы. Стержень вставляется в железную скобу и фиксируется специальным болтом. Перед боевым столкновением стрелка наносника опуска-

лась вниз, прикрывая лицо воина от секущего сабельного удара противника. В условиях отсутствия непосредственной опасности стрелка поднималась вверх и закреплялась болтом в поднятом состоянии (рис. 1). К височным частям тульи приклепаны парные трубки-втулки для плюмажа. Вдоль нижнего края купола пробиты отверстия для крепления бармицы. Последняя сплетена из железных и медных колец малого диаметра. Сгруппированные особым образом медные кольца формируют на поверхности бармицы характерный узор: расположенные в шахматном порядке ряды желтых ромбов на сером фоне. Нижний край бармицы оформлен девятью остроугольными фестонами различной длины (самые длинные фестоны на затылке, более короткие по

бокам). Необходимо отметить, что данная бармица, скорее всего, не является для шлема из РЭМ «родной». Она лишена традиционного налобного кольчатого сегмента и подвешена к наголовью с помощью сведенных колец, форма и цвет которых резко контрастируют с основными кольцами бармицы.

Поверхность шлема покрыта густым орнаментом, выполненным в технике золотой насечки по металлу. Декоративный эффект усилен методом чеканки, благодаря которой тулья наголовья имеет рельефную поверхность. Орнамент визуально скомбинирован в несколько ярусов, разделенных золотыми лентами. Нижний ярус тульи выделен двумя парами выпуклых поясков. Пространство между поясками заполнено надписями на арабском языке и растительным орнаментом («букет» из трех цветков и листьев в обрамлении золотого фигурного картуша). Второй ярус представляет собой ряд остроугольных арок, образующих зубчатый венец. В каждую ячейку этой стилизованной «короны» вписаны арабские надписи в окружении золотых «жемчужин». Третий ярус формирует ряд ромбических картушей, украшенных растительным орнаментом (четыре переплетенных крестом цветка). Наконец, четвертый (верхний) ярус покрыт изображениями крестов с цветочными бутонами на концах и вертикальными каплевидными листьями с зубчатым краем («саз»). Этот же рисунок повторяется на «подвершии» шлема. «Яблоко» и острие не орнаментированы. Узор на стержне наносника сохранился фрагментарно. Концевые пластины наносника украшены изображением «букета» из трех больших цветков, вырастающих из единого стебля в обрамлении распутившихся пятилепестковых бутонов и листьев. Фиксаторы височных втулок покрыты изображением золотых «жемчужин».

Как уже отмечалось выше, конструкция и система оформления шлема позволяет отнести его к особой категории боевых и парадных наголовий, известных в отечественной историографии как «индо-персидские шлемы», а в мировом оружиеведении как «кула-худ» или «кулах-худ» (*kulah-khud, kulahkhud*).

Родиной «кула-худ» является позднесредневековый Иран⁹. Классический «кула-худ» состоит из пяти основных конструктивных элементов (рис. 2):

1. Цельнокованая тулья полусферической (реже низкой сфероконической) формы.

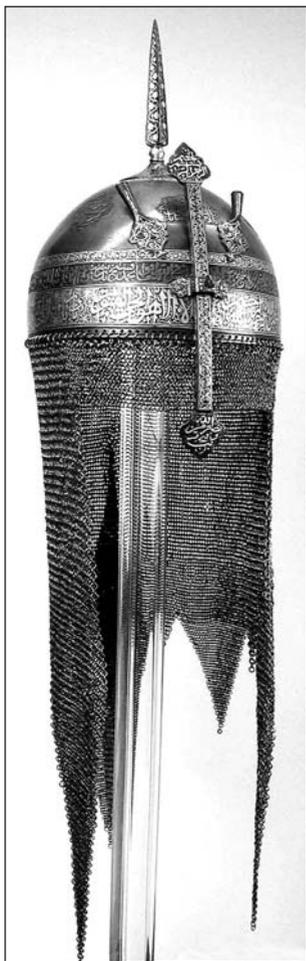

Рис. 2. Иранский шлем «кула-худ» (классический), Музей искусств Метрополитен (Нью-Йорк, США)

2. Навершие, состоящее из конического (реже полусферического) «подвершия» (пластины-основания) и пиковидного острия.

3. Подвижный наносник-«стрелка».

4. Парные трубки-втулки для плюмажа на височных сторонах тульи.

5. Кольчатая бармица «переднеазиатского типа», снабженная специальным сегментом-налобником, прикрывающим верхнюю часть лица (как правило, лоб, в редких случаях лицо до губ).

Начальные этапы эволюции «кула-худ» связаны с трансформацией иранского комплекса защитного вооружения в период позднего Средневековья. В конце XV–XVI вв. в рамках западноазиатской военно-культурной традиции выделились два региональных оружейных комплекса: «малоазиатский» («османо-мамлюкский») и «переднеазиатский» («иранский»). Первый доминировал на территории Османской империи и оказал существенное влияние на развитие защитного вооружения народов Восточной и, в меньшей степени, Центральной Европы. Второй стал популярен на территории Передней, Средней и Южной Азии¹⁰. Сохраняя единство в преобладающих структурах бронирования корпусных панцирей (кольчатые и кольчато-пластинчатые доспехи), конструкции шлемов (цельнокованные наголовья) и дополнительных

защитных деталей (створчатые наручи, кольчато-пластинчатые набедренники и т. д.) региональные комплексы существенно разошлись в некоторых конструктивно-технологических решени-

ях и системе оформления панцирных элементов. Так, если высшей стадией развития боевых наголовий «малоазиатского» РК стали сфероконические и полусферические шлемы с пластинчатой защитой лица, ушей и шеи¹¹, то в восточных районах мусульманского мира восторжествовали «кула-худ», сочетающие низкий цельнокованный купол с наносником-стрелкой и длинной кольчужной бармицей, прикрывающей шею, горло и верхнюю часть лица (рис. 2). Подобные различия были обусловлены как особенностями развития региональных оружейных технологий, военными и культурными традициями, так и спецификой актуальных боевых задач (комплекс вооружения, преобладающие способы и тактика ведения боя, вооружение и тактика противника и т. д.).

По всей видимости, шлемы типа «кула-худ» появились в Иране еще в XVI в. Они сложились на базе низких полусферических и сфероконических наголовий с ровным нижним краем и цельнокованным или клепаным куполом (отсюда декоративная имитация клепаной тульи на классических «кула-худ» XVII–XIX вв.). Подобные шлемы были известны воинам Передней Азии периода развитого Средневековья¹². В монгольскую эпоху они продолжали применяться панцирниками региона параллельно с местными дериватами шлемов «цзиньского типа»¹³. Позднее они сосуществовали с «тюрбанными» и цилиндроконическими шлемами. По мере того, как к низкой сфероконической и полусферической тулье добавлялись наносник-«стрелка», пиковидное навершие, кольчатая бармица «переднеазиатского типа» и височные трубки-втулки, происходило формирование новой разновидности шлема, получившего известность под названием «кула-худ».

Самое раннее из известных нам изображений шлема, который может рассматриваться как ближайший прототип классического «кула-худ», датируется 1524 г. (рис. 3). Латник на миниатюре рукописи «Шах-наме» носит сфероконический шлем, увенчанный пиковидным острием. Височные стороны шлема снабжены парными втулками, в которые вставлены пышные перья. Наносник не показан, зато имеется характерный кольчужный сегмент, прикрывающий лоб воина. Сама бармица отличается от классических образцов наличием пластинчатых наушей, вплетенных в кольчужную основу. Самые ранние экземпляры иранских «ку-

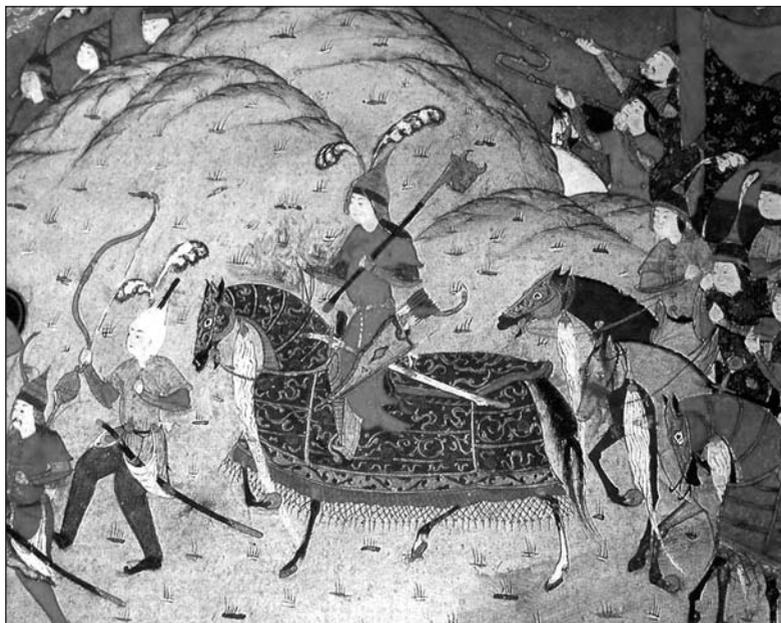

Рис. 3. Фрагмент миниатюры из рукописи «Шах-наме», 1524 г.

ла-худ», дошедших до нашего времени, датируются XVII в.¹⁴ С этого столетия наголовья данного типа начинают стремительно распространяться среди знатных латников Передней, Средней и Южной Азии¹⁵.

Нам представляется, что в основе популярности «кула-худ» лежали несколько факторов. Важнейшим из них было соответствие данных шлемов оружейному комплексу и тактике народов региона, которая была основана на динамичном конном сражении с применением рубящего длинноклинкового оружия, а также лука и стрел. Секущий рубяще-режущий сабельный удар срывался и скользил по гладкой тулье «кула-худ», не причиняя вреда его владельцу (чтобы вражеский клинок не зацепился за височные втулки, их приклепывали под углом, вплотную к куполу шлема). От прямых и косых рубящих ударов лицо воина защищали наносник-«стрелка» и кольчужный налобник (наличие последнего, помимо прочего, позволяло мастерам уменьшить высоту купола, что существенно снижало общий вес шле-

ма). Длинные кольчужные лопасти, застегивавшиеся под подбородком, защищали шею воина от боковых рубящих ударов и небронебойных стрел. В то же время эластичная кольчатая броня не мешала обзору, не стесняла воина в ходе сражения и позволяла свободно наклонять и поворачивать голову в любом направлении. В целом, относительно легкий и компактный «кула-худ» достаточно эффективно защищал голову своего владельца в ходе скоротечной конной схватки. По мере того как сильноизогнутые «шамширы» вытесняли из военной практики тяжелые сабли с елманью, тактико-технические преимущества «кула-худ» становились все более очевидными. Пик популярности «кула-худ» пришелся на вторую половину XVIII – начало XIX вв., когда массовый металлический доспех практически исчез с полей сражений Западной и Средней Азии, а тяжелый панцирный комплект, состоящий из «кула-худ», кольчуги, зеркального доспеха «чар айна», наручей и стального щита стал исключительной прерогативой знати и латников элитных подразделений. Сильноизогнутые «шамширы», обладавшие повышенной рубяще-режущей функцией, представляли исключительную опасность для легковооруженных воинов, но были практически бессильны против цельнокованых «кула-худ» с гладким сфероконическим куполом. В этих условиях «кула-худ» превратились в доминирующий (а в некоторых регионах в единственный) тип боевых наголовий, применявшихся представителями местной феодальной знати¹⁶.

Вторым важным фактором, обусловившим популярность «кула-худ», стал военно-культурный аспект. Особенности конструкции «кула-худ» открывали широкое поле для творчества оружейников-оформителей. В результате, иранские мастера создали более двух десятков вариантов декоративного оформления шлемов «кула-худ», отличавшихся исключительным богатством и изяществом отделки. Комбинация точеного силуэта с густым насыщенным орнаментом и пышным перьевым плюмажем, придавали шлемам «кула-худ» запоминающийся, яркий образ, быстро полюбившийся иранской аристократии. Учитывая тот факт, что оружейники Передней Азии в XVI – первой трети XIX вв. являлись законодателями военной моды для своих коллег в Средней и Южной Азии, в данных регионах достаточно быстро сформировалась мода на «кула-худ», которая прояви-

лась как в прямом копировании конструкции и системы оформления наголовий, так и в появлении многочисленных дериватов и подражаний.

К числу наиболее известных дериватов можно отнести так называемые индийские кула-худ, птичьи шлемы и шлемы демонов.

Употребляемый в российской историографии термин «индо-персидский шлем» по отношению к «кула-худ» представляется нам не совсем корректным, так как он предполагает некоторое участие индийской оружейной традиции в появлении данной разновидности боевых наголовий. Однако в реальности генезис классического «кула-худ» связан исключительно с иранским оружейным комплексом. В Индии XVII–XIX вв. применялись как классические иранские «кула-худ», импортированные из Передней Азии или изготовленные местными мастерами по иранским образцам, так и местные варианты «кула-худ». Послед-

**Рис. 4. «Птичий шлем»
из ВИМАИВиВС
(по Анисимовой М.А., 2013)**

ние отличались от своих переднеазиатских прототипов более низкой тульей, особенностями конструкции навершия и наносника¹⁷. Считаем, что именно к этой разновидности «кула-худ» может быть применен термин «индо-персидский шлем», т. е. «индийский» вариант «персидского» шлема.

Отличительной особенностью «птичьих шлемов» являлось характерное навершие, выполненное в виде головы птицы на длинной шее (рис. 4). Боковые стороны и задняя часть купола покрывалась чешуеобразными перьями, выполненными в технике гравировки, чеканки или золотой насечки по металлу. В височные трубки-втулки вставлялись пышные перьевые сул-

таны. Плюмаж трепетал на ветру, и постороннему зрителю казалось, что металлическая птица машет крыльями. Налобная часть шлема обычно снабжалась выпуклым изображением антропоморфного солнечного диска. Некоторые «птичьи» шлемы не имели наносника-«стрелки». В тех случаях, когда наносник добавлялся, он имел характерный S-образный в сечении силуэт (рис. 4). К нижнему краю купола подвешивалась кольчатая бармица «переднеазиатского типа».

«Шлем демона» представлял собой металлическое наголовье с массивными загнутыми рогами, рельефным носом и бровями на лобной части тульи (рис. 5). Из-за наличия выпуклых деталей наносник имел S-образное сечение. Височные трубки-втулки были частым, но не обязательным элементом оформления.

Если большинство «индо-персидских кула-худ» активно применялись в ходе боевых действий, то другие дериваты использовались, в основном, в качестве «парадных» наголовий¹⁸. Длинные птичьи шеи и загнутые рога снижали тактико-технические характеристики шлемов, но придавали им известный колорит. Кольчатые бармицы, хотя и напоминали свои боевые аналоги, но часто выполнялись не из клепанных, а из сведенных колец. В декоративный элемент превратились и наносники-«стрелки», которые из-за выпуклых налбоников шлемов имели S-образную форму и уже не могли опускаться на лицо, прикрывая его от сабельного удара (рис. 4; 5). Вопрос о времени появления «птичьих шлемов» и «шлемов демонов» остается открытым. Большинство известных экземпляров были изготовлены во второй половине XVIII – первой

**Рис. 5. «Шлем демонов»
из ВИМАИВиВС
(по Анисимовой М.А., 2013)**

половине XIX вв. и использовались в ходе торжественных церемоний, парадов и празднеств.

Наряду с дериватами известное распространение среди воинов Средней и Южной Азии, а также Северной и Центральной Африки получили шлемы, подвергшиеся переделке под влиянием моды на «кула-худ». Как правило, в рамках такой трансформации к шлему добавлялись наиболее яркие элементы декоративного оформления «кула-худ»: пиковидные навершия и парные височные трубки-втулки для плюмажа. Большой популярностью пользовались также наносники-«стрелки». Несколько реже к наголовьям добавлялись бармицы «переднеазиатского типа» с кольчужным сегментом для защиты верхней части лица.

По своей конструкции шлем из РЭМ может быть определен как один из вариантов классического «кула-худ». От эталонных образцов он отличается необычно высокой пластиной навершия воронковидной формы (как на упомянутой выше иранской миниатюре 1524 г.), а также особенностями декоративного оформления.

Если проанализировать орнамент шлема по составляющим его деталям, то можно отметить, что каждая из них по отдельности применялась мастерами мусульманского мира достаточно широко. Композиция из четырех переплетенных крестом цветков, стебли которых образуют геометрическую фигуру в виде ромба, встречается на вооружении воинов Османской Турции XVI в.¹⁹, Ирана XV–XIX вв.²⁰, Средней Азии XV–XIX вв.²¹, Индии XVII в.²², Российского государства XVII в.²³ «Букет» из трех цветков с распутившимися (реже закрытыми) бутонами, растущими на одном стебле в обрамлении более мелких цветков и листьев, фиксируется на османском оружии XVIII в.²⁴, иранском и индийском оружии и доспехах XVIII–XIX вв.²⁵ Распутившийся цветок с пятью золотыми лепестками присутствует на иранском и среднеазиатском вооружении XVI–XIX вв.²⁶ Прямые листья «саз» каплевидной формы с зубчатым краем характерны для изделий иранских оружейников XVIII в.²⁷ Наконец, золотые «жемчужины» фиксируются на шлемах иранского и среднеазиатского производства XVI–XVII вв.²⁸

В целом, золотой рисунок на тулье шлема может быть определен как вариант традиционного оформления иранских «кула-худ» (орнаментальная имитация короны и клепаной поверхнос-

ти тульи), однако способ передачи узора достаточно оригинален. Надписи, цветы, листья и «жемчужины» вписаны в небольшие ячейки различных форм, размещенных практически встык друг к другу. Этот декоративный ячеисто-арочный каркас, подчеркнутый чеканной рельефной поверхностью тульи, и формирует неповторимый облик наголовья. Из 314 известных нам шлемов типа «кула-худ» только три экземпляра имеют схожее оформление. Это шлемы из Военного музея Тегерана (Инв. № 14), Забайкальского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова (Инв. № ЧОМ 2860) и из частной коллекции (рис. 6; 7)²⁹.

Рис. 6. Шлем «кула-худ» (Инв. № ЧОМ 2860) из Забайкальского краеведческого музея (фото Е.А. Багрина)

Рис. 7. Шлем «кула-худ» из частной коллекции

Орнамент шлема из Забайкальского краеведческого музея (ЗКМ), по сравнению с наголовьем из РЭМ, несколько менее подробный и изящный. Выпуклые остроугольные арки большого размера и нижний ярус тульи заполнены не надписями на арабском языке, а изображениями цветочных букетов (рис. 6). Другие элементы декора (каплевидные резные листья «саз», букеты из трех цветков на едином стебле, рельефная поверхность тульи и т. д.) весьма близки шлему из РЭМ. Еще более лаконично оформление «кула-худ» из частной коллекции (рис. 7). Арки по нижнему краю тульи и трубки-втулки вообще лише-

ны орнамента. Верхняя часть рельефной (чеканной) тульи украшена резными листьями «саз». Коническое подвешие с зубчато-фестончатым краем покрыто золотым ромбическим узором (рис. 7). Рисунок на шлеме из Военного музея Тегерана, напротив, отличается богатством и детализацией. Коранические надписи заполняют нижний ярус и остроугольные арки венца шлема, причем в рисунок вплетены и золотые «горошины». Очень подробно проработаны большие каплевидные листья «саз» на тулье и пластине наверхшия³⁰. Интересно, что, в отличие от шлема из РЭМ, все три наголовья имеют низкую коническую пластину наверхшия, три трубки втулки для плюмажа (третья приклепана к налобной части тульи), а узор на куполе лишен ромбических картушей. М.М. Хорасани, проанализировав надписи на шлеме из Военного музея Тегерана, пришел к выводу, что он был изготовлен в период правления в Иране династии Сефевидов (1502–1722, 1722–1786)³¹.

Анализ конструкции и системы оформления позволяет сделать вывод, что шлем № 3806–1 из РЭМ был изготовлен в XVII – начале XIX вв. Наиболее вероятно, что его авторами являлись иранские оружейники. В пользу данной версии свидетельствует как конструкция самого наголовья, так и некоторые особенности его декора. В частности, относительно глубокий купол шлема и фиксация стрелки-наносника с помощью болта, в целом, не характерны для изделий индийских оружейников, в то время как среди иранских материалов они встречаются очень часто. Узор в виде больших вертикальных листьев с резным краем и золотых «жемчужин» также применялся, прежде всего, иранскими мастерами³². В то же время нельзя полностью исключать и возможность изготовления шлема среднеазиатскими оружейниками по иранскому образцу. В этом случае высокая воронкообразная пластина наверхшия могла являться подражанием высоким наверхшиям шлемов кочевников Центральной Азии XVII–XVIII вв.

Престиж иранского вооружения среди тюркских кочевников Средней Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени был очень высок. Вещественные, изобразительные и письменные материалы свидетельствуют, что казахская знать XVII – первой половины XIX вв. активно использовала сабли «шамшир», боевые топоры, кинжалы, кольчатые панцири, зер-

цальные доспехи «чар айна», шлемы, щиты и наручи, изготовленные иранскими мастерами. В числе прочих предметов вооружения представители казахской аристократии носили и шлемы «кула-худ» иранского производства. В настоящее время эти боевые и парадные наголовья хранятся в музейных собраниях и частных коллекциях Республики Казахстан³³. Богато оформленный «кула-худ» из РЭМ входит в число лучших образцов иранских шлемов, происходящих из арсеналов казахской военно-политической элиты. Можно предполагать, что прежде чем попасть в арсенал хана Джангира, он мог применяться в качестве боевого или парадного наголовья представителями иранской, узбекской или казахской знати.

¹ Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

² Робинсон Р. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. М.: Центрполиграф, 2006. С. 50, 51, 53, 54, 132, 136, табл. II, IV, XIV–XVI, XX; Стоун Д.К. Большая энциклопедия оружия и доспехов М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 347, 349, рис. 390.

³ Пользуясь случаем, автор выражает благодарность руководству и сотрудникам РЭМ за возможность ознакомиться с оружейным собранием музея.

⁴ Вместе со шлемом № 3806–1, определенным как «персидский», Ф.Н. Чингисхан передала в РЭМ «казахский шлем» (Инв. № 3807), «два старинных акварельных портрета, изображающих киргизов в народных костюмах», а также фотोगрафию «с рисунка, на котором был изображен казахский султан». См.: Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. С. 222.

⁵ Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 222–232.

⁶ Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов). Алматы: Гылым, 1996. С. 400.

⁷ Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 227.

⁸ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906а. Т. I. С. 239, 280, 294, 382. Т. II. С. 398, 399.

⁹ Робинсон Р. Указ. соч. С. 50, 51, 53, 54; Стоун Д.К. Указ. соч. С. 347, 349, рис. 390.

¹⁰ Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX в. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV – первой половины XVIII вв.: Автореферат дис. ... докт. истор. наук. Барнаул, 2011. С. 40, 41, 46.

¹¹ К данной категории боевых наголовий относятся европейские дериваты османских шлемов: снабженные козырьками с наносниками, наушами и назагыль-

никами русские «пишаки» и «ерихонки», польские «szyszak», чешские «sisak», немецкие «zischagge», «rappenhaimег» и др. См.: Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. С. 56–67; Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб.: Атлант, 2009. Кн. I. С. 126–131.

¹² The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. P. 314, 316.

¹³ Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: «Восточный горизонт», 2002. С. 76, рис. 3, 4, 12, 13, 15, 19, 21, 23, 26, 28–31, 37–39, 41–46, 49–60.

¹⁴ Робинсон Р. Указ. соч. С. 50, 51, табл. II; The Arts of the Muslim Knight. P. 334.

¹⁵ Робинсон Р. Указ. соч. С. 50, 51, 53, 54, 132, 136, табл. II, IV, XIV–XVI, XX; Стоун Д.К. Указ. соч. С. 347, 349, рис. 390.

¹⁶ В самом Иране традиционное вооружение стало выходить из широкого военного обихода в первой половине XIX в., однако местные мастера продолжали изготавливать шлемы «кула-худ», щиты и наручи в качестве сувениров, которые продавали европейским коллекционерам. См.: Робинсон Р. Указ. соч. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 53, 135, 136; Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. С. 334.

¹⁸ Это, впрочем, не означает, что при определенных обстоятельствах «птичьи шлемы» и «шлемы демонов» (особенно их ранние версии) не могли использоваться отдельными военачальниками в ходе военных кампаний.

¹⁹ Государева Оружейная палата. С. 60, 62; The Arts of the Muslim Knight. P. 175.

²⁰ The Arts of the Muslim Knight. P. 450, 687, 690, 716; Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tubingen: Legat, 2006. P. 450, 687, 690, 716; Khorasani M.M. Lexicon of Arms and Armor from Iran. Tubingen: Legat, 2010. P. 503, 528.

²¹ Государева Оружейная палата. С. 73; Анисимова М.А. Указ. соч. С. 275, 279.

²² The Arts of the Muslim Knight. P. 312.

²³ Государева Оружейная палата. С. 58.

²⁴ The Arts of the Muslim Knight. P. 18.

²⁵ Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran. P. 696; Анисимова М.А. Указ. соч. С. 171.

²⁶ Государева Оружейная палата. С. 50–53; Анисимова М.А. Указ. соч. С. 171.

²⁷ Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran. P. 717; The Arts of the Muslim Knight. P. 529; Khorasani M.M. Lexicon of Arms and Armor from Iran. P. 529.

²⁸ Государева Оружейная палата. С. 50–53.

²⁹ Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran. P. 717; Багрин Е.А., Васильев С.Г. Восточное оружие в коллекции Забайкальского краевого краеведческого музея имени А.К. Кузнецова // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до середины XX века. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 267, 268, 309, 310.

³⁰ Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran. P. 717.

³¹ Ibidem.

³² Ibidem; The Arts of the Muslim Knight. P. 273; Khorasani M.M. Lexicon of Arms and Armor from Iran. P. 529; Государева Оружейная палата. С. 50–53.

³³ Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. С. 158.

Л.А. Бобров (Новосибирск), А.М. Пастухов (Москва)

ПАРАДНЫЕ ДОСПЕХИ ЦИНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ СЮАНЬЕ/КАНСИ И ХУНЛИ/ЦЯНЬЛУНА ИЗ СОБРАНИЯ ГУГУН¹

ЭПОХА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ и раннего Нового времени стала важным этапом эволюции комплекса защитного вооружения народов континентальной Восточной Азии. В период правления маньчжурской династии Цин (1644–1911) была воплощена в жизнь мечта многих поколений дальневосточных монархов по созданию унифицированного и регламентированного армейского доспеха, ставшего своеобразной «панцирной униформой» войск Поднебесной империи. К сожалению, несмотря на обилие вещественных, изобразительных и письменных источников, цинский панцирный комплекс долгое время не привлекал внимания военных историков и оружейников, что приводило к весьма комичным ситуациям при датировке и атрибуции цинских предметов вооружения из музейных собраний и частных коллекций². В данных условиях актуальной научной задачей является публикация эталонных предметов цинского вооружения, а также материалов имперских кодексов, регламентирующих оружие и доспехи маньчжурской аристократии, представителей императорской свиты, воинов элитных подразделений, солдат и офицеров «Восьмизнаменной армии» и китайских «Войск Зеленого знамени».

Целью настоящей статьи является публикация и оружейно-исторический анализ парадных доспехов двух цинских монархов, сыгравших весьма важную роль в истории Дальнего Востока. Речь идет о панцирных комплексах императора Сюанье, правившего под девизом Канси в 1661–1722 гг., и императора Хунли, правившего под девизом Цяньлун в 1735–1796 гг. Оба императора прославились как выдающие политические деятели, дипломаты и

военные стратеги. Первый из них подавил восстание китайских «князей-данников», существенно потеснил русских в Приамурье, присоединил к империи о. Тайвань, Восточную Монголию (Халху) и одержал победу в I Джунгаро-цинской войне 1690–1697 гг. В свою очередь, император Хунли окончательно разгромил Джунгарию и включил в состав империи Тибет, Ойратию и Восточный Туркестан. Во время его правления цинские войска вторгались в Горный Алтай, Казахстан, Бирму и Вьетнам.

Личный арсенал цинских императоров был весьма представительен. Он включал в себя как парадные, так и боевые доспехи. Так, например, император Канси был равнодушен к так называемым синим латам, представлявшим собой вариант боевого панциря воинов «*Цяньфэн*» («Авангардных войск»). Он не только носил «синие латы» в ходе военных компаний, но даже позировал в них при написании портрета³. Однако главным парадным доспехом цинских императоров считался панцирный комплекс для «большого смотра» войск. Согласно династийной истории «Цин ши гао» (1927), первый большой смотр войск был проведен императором Хуантайцзи в 1633 г. С 1656 г. было принято решение проводить его раз в три года. Целью проведения смотра было поддержание воинского духа в армии, а также строевая подготовка войск.

Доспехи императоров Сюанье и Хунли «для большого смотра войск» в настоящее время хранятся в фондах Музея Императорского дворца Гугун в Пекине. Рассмотрим их конструкцию и систему оформления более подробно.

Тулья шлема императора Сюанье (Инв. № СК-171130, СК-171813) склепана из двух пластин трапециевидной формы, изготовленных из твердой воловьей кожи. С внешней стороны они покрыты блестящим черным лаком (рис. 1; 2). Общая высота шлема – 33,5 см, диаметр – 22,0 см. Стыки пластин тульи прикрыты специальными металлическими накладками (*лян*). Накладки с внешней стороны купола выполнены из золота и украшены изображениями драконов. В специальные «гнезда» («касты») вставлены жемчужины и драгоценные камни округлой формы. Самый большой камень (топаз?) помещен в пасть дракона на нижней части накладки. По тулье шлема пропущены три узких золотых обруча, которые визуально делят купол наголовья на три горизонтальных яруса⁴. Нижний и верхний ярус

Рис. 1. Шлем императора Сюанье (девиз правления Канси) (1661–1722). Музей Гугун (Пекин, КНР)

украшены золотыми надписями, представляющими собой буддийские мантры: «Ом мани падмехум» и др. На центральном ярусе буддийские надписи вплетены в характерный для маньчжурских шлемов золотой узор в виде ожерелья с подвесками (*цзиньинло*)⁵.

Лицевая часть шлема снабжена налобником прямоугольной формы (*хуэ*), нижний край которого (согласно чжурчжэньской оружейной традиции) располагается значительно ниже кромки тульи шлема⁶. На поверхность налобника нанесены изображения сближающихся драконов *цзиньлун* и образ *пламенеющей жемчужины (хочжу)* между ними. К верхней части налобника приклепан золотой пятиугольный «коробчатый» козырек (*уцин*), украшенный прорезным узором в виде четырех драконов. В «гнезда» на горизонтальной «полке» козырька вставле-

ны девять жемчужин и драгоценных камней, сгруппированных по три. Навершие шлема состоит из подвершия (пластины-основания), трубки-втулки для плюмажа и шпиля с султаном и надвершием (шпилевым навершием). Подвершие целиком выполнено из золота и инкрустировано жемчугом и драгоценными камнями. Оно представляет собой массивную увенчанную «коронной» (*чэн*) золотую полусферу (*юаньцзо*) в чаше (*пань*). Вся конструкция украшена тонким прорезным орнаментом. Коронобразная опора чэн несет изображение дракона-лун, а ее верхний край оформлен пятью фестонами-«лепестками». Поверхность полусферы покрыта четырьмя «истинными драконами» (*чжэнлун*) и инкрустирована 12 жемчужинами и рубинами. Драгоценные камни и жемчужины сгруппированы по три и вставлены в «гнезда» по четырем сторонам шлема. На стенки чаши нанесены

изображения четырех драконов *синлун*. Двенадцать рубинов и жемчужин сгруппированы по три, но расположены не в виде треугольника (как на поверхности полусферы), а в ряд. Трубка-втулка украшена изображением дракона *паньлун*. Во втулку вставлен длинный шпиль, увенчанный «зонтом» (*баогай*) и ярусным надвершием. Последнее состоит из золотого шара (*цзиньюаньчжу*), инкрустированного жемчугом и драгоценными камнями красного цвета и украшенного гравировкой в виде трех драконов. Над полусферой помещены фигурки трех золотых «возносящихся драконов» (*цзиньшиэнлун*) в обрамлении красных драгоценных камней (рубинов?). Венчает надвершие корonoобразная опора *чэн* с большой белой жемчужиной⁷. Султан шлема крепится к «зонту», который представляет собой инкрустированную драгоценными камнями округлую золотую пластину с фестончатым краем. Собственно султан состоит из узких полос соболиного меха на красной подкладке.

Шлем императора Сюаньэ снабжен трехчастной матерчатой бармицей, состоящей из пары наушников (*хуэр*) и назатыльника (*хусян*). Все элементы бармицы покрыты шелком ярко-желтого цвета (*минхуан*) с черной окантовкой по периметру и украшены рядами золотых заклепок с полусферическими шляпками. Право ношения одежды цвета *минхуан* в Цинской империи имел только император, а также лица, получившие на это специальное разрешение монарха (в том числе и в качестве награды). Подбой бармицы выполнен из ткани голубого цвета. Наушники шлема имеют вырезную форму. В центральной части они снабжены округлыми золотыми пластинками со сквозными слуховыми отверстиями. Шелковая покрывка наушников украшена изображением «бегущего дракона» (*синлун*). С помощью четырех желтых шнуров к наушникам крепятся спе-

Рис. 2. Доспех императора Сюаньэ (девиз правления Канси) (1661–1722). Музей Гугун (Пекин, КНР)

Рис. 3. Портрет императора Хунли (девиз правления Цяньлун) (1735–1796) в доспехах «для большого смотра» войск, середина XVIII в.

Рис. 4. Портрет императора Хунли (девиз правления Цяньлун) (1735–1796) в доспехах «для большого смотра» войск, вторая половина XVIII в.

циальные прямоугольные лопасти, служившие для защиты горла.

В боевом положении лопасти стягивались между собой и фиксировались специальными завязками из черного шелка (рис. 3; 4). Каждую лопасть покрывают изображения трех «истинных драконов» (*чжэнлун*). Назатыльник хусян имеет форму трехлепесткового бутона, в центре которого нашито изображение золотого дракона (рис. 5).

Шлем императора Хунли, изготовленный более чем через 30 лет после шлема Сюанье, имеет аналогичную конструкцию и отличается лишь отдельными декоративными элементами оформления (рис. 6). Так, в частности, центральная часть накладок, прикрывающих стыки пластин тульи, украшена изображением «алмазной змеи *тэншиэ*», несколько изменилась форма пламеняющей жемчужины на налобнике, а сам налобник получил узкий золотой бортик по нижнему краю. Увеличилось число «подвесок» на узоре «*цзиньинло*» на центральном ярусе тульи шлема,

Рис. 5. Изображение дракона на назатыльнике-хусян императорского шлема

Рис. 6. Доспех императора Хунли (девиз правления Цяньлун) (1735–1796). Музей Гугун (Пекин, КНР)

соответственно уменьшилось число санскритских знаков на данном ярусе (с 18 до 8), зато возросло число знаков на верхнем ярусе тульи (с 8 до 12). Наконец, на золотой сфере надвершия (навершии шпилья шлема) различные виды драгоценных камней были заменены на «маньчжурские жемчужины». Большинство данных изменений проведены в точном соответствии с императорскими постановлениями 1756 г. и требованиями кодекса «Хуанчаолици туши» 1759 г.⁸ Это позволяет предположить, что шлем императора Хунли из Гугун был изготовлен после 1756 г. До нашего времени дошли несколько портретов императора Хунли в парадных доспехах для «большого смотра» войск. Интересно, что на раннем портрете молодой монарх позирует в шлеме нового образца (рис. 3), а на более позднем изображении он носит «дореформенный» вариант наголовья (рис. 4).

Наряду со шлемом в состав императорского комплекса защитного вооружения входит корпусный панцирь, снабженный наплечниками (*хуцзянь*), набедренниками (*шан*), подмышечни-

ками (*хуя*), «передником» (*шанцзяньцяньдан*), «полурукавами» (*сю*) и накладкой, прикрывающей разрез на левой стороне панциря (*цзо дан*). Рассмотрим данные элементы более подробно на примере доспеха императора Сюань из собрания Гугун (Инв. № СК-171797).

Императорский панцирь традиционно именуется цинскими авторами «курткой» (*и*). Однако в реальности он представляет собой безрукавный жилет со сплошным осевым и короткими боковыми разрезами (рис. 2)⁹. В куртку панцирный жилет превращался в тех случаях, когда к нему пристегивались рукава или нарукавники.

Стеганный на вате панцирь покрыт ярко-желтым шелком и снабжен подкладкой из голубой ткани. Края жилета (длина – 75,5 см) окантованы полосой черного шелка. Лицевую сторону доспеха украшают ряды заклепок с золотыми головками полусферической формы¹⁰. На нагруднике разноцветными нитями вышиты фигуры двух поднимающихся драконов-*шэнлун*, играющих большими жемчужинами (по одному дракону справа и слева от осевого разреза). Драконы парят над горными пиками, морем и облаками. На наспинник помещено изображение «истинного дракона» (*чжэнлун*).

Нижний край панциря императора Сюань снабжен П-образным вырезом, прикрытым специальным «передником» (*шанцзяньцяньдан*). Последний представляет собой матерчатую лопасть трапецевидной формы, пристегнутую к корпусному панцирю с помощью специальных металлических пуговиц. Как и другие элементы доспеха, «передник» простеган хлопком, имеет желтую шелковую покрывку и подбой из голубой ткани. По его краю пропущена кайма из черного шелка, а лицевая сторона покрыта рядами золотых заклепок. Центральная часть *шанцзяньцяньдан* украшена изображением золотого дракона (*чжэнлун*), играющего жемчужиной.

Характерным элементом оформления цинских корпусных панцирей являются боковые разрезы (от нижнего края подола к подмышечным проймам). Их появление связано с особенностями покроя и ношения традиционного маньчжурского костюма. Большинство типов верхней одежды (в том числе и панцири) маньчжуры носили неподпоясанными, благодаря чему их жилеты и куртки имели характерный «колоколообразный» (не прита-

ленный) силуэт (рис. 3; 4). Верхняя одежда целиком закрывала пояс, к которому подвешивались саадак и сабля. Для того чтобы полы доспеха не мешали вынимать из налуча лук, а из колчана стрелы, корпусный панцирь снабжался по бокам специальными вертикальными разрезами, через которые выпускались ремни с оружием. Еще одной функцией боковых разрезов было повышение эластичности доспеха. Особое значение это имело для панцирных «жилетов» куячного типа, бронированных с внутренней стороны матерчатой основы железными пластинами¹¹.

Несмотря на то важное значение, которое боковые разрезы имели для корпусных цинских панцирей, они, в то же время, являлись уязвимым местом доспеха. Особой опасности подвергалась левая часть корпуса воина при ведении дистанционного боя с применением лука и стрел. В момент стрельбы маньчжурский латник поднимал вверх руку с луком, невольно открывая противнику свой левый бок. Для того чтобы вражеская стрела не попала в неприкрытую броней щель бокового разреза панцирного «жилета», маньчжуры стали прикрывать ее специальной накладкой прямоугольной или трапециевидной формы (*цзо дан*)¹². Парадные доспехи цинских императоров также снабжены *цзо дан* (рис. 4; 7-1; 7-2). Последние выполнены из нескольких слоев ткани, украшены изображениями золотых драконов-*чжэ-нлун* на желтом поле, золотыми заклепками и черной шелковой окантовкой по периметру.

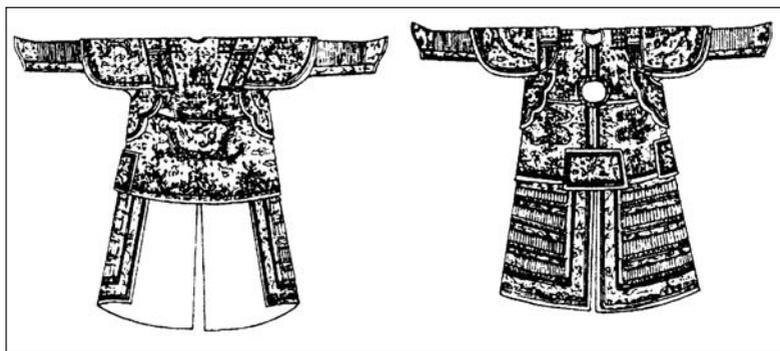

Рис. 7-1. Изображения императорских панцирей в кодексе «Хуанчаолици туши» (1759). Первый вариант, оформленный «согласно установлениям ныне правящей династии»

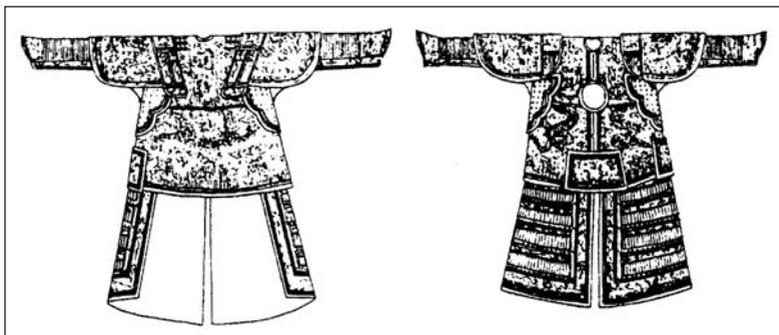

Рис. 7-2. Изображения императорских панцирей в кодексе «Хуанчаолици туши» (1759). Второй вариант, утвержденный императором Хунли (девиз правления Цяньлун) в 1756 г.

Интересной деталью маньчжурского корпусного панциря являются фигурно-вырезанные «подмышечники» (*хуя*). Сочетание С-образного выреза в верхней части, с овальными и остроугольными фестонами по нижнему краю, придают «подмышечнику» характерную сердцевидную форму (рис. 2; 3; 7-1; 7-2). Покрышка «подмышечников» выполнена из желтого шелка, покрыта рядами золотых заклепок и украшена изображением дракона-*чжэнлун*. По периметру панцирных сегментов пропущена кайма черного шелка. Подкладка изготовлена из ткани голубого цвета. «Подмышечники» пристегиваются к панцирю металлическими пуговицами и дополнительно фиксируются желтым пояском с кистями, завязывавшимся на груди (рис. 2; 3; 7-1; 7-2)¹³.

Наплечники-*хуцзянь* имеют вырезную (подтрапецевидную) форму. В боевом положении они фиксировались на бицепсе специальными завязками из желтого шелка и прикрывали руку воина от плеча до локтя включительно (рис. 3; 4). Основное поле наплечника украшено золотыми заклепками и изображением «истинного дракона» (*чжэнлун*) на ярко-желтом фоне. По краю наплечника пришита полоса черного шелка. Подкладка – из голубого шелка. На верхнюю часть стеганых наплечников парадного императорского доспеха нашивались специальные шелковые накладки, имитирующие металлические наплечные пластины боевых панцирей цинских латников. Для того чтобы шелковая накладка внешне напоминала свой стальной аналог, ее изго-

товляли из светло-голубого или серо-голубого шелка (рис. 2; 3; 4; 6). Нашивки из золотого канта разбивают поле шелковой наплечной накладки на восемь секторов (рис. 2; 6). В них вписаны изображения шести «бегущих» и двух «возносящихся» драконов. Материалы «Хуанчаолици туши» и портреты императоров свидетельствуют, что шелковые наплечные накладки дополнительно украшались драгоценными камнями (рис. 3). Однако на многих дошедших до нашего времени наплечниках подобные украшения не сохранились. К задней части стеганых наплечников, примыкающих к лопаткам, приклепывались специальные металлические пластины (*хоухэньюй те юнье*), украшенные прорезным орнаментом в виде бегущего дракона-*синлун* на фоне цветочных зарослей (рис. 7-1; 7-2).

Набедренники доспеха (*шан*) представляют собой два широких прямоугольных полотнища (длина – 71 см), подвешенных на поясной ремень, застегивавшийся на спине (рис. 2; 6). Значительный интерес вызывает оформление лицевой части набедренников императорского панциря. На поверхность полотнищ нашиты пять горизонтальных рядов псевдоламеллярных золотых пластин (на некоторых доспехах вместо металлических пластин используются их шелковые имитации)¹⁴. Пространство между пластинами украшено изображениями бегущих драконов-*синлун* (по два дракона в каждом ряду). По своему периметру набедренники снабжены широкой каймой желтого шелка, на которой цветными нитями вышиты фигуры бегущих драконов. Края набедренников оформлены кантом из черного шелка (рис. 2).

В состав императорского доспеха входила и защита предплечья. Цинские авторы традиционно именуют ее рукавами (*сю*). Однако, судя по вещественным и изобразительным материалам, наряду с собственно пристяжными рукавами (прикрывавшими руки от кисти до плеча) применялись полуторные рукава (нарукавники) с вырезом на внутренней стороне локтевого сгиба и предплечья, а также «полурукава», т. е. наручи. Именно наручами, сшитыми из шелка и золотых шнуров, снабжен доспех императора Сюаньэ из собрания Гугун (рис. 2). В боевом положении они прикрывали руку от кисти до локтя включительно (рис. 3; 4). Края наручей из Гугун обшиты желтой каймой, украшенной фигурами бегущих драконов. На внутренней стороне локтевого сгиба выполнен вырез прямоугольной формы. Тыльная сторона

кисти прикрывалась специальной накладкой из светло-голубого шелка с фигурой золотого дракона-*синлун* (рис. 2). К накладке пришта петля из желтого шнура (рис. 2). На портрете императора Хунли видно, что в нее продевался средний палец, что вместе с завязками на предплечье обеспечивало надежную фиксацию

Рис. 8. Императорский доспех «для большого смотра» войск с зеркалом. Музей Гугун (Пекин, КНР)

панцирных «полурукавов» на руке монарха (рис. 3).

К корпусному императорскому панцирю могло подвешиваться металлическое зеркало (*хусиньцзян*). Данный элемент сохранился на некоторых доспехах, хранящихся в музее Гугун (рис. 8). Зеркало представляет собой стальной слабовыпуклый диск, снабженный по периметру золотым бортиком, украшенным растительным орнаментом, выполненным в технике гравировки (рис. 7-1; 7-2; 8). Судя по портретам императора Хунли, парадный доспех «для большого осмотра войск» мог носиться как с зеркалом (рис. 3), так и без него (рис. 4).

Хранящийся в собрании Гугун доспех самого императора Хунли практически в точности соответствует панцирю Сюанье. Составители «Хуанчаолици туши» отметили по этому поводу: «... в 21-м году [эры правления] Цяньлун (1756) высочайше утверждены императорские латы для большого смотра [войск]. Справа и слева в месте, где рукава соприкасаются с одеждой, пластина [накладка] доспеха из голубого шелка, для украшения используют маньчжурский жемчуг. Все остальное – как в императорских латах для большого смотра [войск, вариант] 1»¹⁵.

Собранные материалы подтверждают тезис о консервативности цинского панцирного комплекса, который, с некоторыми изменениями, продолжал воспроизводиться оружейниками

Поднебесной на протяжении нескольких столетий. Преклонение перед славой предков, подчинивших маньчжурской династии многомиллионный Китай, подвигало цинских правителей сохранять традиционный маньчжурский доспех в практически неизменном виде. В 1756 г. император Хунли внес целый ряд изменений в конструкцию и систему оформления шлемов и лат. Однако в большинстве случаев (в том числе и в отношении императорского доспеха) эти изменения были минимальны и затронули лишь некоторые элементы декоративного оформления (рис. 7-1; 7-2; 9-1; 9-2). Сопоставление «дореформенного» доспеха Сюанье и «пореформенного» доспеха Хунли из собрания Гугун демонстрирует это со всей наглядностью. Нововведения свелись к изменению количества санскритских знаков на верхнем и центральном ярусе тульи шлема (см. выше), дополнительному украшению в виде «алмазной змеи *тэшиэ*» на накладках, прикрывающих стыки пластин тульи, а также замене разнотипных драгоценных камней «маньчжурскими жемчужинами» на золотой сфере надвершия (шпилевого навершия) императорского шлема. Еще менее заметные изменения произошли с корпусным императорским панцирем: шелковые накладки на стеганых наплечниках панциря вместо рубина и двух жемчужин стали украшаться «маньчжурским жемчугом».

Значительный интерес представляет сравнение парадного императорского доспеха для «большого смотра» войск с боевыми панцирями воинов «Восьмизнаменной армии» Цинской империи¹⁶. Сравни-

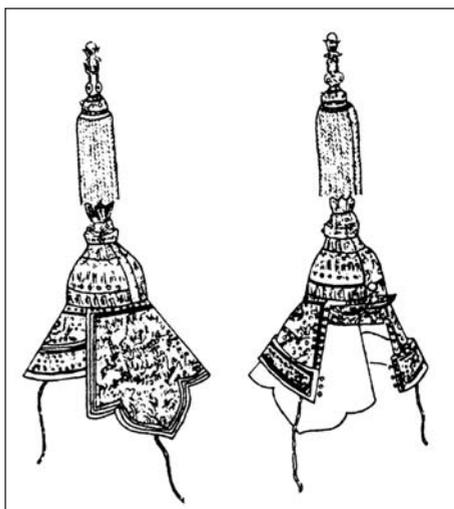

Рис. 9-1. Изображения императорских шлемов в кодексе «Хуанчаолицы туши» (1759). Первый вариант, оформленный «согласно установлениям ныне правящей династии»

тельный анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на обилие золота, драгоценных камней и дорогих тканей, императорский доспех был весьма органично вписан в комплекс защитного вооружения цинских войск. По составу элементов и их по-

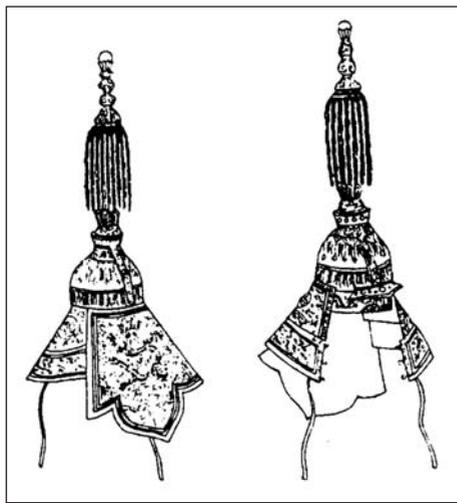

Рис. 9-2. Изображения императорских шлемов в кодексе «Хуанчаолици туши» (1759). Второй вариант, утвержденный императором Хунли (девиз правления Цяньлун) в 1756 г.

рою корпусные панцири Сюанье и Хунли внешне весьма напоминали куяки маньчжурских латников «Восьмизнаменной армии»¹⁷. Вероятность участия императора в реальном бою была минимальна, тем не менее, его доспех был снабжен не только наплечниками и набедренниками, но также подмышечниками, панцирным «передником» и даже специальной накладкой, призванной прикрыть левый боковой разрез панциря от вражеской стрелы. Другое дело, что при внешнем сходстве покроя конструкция доспехов монарха и рядовых латников различалась весьма существенно. Так, например, императорский доспех для «большого смотра» не имел подбоя из железных пластин, а шлем был изготовлен не из железа, а из твердой кожи. Тем не менее, придворные мастера пытались сознательно затушевать эти конструктивные различия. Чтобы декоративные шелковые наплечные накладки напоминали стальные аналоги, их шили из ткани серо-голубого цвета, заклепки на поверхности хлопкового императорского «жилета» располагали так же, как на пластинчато-нашивных куяках воинов маньчжурской конницы, а золотые или матерчатые имитации пластин на набедренниках нашивали в том же порядке, что и железные панцирные пластины на «монгольской юбке» латников «Авангардных войск». Таким образом, императорс-

кий доспех был весьма органично вписан в комплекс защитного вооружения цинских войск. По составу элементов и их по-

кий доспех для «большого смотра» войск, несмотря на богатство оформления, тем не менее, входил в состав унифицированного и регламентированного комплекса защитного вооружения Цинской империи, более 250 лет определявшего внешний облик вооруженных сил народов востока Евразийского континента.

¹ Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

² Так, например, стандартизированные цинские шлемы XVII–XIX вв. нередко определялись музейными сотрудниками как «монгольские шишаки XIII столетия» (Канский краеведческий музей), юаньские наголовья (Музей монгольского вторжения, Хаката, Япония), «тибетские шлемы» (Государственный музей искусства народов Востока (Москва)), «шеломы казахских батыров» (Президентский центр культуры Республики Казахстан (Астана)) и даже как «шлемы древнерусских воинов» (Музей г. Одессы, Украина). Схожая ситуация наблюдается при датировке и атрибуции цинских корпусных панцирей, клинкового и древкового оружия.

³ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья. Новосибирск: ООО «РТФ»; НГУ, 2003. С. 188, табл. 11, рис. 6.

⁴ Благодаря подобному приему мастера-оружейники сымитировали форму «ступенчатого» шлема маньчжурской аристократии начала XVII в. См.: Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 197; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 474, рис. 196, 11.

⁵ Данный узор встречается уже на боевых и парадных наголовьях чжурчжэней Хоу Цзинь (1616–1636) и ранних маньчжурских шлемах, датированных первой половиной XVII в. [Там же].

⁶ В отличие от большинства шлемов офицеров и рядовых латников налобник императорского шлема имеет ровный нижний край. Подобная конструкция налобной пластины восходит к чжурчжэньским (цзиньским) прототипам XII–XIII вв. См.: Бобров Л.А. Шлемы «цзиньского» типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции // История и культура Улуса Джучи. Казань: АН РТ, 2007. С. 267, 275, рис. 2, 3.

⁷ Материалы «Хуанчаолици туши» свидетельствуют, что надвершие императорского шлема было украшено так называемой «маньчжурской жемчужиной». См.: Хуанчаолици туши [Иллюстрированное описание утвари, используемой для ритуалов Августейшей династии]. Янчжоу, пр. Цзянсу: Гуанлиншунь, 2004. (на кит. яз.). С. 605, 606. Маньчжурский жемчуг считался очень дорогим и качественным. Самые крупные жемчужины достигали 12–13 мм в поперечнике. Их добычу контролировали специальные отряды, набранные из воинов племени солон. Для сбора жемчуга для нужд императора и его семьи было сформировано 59 отрядов по 30 человек в каждом. Еще 39 отрядов отвечали за сбор жемчуга для принцев крови. См.: Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. М.: «Восточный дом», 2002. С. 368.

⁸ Хуанчаолици туши. С. 605, 606.

⁹ Осевой разрез застегивается на золотые пуговицы.

¹⁰ Заклепки расположены на поверхности панциря не хаотично, а по строго определенной системе. Так, если на верхней части жилета заклепки пришиты симметрично относительно друг друга, то начиная от груди и ниже их число удваивается таким образом, что каждый второй ряд насчитывает вдвое больше заклепок, чем предыдущий. Подобное расположение заклепок мы встречаем на боевых пластинчато-нашивных кюках маньчжурских латников XVII–XVIII вв. Нагрудники таких панцирей бронировались железными пластинами, крепившимися к внутренней стороне органической основы с помощью трех расположенных углом металлических заклепок, которые и образовывали характерный узор на лицевой поверхности панциря. Парадный императорский доспех не имеет подбоя из железных пластин, но его декоративные заклепки имитируют оформление боевого кюка.

¹¹ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // С. 134–136, 190, табл. 12, рис. 2, 3, 11.

¹² Для защиты боковых разрезов и подмышечных впадин также служили «подмышечники»-хуя (см. ниже).

¹³ Подмышечники как элемент защитного вооружения в Восточной Азии имеют давнюю историю. Месяцевидные цельнокованые «подмышечники» носили в комплекте с ламеллярными панцирями чжурчжэньские воины второй половины XII – первой трети XIII вв. С-образные пластинчато-нашивные и стеганые подмышечники (*ваки-бики*) активно применяли позднесредневековые японские самураи. Но только в Цинской империи подмышечники стали практически обязательным элементом доспеха и получили такую необычную вырезную «сердцевидную» форму. Подобный необычный покрой мы связываем с распространением среди поздних чжурчжэней жилетообразных не подпоясывавшихся панцирей с длинными боковыми разрезами для выпуска ремней с оружием (см. выше). «Подмышечники» с вытянутым нижним краем прикрывали эти боковые разрезы, защищая бока и подмышечные впадины воина от вражеского оружия и вдобавок украшали доспех.

¹⁴ В отличие от классических ламеллярных пластин, их цинские аналоги не соединены ремешками непосредственно между собой, а вставлены в специальные кармашки в органической основе лопастей набедренников и зафиксированы с помощью золотых заклепок.

¹⁵ Хуанчаолици туши. С. 607–609.

¹⁶ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени. С. 164–169, 187–207; Лю Юнхуа. Чжунгогдайцзюньжунфуши [Вооружение и обмундирование в Древнем Китае]. Шанхай: Изд-во Кит. шанхайской класс. тип., 2003. С. 192, 194.

¹⁷ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени. С. 187–190, 199, 205.

А.Е. Богданов (Санкт-Петербург)

ИТАЛЬЯНСКИЙ НАГРУДНИК XIV ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

НАГРУДНИК ИЗ ЭРМИТАЖА (З.О. 3431), происходящий из коллекции Базилевского¹, впервые стал объектом научного исследования в 1908 г. В книге «Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения» Эдуарда Ленца содержится краткое описание предмета: «Б340 – Грудь итальянского турнирного доспеха последней четверти XV века, подпора для копья передвижная и может быть установлена выше или ниже на петлях, в которые вставлялся засов; к медному кольцу, приделанному к середине нагрудника, привязывались поводья»².

В 1956 г. нагрудник был описан М. Гуковским в «Трудах Государственного Эрмитажа». Гуковский пересматривает датировку Ленца, относя нагрудник к последней четверти XIV столетия³.

Далее упоминание о нагруднике можно найти в книге «Всадники войны»⁴, где в подписи к иллюстрации подтверждена датировка нагрудника концом XIV в.

В «Западноевропейском доспехе раннего Ренессанса»⁵, вышедшем почти одновременно со «Всадниками войны», авторы пересматривают эту датировку, относя доспех к 1350–1370 гг. и давая его наиболее подробную из всех существующих атрибуцию.

Доспех экспонировался на ряде выставок в России и был опубликован в их каталогах: «Художественное оружие из собрания Эрмитажа» (Центр «Эрмитаж – Казань»)⁶, «Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа» (Выставочный центр «Эрмитаж – Выборг»)⁷, «100 шедевров старых мастеров с XV до XVIII века из Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге» (2002 г., Мальборк, Польша)⁸.

Однако, если не считать весьма краткой публикации Гуковского, нагрудник из Эрмитажа так и не был удостоен отдельной статьи. В научном обороте отсутствуют сколь-либо подробные его фотографии, подробное описание его конструкции, толщины в различных частях, вопрос о времени установки фокра на нагрудник исследовался в отрыве от рассмотрения специфики монтажа и формы.

Как было отмечено во «Всадниках войны», этот турнирный нагрудник – уникальный в своем роде экземпляр, не имеющий аналогов ни в одном из музеев мира. По сути, он является наиболее ранним примером специального турнирного снаряжения, дошедшим до нас, единственным образцом целого типа защитного снаряжения, о котором известно ничтожно мало, но который занимает уникальное место в развитии западноевропейского доспеха. Целью этой статьи является ввод в научный оборот новых, возможно более полных данных о нагруднике, очередная попытка его научной атрибуции, обобщение имеющихся о нем сведений.

При атрибуции защитного снаряжения центральным является вопрос датировки. Как и во многих других случаях, касающихся уникальных частей воинского снаряжения, речь идет, скорее, не о точной дате изготовления, которую установить не представляется возможным, а об определении позиции, которую занимает нагрудник в эволюции защитного снаряжения. Обоз-

Рис. 1

начим основные вехи, сопутствовавшие этой эволюции в середине – второй половине XIV столетия.

На протяжении второй половины XIV в. бригантины эволюционируют от прямого к Х-образному силуэту, постепенно обретая приталенность и четкую посадку по фигур⁹. Одновременно с этим все более крупные пластины выносятся постепенно на матерчатую основу, а не под нее, появляются, а затем исчезают крепящиеся к грудной пластине цепи, служившие для крепления оружия и амуниции.

Эту эволюцию несложно проследить на конкретных примерах. Наиболее простой, напрямую наследующей XIII в. формой бригантин середины XIV в. являются бригантины, соответствующие типу 1 и типу 3 по классификации Тордемана¹⁰ – три нагрудных пластины дополнены брюшным прикрытием из широких горизонтальных вертикальных полос. Плоский профиль нагрудной и брюшной части бригантин такого типа хорошо виден по дошедшему до нас образцу из швейцарского замка Куснахт (рис. 1)¹¹.

Развитием этого типа являются бригантины, хорошо известные по надгробиям. В качестве примера можно привести надгробия графа Отто фон Орламюнде (рис. 2), Вальгера Бопфингена (рис. 3) и Реццо фон Бёлингена (рис. 4). Хорошо видна конструкция пластин и расположенные на них несущие элементы.

Грудная пластина таких бригантин часто несет на себе цепи, как на сохранившейся бригантине из замка Хирштейн недалеко от Пассау (рис. 5). Важной для нас чертой здесь является боль-

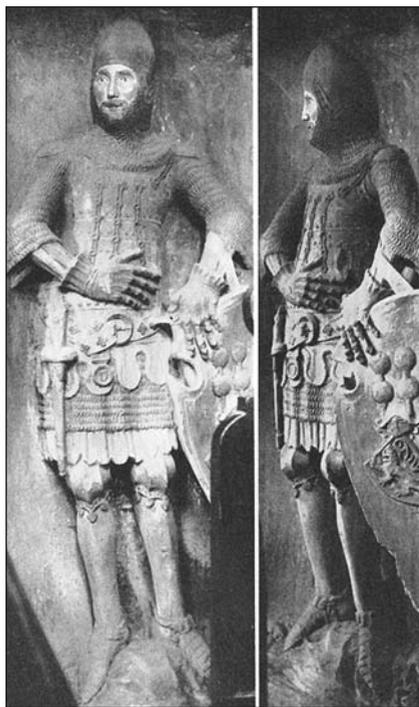

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

ших размеров плотно прилегающая и анатомически профилированная грудная пластина, а также наличие на ней креплений, в данном случае – для цепей. Форма грудной пластины, а также сложный профиль более мелких брюшных пластин дают нам возможность реконструировать форму бригантины как приталенную с боков, но почти плоскую спереди. Похожую схему мы встречаем на миниатюрах Романа об Александре (Фландрия, 1338 г.) (рис. 6) и в «Римской истории» Тита Ливия из библиотеки Св. Женевьевы, Париж (около 1370 г.) (рис. 7).

Рис. 5

Такой силуэт полностью соответствует форме нагрудника из Эрмитажа. Этот нагрудник, по всей вероятности использовался для усиления пластин бригантины на турнирах, давая дополнительную защиту и предохраняя матерчатую основу бригантины от повреждений – косвенно об

этом говорят и два квадратных отверстия на нагруднике, служившие, по всей видимости, для его крепления к бригантине на штифты. Тезис Гуковского о креплении нагрудника к кольчуге следует отвергнуть: кольчуга не может обеспечить жесткость, необходимую для такого крепления.

К последней четверти XIV в. силуэт бригантин эволюционирует в сторону Х-образного. Появляется приталенность по передней части доспеха, грудная пластина же увеличивается в размерах и объеме, выдаваясь вперед. Такое строение исключает возможность ношения нагрудника из Эрмитажа поверх бригантин этого типа.

Таким образом, верхней границей времени создания и использования нагрудника из Эрмитажа следует признать 1340–1370-е гг. Это мож-

Рис. 6

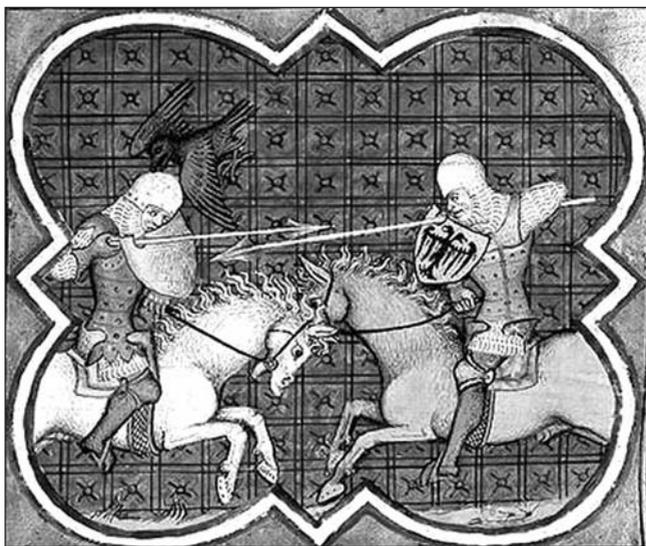

Рис. 7

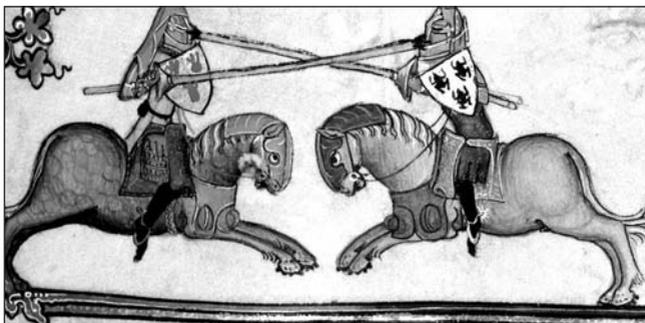

Рис. 8

но подтвердить также и тем, что к этому времени в рыцарском обиходе начинает появляться дополнительное снаряжение, специально предназначенное для турнирных состязаний, и только в виде исключения могущее попасть на войну. К такому снаряжению можно отнести защиту шеи, крепящуюся к нижнему краю больших шлемов, и рондель, крепившийся на копье и защищавший руку владельца. И то и другое хорошо видно на миниатюре Романа об Александре (рис. 8, 9). Подобным специальным турнирным снаряжением следует, по всей видимости, считать и нагрудник из Эрматига.

Необходимо сказать и об особенностях конструкции самого нагрудника.

Нагрудник представляет собой плоскую в районе живота и выпуклую на груди пластину. Вырезы на боках образованы усечением листа, а не равномерным утоньшением по талии. Высота нагрудника (расстояние от нижнего края горловины до нижнего края нагрудника) – 40 см. Край горловины отогнут под прямым углом к поверхности нагрудника.

Ширина в наиболее широком месте – 32 см. Максимальный размер (высота) фокра – 14,5 см.

Нагрудник выполнен из тонкого листа толщиной 1,1 мм у края с небольшим утолщением к центру. Фокр выполнен из единого куска металла с толщиной до 8 мм.

На нагруднике имеется ряд отверстий. Два квадратных отверстия со стороной 8 мм – предположительно для крепления нагрудника к бригантине. На левом плече, часть которого утрачена, круглое отверстие, сделанное, вероятно, в XIX в. для удобс-

тва подвешивания нагрудника при экспонировании (?); к сожалению, такое обращение не было редкостью. Похожее отверстие находится на левой стороне нагрудника.

На плечах поверхность нагрудника отогнута под небольшим углом в направлении от носителя, при этом линия сгиба четко выражена схождением плоскостей.

Фокр крепится на штифтах и закреплен фиксатором; несмотря на коррозию, он легко может быть снят и установлен обратно. Место крепления штифтов с обратной стороны усилено дополнительной металлической полосой – это может служить дополнительным аргументом в пользу более позднего монтажа фокра.

Посередине нагрудника установлено крепление, удерживающее кольцо из желтого металла, служившее, вероятно, для крепления военного снаряжения.

Нагрудник сильно корродирован, местами был подвергнут грубой зачистке абразивным материалом, что затрудняет нахождение остатков бывших элементов крепления.

На сохранившемся правом плече нагрудника присутствуют следы крепления ремней – две заклепки. Такие же заклепки, по одной, находятся под вырезами под руки и посередине образо-

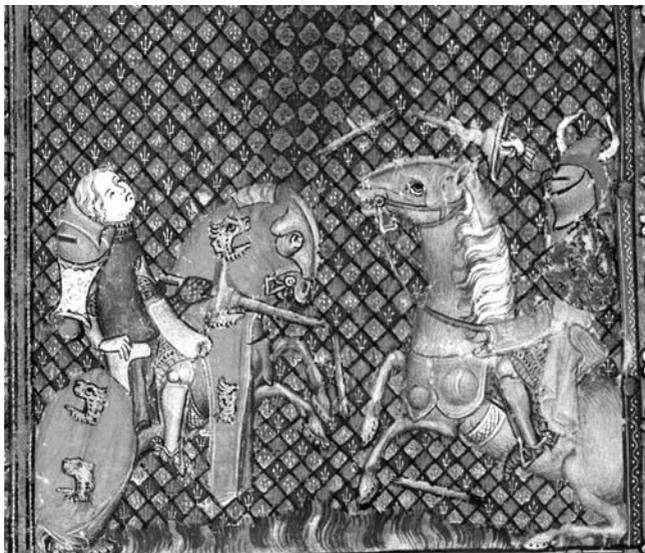

Рис. 9

ванной боковыми вырезами та-
лии, по одной на каждую сторону.
Вероятно, они были добавлены
в XV в. одновременно с фокром,
когда нагрудник получил вторую
жизнь, а несшая его до этого бри-
гантина уже не использовалась.

Прочие отверстия, которые
можно заметить на фотографиях,
являются, по всей видимости, ре-
зультатами коррозии.

Особенности нагрудника и
фокра можно проследить по его
фотографиям (рис. 10–14).

Любопытны особенности креп-
ления фокра к нагруднику. Металлическую полосу, удержива-
ющую фокр, мож-
но удалить и фокр
снять, однако, осо-
бенности формы
фокра и нагрудника
не дают установить
его ниже или выше:

то положение, кото-
рое он занимает се-
годня, является единственно возможным. Более того, даже по
опубликованным ранее фотографиям можно заметить, что рас-
стояния между удерживающими фокр штифтами не равны, что
исключает монтаж именно этого фокра ниже его сегодняшнего
положения. Таким образом, переустановка фокра на другую по-
зицию без существенного повреждения физически не может (и
не могла) быть произведена вручную. Таким образом, нижний
штифт крепления фокра является лишним при том положении,
которое фокр занимает сейчас. Вероятно, после изготовления
первоначального варианта крепления фокра практика использо-
вания показала неудобство слишком низкого его расположе-
ния, и фокр был перенесен выше, при этом он был перекован:
его форма была изменена в соответствии с формой нагрудника,

Рис. 10

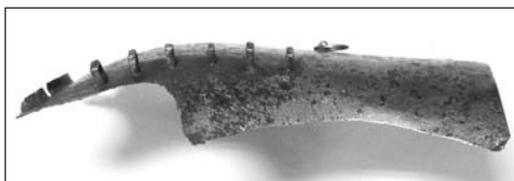

Рис. 11

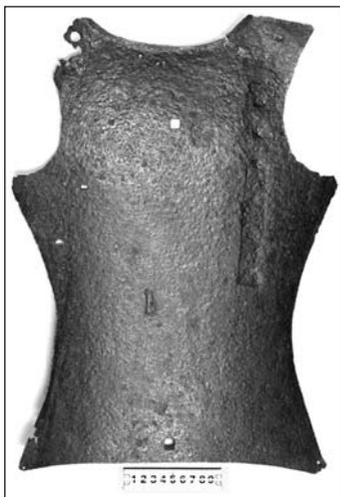

Рис. 12

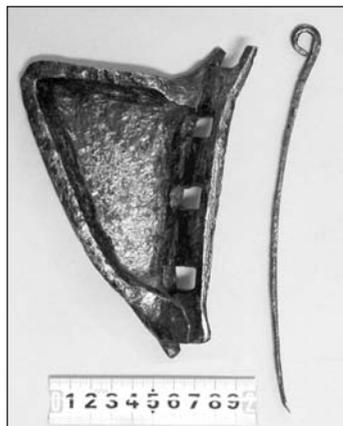

Рис. 13

а отверстия кузнечными и слесарными методами «подвинуты» так, чтобы обеспечить крепление на новом месте; относительно небольшая, но имеющая место разница позволяет сделать это без изготовления нового фокра. Впрочем, возможно, что был изготовлен новый фокр, который и дошел до наших дней, а старый больше не использовался и был утрачен. Поверхность фокра подвергалась минимальной слесарной обработке и не была ни отполирована, ни покрыта тканью.

Рис. 14

Причиной изменения изначального положения фокра может быть смена владельца или просто промах мастера. Это хорошо согласуется с версией датировки установки фокра первой половиной XV в., не менее чем на 30 лет позднее вероятного создания самого нагрудника. Имея давно не модный к тому времени

Рис. 15

силуэт, он все еще сохранял функциональность и мог использоваться теми, кто не мог позволить себе более дорогое и современное снаряжение. При этом нагрудник должен был использоваться без давно вышедшей из моды и, надо полагать, пришедшей в негодность бригаантины. Это предполагает крепление нагрудника на ремнях непосредственно к поддоспешнику, что подтверждается наличием остатков таких креплений.

Однако, такой «поиск» верного положения фокра на нагруднике может служить косвенным аргументом его датировки временем, когда крюки для копья являлись технической новинкой, и их высокое расположение не было общепринятым правилом, что и стало причиной «неверной» установки.

Если такая трактовка верна, это делает нагрудник из Эрмитажа не только уникальным для истории европейского защитного снаряжения, но и знаковым для всей истории европейского рыцарства.

Такая трактовка особенностей фокра и его крепления дает основание более уверенно предполагать его раннюю датировку, однако же не означает его изначальной установки на нагруднике.

Дополнительный свет на вопрос о синхронности происхождения фокра и нагрудника сможет пролить металлографический анализ.

Что касается региональной принадлежности доспеха, делать окончательные выводы затруднительно. Форма бригаантин, позволяющая говорить о датировке нагрудника, является, по сути, общеевропейской, общее же состояние дел с производством доспехов и передовая для своего времени конструкция нагрудника позволяют признать версию о его североитальянском происхождении, высказанную еще Гуковским, правдоподобной. Дополнительным доводом может служить конструкция крепления фокра на штифтах, характерная для итальянских образцов¹².

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что нагрудник из Эрмитажа – уникальный и ценнейший пример турнирного снаряжения XIV в. Это – самый ранний сохранившийся до наших дней цельнометаллический нагрудник, относящийся ко времени зарождения латной защиты корпуса и во многом предвосхитивший ее развитие. Значимость этого экспоната для истории западного защитного снаряжения трудно переоценить.

¹ Ленц Э. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения. Ч. 1. Собрание оружия. СПб., 1908. С. 164.

² Там же.

³ Гуковский М. Итальянский нагрудник XIV в. // Сообщения Государственного Эрмитажа. [Вып.] IX. Л.: «Искусство», 1956. С. 17.

⁴ Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С. Всадники войны. Кавалерия Европы. Издательство «Полигон», 2005.

⁵ Жуков К.А., Коровкин Д.С. Западноевропейский доспех раннего Ренессанса / под ред. А.В. Арановича. СПб.: СПГУТД, 2005.

⁶ Художественное оружие из собрания Эрмитажа: каталог выставки. СПб.: Славия, 2011.

⁷ Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб., 2014.

⁸ Birjukowa N.J., Miller J.A. Efimov J.G. 101 Arcydział dawnych misiórow XV–XVIII wieku ze zbiorów państwowego Ermitażu w Sankt-Peterburgu. Uzbrojenie-bron-tapiserie. Katalog wistawy 15 czerwca – 12 listopada 2002 r. Malbork, 2002.

⁹ Жуков К.А. Бригандинный доспех: от надгробия Отто фон Орламюнде до бригандины из Мюнхена. (Электронный ресурс.) URL: <http://mreen.org/>

¹⁰ Thordeman B. Armour from the Battle of Wisby 1361. Vol. I. Stokholm, 1939–1940.

¹¹ Gessler E.A. Die Shpangenharnische von Kussnach // Zeitschrift für historische Waffenkunde. 1922. № 9.

¹² Boccia L.G. Armi e armature lombarde. Milano: Electa, 1980.

А.Ю. Борисенко (Новосибирск)

**СВЕДЕНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ
В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА
О ПОХОДЕ ЕРМАКА В СИБИРЬ***

ИНТЕРЕС ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ к Сибири начал проявляться задолго до XVII в. После присоединения османами Балканского полуострова и малоазийских территорий использование прежних торговых путей, как морских, так и сухопутных, стало затруднительным. Но и отказываться от торговых отношений с восточными странами европейцы были не намерены. Кроме того, Сибирь была известна в Европе, как поставщик ценного пушного сырья. Поэтому заинтересованность европейцев в поиске новых торговых путей в Индию, Китай по сибирской территории была высока.

В этой связи, одним из привлекательных сюжетов для европейцев стал поход казачьего атамана Ермака и присоединение сибирских территорий к Российскому государству. Представители различных профессиональных сфер – светских и религиозных – побывали в Москве и ее сибирских владениях в XVI – первой половине XVIII вв. и составили воспоминания, записки, путевые дневники о своем пребывании здесь. В этот же период в Европе появляются новые карты, составленные по доступным материалам, с изображением территории Сибири на них¹. В сочинениях европейцев, в том числе, отражены некоторые факты о начальном этапе присоединения Сибири.

О взаимодействии русских военных гарнизонов и городов с «татарским» сибирским населением европейцы начали упоминать еще в XV в. Одно из первых упоминаний о Ермаке, его по-

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 13-01-00049 «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVI–XVIII вв.»

ходе и процессе присоединения сибирских территорий к России принадлежит уроженцу Курляндии Я. Рейтенфельсу. В составе посольства Тосканы в 1670 г. он посещал Москву. Его версия достаточно своеобразна. Согласно сведениям, которые он приводит в своем сочинении, «раньше всех открыл Сибирь некий разбойник, содержащийся в Москве, который, дабы заслужить себе свободу и сохранить жизнь столь важным открытием, повел русских туда, поддержанный только шестьюстами солдат. Быть может он и раньше, занимаясь разбоем по казанскому царству, ушел в пределы Сибири, во избежание расставленных ему ловушек»². Автор был изумлен тем, что «такая горсть людей овладела таким громадным пространством земли»³.

В конце XVII в. в «Записках о русском посольстве в Китай» И. Идес, описывая свое путешествие, указывал на то, что «около ста лет тому назад город этот [Тобольск], также как и вся Сибирь... стал владением царя», т. е. вошел в состав Российского государства. «Некий разбойник по имени Ермак Тимофеевич в правление царя Ивана Васильевича занимался грабежами в землях его, повсюду причиняя подданным его царского величества значительный вред». Когда же его стала преследовать «значительная военная сила», Ермак бежал во владения Строгановых, где пообещал в виде «возмещения за свои злодеяния привести всю Сибирь под власть великого царя». После таких обещаний он получил от Строгановых помощь «в виде судов, оружия и необходимых рабочих» и отправился «со своей шайкой» через Уральские горы в Сибирь. Здесь он разрушил крепость Тюмень, а также взял Тобольск, где находился татарский князь, двенадцатилетний Алтынай Кучумович. Ермак взял город и пленил татарского князя, которого отправил в Москву. После этого Ермак отправился вниз по Иртышу, где недалеко от Тобольска «ночью на него неожиданно напал отряд татар». Ермак попытался перескочить со своей лодки на другую, но упал в воду. «Тяжелая кольчуга сразу же потянула его ко дну, и никто не смог прийти ему на помощь. Труп его из-за сильного течения был отнесен далеко и никогда не был найден»⁴.

В фундаментальном труде «Северная и Восточная Тартария», написанном голландским ученым и администратором Н.К. Витзенем, также есть упоминание о процессе присоединения Сибири к России и, в том числе, краткое описание похода

Ермака. По его мнению, Ермак – это «бравый казак, родом из Мурома», который начал со своей шайкой осуществлять грабежи по Волге и «разбил несколько стругов, принадлежавших царю». За это он подвергся преследованию и бежал к Строганову, который, «ничего не зная о прежних разбоях Ермака», дал ему «все необходимое, чтобы попытать счастья в Сибири». Затем он с отрядом отправился в Сибирь, где взял Тюмень, а затем Тобольск. В дальнейшем – отправил отряд в 300 человек преследовать «князя страны», а сам остался с 200 «около шести недель». Однажды, «загнанный в воду он был убит». Оставшиеся 40 человек отправились в Москву и обратились за помощью к царю⁵. В книге Н.К. Витзена описаны еще два эпизода, связанные с походом Ермака и его гибелью. В одном из них говорится, что он «по несчастью упал в воду и пошел ко дну как камень, ибо был в тяжелом панцире»⁶. В следующем разделе описана битва 21 мая 1574 г. казаков с татарским войском во главе с ханом Кучумом. «Атаман приказал стрелять только одной половине казаков, а другая должна была только заряжать ружья», что позволило стрелять без перерывов. В ходе боя татары потерпели поражение, а Кучум бежал. В распоряжении татар были две пушки, из которых они не смогли ни разу выстрелить. Кучум приказал сбросить их в Иртыш. После этого Ермак послал царю «одного из лучших своих товарищей по имени Гроза Иванович с пушиной и просьбой о помиловании за предшествующие прегрешения. Царь очень обрадовался и простил Ермаку и его товарищам «все прежние разбои» и послал подарки⁷. Во время нападения татар на группу казаков, Ермак прыгнул в лодку, но «попал в воду на глубоком месте и, имея на себе два панциря, а сверх того еще железные нарукавники, как камень погрузился на дно и самым жалким образом погиб». Вероятно, эти сведения могли быть получены Н.К. Витзеном от думного дьяка Сибирского приказа А. Винуаса⁸.

В сообщениях, составленных европейцами о России XVII в., высказывается и другая точка зрения на геополитические процессы этого времени. Так, англичанин Д. Перри, который был приглашен в Россию в 1698 г. уже в правление Петра I, высказывал предположение, что «завоевание Сибири было совершенно под руководством некоего Строганова, русского купца». Он «добыл у царя войска, среди них несколько донских казаков, и

меньше чем за два года полностью завоевал страну». Правитель, которого автор назвал «королем», был «убит в этом деле, а сыновья со многими пленниками были доставлены в Москву»⁹.

В XVIII в. тема присоединения сибирских территорий по-прежнему отражалась в научных трудах и путевых заметках представителей европейских государств, которые жили, работали или просто побывали в России. Одним из них был Д. Белл – англичанин, принимавшие участие в российском посольстве Л.В. Измайлова в Китай, так как с начала XVIII в. находился в России на дипломатической службе. Во время поездки им были зафиксированы некоторые сведения об истории и древностях Сибири. Среди прочих, он обращается к теме похода Ермака. «В начале прошедшего столетия некоторый донской казак, называемый Ермак Тимофеевич, был вынужден оставить свою землю и, не ведая, чем себя прокормить, присоединил к себе нескольких разбойников и начал грабительствовать по большим дорогам. В короткое время стал он весьма славным и сильным, ибо грабил он только богатых и, по необыкновенному великодушию людей его ремесла, наделял бедняков»¹⁰. В дальнейшем с отрядом в 200 человек Ермак перебрался через Уральские горы и достиг реки Тобол. «Татарский хан, устрасаясь его прибытия, собрал многочисленное войско из конных и пеших, вооруженное луками, стрелами, копьями и другими подобными оружиями. Землепроходец наш имел с ними многие стычки, в которых побивал многое их число огнестрельным своим оружием, какого татары еще не знали». Д. Белл даже сравнил татар с американскими индейцами, подвергшимися завоевательным походам испанских конкистадоров. «Как же они испугались, увидев россиян с таким оружием, как и мексиканские жители при вступлении испанцев в Америку, на которую во многом походит Сибирь»¹¹. Согласно версии Д. Белла, в дальнейшем Ермак с остатками своей дружины вернулся в «то село, в котором провел прошедшую зиму»¹². Д. Белл писал: «Странник наш стал тогда размышлять о неблагополучии своего состояния. Понял он, что пребывание его не останется долго неизвестным, что безрассудно было для него напасть снова на татар, не имея ни оружия, ни снарядов, и поэтому вознамерился он подвергнуть себя милосердию его царского величества в надежде испросить себе и своим соучастникам, предлагая государю завоеванные и отысканные богатые стра-

ны. Сообщил он свое предложение двору через посредство одного приятеля, коим не пренебрегли ввиду его важности»¹³. По сведениям Д. Белла, Ермак был привезен в Москву с «охранным свидетельством», встречался с царем, «просил прощения у его величества и требовал некоторые части войск, обещаясь дать в них добрый отчет и приобрести славные завоевания. Царь пожаловал ему прощение вины, подтвердил задуманное им предприятие и распорядился снабдить его войсками»¹⁴. Он, видимо, убедив царя, получил от него войско и отправился опять в Сибирь. Там, на берегу Иртыша произошло столкновение российских войск с «татарским» войском, превосходящим их по численности, россиянам также встретилось «множество лодок, наполненных вооруженными людьми. Татарский хан находился на одной из них». Тем не менее, российские воины смогли одержать победу. «Во время преследования российским войском татар на реке Иртыше Ермак увидел судно, на котором сражался хан, приблизился к нему со своим отборным войском, чтобы с ним сцепиться. Тогда захотелось ему перескочить из своей лодки в другую, но при этом случае упал он в воду и утонул, к великому сожалению своих последователей. Таким образом, погиб славный Ермак». Д. Белл утверждал, что в этом бою погиб не только Ермак, но «храбрый татарский хан и сам лишился жизни в этой схватке», а «сын его и прочие родственники были отосланы в Москву». Царь пожаловал «ханскому сыну» «знатное владение в России, потомки его пользуются еще и ныне титулом сибирских царевичей»¹⁵. Кроме вопросов истории присоединения Сибири к Российскому государству Д. Белл интересовался и сибирскими древностями. Им были приобретены «за умеренную цену» буддийские рукописи из развалин ламаистского монастыря «семь палат». Бугровщики информировали его также о находках в древних могилах предметов вооружения, в том числе «части рукояток мечей и доспехов». Им был приведен рассказ одного из них о сводчатом склепе, «где нашли останки человека с луком, стрелами, копьём и другим вооружением, лежащим вместе на серебряной плите»¹⁶. Д. Белл описал также изображение «вооруженного человека верхом на коне, отлитого из желтой меди»¹⁷. Позже о подобных захоронениях в Прииртышье сообщали и некоторые другие исследователи и любители старины¹⁸.

Сведения, приведенные европейцами о взаимоотношениях русских и сибирских татар и о походе атамана Ермака, весьма противоречивы. Они существенно отличаются от данных сибирских летописей, собранных и проанализированных учеными – участниками Великой Северной экспедиции в XVIII в.¹⁹ Во многих сочинениях европейцев подчеркивается, что Ермак был разбойником, а в некоторых из них главная заслуга в присоединении Сибири приписана купцам Строгановым или царским властям. Вероятно, подобные сведения получены от представителей правящей элиты, которым могло претить то, что ведущую роль в обретении сибирских земель сыграл простой казак. Весьма разноречивы данные первых европейцев о сибирских татарских ханах и царевичах. В сочинениях, написанных в XVII в., эта тема была весьма актуальна, поскольку наследники хана Кучума представляли собой определенную угрозу для российских властей в Сибири. Рассказы о татарских «царевичах» начала следующего столетия, когда актуальность угрозы с их стороны ослабела, менее достоверны. В то же время весьма ценны сведения о сибирских древностях, собранные путешественниками в первые десятилетия XVIII в. Они представляют большой интерес для современной археологической науки.

В последующие годы изучением Сибири, культуры населяющих ее народов, исторических событий, относящихся ко времени присоединения к Российскому государству, и сибирскими древностями стали заниматься профессиональные ученые, среди которых были специалисты из разных областей знания, приглашенные из европейских стран и работавшие в Санкт-Петербургской Академии наук.

¹ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI вв. М.: Наука, 1974. С. 22.

² Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Книга 4. Естественные богатства государства и его обширность // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, Рита-Принт, 1997. С. 231–406.

³ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск: ОГИЗ, Ирк. Обл. изд-во, 1941. С. 387.

⁴ Идес И. и Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Глав. ред. Вост. лит-ры, 1967. С. 82–83.

⁵ Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост. Сиб. книжн. изд-во, 1968. С. 14–15.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 21–23.

⁹ Там же. С. 41–42.

¹⁰ Bell D. Travels from Sankt-Petersburg in Russia, to divers part of Asia. Glasgow: printed for the Author by Robert and Andrew Foulis, 1763. XVII. P. 174.

¹¹ Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 47.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 47–48.

¹⁵ Там же. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 50–52.

¹⁷ Там же. С. 52.

¹⁸ Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 111–112.

¹⁹ Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. М.: Либерея, 1998. Кн. I. С. 47–166; Его же. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1999. Т. I. С. 197–265; Его же. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 2000. Т. II. С. 37–43, 106–134; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1774. С. 512–513.

М.Ю. Бородин (Санкт-Петербург)

**ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ХАНЖИНА,
ГЕНЕРАЛА ОТ АРТИЛЛЕРИИ***

МОЕГО ОТЦА вывезли в Китай из России в январе 1920 г., когда он был шести месяцев от роду; мама родилась уже в эмиграции. Это вместо эпитафии.

...Наша семья проживала в Китае, в городе Дайрен, в сорока километрах от Порт-Артура. К возвращению на Родину готовились серьезно, под руководством консульства СССР. В столовой, над нашим огромным буфетом, появился портрет Сталина. Однако, провисел не слишком долго – до марта 1953 г. Однажды утром мы с братом, выйдя к завтраку, увидели отца стоящим на стуле: папа снимал со стены портрет генералиссимуса. Наверное, никогда еще в столовой не бывало такой тишины. Чуть дыша, не зная, что и подумать, мы следили, как папа вынул из рамки фото Сталина и вместо него вставил фотографию дедушки. Именно с этого момента я определенно узнала или, вернее, почувствовала, что у меня есть дед, что мой дед Михаил действительно существует, если уж его можно сфотографировать. И он важнее Сталина – могло ли детское сердечко рассудить иначе...

О том, что бывшим подданным Российской империи разрешено вернуться на Родину, официально было объявлено только через год, в пятьдесят четвертом, как раз на Святую Пасху. Наш отъезд был назначен на июль. В своем заявлении на имя Генерального консула СССР в городе Дальний папа писал: «Желая отдать свои силы, и знания, и опыт на пользу построения коммунизма в СССР, воспитать и дать образование своим детям у себя

* Статья приводится в авторской редакции.

на Родине в истинно-советском духе, прошу Вашего ходатайства перед Правительством СССР разрешить мне выезд в СССР на целинные и залежные земли совместно с моей семьей» ... и дата: 5 мая 1954 г.

Мы поселились в мясосовхозе Милотинский – Джетыгаринский район, Кустанайская область, Казахская ССР. Чтобы рассказать о том, какова была жизнь, достаточно одной-единственной детали: в нашем новом доме не было окон, не было дверей – только пустые проемы для них. Однажды в октябре прошел сильный буран, и сквозь «окна и двери» намело мелкого снега. Мы, дети, втроем носились по этому неожиданному белому ковру, вопили от восторга, смеялись, пытались что-нибудь слепить, но в наших ладошках снег превращался в ледышки, а затем таял...

Нашего восторга папа, видимо, не разделял. Вскоре он нанял грузовик и уехал на поиски своего старшего брата Владимира, который вернулся в СССР семью годами раньше, в 1947 г. Дядю Володю он нашел, вместе с ним вернулся за нами – и увез на Южный Урал, в Орск. Чудный город, не самый большой, но все же с пятью заводами, массой учебных заведений, книжных магазинов и Домов культуры. Вдобавок ко всему и климат казался нам прекрасным – настоящая суровая зима и жаркое лето.

В эмиграции родители не имели возможности покупать книги на русском языке. До 40-х гг. в Дайрене не было даже русской типографии, и любая русская книга была, что называется, на вес золота. Теперь же родители попали в книжный рай – наверное, они воспринимали это именно так, – и даже для меня была заведена персональная этажерка, которая постепенно наполнялась книгами. В числе прочих было несколько книг о героях революции, воевавших на Урале, и там целыми абзацами говорилось о деде, о нашем дедушке, – выдающемся артиллеристе, белом генерале Ханжине. Мне кажется, это писали те, кто действительно хорошо его знал – царские генералы и полковники, его соратники, – и не столь важно, чье имя стояло на обложке книги. *Тот язык, ту письменную русскую речь* ни с чем было не спутать, и подделать было нельзя. Я чувствовала: писали правду; это чувство оставляло теплоту и гордость. Такие страницы я, грешным делом, загибала (хотя нельзя, конечно, так с книгами) и время от времени перечитывала. Сегодня

фразы всплывают в памяти дословно: «Сыграл выдающуюся роль в Брусиловском прорыве»...

Позже, по рассказам деда, мы узнали, что наш далекий предок – татарский хан по имени (д)Жин – после заката Золотой Орды крестился в православную веру и женился на русской девице. Фамилия со временем утратила букву «д» – как принято говорить, буква редуцировалась. А вот память в нашей семье всегда хранили бережно. До 1945 г. удавалось сохранить даже саблю хана и грамоту о его крещении при царе Иоанне Грозном.

Моя прабабушка, т. е. дедушкина мама, была из Водошняновых – это был старинный и знатный род московских стрельцов, ушедших в стрелецкий бунт на Урал. В XVIII в. они поселились в станице Степной Троицкого уезда Оренбургской губернии.

В семье Василия Павловича и Агнии Петровны Ханжиных было четырнадцать детей. Мой дед, Михаил Васильевич Ханжин, родился 17 октября 1871 г. в Самарканде, где отец его, сотник, в то время служил плац-адъютантом. В 1873 г. Василий

Павлович «вышел на льготу» и вернулся в Степную. Когда Михаилу исполнилось шесть лет, его определили в станичную школу, а еще через год отправили в Верхнеуральск, в церковно-приходское училище при Никольском соборе; в 1882 г. он был зачислен и еще один год проучился в подготовительном классе Неплюевского кадетского корпуса – в Оренбурге (рис. 1).

В 1883 г. дедушка, легко сдав экзамены, поступил в один из старейших кадетских корпусов России «как пансионер Оренбургского казачьего войска». Кадетский корпус он оканчивает в 1890 г. по 1-му разряду, благодаря чему без экзаменов зачисляется в Михайловское артиллерийское училище.

Рис. 1. Накануне отъезда в Верхнеуральск

В Петербург неплюевцы приехали целой группой, однако дальнейшая их судьба сложилась по-разному. Препроводительную бумагу в Михайловское, денег на извозчика и предписание ехать на Выборгскую сторону получили от воспитателя Ф.Е. Грибеля лишь двое – Ханжин и Никольский. Привыкшие к спартанской обстановке в Оренбурге, они были поражены роскошью Михайловского училища. Начальником Михайловской артиллерийской Академии и Михайловского училища в то время был Николай Афанасьевич Демьяненков.

Дедушка окончил училище в 1893 г., и снова по 1-му разряду. Вместе с ним окончили училище юнкера Беляев, Батюшин, Никольский и Нарбут. Трое из них – Иван Беляев, Николай Батюшин и Владимир Никольский – много лет спустя, уже в эмиграции, напишут мемуары и тепло вспомнят своего товарища, юнкера Ханжина. А дружбу с Нарбутом дедушка пронесет через всю жизнь.

Службу Михаил Ханжин начинает в Казачьей конно-артиллерийской бригаде. В 1884 г. женится на своей ровеснице (им обоим было по двадцать три года) Платониде Платоновне Шепатовской. От этого брака родились два сына: в 1895 г. появился на свет Михаил, а в 1897 г. – Владимир.

Через три года после окончания училища М.В. Ханжин поступает в Императорскую артиллерийскую академию, которую блестяще оканчивает в 1899 г. В 1903 г. он становится выпускником еще и Офицерской артиллерийской школы стрельбы. В этом же году – так сложилась жизнь – он женится во второй раз. Елена Павловна Корсак – из семьи военных моряков; она была младше Михаила Васильевича на восемь лет.

В архивной анкете – почерк бабушки: «На русско-японской войне с 27/III 1904 по 2ое октября 1905». Роскошный серебряный медальон с изображением Архангела Михаила хранится сегодня в семье как свидетельство благословения Великой княгини Елизаветы Федоровны накануне войны. Дедушка принимает под командование 4-ю батарею 3-й Восточно-Сибирской бригады (рис. 2, М. Ханжин – третий слева). Здесь, на полях Русско-японской войны, получила боевое крещение первая русская скорострельная пушка. Историк Баканов пишет: «Еще во время русско-японской войны М.В. Ханжин впервые в мировой прак-

тике применил артиллерийскую стрельбу с закрытых позиций и для безопасности obsługi оборудовал орудия броневыми щитами,

Рис. 2. На Русско-японской войне

с мечами; Св. Анны 2 ст. с мечами и, наконец, орденом Св. Георгия 4 ст. (согласно чеканным формулировкам того времени, «за отличный подвиг мужества и храбрости под Ляояном и Фуншунном»). Кроме того, по результатам кампании М.В. Ханжин был произведен в полковники.

Во время этой войны у Ханжиных родилась в Карачёве дочь, первый ребенок Михаила Васильевича в повторном браке – моя тетя Агния.

С Русско-японской войны дедушка был откомандирован в Офицерскую артиллерийскую школу стрельбы. В анкете БРЭМа (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи) его рукой написано: «Руководитель Офицерской артиллерийской школы, 1906–1909 год». Начальником школы был его друг, полковник, а затем генерал-лейтенант С.Н. Дельви́г. Далее в анкете: «Принимал участие в разработке вопросов по организации довольствия, обучения полевой артиллерии, разработке наставлений для действий артиллерии в бою, разработки вопросов стрельбы, связи и т. д. Принимал участие в Высочайше учрежденной Комиссии по переработке статута ордена Св. Георгия, Георгиевского оружия и Креста». Комиссию возглавлял

разработал ряд подробнейших наставлений и рекомендаций для успешного действия артиллерии, что впоследствии широко использовали советские войска в Великой Отечественной войне».

За сражения с японцами был награжден орденами: Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом; Св. Станислава 2 ст.

Великий князь Константин Константинович (К. Р.), в дневнике которого осталась запись: «Высочайше повелено мне быть председателем Особого совещания по выработке нового статута Военного ордена. В состав этого совещания входит 15 генералов – Георгиевских кавалеров». За эту работу дедушка получил Высочайшее благоволение.

В Офицерской школе М.В. Ханжиным был написан «Учебник по полевой артиллерии для юнкеров». В 1906 г. под Лугой

Рис. 3. В чине полковника. Офицерская школа. 1907 г.

открылся новый, оборудованный по последнему слову техники полигон, на тот момент крупнейший в Европе. Школа разрабатывала и внедряла стрельбу с закрытых позиций – методику, предложенную дедушкой. Подбор инструкторов был исключительный: сам Ханжин, Гобято, Шихлинский и др. Возможно, в это же время Михаилом Васильевичем была разработана методика тактики точечного удара (рис. 3).

«Великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии, собирал у себя цвет офицерства. Он организовал под председательством ген. Дельвига комиссию из выдающихся командиров нашей артиллерии полковников Гобято, Пашенко, Беляева и Ханжина и командировал их во Францию для прак-

тического изучения скорострельной артиллерии. Ценная работа этой комиссии много способствовала усовершенствованию конструкции нового орудия и практическим приемам его обслуживания» – так пишет «Военно-исторический вестник» в статье о Великом князе Сергее Михайловиче.

У дедушки в анкете: «С Высочайшего соизволения был командирован во Францию в составе артиллерийской миссии (2 генерала и 3 полковника) по приглашению французского пра-

вительства для присутствия на стрельбах французской полевой артиллерии с 12/III 1911 по 15/IV 1913 года (2 года)».

Во Франции под руководством «отца артиллерийской тактики» генерала Лангла в лагерях Мальи и Шалонский дедушка изучает, как устроено артиллерийское дело во Франции. Из Франции он возвращается с Офицерским орденом Почетного легиона, а по приезде в Россию получает орден Св. Владимира 4 ст. (рис. 4) и назначение начальником Киевского полигона. Семья Ханжиных живет в Дарнице под Киевом. В штабе Киевского военного округа проводят масштабную военную игру с целью проверки оперативных и мобилизационных планов; интересно, что в Киеве обучались даже авиаторы, причем в числе дедушкиных учеников был знаменитый летчик Нестеров.

Рис. 4. Перед отъездом во Францию. 1911 г.

Первую мировую войну М.В. Ханжин встретил уже в чине генерал-майора и должности командира 19-й артиллерийской бригады, которая входила в 12-й корпус и квартировалась в Виннице. С началом мировой войны бригада под его командованием вошла в состав 8-й армии и выступила к пункту сосредоточения в район города Проскурова.

Историк Баканов пишет: «На полях Галиции мы находим бригаду М.В. Ханжина. Галицийское сражение длилось с 19 авг. по 26 сент. 1914 года. В нем участвовало 2 млн. человек и 5 тыс. орудий. Под Перемышлем 19-я дивизия выполняла роль ударной. Поддерживала ее артиллерийская бригада Ханжина» – и далее следует подробное описание действий бригады.

Артиллерийской бригадой дедушка командовал до 5-го июля 1915 г., когда приказом командующего корпусом генерала Каледина был назначен командиром 12-й пехотной дивизии. Начальником штаба этой дивизии был назначен А.Е. Снесарев, дедушкин близкий товарищ, который позже разделит трагическую участь всех оставшихся в России царских офицеров. По-видимому, описание одного из подвигов дедушки принадлежит именно А.Е. Снесареву, которому генерал Брусилов завещал завершить свои мемуары. В книге А.А. Брусилова «Мои воспоминания» этот подвиг описан так: «Ханжин оправдал мои ожидания. Подъехал к полку, который топтался на месте, но вперед не шел, и, ободрив его несколькими прочувственными словами, он сам стал перед полком и пошел вперед. Полк двинулся за ним, опрокинул врага и восстановил утраченное положение». Высочайшим приказом за мужество и отвагу Михаил Васильевич был награжден орденом св. Георгия 3 ст. В этом же, 1915 году он получил Золотое Георгиевское оружие из рук Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской империи, которым в то время был Великий князь Николай Николаевич (рис. 5).

**Рис. 5. Командующий
12 пехотной дивизии**

В анкете БРЭМа дедушкиной рукой: «Инспектор артиллерии с 24 апреля 1916 года».

В августе 1915 г. должность Верховного Главнокомандующего принимает на себя император Николай II, а полевым генерал-инспектором артиллерии становится Великий князь Сергей Михайлович. Дедушке, который как инспектор артиллерии 8-й ар-

мии подчинялся военному министру, было поручено разработать план атаки армии. А. Кунгуров пишет: «План наступления был разработан начальником артиллерии ген. Ханжиным. Ханжин предложил сократить артиллерийскую подготовку до минимума, сведя ее к короткому мощному огневому налету, а также готовить наступление по всему фронту, отказавшись от сосредоточения “кулака”, всегда обнаруживаемого противником. Командирам всех четырех армий Ханжин предписывал атаковать в том направлении, которое они сами изберут. Расчет строился на внезапности и мощи огневой налета русской артиллерии, за которой следовал массовый штыковой удар пехоты». Четыре армии (7, 8, 9, 11-я), т. е. весь Юго-Западный фронт длиной в 350 км, выступали одновременно – это был новый, нигде ранее не примененный стратегический прием. Прорыв по фронту составил 70–80 км. Франция и Италия были спасены, а боевой дух Австро-Венгрии серьезно подорван.

Свечин в книге «Луцкий прорыв» (изд. 1924 г.) пишет: «Вся подготовка должна была складываться из двух моментов: 1) подготовка к прорыву неприятельских позиций и 2) использование успеха. В первой части подготовка была превосходна, и хотя чувствовался недостаток тяжелой артиллерии, но в общем первый акт прошел блестяще». За Луцкий прорыв Высочайшим приказом от 25 августа 1916 г. дедушка был произведен в чин генерал-лейтенанта. Важно отметить, что дед мой не только разработал план атаки, но и командовал прорывом 8-й армии, и моя тетя постоянно подчеркивала это в письмах. Так, в письме от 18.08.91 г. она пишет мне: «У твоего деда, по тем временам, было довольно много наград, но, конечно, не столько, сколько у нынешних военных. Точно я не помню: были Станислав, Анна, Владимир, Георгий 4 ст. за Японскую войну и 3 ст. – за Брусиловский прорыв, в котором он участвовал как командующий 8-й армией». Об этом пишет и историк Катанаев, работавший с дедушкой в правительстве адмирала Колчака; в частности, им оставлена запись: «Встретил Михаила Васильевича Ханжина ... который командовал 8-ой армией».

В альбоме у моей двоюродной сестры Марии я нашла старую темную фотографию: дедушка с двумя Георгиями на фоне карты Луцкого (Брусиловского) прорыва. Такое впечатление, что не спал месяц (рис. 6).

После Луцкого прорыва дедушка приказом Великого князя Сергея Михайловича назначается инспектором артиллерии Румынского фронта. Эту должность он занимает с 8 декабря 1916 г. по 6 апреля 1917 г.; за работу на Румынском фронте получает блестящую характеристику и Большой Крест Румынской короны. Тем временем на фронт приходит телеграмма о вступлении во власть Временного правительства. Издается приказ об отрешении всех Романовых от должностей; таким образом, покидает свой пост и Великий князь Сергей Михайлович, пользовавшийся в артиллерии колоссальным авторитетом. На его место, т. е. полевым инспектором артиллерии при штабе Верховного Главнокомандующего, назначают М.В. Ханжина. 10 апреля 1917 г. он уезжает в Ставку, которая тогда располагалась в Могилеве, и вступает в командование всей российской артиллерией.

**Рис. 6. На фоне карты
Луцкого прорыва**

На май 1917 г. высшее военное руководство планировало крупную наступательную операцию. На фото из книги Марины Грей «Мой отец генерал Деникин» – съезд главнокомандующих: генералы А.И. Деникин, А.М. Данилов, М.В. Ханжин, Н.Н. Духонин, А.М. Драгомиров, В.Н. Егорьев, В.И. Гурко, М.В. Алексеев, Д.Г. Щербачев, А.А. Брусилов. Никто еще не знает, какая судьба ждет цвет русской армии; несмотря на отчетливое предчувствие катастрофы, никто и предположить не может, что вскоре, например, генерал Духонин будет растерзан матросами, которых «воодушевит» большевик Крыленко...

Керенский, возглавлявший правительство, упраздняет должность полевого инспектора артиллерии – приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Копия этого приказа, напечатанная на папиросной бумаге и подписанная Керенским, хранилась у деда в ящике письменного стола до 1945 г.

В советское время историк Морозов (отец которого также работал в Ставке) писал моему дяде Алексею Михайловичу, что у него собраны материалы и свидетельства, дающие полное право утверждать: М.В. Ханжин вполне соответствовал должности полкового генерал-инспектора артиллерии.

В анкете БРЭМа рукой дедушки: «В армии до декабря 1917 года».

Еще будучи в Ставке, дедушка выписал к себе в Могилев жену и младшего сына Виктора, которому было семь лет. Детей к этому времени у дедушки уже шестеро. Двое старших, Михаил и Владимир, еще на полях войны. Остальных дедушка собирает, чтобы отвезти на свою малую родину. Год они живут в Троицке Оренбургской губернии, а весной уезжают в станицу Степную. В начале лета 1918 г. дед отправляется в занятый белыми Челябинск.

В анкете дедушкиной рукой: «Проживал в г. Троицке и ст. Степной Оренбургской губернии до июля 1918 года. Приказом командующего Сибирской Армии и управляющего Военным Министерством Сибирского правительства назначен командиром 3 Уральского Армейского корпуса 4/VII 1918 года».

От присяги Царю не освобождали. Дедушка говорил: «Я присягал Царю, ему верен и остался».

А.В. Колчак был провозглашен Верховным правителем 17 ноября 1918 г.

Полная запись в анкете: «В гражданской войне с 4.VII.1918 по январь 1920: командир 3 Сибирского Уральского корпуса, командующий Западной армией и Военный министр».

24 декабря 1918 г. адмирал Колчак назначил Ханжина командующим Западной армией, куда вошел и 3 Уральский корпус. Известный эмигрантский историк С.П. Мельгунов писал: «По общему отзыву, это был превосходный боевой артиллерист в мировую войну, а Западная армия была наилучшей, наиболее выдержанной и стойкой армией адм. Колчака». В результате наступления Западной армии, начавшегося 14 марта 1919 г., генерал Ханжин взял Уфу, Белебей и другие населенные пункты. Всего 80 км оставалось до Самары и соединения с Деникиным. 1 марта генерал-лейтенант Ханжин подписал обращение к солдатам и офицерам, где говорилось: «Доблестные войска Западной армии! Я отдал приказ о наступлении, конечной задачей ко-

того будет занятие Москвы. Продвигаясь вперед, не забывайте, что вы вступаете не в завоеванную враждебную страну, а в занятые большевиками, ограбленные ими области нашей Родины. Население ждет Вас с нетерпением, как избавителей от тяжелого гнета, и Вы должны принести населению только облегчение, порядок, обеспечение жизни, чести и имущества. Так с Богом же вперед, для счастья и возрождения нашей Родины».

7 апреля 1919 г. ЦК РКП(б) принял решение об объявлении Восточного фронта главным и, в частности, укрепил его резервами живой силы, в результате чего численность фронта стала вдвое больше состава Западной армии генерала Ханжина.

Взятие Уфы было наивысшим достижением Белой гвардии. Адмирал Колчак присвоил дедушке звание генерала от артиллерии (наивысший чин, присвоенный за весь период Гражданской войны). Интригами генерала Лебедева дедушка вынужден уехать из Омска, но через некоторое время получает должность военного министра – как вскоре выяснится, последнего военного министра добольшевистской России.

23 декабря 1919 г. поезд А.В. Колчака застрел в Нижнеудинске, и Совет министров отдал всю полноту власти А.А. Червен-Водали, М.В. Ханжину и А.М. Ларионову.

«Троектория», как называли этот комитет, стремится решить вопрос о власти без кровопролития. 25 января в Иркутск входит 5-я армия Тухачевского. Предчувствуя опасность, дедушка минует служивший ему домом штабной вагон и уезжает в Читу в вагоне английской миссии. В городе начинаются аресты и расстрелы; 7 февраля будет без суда расстрелян адмирал Колчак. Остается добавить, говоря о крахе Белого движения в Сибири, что в нашей семье упоминали провокатора и изменника, который очень навредил русской армии; речь шла о генерале, а затем атамане П.П. Иванове-Ринове.

...Жена, дети и сестра ждут дедушку в Чите. Границы еще открыты, и в специальном штабном вагоне по визе Меркуловского правительства семья выезжает в Китай. Моему отцу было шесть месяцев – он родился в Челябинске в 1919 г. По дороге от скарлатины скончался другой сын Ханжиных, Виктор. Как пишет тетя: «Прибыв в Харбин в конце января, мы его похоронили».

В анкете дедушки: «Прибыл в Маньчжурию 29/1-1920 года из Иркутска».

По приезде в Харбин Ханжины три месяца живут в вагоне, потом уезжают в Дальний и в китайской рыболовецкой деревне Рокотан снимают «фанзу» у домовладельца-китайца. На войне в России пока остаются старшие сыновья, двадцатипятилетний Михаил и Владимир двадцати трех лет. Средние сыновья Алексей и Игорь (12 и 11 лет, соответственно) – на острове Русском, в пехотном Военном училище им. Лавра Корнилова. Дочь Агния и сын Юрий – в Дальнем, где русских в то время было мало, однако размещалось русское консульство во главе с П.Ю. Васкевичем. Что-то надо было делать и как-то жить; дедушка стал одним из пайщиков мыловаренного завода, открытого, как пишет папа, «неким инженером Анфаловым с компаньонами». Чтобы войти в число компаньонов, продали бабушкину шубу и набор для вина. Всегда преуспевавший в науках, дедушка был еще и неплохим химиком, и именно он придумал удачную формулу в технологии производства мыла. Дело пошло. Однако, как потом оказалось, один из рабочих – японец – тоже разбирался в химии, и вскоре в городе появилось белое, овальной формы мыло, очень похожее на заводское, но значительно дешевле. Завод обанкротился.

В поисках работы дедушка уехал в Чань-Чунь, где с 1922 по 1925 г. заведовал конторой, занимавшейся перевалкой соевых бобов. Бобы экспортировались в Австралию, где из них изготавливали концентрированное соевое молоко, а затем в разнокалиберных банках с золотой коровой везли обратно в Китай, Японию, Маньчжурию. В 1925-м контора закрылась. С августа 1925 по декабрь 1926 г. на химическом заводе Мукденского арсенала дедушка служил заведующим химической лабораторией, опекаемой китайским генералом Чжан Цзолинем, но вскоре власть Чжан Цзолия пала, и лабораторию также распустили.

В конце 1926 г. по приглашению знакомого, Ивана Герасимовича Гуменюка Ханжины возвращаются в Дайрен.

В анкете дедушкиной рукой: «С декабря 1926 года по 1 апреля 1931 года служил в Русском отделении Счетно-экономического отдела Правления Ю.М.Ж.Д.»; и далее: «С августа 1931 года до сентября 1932 года проживал в Шанхае, а с сентября 1932 года вновь в Дайрене. С 1 октября 1933 года поступил на службу в Русском отделении Счетно-экономического отдела Правления Ю.М.Ж.Д.» – работал чертежником.

С 1928 по 1931 гг. дедушка возглавляет Дальневосточный отдел РОВС – Русского обще-воинского союза. Этот международный Союз, существующий по сей день, состоял из девяти региональных отделов, но только в китайском не было подразделения, отвечающего за подрывную деятельность. Формирование отдела РОВС было поручено дедушке Великим князем Николаем Николаевичем. Должность была неоплачиваемой – членские взносы в РОВС не взимались. Работы было много, приходилось вести огромную переписку, но даже помощника дедушка найти не мог. Складывалось впечатление, что организация существует лишь на бумаге; в 1931 г. генерал Миллер, новый глава РОВС, неохотно согласился освободить М.В. Ханжина от этих малопродуктивных обязанностей. Вероятно, сыграло роль и то обстоятельство, что весной 1931 г. на Квантунском полуострове появилось государство Маньчжу-ди-Го, которое вообще запретило все военные, политические и общественные организации. Так или иначе, в августе 1931 г. дедушка едет в Шанхай, чтобы передать дела отдела РОВС генералу Дитерихсу.

Гораздо более важным в жизни дедушки было то, что с 1928 г. он официально возглавлял Попечительный совет по охране и поддержанию в порядке порт-артурского кладбища и других военных кладбищ в Маньчжу-ди-Го и Квантунской области. Это была личная инициатива, и единственным председателем Совета дедушка оставался до 1945 г. Поначалу все русские кладбища находились в ведении Российской дипломатической миссии, а после 1924 г., когда Китай признал СССР, кладбища и мемориалы Русско-японской войны содержались исключительно на пожертвования. Усилиями Совета и его председателя кладбища пребывали в идеальном состоянии. Дедушка был главным организатором мемориальной панихиды по убиенным в 1905 г. воинам. Как рассказывала мама, каждый год (18 лет подряд) 8 июня вся колония выезжала в Порт-Артур. Везли гимназистов, общественность и человек пятьдесят представителей японской власти. После панихиды устраивалась традиционно-символическая «чашка чая» (рис. 7).

Юрий Михайлович Ханжин – мой отец – подробно описал историю эмиграции в своих воспоминаниях (рис. 8). В частности, в 1934 г. министр народного благополучия Маньчжу-ди-Го издал приказ о создании Бюро по делам российских граждан –

Рис. 7. Отцу 70 лет. 1941 г.

БРЭМ. Третий отдел БРЭМа был секретным; руководил им Михаил Алексеевич Матковский, который в обмен на уверения в том, что все эмигранты получат беспрепятственный выезд в Советский Союз, отдал картотеку СМЕРШу. Разумеется, в первую очередь по этой картотеке были составлены списки подлежащих аресту.

Дедушка и один из сыновей – Алексей – были арестованы 15 сентября 1945 г. без предъявления ордера на арест и обыск (постановление на арест появилось лишь 19 октября 1945 г.). Арестованных сначала держали в подвалах консульства, потом перевезли в Порт-Артур. Па-

Рис. 8. Вилла на берегу Желтого моря

пин приятель Владимир Степанов, который работал переводчиком и поставщиком продуктов для Красной армии, видел, как дедушка начал писать «мемуары». Через Степанова же хотели передать теплую одежду, но дедушку уже увезли в Хабаровск, в спецтюрьму МВД № 16, где его продержали до 26 ноября 1946 г. Затем он был этапирован в Москву. Хранящаяся во Владимирском центре личная карточка (на которой помечено «террорист») заполнялась 31 декабря 1946 г.; дата ареста указана верно – 15 сентября 1945 г. Именно с даты ареста отсчитывался десятилетний срок, который должен был истечь 15 сентября 1955 г.

К счастью, в тюрьме разрешали пользоваться библиотекой, и дедушка смог написать большую рукопись – восстановив свои утерянные дневники о Первой мировой войне. Как рассказывал мне директор музея Владимирского центра Игорь Закурдаев, дедушку привлекали также к работе переводчиком: в тюрьме было много японских генералов, и, зная язык, дедушка при необходимости мог переводить с японского на русский и с русского на японский.

Нескончаемая, казалось, тюремная эпопея все-таки закончилась, причем почти на год раньше срока – 30 декабря 1954 г. Владимирский областной суд по болезни освобождает М.В. Ханжину от дальнейшего отбывания наказания.

Первое, что сделал дедушка во Владимире после освобождения – пошел в Успенский собор, что минутах в пятнадцати ходьбы от центра. Там же он и жил первое время. Дело в том, что вместе с товарищем (освобождения которого дедушке предстояло дожидаться) они должны были в сопровождении конвоира отправиться этапом обратно в спецлагерь № 16 НКВД СССР. После суда, получив отказ на просьбу разрешить возвращение в Китай (о том, что все его дети уже в СССР, информировать дедушку не сочли нужным), он едет в назначенный ему судом город Янги-юль, что неподалеку от Ташкента.

К счастью, именно в Ташкенте жил Михаил, его старший сын. Как пишет тетя: «Отправляя, купили билет и не дали ни копейки. Папа никогда мне об этом не говорил, узнала от Миши. Могу представить, как он выглядел, если Миша, вопреки нежеланию Анны Владимировны, привез его к себе и хлопотал о разрешении временного пребывания папы в Ташкенте». Дядя, который в

свое время работал заместителем министра легкой промышленности Узбекистана, использовал все свои связи и оставил дедушку у себя. После бесконечных мытарств дедушка, наконец, жил в приличных условиях, хорошо питался и получал медицинскую помощь. В апреле 1955 г., поздравляя нас с праздником Св. Пасхи, дедушка пообещал скоро приехать – и уже в начале мая они вместе со старшим сыном приехали к нам в Орск.

Был теплый солнечный день, все уже расцвело. Четверо детей, пятеро внуков и две правнучки – в таком составе встречали мы дедушку. Он был в светло-сером с иголочки костюме, свежей рубашке с галстуком, в котором сверкала маленькая подковка. Человек, конечно, пожилой, но назвать его стариком язык ни у кого бы не повернулся. Ни годы, ни лишения не справились с генеральской осанкой, выправкой и манерами царского офицера. Вот таким я и запомнила его.

Он прожил у нас ровно год. 16 июля 1956 г. дедушка уезжает в село Северное Новосибирской области – к среднему сыну Алексею, который, также освободившись, должен там два года жить на поселении. В письме к дочери дедушка пишет: «14-го я получил вид на жительство, а 16-го выехал из Орска». В Новосибирскую область он приезжает 19 июля 1956 г., встречаемый большой семьей Алексея.

Из Северного дедушка несколько раз ездил в Вологду к Владыке Гавриилу (Огородникову), с которым был знаком еще в Китае. Поэтому, когда Алексей получил паспорт и стал готовиться к отъезду из поселения, дедушка снова посетил Владыку, написав родным: «Может быть, я останусь у Владыки до конца дней моих». Однако, на все было нужно разрешение; местные власти запрашивают Москву, и на постоянное место жительства дедушку в Вологду не пускают.

Последние три года, с весны 1959 и до конца 1961 гг. дедушка живет в городе Джамбул у своей дочери Агнии. Этот город он всегда любил. Сюда он получил свое первое офицерское назначение. Сюда он приезжал на свидание со своими старшими сыновьями Михаилом и Владимиром. Тогда этот город назывался Аулие-Ата, что в переводе на русский язык означает «Святой дед» (рис. 9).

Заболел он как-то сразу: микроинсульт, затем ухудшение состояния в течение трех дней. Умер 20 декабря 1961 г. Умер во сне – как

Рис. 9. Джамбул.
Последний год жизни

умирают, согласно поверью, любимые Богом люди. Похоронен на городском кладбище в Джамбуле. Дедушке было 90 лет (рис. 10).

Рис. 10. Бюст
М.В. Ханжина
работы сына Василия

1. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1920. Т. 5. ГАРФ. Составил Клембовский.
2. Свечин. Луцкий прорыв. [Б. г.], 1924.
3. Баканов В. Горькое золото погон. Магнитогорск, 1997.
4. Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Екатеринбург: «Уральский рабочий», 1999.
5. ГАРФ. Ф. Бруилова. 5972. Оп. 1. Д. 3.
6. «Письма с фронта». А.Е. Снегирев. М.: Кучково поле, 2012.
7. Кунгуров А. Как делать революцию. (Электронный ресурс). URL: [http: alexey_kungurov_kakdelatrevoluciyu](http://aleksey_kungurov_kakdelatrevoluciyu)
8. Дневник Великого князя К. Р. (1911–1915 гг.). М.: Прозаик, 2013.
9. Баканов В. Призвание защищать Родину // Магнитогорский металл. 1996. 18 янв. № 9–10.
10. Военно-исторический вестник. [Париж], 1969. Май.
11. Шляхтин. Памяти генерала Духонина // Военная быль. [Париж]. № 100. 1960. Ноябрь.
12. Письмо историка Морозова // Музей Первой мировой войны, Царское Село.
13. Закурдаев И.В. Владимирский централ. М., 2013.

14. Письма семьи Ханжиных, в т. ч. сорок писем М.В. Ханжина к дочери // Личный архив М.Ю. Бородиной.
15. Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака. М.: Айриспресс, 2004.
16. Ханжин Ю.М. «Воспоминания сына царского генерала» // Музей Первой мировой войны, Царское Село.
17. Брусилов А. Мои воспоминания. М.: Харвест, 2003.
18. Ханжина А. «Политика меня мало интересовала» // Альманах «Гостинный двор». № 1. 1995.
19. Протоиерей Вячеслав Тулунов. «Благословляю вас на подвиг жизни». Страницы жизни архиепископа Гавриила (Огородникова). Русский Хронограф. М., 2004.
20. Грей М. «Мой отец генерал Деникин». М.: «Парад», 2003.
21. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 839. Оп. 3. Д. 50433. Материалы архива БРЭМ с 1935 по 1945 гг. на 40 л.
22. Петров С.П. Упущенные возможности. М.: АУРОХХ, 2006.
23. Шульгин В.В. Пятна. 1996.

Ю.Л. Ботев (Москва)

ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙСК (СИЛ) В ОПЕРАЦИЯХ ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К НАЧАЛУ третьего периода войны произошел коренной перелом: стратегическая инициатива окончательно перешла к Красной армии. В составе действующей армии имелась 461 дивизия, 80 отдельных, стрелковых, мотострелковых и танковых бригад, 23 танковых и механизированных корпуса, 12 воздушных армий и другие соединения и части. Кроме того в резерве Ставки было 19 дивизий, 21 бригада и 12 танковых и механизированных корпусов. Боевой состав фронтов увеличился по танкам и САУ в 4–6, по артиллерии – в 4–5 и по самолетам – в 4–8 раз¹.

Наличие таких сил позволило Ставке ВГК поставить на 1944 г. перед Вооруженными силами задачу начать наступление на огромном фронте – от Балтийского до Черного моря, нанести сокрушительные удары по войскам противника и полностью очистить от них территорию Советского Союза.

В соответствии с поставленными задачами в завершающих кампаниях войны наступление проходило на фронте протяженностью 3000 км и велось почти непрерывно в течение 11 месяцев на глубину до 1800 км. Средние темпы продвижения советских войск доходили до 30–40 км и более в сутки. Такое грандиозное наступление могло быть проведено только при надежном тыловом обеспечении войск, при хорошей работе тыла Красной армии, опиравшегося на слаженное военное хозяйство страны.

Увеличение численности объединений и соединений, рост их технической оснащенности, повышение напряженности боевых действий привели к возрастанию потребности войск в материальных средствах и в целом объема работы тыла. Так, если в

1943 г. фронтами Красной армии было израсходовано боеприпасов 100 504 вагона, то в 1944 г. – 150 622 вагона. Расход горючего в 1943 г. составил 3261 тыс. т, а в 1944 г. – 38 463 тыс. т².

Повышение расхода материальных средств в третьем периоде войны вызвало необходимость увеличения сил и средств, предназначенных для материально-технического обеспечения. Удлинение коммуникаций потребовало усиления транспортных средств и более полного использования местных ресурсов. В связи с маневренным характером боевых действий войск необходимо было создавать тыловые части и учреждения, способные легко маневрировать в ходе проводимых операций и своевременно обеспечивать войска всеми видами материальных средств. Чтобы повысить мобильность тыла, было сокращено количество стационарных учреждений в действующей армии, увеличено количество автотранспорта, его грузоподъемность и проходимость, была улучшена и увеличена организационная структура тыловых частей и учреждений. В 1944 г. в состав каждого фронта были введены автомобильные бригады трехполкового состава, а в армию – 2–3 отдельных автомобильных батальона (в 1942–1943 гг. фронты имели по 3–6 отдельных автотранспортных батальона для подвоза материальных средств и армии – по 2–3 отдельных автомобильных батальона). В железнодорожных войсках формировались 7 железнодорожных эксплуатационных бригад. Общее количество частей и учреждений тыла во фронте возросло до 450–480 (вместо 350–370 во втором периоде войны), а вместе с армейскими – до 1300³. Увеличение сил и средств, предназначенных для тылового обеспечения действующей армии и повышения маневренности, имело важное значение для удовлетворения возросших потребностей войск при высоких темпах наступления на большую глубину.

Стратегические наступательные операции Красной армии в кампаниях

1944 г. характерны тем, что проводились они как последовательные и глубокие. После завершения или в ходе еще одной наступательной операции начиналось наступление советских войск на другом направлении. Такие операции требовали больших перегруппировок, как фронтовых, так и межфронтовых, а также маневра резервов Ставки ВГК. Это потребовало внесения изменения в порядок обеспечения действующей армии. Если в

1943 г. обеспечение фронтов планировалось и осуществлялось по отдельным операциям, то в 1944 г. стало осуществляться в порядке одновременной подготовки нескольких последовательных стратегических операций.

Большой размах проводимых операций усложнил работу тыла. Однако благодаря последовательному переходу в наступление групп фронтов имелась возможность маневра силами и средствами тыла, сосредотачивая основные усилия на главном направлении с целью первоочередного обеспечения фронтов, наносивших главный удар. Этот принцип был ведущим при планировании тылового обеспечения фронтов в наступательных стратегических операциях 1944–1945 гг.

В третьем периоде войны было проведено три кампании: зимняя (январь – май), летне-осенняя (июнь – декабрь) 1944 г. и завершающая кампания в Европе (январь – май) 1945 г.

Операции зимней кампании 1944 г. проходили в условиях зимы, ранней весенней распутицы, а некоторые – на лесисто-болотистой местности. Фронт активных действий в основных операциях достигал более 1700 км, при глубине наибольшего продвижения войск – до 250–450 км. В наступлении приняли участие восемь фронтов из двенадцати, тридцать шесть общевойсковых, все шесть танковых и девять воздушных армий.

Условия работы тыла в зимней кампании были не благоприятны. Операции начались сразу же после завершения летне-осенней кампании 1943 г. В особо сложном положении оказался тыл 1, 2, 3, 4-го Украинских фронтов. После проведенных наступательных операций на Левобережной Украине и форсирования Днепра оперативной паузы не последовало. В это время части и учреждения тыла отстали от наступавших войск более чем на 500 км. Запасы материальных средств снизились до минимума. В некоторых армиях войсковые и армейские запасы по боеприпасам составляли 1,0–0,5 боевого комплекта, а запасы автомобильного бензина достигали 0,6–1,2 заправки. Автомобильные соединения и части имели низкий коэффициент технической готовности (КТГ) парка. Так, на 20 января 1944 г. КТГ автотранспортных средств 2-го Украинского фронта составлял 0,5, а вместе с армейским автотранспортом – 0,6. Существенное влияние на работу тыла оказывали сжатые сроки подготовки фронтовых операций (6–7 суток), при этом опера-

ции начинались в условиях рано наступившей весенней распутицы⁴.

Ставкой ВГК принимались дополнительные меры для своевременного и полного материального обеспечения 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов, освобождавших Правобережную Украину. Для них направлялась основная масса материальных средств. Так, управление снабжения горючим Красной армии планировало четырем Украинским фронтам и Отдельной Приморской армии в январе 1944 г. подать половину всего горючего и смазочных материалов, предназначенных для действующей армии. В составе этих фронтов находились 14 железнодорожных бригад, т. е. около 50 % имевшихся к тому времени в Красной армии железнодорожных войск.

В ходе стратегической операции по освобождению Правобережной Украины советские войска провели целый ряд фронтовых наступательных операций. Наиболее характерной из них для анализа развития тыла явилась Корсунь-Шевченковская операция, в ходе которой была окружена группировка противника, имевшая в своем составе 10 дивизий.

Глубина операции составила 75 км. Поэтому части и учреждения фронтового тыла перемещать не потребовалось. Перемещение же армейского тыла задержалось вследствие медленного восстановления железнодорожного пути (средний темп восстановления железнодорожных линий достигал 9–10 км в сутки).

Ввиду больших разрушений на железных дорогах, подвоз осуществлялся в большинстве случаев автомобильным транспортом. На труднопроходимых участках дорог автомобилисты пускали вперед колонну из пяти-шести автомобилей с высокой проходимостью, соединенных вместе жесткой сцепкой. Толкая друг друга, они прокладывали путь для всей колонны. На отдельных участках застрявшие автомобили перетаскивались дежурными тракторами, а в некоторых случаях даже танками. Однако дожди, начавшиеся в конце января 1944 г., распутица резко усложняли работу. Дорожные войска не справлялись с задачами по поддержанию дорог в проезжем состоянии. Поэтому боеприпасы, горючее, продовольствие и другие материальные средства подвозились, как автомобилями, так и тракторами, боевыми машинами, вездеходами, гужевым транспортом, а в ряде случаев переносились войсками и местными жителями. Местные жите-

ли подносили артиллерийские снаряды, мины и патроны от одного населенного пункта к другому, а иногда и к огневым позициям. Только для войск 53-й армии 2-го Украинского фронта воинами запасного полка и местным населением было перенесено на руках 340 т боеприпасов. Так было во всех армиях и на всех Украинских фронтах⁵.

Для подачи боеприпасов решением военных советов фронтов привлекались транспортные и даже боевые самолеты. Боеприпасы сбрасывались с парашютами в районах самых напряженных боев. Только на первом Украинском фронте с 7 по 18 февраля авиация произвела 2800 самолетовылетов и доставила более 400 т боеприпасов⁶.

Осложнялась задача и с обеспечением горючим, особенно танковых войск, уходивших далеко вперед от своего тыла. Перед операцией танки приходилось заправлять непосредственно на армейских складах, так как колесные машины из-за распутицы к ним подойти не могли. На броню каждого танка подвешивались бочки с дополнительной заправкой дизельного топлива. 6 февраля, когда дороги стали непроходимыми для всех видов транспорта, ночной бомбардировочной дивизией 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта с 8 по 16 февраля (самолеты По-2) для 2-й и 6-й танковых и 40-й армий было доставлено 49 т горючего⁷.

Таким образом, опыт тылового обеспечения войск в условиях бездорожья, в которых оказались соединения и части в период освобождения Правобережной Украины, показал необходимость еще более смело приближать к линии фронта тыловые части и запасы материальных средств. Комплексно использовать все виды транспорта и в зависимости от обстановки постоянно уточнять и определять задачи на подвоз. Возросло значение подвижных резервов тыловых частей и учреждений и материальных средств.

Главный удар летом 1944 г. переместился с южного на центральное направление, где войска 1-го Прибалтийского, 3, 2, 1-го Белорусского фронтов в период с 23 июня по 29 августа провели по фронту 1100 км и в глубину 600 км Белорусскую стратегическую наступательную операцию. К началу операции в составе четырех фронтов было 1430 тыс. человек боевого состава, 5200 танков и САУ, свыше 31 тыс. орудий и минометов, более

6 тыс. самолетов, 60 649 автомашин. По расчетам центрального аппарата тыла для проведения операции требовалось подвести 1776 тыс. т (93 390 вагонов) материальных средств. Подготовка тыла к Белорусской стратегической наступательной операции осуществлялась задолго до ее начала. Непосредственная же подготовка длилась 23 дня.

В основу организации тылового обеспечения фронтов в этой операции был положен принцип сосредоточения основных усилий на главных направлениях и максимального удовлетворения потребностей войск, действующих на этих направлениях. Поэтому 60–70 % фронтовых частей и учреждений тыла было развернуто на направлениях действий ударных группировок войск.

Для того чтобы создаваемые группировки тыла были полностью автономны, способны наращивать свои усилия и бесперебойно обеспечивать ударные группировки войск на всю глубину операции, соединения, части и учреждения фронтового тыла развертывались в 2–3 эшелона. При этом первый эшелон фронтового тыла (отделения полевых складов с запасами боеприпасов и горючего, часть подвижных госпиталей) развертывался в 20–30 км, второй эшелон (основная часть сил и средств фронтового тыла) находился в 50–80 км, а третий (отдельные склады, медицинские, ремонтные учреждения) – в 150–200 км и более от переднего края.

Построение армейского тыла также производилось с учетом предстоящих наступательных действий на большую глубину. Удаление основных складов армий от переднего края в среднем составляло 20–40 км. Кроме того, на линию дивизионных обменных пунктов выдвигались головные отделения складов на грунте. Дивизионные обменные пункты в зависимости от местности располагались в 8–12 км от войск, а подразделения полкового тыла – в 5–8 км. Таким образом, благодаря рациональному эшелонированию запасов материальных средств по фронту и в глубину были созданы благоприятные условия для их подвоза в ходе наступления.

Характерным для этой операции было то, что фронтовые распорядительные станции находились не вблизи тыловой границы фронтов, как это было в предыдущих операциях, а в глубине тыловых районов на удалении 10–120 км от переднего края. Это ускорило доставку материальных средств войскам.

Ставка ВГК уделяла постоянное внимание созданию во фронтах необходимых запасов материальных средств, для проведения операции. Однако в результате того, что железные дороги не смогли справиться с перевозками в намеченные сроки, начало Белорусской операции было перенесено с 19 на 23 июня 1944 г. Это позволило увеличить запасы материальных средств во фронтах. К 23 июня они составили: по автобензину – 3–4 заправки; по дизтопливу – 6–8 заправок; по авиабензину – 4–10 заправок; по боеприпасам – 2–4,5 боекомплекта; по продовольствию – 15–20 суток⁸.

Большое значение во фронтах придавалось правильному эшелонированию запасов материальных средств. Наряду с приближением их к переднему краю, это достигалось созданием в войсках повышенных запасов боеприпасов и горючего, а также выкладкой артвыстрелов на огневых позициях.

Однако недостаток в горючем останавливал весь подвоз и наступление войск. Советские части, вышедшие к Нареву и Висле, оказались совершенно без горючего. Из-за его отсутствия значительная часть артиллерии отстала, танковые войска не могли вести активных действий и вынуждены были перейти к обороне. Несмотря на численное превосходство нашей авиации, она делала меньше вылетов, чем авиация противника, из-за недостатка горючего. Наша 6-я воздушная армия имела 1400 самолетов. У противника в районе ее действий было самолетов в 3 раза меньше, однако в конце июля 1944 г. наша армия производила в сутки по 100–200 самолетовылетов, а противник – 500–600, т. е. в 3 раза больше⁹.

Характерным для Белорусской операции являлось и то, что в подготовительный период противник усиленно засылал в тыл советских войск диверсионные группы, стремился активизировать действия своей разведки и банд буржуазно-националистического подполья. Это потребовало провести мероприятия по очистке тыла, а также применить новые способы в размещении частей и учреждений тыла на местности. Было принято решение располагать их группами по 2-3 части, не рассредоточивая по площади. Части и учреждения тыла объединялись в гарнизоны, готовые отразить нападение бандитских групп.

В период наступления, в целях маскировки, части и учреждения тыла располагались в лесных массивах. При следовании по

маршрутам в новые районы одиночные автомобили без надлежащей охраны не выпускались. Колонны возглавлялись офицерами и обеспечивались вооруженной охраной.

В ходе Белорусской операции дальнейшее развитие получила организация управления тылом. Во фронтах были созданы оперативные группы из офицеров штаба тыла и служб. Одна группа во главе с заместителем начальника тыла фронта находилась на первом эшелоне управления фронта. Руководство оперативной группы немедленно реагировало на изменения обстановки и проводило в жизнь указания командующего фронтом по вопросам тылового обеспечения. Вторая оперативная группа во главе с офицером штаба тыла занималась организацией тылового обеспечения подвижных групп фронтов, действующих в отрыве от войск в глубине обороны противника. В своем распоряжении группа имела колонну из 100–150 автомобилей.

Подготовка к Висло-Одерской операции началась заблаговременно, с выходом наших войск на Вислу и захватом на ее левом берегу плацдармов. Непосредственная подготовка тыла началась в декабре 1944 г. По директиве Ставки ВГК глубина операции 1-го Белорусского фронта достигала 300–350 км, а 1-го Украинского фронта – 280–300. Среднесуточный темп наступления для общевойсковых армий определялся в 15–18 км. Высокие темпы наступления требовали от тыла всех звеньев бесперебойного подвоза и полного обеспечения материальными средствами. Поэтому при организации тылового обеспечения изыскивались варианты наиболее оптимального приближения органов тыла к войскам. Так, первые эшелоны частей и учреждений тыла фронтов находились в 20–30 км от линии соприкосновения войск, вторые эшелоны – в 50–80 км, третьи – в 150–200 км. Особую трудность составляло размещение войскового тыла на плацдармах, где на малой площади сосредоточивались большие массы войск и техники.

Большой размах операции требовал широкого и эффективного использования железных дорог. В октябре и ноябре 1944 г. Государственный Комитет Обороны принял специальное решение, согласно которому восстановление и эксплуатация железных дорог западнее Вислы должны были вестись на западноевропейской колее. Для осуществления перевалки грузов решено было организовать в районах Варшавы, Демблина и Сандоми-

ра перевалочные базы. К началу операции фронты имели по два железнодорожных направления с пропускной способностью от 12 до 24 пар поездов в сутки.

Хорошо развитая сеть шоссейных дорог позволила оборудовать в тыловом районе 1-го Белорусского фронта две, а 1-го Украинского – три военно-автомобильные дороги. Для осуществления маневра материальными средствами были подготовлены рокады. Каждая армия имела по две-три военно-автомобильные дороги. Небольшая их протяженность (25–40 км) давала возможность армиям максимально высвободить армейские дорожные части для наращивания дорог вслед за наступающими войсками.

Несмотря на самоотверженную работу военных железнодорожников, темпы восстановления железных дорог были невысокими. Перегрузочные районы не справлялись с полным объемом работ по обеспечению перегрузки материальных средств. Не помогло и разрешение ГКО фронтам перешить за Вислой по одному железнодорожному направлению на союзную колею. Такое положение почти полностью исключало перемещение вперед фронтовых и армейских складов по железной дороге. Вследствие этого основные фронтовые склады до конца операции оставались на восточном берегу Вислы.

Необходимость выполнения основного объема перевозок автомобильным транспортом требовала своевременного наращивания и обслуживания автомобильных дорог. С этой целью работа дорожных частей была организована перекатами. Если для дорожно-мостовых работ на участке требовалось более одного дня, на нем задерживался один батальон, а второй выдвигался вперед на следующий участок. Выполняя первоочередные восстановительные работы, дорожные части в среднем продвигались на 40–50 км в сутки. Впереди дорожных войск двигались разведывательные группы с восстановительными командами, отделениями минеров и подразделения дорожно-комендантской службы с запасом дорожных знаков. Эти группы определяли объем и характер необходимых восстановительных работ первой очереди, составляли конкретные планы, которые после утверждения командованием выполнялись дорожными войсками.

В третьем периоде войны, и особенно в ходе Висло-Одерской операции, оправдалось содержание значительной части сил

и средств тыла в резерве. Наличие резервов позволяло осуществлять маневр запасами материальных средств, медицинскими, транспортными и другими частями тыла. Так, для отражения подготавливаемого противником сильного контрудара из Померании, по решению командующего войсками 1-го Белорусского фронта были срочно перегруппированы на правое крыло четыре общевойсковые и две танковые армии. Органы фронтового тыла, используя резерв автомобильного транспорта, медицинских и транспортных частей и учреждений, а также восстановленные и неразрушенные железнодорожные участки, сумели в сжатый срок перебросить на новое направление необходимые запасы. За 5 суток автотранспорт резерва Ставки и фронта подал армиям более 7 тыс. т боеприпасов. Всего же с 23 января по 10 февраля 1945 г. на правое крыло фронта было подано около 170 поездов с различными материальными средствами, в их числе более 20 тыс. т боеприпасов.

При рассмотрении вопросов организации тылового обеспечения Висло-Одерской операции следует особое внимание обратить на проведение мероприятий по обеспечению подвижных групп фронтов. В этой операции от их действий, как никогда ранее, зависел успех. В составе ударных группировок 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов действовало по две танковые армии, составлявших подвижные группы фронтов. Обеспечение их в тыловом отношении имело существенные особенности.

Танковым армиям требовалось значительное количество горючего и боеприпасов. Подвоз же их в связи с высокими темпами продвижения (до 40–45 км в сутки, а в отдельные дни – до 70 км и более) и значительным отрывом баз снабжения был весьма сложен. Поэтому для повышения устойчивости материального обеспечения подвижных групп органы тыла фронтов и армий провели ряд мероприятий, которые не утратили своей практической ценности и для настоящего времени. Так, в исходном районе в соединениях и частях, входящих в состав подвижных групп, заблаговременно были созданы повышенные запасы материальных средств. По боеприпасам они составляли от 2 до 3 боекомплектов, по автомобильному бензину – от 5 до 7, а по дизельному топливу – от 4 до 5 заправок. По продовольствию – от 20 до 30 суточек. В армиях создавались подвижные отделения

складов с запасами материальных средств. В этих целях во 2-й гвардейской танковой армии на 205 автомобилях содержалось 530 т боеприпасов (0,25 боекомплекта) и на 240 автомобилях – 510 т горючего (0,5 заправки)¹⁰. В 1-й гвардейской танковой армии для перемещения запасов боеприпасов, горючего, бронетанкового, инженерного и противохимического имущества было выделено 365 автомобилей¹¹. Помимо подвижных отделений складов был создан подвижный резерв командующего. Подвижные отделения складов вместе с хирургическими госпиталями, ремонтно-эвакуационными и другими необходимыми учреждениями составляли подвижную часть армейского тыла. Остальные же части и учреждения армейского тыла танковых армий оставались в районах станций снабжения и перемещались, как правило, после восстановления железных дорог.

Тыловое обеспечение подвижных групп усложнялось в связи с постоянным воздействием воздушных и наземных сил противника по объектам тыла. Поэтому для сопровождения колонн с материальными средствами выделялись боевые подразделения. Кроме того, в состав колонн включались танки, бронев автомобили, САУ и другие боевые средства, направляемые для пополнения частей подвижных групп или следующие в свои подразделения после ремонта. Для более гибкого и устойчивого руководства тыловым обеспечением подвижных групп во фронтах создавались специальные оперативные группы управления. В их подчинение передавались часть автотранспорта с запасами материальных средств, дорожные, медицинские и другие подвижные части и учреждения тыла.

При подготовке и проведении Берлинской стратегической наступательной операции тыл Красной армии использовал весь ранее накопленный опыт. Однако условия работы тыла были по-прежнему сложными. Значительное продвижение Красной армии на запад от государственной границы удлинит ее коммуникации. Это серьезно усложнило подвоз материальных средств из глубины страны. Одновременно органы тыла вынуждены были переключить часть своих сил на помощь освобожденным народам в восстановлении и налаживании их народного хозяйства. К тому же политическая обстановка в Европе требовала готовить операцию в сокращенные сроки. Так, на подготовку Берлинской операции фронты имели всего от 15 до 22 суток. В этот

период необходимо было провести чрезвычайно большие фронтовые и межфронтовые перегруппировки. Например, 2-й Белорусский фронт должен был свои главные силы перебросить на новое стратегическое направление, 1-й Белорусский фронт – главные силы сосредоточить на берлинском направлении, а 1-й Украинский – перегруппировать с левого крыла на правое. Наличие развитой сети автомобильных и железных дорог в целом способствовало проведению необходимых перегруппировок и организации своевременного подвоза материальных средств.

При построении тыла учитывался опыт ранее проведенных операций. Части и учреждения тыла были максимально приближены к войскам. Фронтовые склады 2-го и 1-го Белорусского фронтов находились на расстоянии 120–160 км от войск, а некоторые из них (артиллерийские, продовольственные, горючего) – в 40–80 км. Полевые армейские базы всех фронтов размещались в 15–60 км от линии фронта, а дивизионные склады – в 6–10 км. При этом основные части и учреждения тыла фронтов размещались в армейском тыловом районе, а армейские – в войсковом. Это способствовало приближению запасов к войскам и уменьшало глубину подвоза в ходе операции.

К началу операции фронты имели достаточные запасы материальных средств. В среднем они составляли: по боеприпасам основных видов – 2–4,5 боекомплекта; высокооктановому бензину – 9,5 заправки, автомобильному бензину – 4,1, дизельному топливу – 5 заправки; продовольствию – на двухмесячную потребность. Подвоз боеприпасов и горючего производился по железным дорогам до фронтовых складов, а от них – автотранспортом до соединений, минуя армейские, а часто и дивизионные склады, что позволило в ограниченные сроки восполнить в войсках расход и накопить запасы на операцию.

Дальнейшее развитие получило тыловое обеспечение танковых армий, которые использовались для развития успеха в ходе Берлинской операции. Введение накануне операции в состав танковых армий автомобильных полков способствовало повышению их автономности при действии в отрыве от главных сил. Тыл этих армий строился, как правило, в два эшелона. Первый эшелон, полностью моторизованный, включал в себя запасы боеприпасов, горючего, два госпиталя, автохлебозавод и необходимые ремонтные средства. Он должен был следовать за войсками,

непосредственно ведущими боевые действия, обеспечивать их в тылу противника. В состав второго эшелона входили остальные, менее подвижные части, учреждения и подразделения тыла. Такая организация тыла танковых армий позволяла надежно обеспечивать войска материальными средствами, эффективно оказывать медицинскую помощь раненым и осуществлять ремонт технических средств.

В заключительных операциях органам тыла Вооруженных сил приходилось решать и новые, несвойственные им задачи. По решению Советского правительства на тыл возлагалась ответственность за оказание помощи продовольствием населению таких городов, как Берлин, Вена, Будапешт, Белград, Прага и др.

В Берлинской операции Красная армия одержала историческую победу – Германия капитулировала. Тыл Вооруженных сил обеспечил войска всем необходимым. Развитие тыла в третьем периоде войны выразилось, прежде всего, в увеличении сил и средств, предназначенных для всестороннего материального, транспортного, медицинского и других видов обеспечения войск. Во всех звеньях тыла возросло количество автотранспортных средств. В результате грузоподъемность фронтового транспорта стала достигать 6–8 тыс. т против 1–5 тыс. т во втором периоде войны¹². Это позволило значительно улучшить обеспечение войск в ходе проводимых операций.

Организация тылового обеспечения войск осуществлялась с учетом уже приобретенного богатого опыта. Характерной особенностью построения оперативного и войскового тыла явилось еще более решительное приближение органов тыла к войскам и соответственно сокращение глубины тыловых районов.

Таким образом, в третьем периоде Великой Отечественной войны организационная структура тыла, применяемые принципы тылового обеспечения войск в целом отвечали маневренному характеру боевых действий и создавали благоприятные условия при наступлении на большую глубину и высоких темпах.

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1965. С. 312.

² Основные показатели работы тыла Советских Вооруженных Сил в операциях Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 106–108.

³ Тыл Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1963. С. 9.

⁴ Тыл Советской армии. М., 1968. С. 207.

⁵ Там же. С. 209.

⁶ Там же. С. 211.

⁷ Сборник материалов по изучению опыта войны. М., 1945. . 14. С. 62.

⁸ Основные показатели работы тыла Советских Вооруженных Сил в операциях Великой Отечественной войны. С. 139–145.

⁹ Развитие тыла Советских Вооруженных Сил. М., 1989. С. 182.

¹⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 307. Оп. 4148. Д. 326. Л. 214.

¹¹ Там же. Ф. 299. Оп. 350416. Д. 1. Л. 111.

¹² Там же. Ф. 67. Оп. 20088. Д. 465. Л. 11–15.

*Н.Ю. Бринюк, В.Ю. Грибовский, Э.Л. Коршунов,
А.А. Михайлов (Санкт-Петербург)*

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АРКТИКИ. 1700–1917 ГОДЫ

АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН играет в современной геополитической ситуации исключительную роль. Полученные в последние годы данные о весьма перспективном состоянии его природных (в том числе энергетических) и инфраструктурных ресурсов, развитие технологий, позволяющих эти ресурсы эффективно использовать, не могли не вызвать стремления ведущих арктических (и не только) держав закрепить за собой зоны эксклюзивного освоения и сферы приоритетного влияния в этой части планеты. Это обстоятельство создает предпосылки как для плодотворного международного сотрудничества, так и для соперничества, ведущего к обострению международной обстановки. Естественно, Россия стремится к защите широкого круга своих интересов в арктическом регионе, к его интенсивному развитию, что возможно лишь при обеспечении безопасности российской Арктики.

Очевидно, что успешное освоение и развитие арктического региона с учетом всего комплекса политических, военно-политических, экономических, социальных, экологических и иных проблем возможно только при наличии разработанной и реалистической общенациональной стратегии. Ключевым событием в этом отношении стало принятие в 2013 г. «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года»¹, реализация которой предполагает, в том числе, организацию и проведение научных исследований, направленных на обеспечение безопасности региона.

Большинство авторов, посвящавших свои работы истории, географии, экономике российских арктических территорий, как

правило, затрагивали и проблемы их безопасности. Однако комплексного обобщающего анализа данной проблемы не проводилось.

Важным элементом в системе исследований является изучение исторического опыта обеспечения безопасности российской Арктики на различных этапах отечественной истории. Исторический аспект тем более значителен, что русское освоение северных, приарктических и арктических территорий имеет чрезвычайно глубокие исторические истоки².

Его начало связано с первой половиной XI в., когда колонисты из Новгородской вечевой республики стали активно проникать в Заволочье, т. е. на земли в бассейне рек Северная Двина и Онега, прилегающие к Белому морю. Основным стимулом, побуждавшим новгородцев отправляться в далекие и весьма небезопасные экспедиции, были природные богатства Севера: пушнина, продукты промысла морского зверя (моржовая кость, тюленьи шкуры, ворвань), соль, которые пользовались большим спросом у западноевропейских купцов и приносили новгородцам, которые вели с Западной Европой активную торговлю, значительные доходы.

Новгород являлся одним из крупнейших на Руси центров транзитной торговли. Выдающийся русский историк С.Ф. Платонов описывал ее следующим образом: «Новгород стягивал на свой рынок товары из-за рубежа... Ему необходим был хлеб из Руси – из Поволжья и Поднепровья; чтобы получить его, надобно было в обмен дать Руси “заморский” товар, который привозили готландские и ганзейские купцы на свои “готский” и “немецкий” дворы в Новгороде. Это были сукна, вина, пряности, драгоценные металлы. За них можно было дать “готам” и “немцам” морские и северные товары: ворвань, моржовую кость, меха, соль, а также воск. Все эти предметы можно добывать только в Приморье, в северных лесах и на берегах Белого моря»³.

Освоение новгородцами побережья Белого моря сопровождалось конкуренцией и столкновениями с обитателями и государственными образованиями Скандинавии (преимущественно, Норвегии). Земли, прилегающие к Северному Ледовитому океану, неоднократно упоминаются в дипломатических соглашениях и договорах, которые новгородское правительство заключало с правителями государств Северной Европы. Ярким примером

тому служат договор между Новгородской вечевой республикой и Норвежским королевством 1251 г., договор 1326 г. между Новгородом и Шведско-Норвежским королевством⁴ о границах и сборе дани с саамов Кольского полуострова и Финмаркена.

Освоив в XII в. практически весь Север Европейской части России (от Кольского полуострова до р. Печоры), новгородцы начали движение за Урал, в «Югорскую землю».

В XIV–XV вв. северные земли привлекают также внимание московских князей. После того как в 1478 г. Новгородская земля, после долгой борьбы, утратила свою самостоятельность и вошла в состав единого Московского государства, последнее продолжило интенсивное освоение северных земель и вело борьбу за них с соседними державами (Данией, Швецией, Норвегией).

Постепенно на берегах р. Северной Двины, Белого моря и Северного Ледовитого океана сложился особый субэтнос русского народа – поморы (сам термин появился в XVI в.)⁵. Их основные хозяйственные занятия (рыболовство, охота, торговля) и сама специфика жизни в условиях Севера, способствовали выработке особого характера, в котором большую роль играли инициативность, отвага, независимость.

В первой половине – середине XVI в. активизируется интерес к северным морям западноевропейских мореплавателей и предпринимателей. Этот процесс являлся закономерной составной частью эпохи великих географических открытий (конец XV–XVII вв.) и был связан, в первую очередь, с поиском так называемого северо-восточного прохода, ведущего через северные моря к берегам Китая и Индии.

В 1553 г. в устье Северной Двины прибыл английский корабль под командованием Р. Ченслера, входивший в состав экспедиции, снаряженной лондонским «Обществом купцов-исследателей» именно для поиска пути в Китай. Р. Ченслер сухим путем добрался до Москвы и получил аудиенцию у царя Ивана IV Грозного. Иван IV был заинтересован в развитии политических и торговых контактов с Англией, а также в открытии новых торговых путей в Европу: традиционный путь через Балтику контролировался враждебным России Ливонским орденом. Поэтому царь охотно выразил готовность предоставить английским купцам разнообразные льготы. Вслед за англичанами торговые операции на Севере развернули голландцы (с 1565)⁶.

Мощный импульс активизации торговли между иностранными державами и Русью на Севере дало строительство по указу Ивана Грозного города и порта Архангельска (1584) на правом берегу р. Северной Двины, который быстро превратился в крупный торговый центр. Его развитию также способствовала утрата Россией в начале XVII в. выхода к Балтийскому морю. Порт на Белом море стал единственными «морскими воротами» страны, через которые русские товары вывозились в европейские страны, а европейские товары ввозились на Русь.

В конце XVI и, особенно, в XVII в. шло активное освоение русскими первопроходцами Сибири. Экспедиции следовали буквально одна за другой, возникали укрепленные пункты, «остроги» и «городки»: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Березов (1593), Сургут (1594) и др. Среди первопроходцев было немало людей, связанных с Русским Севером, сибирские товары, в значительной мере, реализовывались через Архангельск. На Севере сложились устойчивые морские маршруты, которыми совершали плаванья купцы и промышленники: Мангазейский (к г. Мангазея, на р. Таз), Новоземельский, Енисейский и Груманланский (к архипелагу Шпицберген, Грумант – в русских источниках, где велся промысел морского зверя).

Вместе с тем, Архангельску, как экономическому центру, были присущи очень серьезные недостатки, связанные, прежде всего, с его географическим положением. Удаленность от крупных русских и европейских городов, в сочетании с суровым климатом, крайне ограничивали сроки, в которые могла производиться торговля, и повышали необходимые для ее осуществления расходы. Та же удаленность от политического центра страны делала Архангельск уязвимым и в военном плане. Ситуация усугублялась отсутствием у России регулярного военно-морского флота, способного защитить ее порты.

Уязвимость северных владений Русского государства ясно проявилась в период Смутного времени начала XVII в., когда они подвергались нападению и разорению со стороны шведов, набегам польско-литовских отрядов⁷.

Реализовать свои интересы на Севере России пытались и другие европейские державы, действуя, в зависимости от ситуации, с различной степенью энергии и последовательности. В начале XVII в. намерения по установлению протектората над Русским

Севером явно существовали в окружении английского короля Якова I Стюарта⁸. В 1620-е гг. произошло несколько конфликтов в Русской Лапландии между русскими и датчанами из-за самовольной закупки последними мехов у местного населения. Планы англичан так и остались планами, более того им пришлось существенно сдать позиции в торговле с Россией голландцам. Не получил развития и русско-датский конфликт: страны являлись естественными союзниками в противостоянии со Швецией, которая отторгла у Руси Ижорскую землю и претендовала на норвежские владения Дании.

Вместе с тем, по мнению ряда историков, именно опасение проникновения иноземцев в Сибирь побудило в 1619 г. правительство царя Михаила Федоровича запретить под страхом смерти пользоваться Мангазейским ходом⁹.

Первая четверть XVIII в. стала для России временем колоссальных по масштабам и своей исторической значимости преобразований, которые были проведены по инициативе и под руководством Петра I. Одной из важнейших задач политики царя-реформатора, как известно, являлось обеспечение России выхода к морям, без которого успешное экономическое развитие страны было просто невозможно.

Русский Север и Архангельск сыграли исключительную роль в создании и развитии российского флота, но последствия политического курса Петра I для их экономического и социального развития носили противоречивый характер. С началом Северной войны (1700–1721) угроза нападения шведов заставила усилить оборону Архангельска со стороны моря и начать постройку Новодвинской крепости и береговых батарей. Вновь возведенные фортификационные сооружения позволили в июне 1701 г. отразить нападение неприятельской эскадры. В дальнейшем, в течение всей войны, в Архангельске велись приготовления к отражению нового натиска, что не позволило шведам причинить порту вред.

Деятельность Петра I на Севере привела к утверждению в Архангельске военного кораблестроения на уровне лучших европейских достижений. В Соломбальском адмиралтействе в 1708–1715 гг. были построены семь линейных кораблей и два фрегата, которые стали существенным пополнением Балтийского флота и приняли активное участие в Северной войне.

Вместе с тем, проводимые Петром I рекрутские наборы легли на плечи населения территорий Севера России чрезвычайно тяжелым бременем¹⁰.

Петр I стремился пополнить экипажи кораблей, в первую очередь, людьми с опытом мореплавания, а потому неоднократно отдавал приказы отбирать «в матрозы» поморов, «которые ходят на море за рыбным и звериным промыслом на качах, морянках и прочих судах...»¹¹ Конечно, приток опытных корабельщиков во флот способствовал росту его боеспособности. Однако рекрутские наборы наносили тяжелый ущерб людским ресурсам Севера России, подрывали его хозяйство (это признавали сами власти и отмечали многие современники, в том числе иностранцы)¹².

Еще большее значение для экономики Архангельска и Русского Севера в целом имело приобретение Россией выхода к Балтийскому морю, в итоге Северной войны 1700–1721 гг. Петр I всячески стремился обеспечить экономическое развитие основанного в 1703 г. Санкт-Петербурга – новой столицы Российского государства, поднять значение балтийского региона в целом. С этой целью неоднократно предпринимались попытки чисто административными мерами перенаправить торговые потоки из Архангельска на Балтику. Неоднократно устанавливались запреты на продажу и вывоз через Архангельск различных товаров или ограничение их количества¹³.

Решающее значение в этом отношении имел указ «О трактах к портовым городам» (1721), согласно которому в Архангельск разрешалось доставлять исключительно местные товары («из тех провинций, которые прилегли действительно к водяному ходу Двины»¹⁴). Итог сказался незамедлительно: товарооборот Архангельского порта стал неуклонно падать, а Петербургского – расти.

После смерти Петра I флот начал постепенно приходить в упадок. Меры по исправлению положения были разработаны особой Воинской морской комиссией, учрежденной по указу императрицы Анны Иоанновны в 1732 г. Для поддержания Балтийского флота в штатном составе (27 линейных кораблей) комиссия рекомендовала возродить кораблестроение в Архангельске. В апреле 1733 г. Архангельский военный порт был восстановлен. В Соломбальском адмиралтействе с 1734 г. начали постройку 54-пушечных кораблей и 32-пушечных фрегатов, а позднее – 66- и 74-пушечных кораблей.

Войны со Швецией в 1741–1743 гг. и 1788–1790 гг. вызвали усиление обороны Архангельска, в том числе пополнение ее судами местной постройки. Однако другие пункты побережья по-прежнему оставались беззащитными.

Корабли и фрегаты, строившиеся в Архангельске, являлись постоянным резервом Балтийского флота во всех войнах, которые вела Россия в XVIII – первой половине XIX вв. Однако, возможность использования этого резерва была проблематичной из-за суровых природных условий Заполярья. Техника эпохи парусного флота не позволяла в течение полугода преодолеть льды Белого моря, а осенняя штормовая погода иногда останавливала переход на Балтику в Норвежском, а то и в Баренцевом морях.

В области экономического развития значимым периодом в истории Севера России стала вторая половина XVIII в. Императрица Екатерина II, вскоре после своего вступления на престол, в июле 1762 г. установила для Архангельска те же правила ввоза и вывоза товаров, те же пошлины, что действовали в Санкт-Петербурге¹⁵.

Столица империи к тому времени уже достаточно укрепилась как экономический центр, и Архангельск не являлся для нее в этом отношении конкурентом. Более того, по объему торгового оборота он уступал даже Рижскому порту. Вместе с тем, торговый оборот Архангельского порта рос, и довольно быстрыми темпами: в 1761–1763 гг. – в полтора раза¹⁶. При этом из Архангельска товары в значительно большей степени вывозились, нежели ввозились. Вывоз, разумеется, преобладал над ввозом и в других портах: так требовали принципы общепринятой в то время концепции меркантилизма. Но в Архангельске эта тенденция проявлялась особенно ярко. Скажем, в 1775 г. из Архангельского порта было вывезено товаров на сумму в 9,5 раза большую, чем ввезено. В Санкт-Петербургском порту тогда вывоз превысил ввоз всего в 1,2 раза, в Рижском порту – в 2,4 раза¹⁷.

Вывозилось, как и прежде, преимущественно сырье, иногда – частично обработанное. Тем не менее, торговля давала импульс некоторым видам производства. В частности, в Архангельске в конце XVIII в. действовало довольно много частных верфей. Быстрыми темпами росли заготовка леса и обработка древесины.

В XVIII в. российские мореплаватели и путешественники весьма активно вели изучение арктических и приарктических территорий и вод. При этом целый ряд экспедиций был связан с решением задачи, имевшей геополитическое значение: поиском северо-восточного прохода. Планы такого рода нашли отражение, например, в составленном для Петра I Ф.С. Салтыковым проекте «О взыскании свободного морского пути от Двины реки даже до Омурского устья и до Китая»¹⁸.

Важными этапами в исследовании Арктики стали Первая Камчатская (1725–1729) и, особенно, Великая Северная (1733–1743) экспедиции. В составе второй из названных работало семь отрядов, четыре из которых проводили исследования собственно в Арктике. Экспедицией были собраны колоссальные материалы по географии, минералогии, зоологии, этнографии, истории и другим наукам.

Существенную роль в развитии отечественных полярных исследований сыграла полярная экспедиция под руководством В.Я. Чичагова (1765–1766), которая готовилась в соответствии с теоретическими разработками и практическими рекомендациями В.Я. Ломоносова. Хотя экспедиция и не решила поставленной задачи: проложить путь по полярным водам в Китай, она все же внесла большой вклад в изучение арктического региона.

Стоит отметить также первую научную экспедицию к Новой Земле, которая проходила в 1768–1769 гг. под руководством штурмана Ф. Розмыслова. Ей удалось собрать очень обширные и важные сведения. Была проведена качественная съемка Маточкина Шара, метеорологические наблюдения. Велись в XVIII в. также исследовательские и картографические работы в Белом море.

Наконец, во второй половине столетия российское правительство организовало две экспедиции к берегам Северной Америки, под руководством К. Креницына и М.Д. Левашева (1764–1771), И.И. Биллингса и Г.А. Сарычева (1785–1795). Одновременно к американским берегам активно совершали плавания корабли купеческих компаний, занятых добычей пушнины: Н. Трапезникова, А. Толстых, Ф. Холодилова, Т. Чебаевского и др. Наибольшего успеха в конце XVIII в. добилась компания Г.И. Шелихова и И.Л. Голикова, сумевшая организовать на американском берегу поселения и наладить круглогодичный промысел пушнины.

В 1799 г. была учреждена Российско-американская компания, получившая монопольное право на эксплуатацию ресурсов на северо-западном побережье Северной Америки и Алеутских островах.

В начале XIX в. сильное воздействие на экономическое и политическое развитие страны в целом и ее северных территорий в частности оказывал внешнеполитический фактор. В 1805 и 1806–1807 гг. Россия в составе Третьей и Четвертой коалиций вела борьбу с империей Наполеона I. Соответственно, французские каперы нападали на русские торговые и промысловые корабли, в том числе на Севере.

В 1807 г., после ряда военных поражений, Россия подписала с Францией Тильзитский мирный договор. Одним из его условий стало участие России в континентальной блокаде Англии. В важнейших портах страны (в том числе в Архангельске) были сформированы специальные комиссии нейтрального мореплавания, в обязанности которых входило решать вопросы о допуске (недопуске) кораблей, налагать аресты на запрещенные к ввозу товары¹⁹.

Для экономики страны континентальная блокада стала тяжелейшим испытанием, так как именно Англия являлась главным покупателем многих русских товаров: пеньки, льна, леса и др. Прекращение их вывоза грозило разорением русским помещикам. Кроме того, английский флот стал нападать на русские суда в северных морях, разорять базы промышленников на побережье.

Однако ситуация имела и обратную сторону. Между Россией и Англией довольно быстро возникла нелегальная торговля, которая, как правило, велась через посредников, купцов из нейтральных стран. При этом иностранные корабли, как с разрешенными грузами, так и с контрабандой, предпочитали идти именно в Архангельск, а не в Петербург или Ригу, оказавшиеся вблизи зоны боевых действий. Товарооборот Архангельского порта в период континентальной блокады не уменьшается, а, напротив, вырос. При этом, в 1811 г. ввоз впервые превысил вывоз. Через Архангельск в Россию доставлялись шелк, хлопчатобумажные материи, соль, пряности, а также сахар, причем последнего привозилось так много, что для его обработки возникли специальные заводы.

Континентальная блокада, равно как и союз России с наполеоновской Францией, продолжались недолго. В 1812 г. Англия снова стала союзницей Российской империи, и Александр I с явным облегчением подписал манифест о прекращении участия страны в континентальной блокаде²⁰. Россия вновь вступила в активную торговлю с Англией. В дальнейшем, в 1820–1830-е гг. при общем росте товарооборота Архангельск все больше отстает от ведущих портов страны: Петербурга, Риги, а также еще и Одессы.

Вместе с тем, в первой половине XIX в. Архангельск продолжал удерживать ведущее место в кораблестроении для Балтийского флота. Только корабельным мастером А.М. Курочкиным в 1826–1829 гг. было построено 90 различных судов, в том числе 28 кораблей и фрегатов. Последний парусный 74-пуш. корабль «Бородино» был построен в 1849–1850 гг., 52-пуш. фрегат «Диана» – в 1850–1852 гг. В 1853 г. в Архангельске был спущен на воду первый 44-пуш. парусно-винтовой фрегат «Полкан».

Во время войны с Англией (1807–1809) была значительно усилена оборона Архангельска, которую довели до 109 орудий на береговых батареях и до 50 небольших судов на Двине. Английская эскадра появилась на Севере в 1809 г., но прорываться к Архангельску англичане не решились и ограничились тем, что разорили прибрежные становища поморов и сожгли Колу.

В 1820-е гг., однако, российское правительство нередко шло на некоторые уступки иностранным державам на Севере в территориальных вопросах. Причина их отчасти заключалась в том, что основное внимание императоров Александра I и Николая I, а также их дипломатов было сосредоточено на решении других проблем внешней политики: поддержания выгодного для России баланса сил в Европе, решения Восточного вопроса (вопроса о владениях Турецкой империи) и пр.

Международная борьба, расстановка сил носили весьма сложный и запутанный характер, и российское правительство предпочитало избегать конфронтации с иностранными державами в тех вопросах, которые считало второстепенными.

Показательны следующие примеры. 4 сентября 1821 г. император Александр I подписал указ об исполнении «Постановления о пределах плавания и порядка приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и Остро-

вов, Алеутских, Курильских и проч.»²¹ В Постановлении говорилось: «Производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, портах и заливах и вообще по всему Северо-Западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51° северной широты, также по островам Алеутским и по Восточному берегу Сибири; так как по островам Курильским, то есть начиная от того же Берингова пролива до Южного мыса острова Урупа... предоставляется в пользование единственно Российским подданным»²².

Иностранным кораблям запрещалось не только приставать к указанным берегам материка и островам, но даже «приближаться к оным на расстояние менее ста Итальянских миль». Корабли, нарушившие запрет, подлежали «конфискации со всем грузом»²³.

Как указывают современные исследователи, инициатором данного указа была администрация Российско-американской компании (РАК), которая стремилась пресечь проникновение в свои владения иностранных торговцев, скупавших меха у индейцев и часто снабжавших тех же индейцев огнестрельным оружием²⁴.

Однако по смыслу указа 1821 г. все заливы арктического побережья страны, Охотское и Берингово моря, рассматривались, как внутренние воды России. Это закономерно вызвало сильнейшие протесты США, а также Великобритании, которой принадлежали земли в соседней Канаде. Перед лицом единого англо-американского дипломатического фронта России пришлось уступить. Сказались также отсутствие у нее крупных морских сил и удобных баз, а также возникшие, после введения запретов, трудности в снабжении РАК продовольствием (наладить регулярную его доставку из Кронштадта не удалось).

В итоге в 1824 г. Россия подписала с США соглашение, согласно которому границы Русской Америки были сдвинуты к северу до 54°40' с.ш. (вместо 51°), а американские торговцы и китобой получили на 10 лет право беспрепятственного доступа в территориальные воды Русской Америки для промыслов и торговли с местными жителями²⁵.

В феврале 1825 г. была заключена аналогичная англо-русская конвенция²⁶.

Россия пошла на уступки уже на Европейском Севере. Здесь необходимо вспомнить, что согласно решению Венского конг-

ресса (1815) Норвегия, прежде находившаяся во владении Дании, передавалась Швеции. Для Швеции это, в известной степени, явилось компенсацией за утрату Финляндии, которая еще в 1809 г. перешла от нее к России. Граница между Россией и собственно шведскими землями была установлена Актом о разграничении, подписанным 8 (20) ноября в г. Торнео²⁷. Однако граница между Россией и Норвегией в течение долгого времени демаркирована не была. Между тем, в пограничных областях имели место мелкие, но постоянные конфликты и недоразумения, связанные, в основном, с соперничеством между группами российских и норвежских лопарей (саамов) из-за оленьих пастбищ, охотничьих угодий и рыбных ловов²⁸.

14 (26) мая 1826 г. между Россией и шведско-норвежским государством была заключена конвенция «О границе между Россией и Норвегией в лапландских погостах»²⁹. Россия уступила шведско-норвежскому государству обширную территорию к западу от реки Вормеа с Ровденским, Пазрецким и Нявдинским заливами. При этом участок на левом берегу р. Паз, где стояла (и стоит) Борисоглебская церковь, остался во владении России.

Впоследствии многие историки, публицисты, общественные деятели жестко критиковали действия руководившего внешнеполитическим ведомством канцлера К. Нессельроде и конкретных должностных лиц, занимавшихся демаркацией границы³⁰. Можно, однако, предположить, что российское Министерство иностранных дел считало более существенным обеспечить хорошие отношения со Швецией, пусть и ценой уступок.

Первая половина XIX в. была отмечена чрезвычайно активными исследованиями российских ученых и мореплавателей в Арктике. В 1818 г., вскоре после завершения наполеоновских войн, директор Адмиралтейского департамента Морского министерства, ученый гидрограф Г.А. Сарычев представил морскому министру маркизу де Траверсе «Записку о морских берегах, которые надлежит открыть», представлявшую собой проработанную программу исследований, которые, по мнению автора, надлежало провести российскому флоту. К числу приоритетных объектов в ней относились: побережье Белого и Карского морей, Новая Земля, устья крупнейших рек Сибири и др.

Среди проведенных в первой половине XIX в. исследований для изучения Арктики большое значение имели: кругосветная

экспедиция под руководством О.Е. Коцебу (1815–1818), экспедиция под руководством Ф.П. Врангеля и П.Ф. Анжу (1820–1824), описавшая берега Восточной Сибири, последующие морские экспедиции Ф.П. Врангеля, экспедиции к Новой Земле Ф.П. Литке (1821–1824), П.К. Пахтусова (1832–1833 и 1834–1835) и А.К. Цивольки (1838–1839), Беломорская экспедиция М.Ф. Рейнеке (1826–1832). С 1845 г. большую роль в организации исследований стало играть вновь учрежденное Русское Географическое общество (РГО). Следует отметить, что все экспедиции, помимо решения научных задач, преследовали и вполне практические цели, прямо или опосредованно связанные с обеспечением безопасности России: составление надежных карт и лоций для флота, прокладка морских путей, поиск удобных бухт для сооружения портов и морских баз.

В период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Север России вновь превратился в арену вооруженных столкновений. Однако Северный морской театр военных действий все же являлся второстепенным. В 1854 и 1855 гг. англичане и французы направили в Белое и Баренцево море свои корабли, в том числе пароходы.

Береговые орудия Новодвинской крепости, войска на берегу (всего 3800 чел. гарнизона) и 20 канонерских лодок в 1854 г. не позволили англичанам атаковать Архангельск. Неудачей окончилась также попытка неприятеля высадить десант на Соловецкие острова. Союзники, однако, бомбардировали г. Колу и нанесли ей большой ущерб.

В кампанию 1855 г. оборона Архангельска была усилена, в силу чего англичане и французы вновь не смогли проникнуть к порту. Правда, английские корабли обстреляли Кандалакшу и сожгли большую часть амбаров и домов. В целом значение Северного театра в войне оказалось не слишком значительным, а действия англо-французских военно-морских сил свелись к демонстрации флага.

В 1862 г. Архангельский военный порт был упразднен, кораблестроение свернуто. Многие современники считали, что данная мера ошибочна или, во всяком случае, ее следовало проводить в жизнь не столь поспешно и бескомпромиссно. Занимавший пост архангельского губернатора в 1869–1870 гг. Н.А. Качалов писал в своих мемуарах: «Большой ущерб для торговли Архангельска

сделало уничтожение военного порта. Непонятно это распоряжение, но еще непонятнее распоряжения с портовым имуществом при закрытии военного порта! <...> Устроенная с давних лет корабельная верфь, с доками, заводами, мастерскими, запасом материалов, с отличным листовым лесом, приученными мастерами и всеми постройками составляло грандиозное учреждение, уничтожить которое было варварством. Ежели не нужен был порт военный, что еще вопрос, то был необходим порт коммерческий, и сохраненная верфь принесла бы громадную пользу коммерческому судостроению не только Архангельской губернии и вообще России, но даже для иностранных заказов»³¹.

Между тем, в середине – второй половине XIX в. экономическая ситуация в приарктическом и арктическом регионах России значительно ухудшается. Важнейшей причиной тому было отсутствие достаточно развитой системы коммуникаций (в том числе железных дорог), которые связывали бы Север с промышленно развитыми районами страны, его несколько изолированное положение. Кроме того, многие традиционные промыслы, медленно развиваясь в плане технологий, не выдерживали конкуренции с более развитыми производствами в других районах страны.

Более того, в правительственных кругах России постоянно существует (хотя и не разделяется всеми сановниками) убеждение, что у далеких северных окраин империи перспектив развития в обозримом будущем нет. С подобными взглядами в 1860–1880-е упорно боролся убежденный сторонник развития северных территорий, предприниматель и общественный деятель М.К. Сидоров, но многие из инициатив этого незаурядного человека в кругах властной бюрократии отклика не нашли.

В 1867 г. Россия уступила США свои американские владения. Одним из доводов российских сторонников этого шага явился тезис о невозможности эффективного освоения этих территорий и обеспечения их безопасности³². Подобные утверждения имели под собой основания, хотя, как отмечают современные исследователи, угроза иностранной экспансии была скорее потенциальной, нежели реальной³³.

Российское правительство также рассчитывало уступкой колоний укрепить союз с США в условиях весьма натянутых отношений с европейскими державами после Крымской войны.

Однако позиции страны в арктическом регионе отказ от американских владений, конечно, ослабил.

Стоит подчеркнуть, что разграничение владений России и США, установленное договором 1867 г., носило обобщенный характер³⁴, принадлежность отдельных небольших островов не оговаривалась, как не разделялись, скажем, зоны рыболовства. Все это, впоследствии, уже в XX и начале XXI в. потребовало принятия новых, уточняющих соглашений, стало причиной дипломатических разногласий, касающихся, среди прочего, арктических вод.

Ярким примером готовности Петербурга к компромиссам стало соглашение о Шпицбергене, заключенное в 1871 г. Норвежские промышленники совершали плавания к архипелагу еще в XVIII в. Опыт, накопленный китобоями и охотниками на морского зверя, способствовал успешному изучению Шпицбергена шведскими и норвежскими географами в XIX в.

Особо видную роль в этих исследованиях сыграл Н.А.Э. Норденшельд. В частности, в 1864 г. он обнаружил на архипелаге залежи копролитов, пригодных для производства удобрений. Не меньше (если не больше) заинтересовали шведов и норвежцев угольные месторождения³⁵. В начале 1871 г. шведский министр иностранных дел К. Вахтмейстер на заседании кабинета министров под председательством регента кронпринца Оскара высказал идею о желательности присоединить архипелаг к Норвегии. Аргументировалось предложение географическим положением Шпицбергена и ведением норвежцами на островах регулярных промыслов. Вместе с тем, Вахтмейстер подчеркнул необходимость проявлять осторожность и, предварительно, выявить мнение о такой акции правительств Англии, России, Голландии, Бельгии и Дании.

Ответ западных держав оказался положительным. Они объявили, что ничего не имеют против шведского предложения, но при этом Англия, Франция и Германия сопроводили свое согласие важной оговоркой. Непременным условием они выставили сохранение права своих подданных свободно вести экономическую и научно-исследовательскую деятельность на архипелаге и в его водах.

Официальный Петербург занял иную позицию. 27 мая 1871 г. российское Министерство иностранных дел, отвечая на шведс-

кую ноту, фактически отклонило инициативу Стокгольма и предложило считать архипелаг «ничейной землей» (*Terra nullius*), открытой для экономической и научной деятельности всех государств³⁶. В документе подчеркивалось, что Шпицберген географически близок не только Норвегии, но и Русскому Северу³⁷.

После некоторых колебаний шведское правительство согласилось с российским предложением, отказавшись от намерения аннексировать Шпицберген. Свой статус «ничейной земли» архипелаг сохранял до 1920 г. Советские историки, как правило, критиковали царских дипломатов за избранный вариант решения проблемы, обвиняя их в недостаточно энергичной защите интересов России в Арктике³⁸.

Крайне неоднозначные последствия имела предпринятая в 1870-е гг. попытка оживить хозяйственную жизнь мурманского побережья посредством поощрения норвежской и финской колонизации (наряду с колонизацией русской). Подписанное императором Александром II в ноябре 1868 г. «Положение о льготах для поселенцев Мурманского берега в Архангельской губернии» предоставляло русским, норвежским и финским поселенцам многочисленные и одинаковые льготы³⁹. Однако, более обеспеченные материально, норвежцы и финны быстрее и энергичнее русских основывали свои хозяйства, осваивали различные промыслы. В 1880–1890-е гг. финны и норвежцы, по мнению многих наблюдателей, теснили русских поморов в большинстве сфер хозяйственной жизни, кроме того, современники, не без оснований, обвиняли финских и шведских колонистов в хищнических порубках леса, торговле спиртным среди лопарей и др.

Активность иностранных поселенцев на Мурмане вызывала тревогу также в свете обострения во второй половине XIX в. экономических противоречий между Россией и шведско-норвежским государством⁴⁰.

Вместе с тем, в 1870-е гг. очень активно разворачивались арктические исследования. Сильнейший импульс им дало распространение паровых судов. С 1874 г. начались регулярные плавания на паровых судах через Карское море, в устья Оби и Енисея, получившие название Карских экспедиций. В 1878–1879 гг. русско-шведская экспедиция, возглавляемая шведским ученым Н. Норденшельдом, прошла на пароходе «Вега» весь путь от Ев-

ропы до Тихого океана с одной зимовкой в районе Колючинской губы.

В 1880–1890-е гг. в суждениях официальных лиц, правительственных документах и выступлениях общественности все чаще звучит тревога за судьбы северных территорий и вод Российского государства. При этом очень часто проблемы Севера рассматривались вместе с вопросами военно-морской безопасности страны.

Среди военных и военно-морских специалистов в то время получил распространение тезис об угрозе, исходившей для России со стороны сразу двух мощнейших держав: Великобритании, с которой имелись острые противоречия в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, и от Германии, растущий военный потенциал которой представлялся весьма серьезной угрозой. В России с тревогой восприняли не только увеличение Германией флота, но также сооружение Кильского канала (1887–1895), позволявшего немцам оперативно перебрасывать корабли (хотя и не самые крупные) из Северного моря на Балтику.

Россия также энергично наращивала свои военно-морские силы. По мнению управлявшего Морским министерством в 1888–1896 гг. Н.М. Чихачева, следовало иметь флот, способный вести боевые действия в открытом море. При этом наиболее эффективным способом действия (особенно против Англии) Чихачев считал крейсерскую войну, причем вести ее должны были современные, быстроходные и хорошо вооруженные крейсера⁴¹. Мнение управляющего министерством разделяли многие военные моряки (в том числе П.А. Мордовин⁴²). Яркое отражение идея крейсерской войны получила в фантастическом произведении отставного капитана 2-го ранга, талантливого публициста А.Е. Конкевича «Крейсер Русская Надежда», опубликованном в журнале «Русское судоходство» в 1886 г.⁴³

Для успешных действий крейсера нуждались в надежных базах для отдыха, снабжения боеприпасами, провизией, топливом⁴⁴. Одним из популярных вариантов решения проблемы стали проекты военного порта в какой-либо из незамерзающих гаваней «на Мурмане». Однако значительная часть российских военных и военно-морских деятелей, считавших главным противником России Германию, настаивали на первоочередном усилении Балтийского флота и создании военно-морской базы

на Балтике. После долгого обсуждения (1881–1890) местом для таковой была избрана Либава. Сторонники строительства Мурманского военного порта относились к этому решению крайне негативно и в своих критических отзывах постоянно указывали, что в «закрытом» Балтийском море флот может быть легко блокирован неприятелем.

Вместе с тем, многие общественные и государственные деятели полагали, что создание военного порта на Севере России будет способствовать оздоровлению его экономики, находившейся в явном упадке. В 1887 г. олонецкий губернатор Г.Г. Григорьев поручил А.К. Конкевичу обследовать мурманское побережье с целью найти наилучшее место для военного порта. Получив сведения, он в феврале 1888 г. направил в Морское министерство записку, в которой настойчиво рекомендовал создать в Мотовском заливе «военный порт или, на первое время, укрепленную угольную станцию для наших крейсеров»⁴⁵.

Для А.К. Конкевича материалы исследования стали основой для статьи «Военный порт на Мурмане», которая была опубликована в конце 1889 г. на страницах журнала «Русский вестник»⁴⁶. В своей статье бывший флотский офицер указывал на уязвимость любого русского порта на Балтике в случае высадки неприятелем десанта. Идеальным местом для военно-морской базы, по его мнению, являлась гавань Озерко Мотовского залива – «самая лучшая и спокойная гавань на Мурманском берегу», предоставляющая «превосходную стоянку для судов всякого ранга»⁴⁷.

Обосновывая свое мнение, Конкевич писал: «Гавань Озерко может быть легко и удобно соединена каналом с заливом Волоковым, составляющим южную часть обширного Варангского фиорда... Такое искусственное соединение открыло бы флоту, стоящему в заливе Озерко, два выхода в океан и чрезвычайно затруднило бы блокаду флота, находящегося в нем»⁴⁸.

Даже тяжелые климатические условия Севера (короткое лето, частые шторма и ненастье), по утверждению Конкевича, были выгодны с точки зрения обороноспособности базы⁴⁹.

Обращает на себя внимание и еще одно рассуждение публициста о базе в Мотовском заливе. «Порт этот, – писал он, – придаст еще большее стратегическое значение Беломорско-Онежскому каналу, как внутреннему и легчайшему пути, по которому

могли бы быть доставлены все необходимые жизненные припасы и боевые материалы»⁵⁰.

В 1886 г. А. Конкевич, совместно с редактором «Русского судоходства» М.Ф. Мецем, по поручению Олонецкого губернатора Григорьева, участвовали в изыскательских работах по предполагаемой трассе Беломорско-Онежского канала и активно ратовал за его строительство. Кстати, в 1889 г., одновременно со статьей Конкевича, вышла в свет книга общественного деятеля и экономиста Н.А. Крылова «Экономическое значение Беломорского канала»⁵¹. Ее автор, высоко оценивая значение предполагаемого водного пути для экономики Севера России, указывал также на его военно-стратегическое значение в плане снабжений военных кораблей у мурманского берега. Крылов вспоминал о нападении английских военных кораблей на берега Белого моря в период Крымской войны 1853–1856 гг. и подчеркивал необходимость присутствия в северных водах русских крейсеров. Строительство канала, однако, так и не было осуществлено, по финансовым причинам⁵².

В 1889–1890 гг. А. Конкевич опубликовал (под псевдонимом «А. Беломор») в журнале «Русское судоходство» очередное фантастическое произведение «Морские твердыни России»⁵³. Согласно его сюжету, Китай, создав современный и хорошо вооруженный флот, развязывал против России войну. Однако Россия одерживала верх над коварным противником, прежде всего благодаря эскадре быстроходных крейсеров, базой для которых служил порт Александрия на полуострове Рыбачий⁵⁴.

Публикация вызвала разноречивые отзывы. Оппоненты Конкевича упрекали его в недостаточном внимании к международной обстановке, писали, что военная активность России на Севере могла бы привести к конфликту со шведско-норвежским государством.

Редакция «Русского судоходства» не только взяла своего автора под защиту, но обрушилась на его противников с обвинениями в недостатке патриотизма. «Досталось А. Беломору и за то, – говорилось в редакционной статье, – что он дерзнул создать в незамерзающих водах русского Севера новую морскую твердыню. Оказывается, что для устройства военного порта в собственных пределах России требуется разрешение и Англии, и Швеции, – и, чего доброго, самого Фердинанда Кобургского.

Так думают в Москве, русские якобы мыслители. А почему они так думают – потому, что очень либеральны, к иностранцам почтительны, а к русской чести и достоинству – пренебрежительны»⁵⁵. Подобные инвективы в адрес противников сооружения порта на Мурмане в дальнейшем звучали довольно часто.

Доводы Конкевича, замаскированные художественной фабулой, подкрепляла вышедшая в 1890 г. научная брошюра инженера Л.И. Подгаецкого. В ней отмечалось, что на побережье Мурмана достаточно удобных гаваней (Екатерининская гавань, Мотовская губа, Ара-губа и др.), в которых мог бы базироваться военный флот. При этом автор особенно старательно подчеркивал благотворное влияние порта на экономику региона, его заселение, строительство железной дороги, развитие торговли и пр. Автор подчеркивал также, что экономическое развитие мурманского побережья означает освоение богатств Арктики, тогда как: «Надлежащая эксплуатация несметных богатств Северного океана – не местный вопрос, а один из вопросов благоденствия доброй трети России, и успешное решение его должно быть желательно всем, кому дороги отечественные интересы»⁵⁶.

Развитию интереса специалистов к Мурману способствовали также работы Р.В. Зотова⁵⁷, в которых освещались общие вопросы военно-морской стратегии и при этом особое внимание уделялось базированию боевых кораблей.

В 1892 г. в журнале «Русский вестник» А. Конкевич опубликовал, под псевдонимом «Беломор», довольно обширную работу «Письма о флоте», давшую импульс многим дискуссиям. В ней автор, верный своей идее крейсерской войны, развивал идею создания военно-морской базы на Мурмане. При этом он подчеркивал, что побережье Северного Ледовитого океана играло большую роль для обеспечения безопасности России в прошлом и будет играть в будущем. «Это историческое значение Северного побережья, – писал Конкевич, – для России не окончилось и окончится лишь тогда, когда уладятся все мировые вопросы, держащие народы под ружьем в ожидании минуты броситься друг на друга»⁵⁸.

Энергичного и влиятельного сторонника идея создания военного Мурманского порта получила в лице архангельского губернатора А.П. Энгельгардта, назначенного на должность в июне 1893 г. Он полагал, что для развития губернии необходимы,

прежде всего, железнодорожные коммуникации⁵⁹. Обосновывая же необходимость строительства таковых перед правительством, губернатор отмечал необходимость снабжения военного порта на Мурмане.

Выступления администраторов, публицистов, ученых произвели впечатление на центральные власти. В 1893 г. было принято решение ежегодно отправлять на Баренцево море корабль из состава Балтийского флота для «охранного крейсерства» и борьбы с браконьерами. Первым такое задание получил клипер «Наездник». Конечно, один корабль не представлял серьезной военной силы, но в глазах многих современников его появление на Севере стал символом готовности России энергично защищать здесь свои интересы.

Летом 1894 г. мурманское побережье посетил министр финансов С.Ю. Витте с целью выбора места для порта. Министра сопровождали директор его канцелярии П.М. Романов, видный специалист в области кораблестроения М.И. Кази, А.Е. Конкевич (о котором Витте позже отзывался в мемуарах с большим уважением⁶⁰) и др.

Особенно сильное и благоприятное впечатление произвела на Витте, по его собственному признанию, Екатерининская гавань⁶¹. Возвратившись в столицу, он представил императору Александру III доклад, в котором предложил устроить военный порт именно в этой гавани. Одновременно министр жестко критиковал идею создания военного порта в Либаве, указывая на то, что в случае российско-германского конфликта Германия может ее без особого труда заблокировать или захватить⁶². Александр III одобрил основные положения доклада, и решение о строительстве военного порта было принято.

Видимо, далеко не случайно 1894 г. ознаменовался также выходом в свет одной из наиболее ярких работ по «северной тематике». Это была опубликованная редакцией журнала «Русское обозрение» брошюра «Север России в военно-морском и коммерческом отношениях»⁶³. Ее автор публицист В.Н. Семенкович придерживался патриотических и консервативных убеждений⁶⁴.

Уже на первых страницах брошюры автор с раздражением писал об имевшихся, по его мнению, у иностранных держав планах распространить свое влияние на Севере России и о равнодушии к этой опасности российского общества и властей. Семенкович

даже ставил в пример своим современникам воевод XVII в., которые запретили использовать морской путь в Мангазейский острог, опасаясь активного проникновения в Сибирь иноземцев⁶⁵.

Публицист с негодованием описывал экономическую экспансию иностранцев на Севере России и, вместе с тем, не исключал прямой военной агрессии со стороны иностранных держав, прежде всего Германии. Удар, по его мнению, вполне мог быть нанесен по слабо защищенным северным рубежам. «Кто может помешать Немцам, – писал Семенкович, – высадить один или несколько корпусов в той же Виктории (Нарвике. – *Авт.*) и перекинуть их в какие-нибудь полсутки до Lulea (Лулео – шведский порт на берегах Ботнического залива. – *Авт.*). Ведь тогда Немцы будут не только хозяевами Ботнического побережья, но, будучи в нескольких часах от Улеборга и всей сети Финляндских железных дорог, могут серьезно грозить Петербургу!»⁶⁶

Рассуждая о военном флоте на Севере, В.Н. Семенкович исходил из положения, что Россия буквально окружена врагами, самыми могучими из которых являются Германия и Англия. «Врагов много, – утверждал он, – они повсюду – значит надо следить за ними повсюду, если уж нельзя заставить их повсюду бояться»⁶⁷.

Решению поставленной задачи, по мнению Семенковича, наиболее удовлетворяли морские базы на Мурмане и во Владивостоке, опираясь на которые российский флот мог вырваться на океанские просторы.

Судьба северной морской базы, однако, складывалась сложно, не совсем так, как виделось патриотам-публицистам. В октябре 1894 г. скончался император Александр III. Его сын и преемник Николай II встал на сторону приверженцев развития военно-морской базы в Либаве. В итоге, в 1896–1899 гг. на берегах Екатерининской гавани был возведен коммерческий, а не военный порт, правда, хорошо оснащенный в техническом плане.

П.А. Энгельгардт в сборнике материалов о своих путешествиях, опубликованном в 1897 г., выражал уверенность, что коммерческий порт даст импульс развитию региона и даже всей страны⁶⁸. Однако, вопроса о военно-морской базе сложившийся ход событий не снимал, и голоса в пользу ее создания продолжали звучать громко и настойчиво. Убежденным сторонником этой идеи был великий князь Александр Михайлович, который в од-

ной из своих записок выдвигал идею создания особого Мурманского флота⁶⁹.

Видный чиновник, бывший директор Горного департамента К.А. Скальковский выражал мнение, что Александровск неизбежно должен превратиться из коммерческого порта в военный⁷⁰. Он также указывал на то, что России все чаще приходится сталкиваться со стремлением иностранных держав взять под свой контроль острова архипелага Шпицберген, Новую Землю и др.

Существенный импульс экономическому развитию северного региона был дан созданием новых водных и сухопутных коммуникаций. Особенно важную роль сыграло строительство железных дорог, в том числе линии Вологда – Архангельск (1894–1898), так как Вологда уже была связана с центральными районами страны. Развивалось пароходное сообщение на северных реках. Для развития рыболовства с 1897 г. в северных морях и Северном Ледовитом океане проводятся особые промысловые экспедиции⁷¹. Эти и другие меры способствовали улучшению экономической ситуации, хотя и не решили всех проблем арктического и приарктического регионов.

Важным достижением рубежа XIX–XX вв. стало развитие в России ледокольного флота, горячим сторонником которого выступал выдающийся флотоводец и военно-морской теоретик С.О. Макаров. В 1897 г. он подал морскому министру записку, в которой обосновывал необходимость развития ледокольного флота. Важнейшим доводом в пользу проекта была способность ледоколов обеспечить оперативную переброску военного флота в Тихий океан. Макарова поддержал С.Ю. Витте, среди его сторонников был также А.П. Энгельгардт. В 1899 г. первый российский ледокол «Ермак» вышел в плавание. Характерно, что С.О. Макаров неоднократно подчеркивал, наряду с научным, военное значение этого плавания.

В том же 1899 году произошел инцидент на острове Медвежий, откуда по настоянию России был удален германский подданный Т. Лернер, предпринявший попытку обосновать там поселение и начать добычу угля. Многие современники, общественность и должностные лица восприняли события вокруг Медвежьего очень раздраженно, считали действия Лернера доказательством покушений Германии на российские интересы в Арктике.

В начале XX в. экономика Севера начинает развиваться достаточно интенсивно. В частности, растет активность Архангельского порта. Вывоз в нем, по-прежнему, преобладает над ввозом, но сами объемы отправленных грузов становятся очень значительными (одним из основных предметов экспорта стал лес). Оживление порта способствовало развитию промышленности, в том числе деревообрабатывающей. Кроме того, расширение порта, углубление фарватера Северной Двины позволило Архангельску принимать большие объемы грузов в годы Первой мировой войны.

Очень энергично велись в начале XX в. полярные исследования, в которых принимали участие выдающиеся ученые, такие как В.А. Русанов, Г.Л. Брусилов, Б.А. Вилькицкий, Г.Я. Седов, И. Ислямов, Э. Толь и др. Принципиально новые возможности для исследований открыло использование ледоколов, а накануне Первой мировой войны – и авиации. Исключительно важное значение для полярных исследований имела гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана на судах «Таймыр» и «Вайгач» в 1910–1915 гг.⁷²

Однако целый ряд насущных проблем так и не был решен, вплоть до начала Первой мировой войны. Именно тогда необходимость обеспечить безопасность коммуникаций с союзниками вызвала принятие срочных мер по усилению обороны побережья и созданию боеспособных военно-морских сил на Севере. Главными угрозами судоходству стала минная опасность и германские подводные силы. В 1914–1917 гг. ценой больших усилий удалось сформировать флотилию Северного Ледовитого океана, систему обороны опорных пунктов на побережье, приобрести ледоколы и транспорты, построить Мурманскую железную дорогу, основать незамерзающий порт Романов-на-Мурмане. Это помогло в целом решить задачу защиты коммуникаций.

Создание системы наблюдательных постов, установка в отдельных пунктах береговых батарей, вооружение тральщиков и других типов судов позволили в целом решить задачу противоминной обороны и значительно уменьшить угрозу со стороны германских подводных лодок.

К сожалению, все это делалось при помощи и негласном наблюдении со стороны союзников, в первую очередь, англичан. Последние и воспользовались этим, когда к концу 1917 г. фло-

тилия Северного Ледовитого океана утратила боеспособность. Анализ двухсотлетнего исторического опыта показывает, что к 1917 г. Русский Север, несмотря на известные успехи, был в недостаточной степени освоен в экономическом отношении, недостаточно исследован, а его оборона в военное время носила спешный импровизированный характер.

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, утвержденная Президентом В.В. Путиным 20 февраля 2013 года // Официальный сайт Правительства РФ. (Электронный ресурс.) URL: http://www.minregion.ru/upload/02_dtp/101001_str.doc

² См.: Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного Края Европейской России в истории русского государства. Исторический очерк. Вологда, 1919.

³ Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923. С. 6.

⁴ Правивший в то время король Магнус II Эриксон был одновременно королем Швеции (1319–1363) и Норвегии (1319–1356 и 1371–1374).

⁵ Бернштам Т.А. Поморья. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

⁶ См.: Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. Т. I. Кн. III. СПб., 1901. С. 295–302.

⁷ Орлов Н. Смутное время (начала XVII в.) и Русский Север. Архангельск, 1913.

⁸ Солодкин Р.Я. Проект установления английского протектората над Севером России (начало XVII в.) в Отечественной историографии // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. История. С. 26–30.

⁹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 1075.

¹⁰ См.: Кротов П.А. Крестьяне-мореходы Русского Севера и Западной Сибири – матросы Балтийского флота Петра I // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 4. С. 136–142.

¹¹ Там же. С. 138.

¹² Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. Вып. 6. 1872. Стб. 1116.

¹³ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 2732; Репин Н.Н. Морская торговля России со странами Европы в первые шесть десятилетий XVIII века: политика русского правительства и ее результат // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 18. С. 18.

¹⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3860.

¹⁵ Там же. Т. XVI. СПб., 1830. № 11630.

¹⁶ Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 240.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Берг Л.С. Очерки истории русских географических открытий. М.-Л., 1946. С. 69.

¹⁹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 12. Оп. 1. Д. 174. Л. 1–8.

- ²⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25223. С. 421.
- ²¹ Там же. Т. XXXVII. СПб., 1830. № 28747.
- ²² Там же. С. 904.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См. подробнее: Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966. С. 168.
- ²⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXIX. СПб., 1830. № 29861а. С. 251–253.
- ²⁶ Там же. Т. XL. СПб., 1830. № 30233а. С. 72–74.
- ²⁷ Там же. Т. XXXI. СПб., 1830. № 24412. С. 429–433.
- ²⁸ Чулков Н.О. К истории разграничения России с Норвегией // Русский архив. № 1. 1901. С. 141–157.
- ²⁹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. I. СПб., 1830. № 302. С. 408–412.
- ³⁰ Видный публицист В.Н. Семенович в 1894 г. с горечью и раздражением отмечал: «Справедливость требует сказать, что самый главный вред нашему Варангерскому побережью причинили мы сами, уступив в 1826 году Норвегии лучшую его бухту – Пазрецкую. Чего не могли сделать Норвежцы силою, даже во времена русского лихолетья, то сделали русские чиновники из Немцев, которые во времена Нессельроде ухитрились доставить Швеции эту мирную победу над Россией после того, как она победила в открытом бою свою исконную соперницу и присоединила к себе навсегда всю Финляндию...» – См.: Север России в военно-морском и коммерческом отношениях // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 6. Кн. 1. СПб., 2012. С. 25.
- ³¹ Качалов Н.А. Записки тайного советника. М., 2012. С. 452–453.
- ³² Гринев А.В. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // Клио. 2000. № 2 (11). С. 22–24.
- ³³ См.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990. С. 201–202.
- ³⁴ Согласно договору, подписанному 18 марта 1867 г., восточной границей земель, перешедших от России к США, стала линия разграничения российских и британских владений, которая устанавливалась конвенцией 1825 г. Западная граница пролегалла от точки в Беринговом проливе на пересечении линии, идущей под 65° 30" с.ш., и меридианом, разделяющим острова Крузенштерна и Ратманов, далее «по прямой линии безгранично к северу, доколе она совсем не теряется в Ледовитом океане». От исходной точки у 65° 30" с.ш. граница шла также на юго-запад через Берингов пролив и Берингово море, в равном удалении от северо-западной оконечности о. Св. Лаврентия и юго-восточной оконечности Чукотского носа, до пересечения меридиана 172° з.д. Далее она была проложена на равном расстоянии между островами Атту и Кушпера, до меридиана 193° з.д., причем к США переходили все Алеутские острова // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLII. Отд. 1. СПб., 1871. № 44518. С. 423–424.
- ³⁵ Карелин В.А. Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген в 1905–1925 гг.: исследование правительственной политики и предпринимательской инициативы: (на фоне отношений с Норвегией). Архангельск, 2013. С. 25.
- ³⁶ Дипломатическая переписка. Шпицберген. 1871–1912. СПб., 1912. С. 2–4.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Пасецкий В.М. Шпицбергенский вопрос в начале XX века // Русские арктические экспедиции.
- ³⁹ ПСЗРИ. Т. XLIII. Собр. 2. СПб., 1873. № 46467. С. 428–429.

- ⁴⁰ Мусаев В.И. Финская и норвежская колонизация Мурманского берега (вторая половина XIX – начало XX в.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 121–128.
- ⁴¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 4103. Л. 86–89.
- ⁴² Мордовин П.А. Историческое соприкосновение России и Северной Америки по военно-морским вопросам // Морской сборник. 1885. № 10. С. 32, 33.
- ⁴³ См.: Зонин С.А. Под псевдонимом Беломор // Гангут. Вып. 15. СПб., 1998. С. 98–102.
- ⁴⁴ Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. С. 80.
- ⁴⁵ Федоров П.В. Рождение Северного военно-морского флота: долгий путь воплощения идеи // Ученые записки МГПУ. Исторические науки. Вып. 9. Мурманск, 2009. С. 7.
- ⁴⁶ А.[Александр] К. [Конкевич]. Военный порт на Мурмане // Русский вестник. 1889. Т. 205. № 12. С. 75–85.
- ⁴⁷ Там же. С. 83.
- ⁴⁸ Там же. С. 82.
- ⁴⁹ Там же. С. 84.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Крылов Н.А. Экономическое значение Беломорского канала. Петрозаводск, 1889.
- ⁵² В 1890 г. «Русское судоходство» опубликовало записку Григорьева «О государственном значении Беломорского канала», в которой, среди прочего, обосновывалось военно-стратегическое значение этого водного пути. См.: Русское судоходство. № 123–124. 1890. С. 39–45.
- ⁵³ [А. Беломор]. Морские твердыни России. 1889. № 112. С. 16–31; 1890. № 119. С. 18–39; № 120. С. 5–16.
- ⁵⁴ [А. Беломор]. Морские твердыни России. 1890. № 120. С. 16.
- ⁵⁵ Сказочный флот // Русское судоходство. № 119. 1890. С. 8–9.
- ⁵⁶ Подгаецкий Л.И. Мурманский берег. Его природа, промыслы и значение. СПб., 1890. С. 23.
- ⁵⁷ Зотов Р.В. Стратегические уроки морской истории // Морской сборник. № 8. 1892. С. 97, 109.
- ⁵⁸ [Е. Беломор]. Письма о флоте. СПб., 1896. С. 34.
- ⁵⁹ Энгельгардт П.А. Волго-Двинская железная дорога. Экономическое и торговое ее значение для Севера России, восточных поволжских губерний, Вятского края и Западной Сибири. Архангельск, 1893.
- ⁶⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. В трех томах. Т. 1. Берлин, 1923. С. 358–359.
- ⁶¹ Там же. С. 360.
- ⁶² Либава или Мурман? Из архива графа С.Ю. Витте // Прошлое и настоящее: сборник. Вып. 1. Л., 1924. С. 25–39.
- ⁶³ Семенкович В.Н. Указ. соч.
- ⁶⁴ Подробнее о личности и взглядах В.Н. Семенковича см.: Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 6. Кн. 1. СПб., 2012. С. 7–11.
- ⁶⁵ Семенкович В.Н. Указ. соч. С. 18.
- ⁶⁶ Там же. С. 66–67.

⁶⁷ Там же. С. 34.

⁶⁸ Энгельгардт П.А. Русский Север. Путевые записки. СПб., 1897. С. 13.

⁶⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 435. Л. 2 об., 3.

⁷⁰ Скальковский К.А. Внешняя политика России и положение иностранных держав. 2-е изд. СПб., 1901. С. 188.

⁷¹ Брейтфус. Л. Экспедиции научно-промысловых исследований у берегов Мурмана. СПб., 1900.

⁷² Евгенов Н.И., Купецкий В.Н. «Экспедиция века» (гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана на судах «Таймыр» и «Вайгач» в 1910–1915 годах – ГЭСЛО). СПб., 2012.

В.В. Брызгалов (Архангельск)

КОРАБЛИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА «СВОБОДНОЙ ФРАНЦИИ» В АРКТИЧЕСКИХ КОНВОЯХ. 1941–1945 ГОДЫ

ПОСЛЕ НАПАДЕНИЯ Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Франция, верная союзническим обязательствам, объявила войну Германии, однако никаких военных действий по оказанию помощи Польше не было предпринято. Французские войска пассивно стояли на линии Мажино.

10 мая 1940 г. немецкие войска вторглись во Францию. Англо-французские войска оказались неспособными противостоять противнику. Соппротивление французских войск было дезорганизовано, и 14 июня без боя был сдан Париж, а 22 июня было подписано франко-германское соглашение, Компьенское перемирие 1940 г., по которому большая часть Франции оккупировалась немецкими войсками.

Трагичной была судьба военно-морского флота Франции. Часть кораблей, на момент капитуляции страны находившаяся в портах Великобритании (Плимут, Портсмут, Фалмут) и в Египте (Александрия), были захвачены англичанами, а экипажи французских кораблей – интернированы. Часть кораблей, базировавшихся в портах Атлантического побережья, были захвачены немцами, а те, что стояли в Тулоне – перешли под юрисдикцию правительства Петэна, которое располагалось в городе Виши. Главные силы ВМФ Франции находились в Алжире, в Мерс-эль-Кебуре. 3 июля 1940 г. английская эскадра уничтожила в порту Мерс-эль-Кебуре практически все корабли французской эскадры. Только линейный крейсер «Страсбург» и три эсминца, воспользовавшись туманом, прорвались и ушли в Тулон.

Французский народ не смирился. Начала действовать патриотическая организация «Свободная Франция» во главе с эмигри-

ровавшим в Великобританию генералом Шарлем де Голлем. 28 июня 1940 г. правительство Уинстона Черчилля признало генерала де Голля главой «свободных французов». 7 августа 1940 г. он по соглашению с правительством Великобритании получил право формировать на ее территории добровольческие французские вооруженные силы.

С июня 1940 г. существуют военно-морские силы «Свободной Франции» (FNFL), у которых даже имелись свой штаб и командующий. Разбросанные по морям всего мира, французские корабли до конца войны уже никогда не действовали под чисто французским командованием, они, как правило, дополняли соединения королевского флота Великобритании¹. В июле 1942 г. движение за освобождение Франции стало именоваться «Сражающаяся Франция».

Какими силами располагал военно-морской флот «Сражающейся Франции» в 1942 г.? В книге Л. Гарроса «Военно-Морской флот Франции во Второй мировой войне» приводится его состав на ноябрь 1942 г.

Боевой состав ВМФ Франции на 1 ноября 1942 г.

Флот FNFL (адм. Мюзелье)

(на различных театрах)

Линкоры: «Courbet», «Paris».

Лидеры эсминцев: «*Le Triomphan*», «*Leopard*».

Эсминцы: «*Mistral*», «*Ouragan*».

Миноносцы: «*Bouclier*», «*La Cordelier*», «*La Flore*», «*L'Incomprise*», «*La Melpomene*».

Подводные лодки: «*Junon*», «*Minerve*», «*Orion*», «*Ondine*», «*Rubis*».

Авизо: «*Amiens*», «*Arras*», «*Belfor*», «*Cdt Domine*», «*Cdt Duboc*», «*Chevreuil*», «*Coucy*», «*Diligente*», «*Epinal*», «*La Capricieuse*», «*La Moqueuse*», «*S. de Brazza*».

Корветы: «*Aconit*», «*Renoncule*», «*Roselys*» и «*Lobelia*».

(Курсивом выделены боеспособные корабли)². Всего ВМФ «Сражающейся Франции» располагал 32 боевыми кораблями, из которых только 17 единиц были боеспособны.

Как известно, в Советском Союзе была сформирована авиационная часть из французских летчиков-добровольцев, которые прибыли в СССР в ноябре 1942 г. 4 декабря 1942 г. эскадрилья, по желанию личного состава, стала именоваться «Нормандия»

и была включена в состав Военно-Воздушных сил Красной армии. Об этом французском воинском соединении нам достаточно хорошо известно. Но... плечо к плечу воевали на арктических трассах моряки ВМФ «Сражающейся Франции» и моряки Северного флота. Из семнадцати боеспособных кораблей «Сражающейся Франции» четыре приняли участие в сопровождении и охране арктических конвоев. Остальные боеспособные корабли действовали в Атлантике, охраняя конвои из Соединенных Штатов Америки в Великобританию, а затем участвовали в операциях по высадке десантов на нормандское побережье Франции.

К сожалению, об участии французских кораблей в сопровождении арктических конвоев известно немного³. Первым кораблем ВМФ «Сражающейся Франции», который участвовал в обеспечении безопасности проводки конвоя PQ 15, была подводная лодка «Minerve». Она обеспечивала дальнейшее прикрытие конвоя, патрулировала район норвежского побережья, занятого немецкими войсками, и до острова Шпицберген⁴. Имела следующие тактико-технические характеристики: водоизмещение – 662/858 т, скорость – $14 \frac{5}{9}$ узлов, орудия – 75-мм, 9 торпедных аппаратов. Экипаж – 45 человек (рис. 1).

Рис. 1. Подводная лодка «Minerve»

Корвет «Roselys» участвовал в непосредственном охране конвоя PQ 16 от Рейкьявика до Мурманска, а затем сопровождал конвой QR 13 из Мурманска до Рейкьявика, и далее – в Великобританию.

Корвет, типа «Flower», построили на шотландской верфи «Джон Люис» в Абердине, он был включен в состав флота Ве-

ликобритании под наименованием «Sundew». В сентябре 1941 г. передан военно-морскому флоту «Сражающейся Франции» и получил наименование «Roselys» и бортовой номер К-57» (рис. 2–5). Имел следующие тактико-технические характеристики. Длина – 62,5 м, ширина – 10,1 м, осадка – 4,9 м, водоизме-

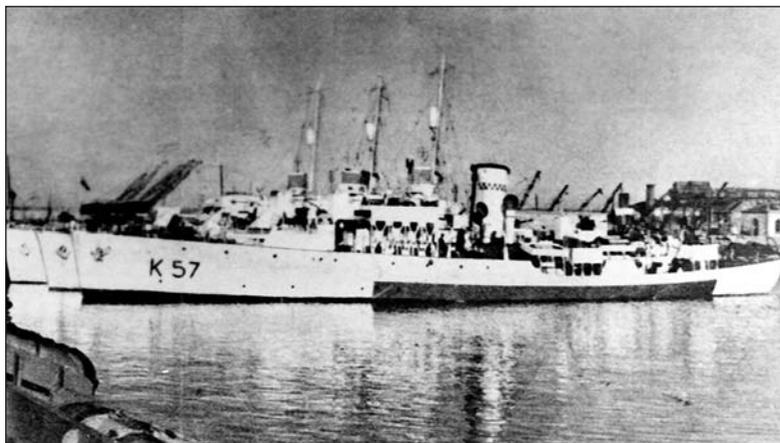

Рис. 2. Корветы ВМФ «Сражающейся Франции». Первым корпусом стоит корвет «Roselys»

Рис. 3. Корвет «Roselys» в походе

Рис. 4. Генерал Шарль де Голль на борту корвета типа «Flower»

шение – 925 т, мощность механизмов – 2800 л. с., скорость хода – 15,5 узлов. Вооружение: одно 102-мм орудие, два 57-мм орудия, одно 40-мм орудие, два 20-мм пулемета, шесть бомбосбрасывателей. Экипаж – 85 человек.

После подготовки и освоения техники на базе Тобермери корвет перевели на базу Клайд и приписали к частям сопровождения Французского экспедиционного корпуса. С октября 1941 г. по февраль 1942 г. «Roselys» принимал участие в защите конвоев на маршруте США – Исландия.

С мая по июль 1942 г. «Roselys» передали в состав английского соединения по сопровождению конвоев в Советский Союз, в порты Мурманск и Архангельск. Находясь в составе эскорта конвоя PQ-16, корвет оказал помощь в тушении пожара на советском теплоходе «Старый большевик». Во время следования конвоя QR-13 часть судов и кораблей попадает на английское минное поле. Команда корвета «Roselys» спасла 179 человек с 5 погибших ко-

Рис. 5. Награждение генералом Шарлем де Голлем членов экипажа корвета «Roselys» орденом Почетного Легиона (слева направо): лейтенант Петрошило (?), капитан-лейтенант А. Бержере, старший матрос гидроакустической станции Ж. Абарну

раблей и транспортов, в том числе с советского парохода «Родина».

С июля 1942 г. вновь участвует в конвойных операциях в Атлантике. В период с 22 августа по 5 ноября 1942 г. и с 7 июля по 23 августа 1943 г. находился на ремонте в Глазго. В марте 1943 г., эскортируя атлантический конвой, команда корвета спасла 81 человека с торпедированного транспорта «Тукуринка».

Во время Второй мировой войны корвет «Roselys» повредил 3 подводных лодки противника, одну из них таранил 26 января 1942 г. В июне 1947 г. был выведен из состава боевых кораблей военно-морского флота Франции и возвращен Великобритании⁵.

К ближнему охранению конвоя PQ-16 привлекался и вооруженный траулер «Retriever», бортовой номер FY 261. Сопровождал конвой до точки рандеву с конвоем QR 12 (с 21 мая до 23 мая 1942 г.), а затем конвой QR 12 (с 23 мая по 29 мая 1942 г.). Этот бывший гражданский рыболовный траулер «Urania» после войны вернули владельцу, и он ходил под прежним наименованием⁶.

Рис. 6. Подводная лодка «Junon»

Четвертый корабль ВМФ «Сражающейся Франции» – это подводная лодка «Junon», однотипная подводной лодке «Minerve», принимала участие в дальнейшем охранении конвоя QR 15 и патрулировала норвежское побережье (рис. 6)⁷.

Нам приятно познакомить читателей, интересующихся историей северных конвоев, с боевыми действиями корвета «Roselys» – на основании донесений его командира лейтенанта Андре Бержере, (рис. 7, 8) (См. приложение)⁸.

¹ Гаррос Л. Военно-Морской флот Франции во Второй мировой войне. М.: ЧеРо, 1997. С. 118.

² Там же. С. 120.

³ Супрун М. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997. С. 104, 107, 131–134; Скофилд Б. Русские конвои // Полярные конвои. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2003. С. 82–90, 122–123; Арктические конвои союзные конвои. 1941–1945. СПб., 2000. С. 130–132.

⁴ Арктические конвои союзные конвои. С. 131; Иностраные военные флоты 1946–47. Изд. 3-е. М.: Воениздат, 1947. С. 467, 491.

⁵ Иностраные военные флоты 1946–47. С. 464. (Электронный ресурс). URL: <http://www.Google.fr/France-Libre.net>.

⁶ Супрун М. Указ. соч. С. 104, 131; Арктические конвои союзные конвои. С. 132.

⁷ Арктические конвои союзные конвои. С. 130; Иностраные военные флоты 1946–47. С. 467, 472, 491.

⁸ Брызгалов В.В., Таранина И.А. Участие Военно-Морского флота Свободной Франции в северных конвоях // Лодия. 2009. № 6. Архангельск: Лодия, 2011. С. 247–266.

Des leur arrivée a bord, des soins et des boissons chaudes leur ont été distribués, et ils ont été repartis dans tout le bord, y compris machine et chaufferie. Beaucoup pensaient alors avoir été torpillés.

Neuf d'entre eux étaient blessés, cinq gravement à la suite de l'explosion. L'un d'eux, hâssé a bord sans connaissance, est mort quelques minutes plus tard.

Accoste à quai à Reykjavik le 6 Juillet à 19 h,15.

Dans la soirée, arrivée des deux chalutiers portant :
 "Lady Madeleine" : 40 survivants (HMS Niger, USS Hybert,
 URSS Rodina)
 "S" Elestan" : 25 survivants (URSS Rodina)

L'hypothèse que les explosions avaient été dues à la présence du convoi dans le champ de mines au large de Straumnes, a été confirmée lors de l'enquête menée par FOIG Iceland. Pendant les cinq heures qu'ont duré des opérations de sauvetage, effectuées dans des conditions dangereuses que beaucoup réalisaient, état-major et équipage ont fait preuve de la plus grande endurance et du plus entier dévouement.

Sous la direction de l'Enseigne de Vaisseau Petrochilo, Officier en Second, le repechage des rescapés, les soins à leur donner ont été organisés dans des conditions d'efficacité et de rapidité remarquables étant donné l'état de la mer et les possibilités réduites à bord d'une corvette.

Je tiens à signaler aussi:

L'Enseigne de Vaisseau Philippon Jacques, le Q/Mtre RDF Agarnou Jean, le matelot Asdic Rom Alexandre, qui accroché d'une main à l'extérieur de la coque, de l'eau quelquefois jusqu'à la poitrine dans les coups de roulis, saisissaient dans l'eau les survivants. Le Q/Mtre Chauffeur Ruelle Marcel dont l'activité et le dévouement, en tant que maintenant fois le sauvetage, a contribué à augmenter le nombre des rescapés. Enfin le Matelot Infirmier Aveline Germain, Compétence et dévouement au dessus de tout éloge. A donné les soins que leur état réclamait, non seulement à 8 blessés graves, mais à une trentaine de rescapés dont le séjour dans l'eau très froide et l'absorption de mazout mettaient la vie en danger.

Au cours des opérations de sauvetage, le matelot sans spécialité Tcho Naene, renversé par un paquet de mer embarquant de l'arrière, s'est fait une entorse au pied gauche et a dû être laissé à l'hôpital de Reykjavik.

*EM | Demande propositions de récompenses
 TOR - Médailles de sauvetage
 Croix de fer*

Bord, le 9 Juillet 1942

Le Lieutenant de Vaisseau BERGERET
 Commandant la "Roselys".

Рис. 8. Последний лист рапорта командира корвета «Roselys» лейтенанта флота А. Бержере

**[Рапорт об участии корвета «Розелис»
в конвоях PQ-16 и QR-13]**

/Л. 1/

Корвет «Розелис»

11 авг. 1942

№ 16968¹

лейтенант флота Бержере
командир «Розелис»

Секретно²

Господину Контр-Адмиралу,
Главнокомандующему FN.FL.

Рапорт о проведении операций.
Сопровождение конвоев PQ 16 и QR 13.

I. Конвой PQ 16 (Исландия – Мурманск)

22 мая 42 г.: 13 час. 45 мин. Отход из Сейдисфиорда (Исландия) в группе эскорта, включающей вспомогательный крейсер ПВО «Алинбанк», 4 корвета, 2 подводных лодки.

23 мая: 2 час. 00 мин. В точке с координатами 67'00" сев. широты и 14'30" зап. долготы присоединились к конвою PQ 16, вышедшему из Рейкьявика и охраняемого 1 авизо [ТЩ] и 3 траулерами.

Конвой из 34 судов, САМ-судно (имеет катапульту с самолетом), включает 22 американских, 8 английских и 4 русских транспорта, состоит из 9 колонн и идет со скоростью 8 узлов.

В течение 24 часов предполагается сопровождение с воздуха одним или двумя «Зундерландами».

24 мая: К 8 часам присоединяется группа из 5 эсминцев, один – польский, которые дополняют конвой PQ 16.

5 эсминцев (на «Ашанти» находится старший офицер)

1 корабль ПВО
1 авизо [ТЩ]
4 корвета
3 траулера
2 подводных лодки (следуют за конвоем, сопровождаемые корветом).

«Розелис» находится слева от конвоя, на расстоянии 3000 метров, а во время воздушных атак – занимает место на расстоянии 1000 метров.

С 15 час. 50 мин. до 16 час. 15 мин. контакт гидролокатором с неизвестным объектом, поиск гидролокатором, контакт потерян и не возобновляется.

25 мая: К конвою присоединились 4 крейсера типа «Кент» и крейсер типа «Нигерия» в сопровождении 4 эскадренных миноносцев. Крейсера занимают позицию в конвое. Танкер в сопровождении эскадренного миноносца присоединится к конвою днем и произведет заправку эскадренных миноносцев мазутом.

/Л. 2/

6 час. 00 мин.: В точке с координатами 75'00" сев. широты, 1'20" вост. долготы зафиксирован самолет неприятеля («Дорнье 18»), а затем второй («Блом и Фосс 140»). Летая над конвоем, враг сохраняет непрерывный контакт с ним почти до прибытия в Мурманск.

17 час. 30 мин.: В течение часа конвой отклоняется от курса к востоку, чтобы обойти айсберги, появившиеся впереди.

18 час. 35 мин. Тревога, поданная с «Алинбанка» (имеет радиолокатор), предупреждает о появлении 5 вражеских самолетов, приближающихся к конвою. Бомбардировщики летят очень низко. «Алинбанк» благодаря своему радиолокатору всегда будет предупреждать о появлении самолетов, по крайней мере, за 15 миль.

19 час. 15 мин.: Координаты 72'05" сев. широты, 4'20" вост. долготы, облачность 4/10, перисто-кучевые облака, видимость 25 000 метров.

Атака 10-ю самолетами-торпедоносцами («Хейнкель 115»), 2 группами, спереди, с правого и левого бортов. Самолеты, кружась на 20-метровой высоте, сбрасывают, спереди, по правому борту по 2 торпеды, каждый, на расстоянии 4000 метров от конвоя. Ни одна торпеда не попала в цель.

С 21 час. 00 мин. до 22 час. 15 мин.: Атака конвоя 12 «Юнкерсами 88», находящихся на высоте 2500 метров, заходящих в атаку сзади, по левому борту, со стороны солнца. Несколько пикирующих атак с высоты до 300 метров. Бомбы среднего калибра сбрасываются по 2 и 4 штуки. Самолеты атакуют транспорты, и только крейсера, входящие в состав конвоя. Остальные корабли эскорта атакам не подвергаются. Во время воздушных атак подводные лодки сопровождения скрываются под водой.

Один из транспортов конвоя, находящийся сзади, по левому борту, получил повреждения, выходит из состава конвоя, и один из траулеров буксирует его к берегам Исландии.

23 час. 00 мин.: Крейсера в сопровождении 4 эскадренных миноносцев удаляются в южном направлении.

26 мая: 1 час. 00 мин.: Подводной лодкой противника торпедирован один из транспортов конвоя, находящийся сзади, по левому борту. Причем лодка не была обнаружена гидролокатором. Транспорт потоплен торпедой одной из подводных лодок сопровождения.

11 час. 00 мин.: Координаты 73°35' сев. широты, 10°00' вост. долготы, облачность 9/10, слоисто-кучевые облака, высота облаков 9000, видимость 15 000 метров.

С 11 час. 00 мин. до 11 час. 50 мин.: Атака 20-ю «Юнкерсами 88», которые пикировали на суда конвоя и корабли сопровождения. Повреждений нет.

С 15 час. 55 мин. до 19 час. 15 мин.: Атака конвоя, вначале гидросамолетами-торпедоносцами, в количестве 4 единиц, последовательно появляющихся, с разных направлений – спереди, по правому борту. Затем последовали 3 бомбовых атаки, в основном, из пике (с высоты 200 метров) 12-ю самолетами «Юнкерс 88», группами, атакующими конвой с высоты 15 000 метров тяжелыми бомбами.

Два транспорта конвоя поражены бомбами. Один имеет большой крен, другой – загорелся. Брошены экипажами, потоплены подводными лодками сопровождения. Один корвет и 2 траулера поднимают на борт спасшихся членов экипажей транспортов. Корабли подвергаются многочисленным атакам с воздуха во время проведения спасательных операций.

С 20 час. 15 мин. до 20 час. 30 мин.: Налет авиации противника.

27 мая: С 0 час. 40 мин. до 2 час. 15 мин.: Многочисленные атаки «Юнкерсов 88», группами по 6 и 8 машин. Повреждений нет.

С 2 час. 50 мин. до 4 час. 00 мин.: Многочисленные атаки авиации противника. Повреждений нет.

/Л. 3/

Из-за высокой интенсивности атак авиации противника, субмарины эскорта уходят под воду только в случае непосредственной атаки самой лодки.

Погодные условия сохраняются те же.

С 10 час. 00 мин. до 10 час. 50 мин.: Атака гидросамолетов-торпедоносцев, числом примерно 8, заходящих по левому борту и спереди, по правому борту. Затем атака соединения из 12 «Юнкерсов 88», заходящих в хвост конвоя (высота 2000 метров), атакующих из пике. В то время как множество одиночных самолетов пикируют на высоте 200 метров на корабли и транспорты конвоя, спереди, сбрасывая бомбы среднего и крупного калибра.

Бомбами повреждены 3 транспортных судна. Одно из них имеет пробоину. Второе судно держит свое место в конвое в течение 12 часов, а затем было оставлено экипажем и потоплено. Третье судно держит свое место в конвое, несмотря на толстый шлейф дыма с его бака.

Координаты в 11 час. 00 мин.: 73'25" сев. широты, 20'20" вост. долготы. Прекрасная погода, светлая в течение всего дня.

С 13 час. 40 мин. до 14 час. 15 мин.: Атака, примерно десятком «Юнкерсов 88». Поврежден один из транспортов. Наружная обшивка по левому борту вырвана над ватерлинией на десяток метров. Судно продолжает занимать свое место в конвое.

14 час. 05 мин.: Получен приказ о сопровождении транспорта с загоранием в носу. (См. Приложение № 1. Рапорт старшего офицера).

С 15 час. 22 мин. до 16 час. 00 мин.: Атака примерно 2 десятками «Юнкерсов 88». Высота от 1000 до 1500 метров. Многочисленные атаки в пике с высоты 900 метров.

Повреждено 2 транспортных судна, одно – горит. Они будут потоплены торпедами.

С 21 час. 30 мин. до 21 час. 50 мин.: Боевая тревога.

22 час. 35 мин.: Сигнал с польского эскадренного миноносца «Гарланд»: Орудия А.А. вышли из строя. Только 24 3-дюймовых снаряда, самая большая скорость 24 узла. Потери – 17 убитых,

29 тяжело ранено. Надводная пробоина по правому борту. [Текст семафора на английском языке].

28 мая: 0 час. 00 мин.: «Гарланд» покидает конвой и в одиночку направляется в Мурманск.

9 час. 00 мин.: Погода спокойная, полностью пасмурная. Слоистые облака на высоте 600 метров в течение всего дня. Подходит траулер «Сент-Элестан» для передачи на борт 36 человек с грузового американского судна. Эвакуирован 1 из 3-х постов экипажа для размещения в нем американского экипажа. Офицеры размещены по четверо в наших каютах.

С 0 час. 45 мин. до 10 час. 05 мин.: Боевые тревоги.

13 час. 00 мин. 0 сек.: Координаты 74'15" сев. широты, 30'40" вост. долготы. К конвою присоединились 3 советских эсминца (один старого типа, 2 – типа «Гордый»).

С 17 час. 55 мин. до 18 час. 40 мин.: Боевые тревоги.

С 21 час. 15 мин. до 23 час. 00 мин.: Несколько «Юнкерсов 88» «завесой» сбросили бомбы. Повреждений нет.

29 мая: Небо абсолютно пасмурное, облака на высоте 400 метров, морозящий мелкий дождь, видимость 2 мили.

/Л. 4/

С 4 час. 55 мин. до 6 час. 30 мин.: Атака гидросамолетов-торпедоносцев. Повторялась трижды, по 4 самолета каждый раз. Самолеты сбрасывали по 1 или 2 бомбы каждый раз с высоты, по крайней мере, в 3000 метров. Повреждений нет.

Координаты на 11 час. 00 мин.: 72'10" сев. широты, 37'10" вост. долготы.

21 час. 00 мин.: «Архангельская» часть конвоя, включающая в себя «Алинбанк» и 2 эскадренных миноносца, удаляется к юго-востоку. Видимость 20 000 метров, облачность 6/10, кучевые облака.

С 22 час. 25 мин. до 0 час. 10 мин.: Атака «Юнкерсов 88», 7 атак с десятков самолетов в каждой. Бомбы среднего калибра. Повреждений нет.

30 мая: С 1 час. 30 мин. до 2 час. 30 мин.: Многочисленные атаки «Юнкерсов 88», безрезультатно.

6 час. 30 мин.: Конвой облетают два русских истребителя-бомбардировщика.

8 час. 30 мин.: 70'00" сев. широты, 36'50" вост. долготы. Прекрасная светлая погода. Нулевая облачность. Атака на конвой,

сброс бомб. Самолеты находятся на высоте 4000–5000 метров. Пике 3 «Штукас». Безрезультатно.

Торговые суда, которые имеют неполный боезапас, стреляют гораздо реже, чем в первые 4 дня».

8 час. 30 мин.: Сообщение от «Ашанти» (осуществляет охрану конвоя с помощью радиолокатора): «24 неприятельских самолета, приближающихся к сектору “Д”» [Текст на английском языке]. Прошли 200 метров. Видно два десятка самолетов на высоте от 7 до 8000 метров.

8 час. 32 мин.: «Ашанти»: «Русские самолеты-истребители курс 90». [Текст на английском языке]. Замеченные самолеты изменяют курс.

8 час. 50 мин.: «Противовоздушное наблюдение радиолокатора отрицательно». [Текст на английском языке].

8 час. 55 мин.: Град бомб на конвой. Два «Юнкерса 88» идут в пике и удаляются. Повреждений нет.

С 10 час. 25 мин. до 10 час. 35 мин.: Боевая тревога.

11 час. 00 мин.: На горизонте земля.

12 час. 30 мин.: Налет и атака дюжины пикирующих «Штукас». Также атаки советских истребителей. Повреждений нет.

18 час. 25 мин.: Русло перед Мурманском.

Подведение итогов потерь.

Потери конвоя:

Один военный корабль торпедирован подводной лодкой.

Кроме того:

С 6 кораблей – сигналы в дату их потери, седьмой (с катапульты, находящийся спереди, по левому борту) тоже был задет бомбами и имеет течь. По прибытию к месту назначения отсутствовал также корабль, задетый бомбами, который должен был исполнять роль буксира у берегов Исландии.

/Л. 5/

Самолет, взлетевший с судна, имеющего катапульту, сбил один «Юнкерс», но был сбит сам.

Повреждено бомбами, по крайней мере, два транспортных судна.

К сведению: ни одна торпеда гидросамолетов не достигла цели.

Потери противника:

Можно с уверенностью говорить о трех самолетах; о двух, как о возможных; два имеют повреждения.

Общее число вводимых в бой самолетов превысило 250.

Противовоздушная оборона корветов:

4-дюймовое орудие, не имеющее противовоздушного прицела, могло использоваться против гидросамолетов-торпедоносцев, атаковавших под углом наклона, близким к нулю, снарядами дистанционного действия от 2500 до 1500 метров.

Пом-Пом (упрощенно) подтвердился как оружие надежное и довольно точное на расстоянии 1000 метров. Из 940 выполненных выстрелов единственным случаем явились два холостых снаряда.

Наводчики боевого расчета этого орудия, несмотря на небольшое число тренировок в практической стрельбе и несмотря на отсутствие прямых попаданий в самолет, действовали правильно.

Пулеметы (два спаренных «Льюиса», два спаренных «Гочкинса»), оказалось, имеют ничтожно малый эффект, даже на расстоянии менее 500 метров, против встречающихся типов самолетов.

Штаб и экипаж.

Достижение цели, несмотря на усталость 5-суточных дежурств и продолжающихся боев, прекрасная выправка, и даже, с повторением налетов, умножался опыт боев, в которых многие участвовали впервые.

/Л. 6/

II. Конвой QR 13 (Мурманск – Исландия)

27 июня 1942: 17 час. 00/0: от бухты Ваенга (бухта Кольского полуострова) отправляется «мурманская» часть конвоя QR 13 с группой сопровождения, состоящей из:

3 английских эскадренных миноносцев (старший офицер на корабле «Ингерфилд»)

3 советских эскадренных миноносцев

2 авизо [ТЩ]

2 корветов

2 траулера

1 подводной лодки

28 июня: 18 час. 00 мин.: Соединение с «архангельской» частью конвоя, в сопровождение которой входят:

2 эскадренных миноносца (английский и польский)

2 корвета

1 корабль ПВО,

присоединились к нашей группе. Конвой включает 35 транспортных судов, из которых 21 американское судно, 8 английских, 5 русских, 1 голландское, скорость 6 узлов.

30 июня: 17 час. 00/3: 74'45" сев. широты. 24'25" вост. долготы. Замечен неопознанный самолет.

2 июля: 18 час. 30 мин.: 79'50" сев. широты, 3'30" вост. долготы. На северо-северо-западе замечены клубы дыма конвоя RQ 17.

С 12 час. 50 мин. до 13 час. 15 мин.: Замечен неприятельский гидросамолет.

20 час. 15 мин.: Контакт гидролокатором подлодки противника. Постановка мин в бомбомет. Контакт потерян и не возобновляется.

3 июля: 15 час. 45 мин.: 70'35" сев. широты. 6'25" зап. долготы. Конвой в течение часа движется на 45' влево, чтобы обогнуть паковый лед.

4 июля: 19 час. 00 мин. 67'40" сев. широты. 15'50" зап. долготы. Разделение конвоя. Часть кораблей, включающая 16 транспортов, сопровождается 2-мя авизо [ТЩ], (старший офицер находится на «Нигер»), «Розелисом» и 2 траулерами.

Отсутствие воздушных атак, несмотря на то, что конвой был замечен еще с 30 июня, частично может быть приписано к погодным условиям. Со времени отправки конвоя небо было полностью закрыто облаками, потолок от 400 до 600 метров, видимость редко превышала 10000 метров, в большей степени ограничивалась туманом.

С другой стороны, враг должен заниматься проходом конвоя RQ 17, который состоится в ближайшее время.

5 июля: С 20 час. 40 мин. до 20 час. 45 мин.: 4 судна и 1 авизо подрываются на минах (См. Приложение II, дешифровка рапорта в Ф.О.И.С., Исландия.).

В связи с невозможностью спустить шлюпки с нашего корабля, спасение производилось только путем подъема людей из воды, поодиночке или группами. Некоторые из них, наполовину задохнувшиеся от мазута, не имели сил, чтобы уцепиться за

концы, которые мы бросали им. Вдоль бортов были установлены сетки, облегчающие людям подниматься на борт корабля. Но сетки использовались только спасателями для спуска до уровня воды, чтобы схватить утопающих и вытащить их наверх.

Около 25 человек было спасено сразу же. Других подняли из воды из перевернувшихся шлюпок с плавучим якорем. При преобладании плохой видимости многие из потерпевших были обнаружены при помощи ракет, электрических фонарей или фонарей газовых ламп.

/Л. 7/

По поступлению на борт корабля спасенным людям была оказана помощь и розданы горячие напитки. Они размещались по всему кораблю, включая машинное отделение и кочегарку. Многие были оглушены и ранены взрывами.

Ранено 9 человек, из них 5 тяжело. Один из поднятых на борт корабля был без сознания и скончался через несколько минут.

Прибыли к причалу Рейкьявика 6 июля в 19 час. 15 мин.

Вечером прибыли в порт 2 траулера: «Леди Маделейн» с 40 спасенными (корабль «Нигер», транспорты «Хуберт», «Родина») и «Сент-Элестан» с 23 спасенными с транспорта «Родина».

Предположение о том, что взрывы произошли из-за попадания конвоя на минное поле в районе Струнмес, было подтверждено допросом, произведенным ФОИС Исландии. На протяжении 5 часов спасательных работ, проводимых в опасных условиях, командование корабля и экипаж проявили высокую стойкость и самоотверженность.

Под руководством старшего помощника командира, младшего лейтенанта Петрошило, спасение утопающих и оказание им помощи было организовано с поразительной быстротой и ответственностью, принимая во внимание состояние моря и ограниченные возможности корвета.

Считаю необходимым также отметить:

лейтенанта флота Филиппона Жака, старшего матроса гидроакустической станции Абарну Жана, матроса-гидроакустика Рома Александра. Они, держась одной рукой, нависали над корпусом корабля с внешней стороны так, что волны при бортовой качке доходили им иногда до груди, и вытаскивали из воды утопающих. Старший матрос, кочегар, Рюэль Марсель, действия и самоотверженность которого многократно усилили процесс спа-

сения, внес свой вклад в увеличение числа спасенных людей. Наконец, матрос санитарной службы Авелин Жермен – компетенция и самоотверженность выше всяких похвал, оказывал помощь, соответствующую состоянию, не только 8 тяжелораненым, но и 3-м десяткам спасенных людей, пребывание которых в холодной воде и абсорбция (заглатывание) мазута подвергли их жизнь опасности.

Во время проведения спасательных операций матрос без специальности Чо Маше, опрокинутый волной, получил вывих левой ноги и был помещен в госпиталь в Рейкьявике.

Борт корабля, 9 июля 1942
Командир «Розелиса»
лейтенант флота Бержере

/Л. 8/

Приложение I.

Выписка из рапорта, запрошенного С.О. [старшим офицером] у всех частей эскорта по участию в операциях спасения.

27 мая 1942: Загорание на борту № 83. [т/х «Старый большевик»].

1405/б: По приказу С.О. покидаю свое место в конвое для сближения с № 83, у которого на баке замечены сильные клубы дыма. По нашему прибытию он запрашивает пожарные рукава и воду.

Рукава и приспособление для швартовки посланы на шлюпку. Одновременно спущена с транспорта шлюпка с ранеными, которую заводят по левому борту, с подветренной стороны (куда я должен буду подойти из-за дыма).

14 час. 40 мин.: Шлюпка с судна отвечает на мои сигналы.

Приближаемся к горящему судну, чтобы оно встало по моему правому борту, сзади, приблизительно в 15 метрах со стороны своего левого борта. Два корабля идут со скоростью 8 узлов.

14 час. 55 мин.: Первый рукав протягивается с кормы моего правого борта, включен насос. Экипаж № 83 помещает его внутрь бака.

15 час. 05 мин.: Протянут 2-й рукав.

15 час. 10 мин.: Один рукав рвется.

15 час. 15 мин.: № 83 сигналил: «Я останавливаюсь, чтобы передать раненых на борт “Мартина”».

15 час. 22 мин.: Атака с воздуха. № 83 отдает наши рукава.

15 час. 25 мин.: Следую для занятия своего места в конвое.

Погодные условия: Легкий бриз северного направления. Море спокойное.

[К сожалению, приложение II отсутствует в присланных документах].

*Перевод с французского языка
Ирины Тараниной,
ведущего библиотекаря центра «МИР»
областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова
(Архангельск)*

¹ Штамп с датой, номер поставлен чернилами.

² Штамп, поставлен под углом к основному тексту.

*А.А. Будко, Л.К. Барышкова, Е.Г. Новикова,
Т.С. Акимова (Санкт-Петербург)*

**«...ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ
ИМЕЕТ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА
ВОЙСК...» (К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)**

НЕИЗБЕЖНЫМИ СПУТНИКАМИ практически всех войн являлись эпидемии или значительные вспышки инфекционных заболеваний среди личного состава армий и гражданского населения, наносивших больший ущерб, чем самое совершенное оружие противника. Некоторые организационные противоэпидемические мероприятия, своевременно предпринятые в период Русско-японской и Первой мировой войн, во время боевых действий в районе реки Халхин-Гол (1938) и в Советско-финляндскую войну (1939–1940) позволили снизить эпидемическую заболеваемость в войсках¹.

Проблемы совершенствования противоэпидемического обеспечения войск во время боевых действий были предметом исследований, осуществляемых в предвоенный период рядом научных учреждений Красной армии: Военно-медицинской академией имени С.М. Кирова, Куйбышевской Военно-медицинской академией, военными факультетами некоторых медицинских институтов, Научно-исследовательским испытательным санитарным институтом эпидемиологии и гигиены (НИИЭГ) и окружными санитарно-эпидемиологическими лабораториями. Этими учреждениями была проведена большая работа по изысканию и испытанию, рационализации и усовершенствованию противоэпидемических средств, а также по разработке методов ускоренной и упрощенной диагностики и вакцинации ряда инфекционных заболеваний.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. потребовала напряженной работы медицинской службы Красной армии и органов гражданского здравоохранения. Необходимость активного проведения мероприятий, направленных на противоэпидемическую защиту войск и гражданского населения, а в случае возникновения эпидемических заболеваний – на быстрейшую их ликвидацию, с первых дней войны и до окончания боевых действий была обусловлена рядом причин. Одна из них заключалась в том, что стремительное наступление немецких войск в начальном периоде Великой Отечественной войны, отступление наших войск на восток, эвакуация 1523 промышленных предприятий, медицинских учреждений, а также раненых и больных и 10 млн гражданского населения вызвали ухудшение экологической и эпидемиологической обстановки ряда городов и привело к появлению большого числа заболевших сыпным и брюшным тифами и больных ранее нерегистрируемым возвратным тифом. Тот факт, что 75 % заболеваемости приходилось на части окружного подчинения и только 25 % на действующую армию, свидетельствовал об ухудшении санитарно-гигиенической обстановки в тылу². Начальник Главного санитарного управления Е.И. Смирнов неоднократно подчеркивал «...исключительно важное значение ...противоэпидемической защиты войск» и необходимость осуществления «...решительных мер в области профилактики инфекционных заболеваний...» в армии и среди гражданского населения³.

С переходом Красной армии в наступление и освобождением временно оккупированных немецко-фашистскими захватчиками районов перед санитарной службой армии и здравоохранением страны возникли еще большие трудности. Не секрет, что на этих территориях немцы не проводили противоэпидемические мероприятия среди населения. Напротив, они способствовали распространению инфекционных болезней. Уцелевшее гражданское население ютилось в подвалах и землянках. Больницы и поликлиники были разрушены. Бани отсутствовали. Среди населения освобожденных территорий были распространены венерические болезни, сыпной и брюшной тиф, дизентерия, малярия, туляремия, дифтерия, скарлатина, другие инфекционные заболевания⁴. Причем заболеваемость сыпным тифом носила эпидемический характер. Вшивость среди сельского насе-

ления была массовой. В условиях низкого санитарно-гигиенического состояния населения освобождаемых территорий необходимо было срочно восстановить разрушенную систему здравоохранения, укрепить противоэпидемическую защиту войск и населения и быстро ликвидировать массовую заболеваемость, в первую очередь сыпным тифом⁵. В профилактических целях населенные пункты разрешалось занимать только после санитарной разведки и обработки (при необходимости) помещений. Санитарные службы частей и соединений были обязаны оказывать лечебную помощь гражданскому населению и принимать действенные меры по ликвидации эпидемических очагов.

Следует подчеркнуть, что уже с первых дней войны была разработана единая система противоэпидемической защиты, включавшая комплекс профилактических и противоэпидемических мероприятий. Среди них: медицинский контроль за питанием и водоснабжением, содержанием казарм и территории расположения войск, за состоянием одежды и обуви; санитарно-эпидемиологическая разведка; борьба с переносчиками ряда заболеваний – членистоногими и грызунами; санитарно-просветительская работа; меры, способствующие повышению специфической устойчивости личного состава; меры, препятствующие проникновению инфекционных заболеваний в войска. Некоторые из профилактических мероприятий были направлены на быстрейшую ликвидацию возникающих эпидемических очагов. Среди них: раннее выявление заболевших и изоляция их на месте; ранняя и точная диагностика заболевания и раннее специфическое лечение больного; эвакуация инфекционных больных по назначению; меры противоэпидемической защиты в отношении лиц, находившихся в ближайшем соприкосновении с больными; эпидемиологическое обследование каждого случая заболевания для выявления источников инфекции и путей ее передачи; эпидемиологическое наблюдение за ликвидированными очагами инфекции⁶. Непременным условием считалось прекращение эвакуации инфекционного больного из армейского района во фронтовой район и далее в тыл. Эвакуация инфекционного больного из войскового района в армейский (из медсанбата в инфекционный госпиталь) могла осуществляться только отдельным транспортом с последующей его дезинфекцией. Лечение должно было проводиться либо на месте, либо вблизи от места возникно-

вения заболевания. На медицинскую службу части или соединения возлагались контроль за ситуацией района расквартирования войск, выявление больных среди гражданского населения, госпитализация и лечение их, проведение вакцинации⁷.

Руководство противоэпидемической работой в Красной армии осуществлял 4-й (санитарно-эпидемиологический) отдел Санитарного управления, а с образованием Главного военно-санитарного управления (ГВСУ) в августе 1941 г. – 2-й отдел (под тем же названием).

В сентябре 1941 г. в ведение ГВСУ перешло банно-прачечное обслуживание Красной армии⁸. В январе 1942 г. при ГВСУ было создано Противоэпидемическое и банно-прачечное управление с тремя отделами: санитарно-эпидемиологическим, банно-прачечно-дезинфекционным, заготовок и снабжения. В дальнейшем в результате преобразований Противоэпидемическое управление также включало 3 отдела: санитарно-эпидемиологическое, банно-прачечно-дезинфекционное, гигиены питания и водоснабжения⁹.

Вышеупомянутое Противоэпидемическое управление разрабатывало директивы, указания, инструкции, наставления и положения по противоэпидемическому обеспечению войск; занималось оперативным учетом и анализом эпидемических заболеваний на фронтах и в округах; разрабатывало противоэпидемические мероприятия на случай появления в войсках заболеваний особо опасными инфекциями; организовывало взаимодействие с органами гражданского здравоохранения по вопросам организации совместных мероприятий по защите войск и гражданского населения от особо опасных и других инфекционных заболеваний; инспектировало фронты и округа по вопросам противоэпидемической защиты войск.

2 февраля 1942 г. было принято постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии». Оно предусматривало создание на местах чрезвычайных полномочных противоэпидемических комиссий в составе председателей местных советов, представителей Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава), Народного комиссариата внутренних дел, военных властей гарнизонов, санитарной службы и партийных органов. Согласно этому постановлению ГВСУ должно было до 20 февраля сформировать

200 полевых прачечных отрядов для обслуживания войск, а Народный комиссариат обороны – выделить 15 тыс. военнослужащих и обеспечить пайками 27 тыс. человек личного состава отрядов, включая и вольнонаемных. Г.А. Митерев был назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны по противоэпидемической работе.

Впервые во время этой войны при начальнике ГВСУ были введены должности – главный гигиенист, эпидемиолог и инфекционист Красной армии, на фронтах – главный эпидемиолог, а в армиях – армейский эпидемиолог.

В ходе войны в 1942 г. были созданы полевые банные отряды, военно-санитарные противоэпидемические отряды, санитарно-контрольные пункты. На основе выработанной системы противоэпидемической защиты войск на фронтах имелись санитарно-эпидемиологические лаборатории фронта, дезинфекционно-инструкторские отряды фронта, инфекционные госпитали, санитарно-контрольные пункты, банно-дезинфекционные поезда и банно-прачечно-дезинфекционные поезда, обмывочно-дезинфекционные роты, полевые механизированные прачечные отряды. А в армии – санитарно-эпидемиологические отряды армии, инфекционные госпитали, полевые прачечные отряды, полевые банные отряды. В дивизии – санитарный взвод. Органами управления являлись: на фронте – санитарно-эпидемиологический отдел санитарного управления фронта, в армии – санитарно-эпидемиологическое отделение армии. Противоэпидемические учреждения и органы управления были укомплектованы работниками различных эпидемиологических и бактериологических специальностей. Противоэпидемическое управление ГВСУ на протяжении войны возглавлял профессор генерал-майор медицинской службы Т.Е. Болдырев. Главным эпидемиологом и инфекционистом Красной армии был профессор полковник медицинской службы И.Д. Ионин. Отдел гигиены и питания и водоснабжения возглавлял профессор генерал-майор медицинской службы Ф.Г. Кротков.

Большое значение в осуществлении руководства мероприятиями по противоэпидемической защите войск имело постоянное поступление в ГВСУ информации о санитарно-эпидемиологическом состоянии войск: отчеты и донесения санитарных управлений фронтов и санитарных отделов округов и отдельных

армий; отчеты противоэпидемических учреждений; отчеты об инфекционной заболеваемости и внеочередные донесения. От главного разведывательного управления в ГВСУ поступали сведения о санитарно-эпидемическом состоянии сопредельных стран и в армиях противника¹⁰. С ветеринарным управлением взаимодействие осуществлялось по вопросам совместных мероприятий в отношении таких заболеваний, как сеп, сибирская язва и др.¹¹

На протяжении всего периода войны ГВСУ взаимодействовало с Наркомздравом СССР по вопросам санитарно-эпидемиологического обеспечения гражданского населения, проведения совместных мероприятий в отношении особо опасных инфекций и т. д. Это взаимодействие особо благоприятно сказывалось на медико-санитарном обслуживании силами военно-санитарной службы гражданского населения районов, освобождавшихся от оккупации¹². Непосредственно на Наркомздрав возлагались расстановка врачей-эпидемиологов, бактериологов, гигиенистов и санитарных врачей в соответствии с происшедшими изменениями в плотности населения; обеспечение поголовной иммунизации против острых желудочно-кишечных заболеваний в крупных населенных пунктах, а также поголовной иммунизации призывных контингентов населения по методике, принятой в Красной армии, в течение апреля – мая 1942 г.; обеспечение своевременной диагностики и быстрой госпитализации больных эпидемическими заболеваниями, создание при районных здравотделах и эпидотрядах подвижных эпидемиологических отрядов, оснащенных средствами для быстрой санитарной обработки людей, одежды и имущества в эпидемических очагах. Организация через Всесоюзную государственную санитарную инспекцию в городах и прочих населенных пунктах, на предприятиях и в общежитиях института общественных санитарных инспекторов, организация систематического санитарного надзора за населением, школами, детскими учреждениями, зрелищными предприятиями, столовыми и другими местами скопления людей.

С Народным комиссариатом внутренних дел ГВСУ было связано по вопросам санитарно-эпидемиологического обеспечения военнопленных, репатриантов и др.¹³ С Народным комиссариатом путей сообщения ГВСУ взаимодействовало по вопросам са-

нитарно-эпидемиологического обслуживания воинских эшелонов, работы санитарно-контрольных пунктов, банно-прачечных дезинфекционных пунктов, борьбы с эпидемическими заболеваниями на железнодорожном транспорте и т. д.¹⁴ На путях движения к фронту создавалась разветвленная сеть санитарно-заградительных барьеров. Железные дороги находились под постоянным контролем медиков. На крупнейших железнодорожных узлах работали санитарно-контрольные, обсервационные и изоляционно-пропускные пункты. Проходящие по железным дорогам поезда и эшелоны систематически проверялись на 275 санитарно-контрольных пунктах¹⁵. Здесь производился осмотр поездов, вагонов и пассажиров, осуществлялась санитарная обработка. Заболевшие и лица с подозрением на инфекционное заболевание изолировались. Только за 10 месяцев 1943 г. было осмотрено 121 169 поездов, около 2 млн отдельно следовавших вагонов, почти 20 млн пассажиров. Санитарную обработку в специальных санпропускниках прошли более 5 млн человек. Медики обнаружили в поездах и направили в больницы 69 тыс. больных, 30 тыс. человек поместили в вагоны-изоляторы.

ГВСУ постоянно взаимодействовало с Саратовским противочумным институтом «Микроб» по вопросам подготовки специалистов-чумологов и со многими общественными организациями по вопросам формирования и работы санитарно-эпидемиологических отрядов среди населения¹⁶.

Специальными директивами НКО и ГВСУ было развернуто строительство простейших бань, дезинсекторов и создан обменный фонд белья во всех банно-прачечных учреждениях. Привлекались к строгой ответственности вплоть до предания суду лица, срывавшие противэпидемическое обеспечение войск. На основании особой директивы отправка маршевых рот производилась только после тщательной санитарной обработки. Пополнение, прибывавшее в запасные и вновь формируемые части, подвергалось обязательной 15-дневной карантинизации¹⁷.

С первых дней войны в целях борьбы с вшивостью ГВСУ поставило задачу проведения в войсках регулярной, не реже 2–3 раз в месяц, санитарной обработки личного состава. Обстановка требовала сосредоточения в одних руках всех средств борьбы с сыпным тифом, в том числе и средств банно-прачечно-дезинфекционного обслуживания войск, что позволило бы осуществ-

влять единый комплекс противоэпидемических мероприятий. Именно поэтому, как было указано выше, банно-прачечное обслуживание войск было возложено на ГВСУ¹⁸.

Важнейшими мероприятиями по профилактике инфекционных заболеваний в войсках и среди населения считались своевременная плановая вакцинация и вакцинация по эпидемиологическим показаниям. В 1942–1944 гг. против сыпного тифа, являвшегося главной угрозой, было привито 18 млн человек¹⁹. Применялись разработанная в 1942 г. профессором

М.К. Кронтовской сыпнотифозная вакцина, а также разработанная в 1941 г. поливакцина НИИСИ, создающая иммунитет против семи инфекций²⁰. В 1941 г. против брюшного тифа было привито 15 млн человек, в 1942 г. – 19 млн человек, в 1944 г. – 20 млн человек. Тем, кто находился в контакте с брюшнотифозным больным, давали применяемый в то время брюшнотифозный бактериофаг. Особое внимание было уделено профилактике и борьбе с брюшным тифом и паратифами при вступлении Красной армии на освобождаемые территории прибалтийских республик, а также Польши и Германии. Большой объем мероприятий был проведен по профилактике и борьбе с холерой и другими кишечными инфекциями.

Несмотря на существовавшую на протяжении всего периода войны угрозу возникновения больших эпидемий и массовых вспышек инфекционных заболеваний, военно-медицинской службе благодаря проведенным профилактическим и противоэпидемическим мероприятиям удалось обеспечить успех в профилактике и борьбе с эпидемическими заболеваниями в Красной армии. В структуре госпитальной заболеваемости личного состава действующей Красной армии, исключая пораженных в боях, средняя заболеваемость дизентерий и гемоколитами за четыре года войны составила 4,4 %, брюшным тифом и паратифами – 0,6 %; сыпным тифом – 2,7 %; туляремией – 0,6 %; прочими инфекционными заболеваниями – 0,7 %, а всеми инфекционными заболеваниями суммарно – 9,0 %. Средний удельный вес больных, поступивших в медико-санитарные батальоны и госпитали всех профилей и уровней подчиненности, за четыре года войны составил 34,6 % от общего числа санитарных потерь в действующей Красной армии²¹. Всего же инфекционные заболевания в войсках Красной армии за годы Великой Отечественной

войны составили 7,0 % от всех внутренних болезней или 2,5–3,0 % всех санитарных потерь²².

Военными гигиенистами постоянно осуществлялся контроль за питанием и водоснабжением войск, способами очистки и обеззараживания воды, за полевым и казарменным размещением военнослужащих, за санитарной очисткой районов боевых действий, лагерных стоянок, за соблюдением правил личной и общественной гигиены, за физическим состоянием и физической нагрузкой личного состава войск, за правилами кулинарной обработки продуктов. С целью повышения содержания белка и витаминов группы В по специально разработанной программе готовились питьевые дрожжи. В качестве дополнительного источника солей кальция в рацион включалась костная мука. С целью предупреждения авитаминозов широко использовались витаминные настои из хвои.

Необходимо обратить внимание на ту огромную работу, которая была проведена банно-прачечно-дезинфекционными учреждениями. Приводимые далее цифры впечатляют. В 1942 г. было осуществлено 106 636 тыс. помывок бойцов и офицеров. В 1943 г. – 230 919 тыс., в 1944 г. – 272 556 тыс. и за 5 месяцев 1945 г. – 102 682 тыс. Продезинфицировано в 1942 г. 73 224 тыс., в 1943 г. 136 229 тыс., в 1944 г. 167 601 тыс. и за 5 месяцев 1945 г. 62 002 тыс. комплектов обмундирования²³. Для этих целей были сформированы специальные банно-дезинфекционные и банно-прачечные поезда. В войска были направлены полевые механизированные прачечные и полевые прачечные отряды, обеспечивавшие стирку и пропитку белья и обмундирования противопаразитарными средствами. Личный состав бесперебойно снабжался мылом, противопаразитарными средствами – мылом К, дустами СК и ДФА, порошком пиретрум, альбихтовой пастой.

Санитарной службой в помощь врачам-инфекционистам и эпидемиологам был разработан ряд руководящих инструкций, указаний, справочников по различным вопросам противоэпидемического обеспечения войск. Среди них «Руководство по санитарно-эпидемическому и лечебному обслуживанию Красной армии», «Указания по банно-прачечному и дезинфекционному обслуживанию войск Красной Армии», «Инструкция по профилактике туляремии в частях Красной Армии», «Инструкция по

применению средств активной специфической профилактики брюшного тифа и паратифов (А и Б), холеры, бациллярной дизентерии и столбняка», «Указания по профилактике и лечению дизентерии в войсках», «Инструкция по распознаванию, лечению и профилактике возвратного тифа» и др.

За время войны ГВСУ трижды (в 1942, 1943 и 1944) созывало всеармейские совещания работников противоэпидемических учреждений фронтов и округов. На этих совещаниях разбирались наиболее актуальные проблемы противоэпидемической защиты войск. Совещания являлись хорошим методом руководства большой армией эпидемиологов, гигиенистов, бактериологов и инфекционистов, а также хорошей школой для руководителей ГВСУ, которые извлекали из непосредственного общения с практическими работниками много полезных уроков.

Подводя итоги огромной работе, осуществленной всеми структурами военно-медицинской службы Красной армии, по профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями в войсках, следует отметить следующее. Несмотря на исключительно тяжелую эпидемическую обстановку, на постоянно существовавшую угрозу возникновения больших эпидемий и массовых вспышек инфекционных заболеваний, военно-медицинской службе удалось обеспечить успех в профилактике и борьбе с эпидемическими заболеваниями. Много было сделано по созданию действенной системы противоэпидемических мероприятий, направленных на раннее выявление инфекционных больных, их своевременную изоляцию, эффективное лечение в пределах действующей армии. В ходе Великой Отечественной войны окончательно сложилась эффективная система санитарно-гигиенического и противоэпидемического обеспечения войск. Органы гражданского и военного здравоохранения провели огромную работу по обеспечению эпидемиологического благополучия не только действующей армии, но и внутреннего района страны. Ими были организованы и реализованы многие формы и методы, исходя из конкретной обстановки в различные периоды войны. В результате были зарегистрированы лишь небольшие эпидемические вспышки на отдельных фронтах.

- ¹ Смирнов Е.И. Война и военная медицина. 1939–1945 годы. М.: Медицина, 1979. С. 230.
- ² Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 32. М.: Медгиз, 1953. С. 7–59; Смирнов Е.И. Указ. соч. С. 231.
- ³ Смирнов Е.И. Вопросы организации и тактики санитарной службы. М.: Медгиз, 1942. С. 83; Смирнов Е.И., Лебединский В.А., Гарин Н.С. Войны и эпидемии. М.: Медицина, 1988. С. 140–144.
- ⁴ Алексанян И.В., Кулиш И.М. // Гигиена и санитария. 1980. № 5. С. 3; Там же. Опыт советской медицины ... С. 7–59.
- ⁵ Митерев Г.А. В дни войны и мира. М.: Медицина, 1975. С. 147
- ⁶ Опыт советской медицины... С. 195–210.
- ⁷ Бургасов П.Н. Противозидемическое обеспечение войск и населения страны накануне войны и в годы Великой Отечественной войны // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1986. № 3. С. 7.
- ⁸ Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 35480. Д. 30. Л. 144–146.
- ⁹ Там же. Оп. 47165. Д. 815. Л. 266–267.
- ¹⁰ Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 47164. Д. 263. Л. 231; Ф. 1. Оп. 47166. Д. 266.
- ¹¹ Там же. Л. 55.
- ¹² Там же. Оп. 1405. Д. 93. Л. 2, 3, 168; Оп. 35485. Д. 26. Л. 55.
- ¹³ Там же. Оп. 1405. Д. 93. Л. 39; Оп. 35485. Д. 26. Л. 35.
- ¹⁴ Там же. Л. 14.
- ¹⁵ Курпита П.Н. Особенности санитарно-гигиенического обеспечения на фронте и в тылу // Воен.-мед. журн. 1980. № 5. С. 54.
- ¹⁶ Филиал ЦАМО. Архив ВМД. Ф. 1. Оп. 47166. Д. 266. Л. 57.
- ¹⁷ Там же. Оп. 35485. Д. 26. Л. 2–6, 35.
- ¹⁸ Там же. Оп. 35484. Д. 263. Л. 51.
- ¹⁹ Там же. Оп. 47497. Д. 698. Л. 233.
- ²⁰ Смирнов Е.И. Война и военная медицина.... С. 261–262.
- ²¹ Смирнов Е.И. Указ. соч. С. 54.
- ²² Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне ... С. 95.
- ²³ Смирнов Е.И. Война и военная медицина... С. 260.

А.А. Будко, Н.Ю. Бринок (Санкт-Петербург)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА
Н.А. ВЕЛЬЯМИНОВА ПО ВНЕДРЕНИЮ
АНТИСЕПТИКИ И АСЕПТИКИ В ПРАКТИКУ
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ**

ОТКРЫТИЕ АНТИСЕПТИКИ во второй половине XIX в. сыграло огромную положительную роль в развитии хирургии. Это произошло в 1865–1867 гг., когда английский ученый Джозеф Листер опубликовал статью в журнале «Lancet» и сделал доклад на заседании Британского врачебного общества в Дублине, в которых на основе научных достижений в микробиологии, совершенных Луи Пастером, доказывал, что гнойные воспаления вызываются микроорганизмами, а систематическое применение антисептических веществ при лечении различных хирургических заболеваний, таких, как осложненный перелом или абсцесс, препятствует гниению тканей и приводит к полному выздоровлению больных.

«Листеровский метод» лечения ран не сразу получил признание врачей как в Европе, так и в России, в частности, из-за своей сложности и дороговизны. Некоторое время он являлся предметом оживленной дискуссии, хотя резкое уменьшение смертности при применении в хирургической практике антисептики, безусловно, способствовало росту количества ее приверженцев. В России к открытию антисептического метода раньше Д. Листера подошел Н.И. Пирогов, который пытался организовать особые палаты для больных с госпитальной гангреней, а при лечении ран использовал йодную настойку, спирт, хлорную известь, карболовую кислоту, нитрат серебра и т. п. Последователями Д. Листера в нашей стране являлись П.П. Пелехин, И.И. Бурцев, Н.В. Склифосовский, В.Ф. Грубе, К.К. Рейер, М.С. Суббо-

тин и др. Они были крупными учеными-клиницистами и работали в передовых научных центрах, в то время как в провинции развитие хирургии находилось на низком уровне.

До открытия Д. Листера, совершившего настоящий переворот в медицине, оперативная деятельность хирургов была ограничена большим количеством «госпитальных» заболеваний, к которым относились рожистые воспаления, пиемия, септицемия, госпитальная гангрена, дифтерит ран. Профессор Московского университета, выдающийся хирург В.А. Басов, по свидетельству его ученика Н.А. Вельяминова, «не оперировал в клинике месяцами, ибо каждая рана осложнялась рожей...»¹ Известны случаи, когда из-за высокой летальности больных операционные надолго закрывались, а в Нюрнберге была разрушена больница и на ее месте построена новая².

Распространению госпитальной инфекции способствовало отсутствие в лечебных заведениях того времени строгих правил гигиены и санитарии: корпия щипалась из грязного тряпья; губки для промывания ран, инструменты, посуда использовались фельдшерами и сестрами от пациента к пациенту без санитарной обработки, «гнойные» больные помещались рядом с «чистыми», хирурги делали десятки операций в одной и той же необработанной одежде, немывтыми руками и т. п. Неудивительно, что в таких условиях послеоперационная смертность достигала 80 %.

Однако, если в мирное время закрытие палат или больниц могло быть признано паллиативным решением проблемы, то во время войн, которые, по выражению Н.И. Пирогова, являются «травматической эпидемией», когда в срочной хирургической помощи нуждаются одновременно десятки и сотни раненых, борьба с раневой инфекцией представляла собой вопрос чрезвычайной остроты.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. началось введение антисептики в практику военно-медицинской службы Русской армии. Одним из первых хирургов, применивших ее в широких масштабах, стал Карл Карлович Рейер – выпускник Дерптского университета, ученик известного немецкого ученого Эрнста Бергмана. К.К. Рейер обладал блестящим оперативным мастерством, был сторонником первичной хирургической обработки раны и убежденным последователем метода Д. Листера, в

развитие которого разработал собственный вариант антисептической повязки.

К.К. Рейер служил консультант-хирургом Кавказской армии и подобрал себе ассистентов из числа молодых врачей, недавно окончивших медицинские факультеты. Некоторые из них стали его учениками и после войны продолжили деятельность под его руководством в Николаевском военном госпитале и на Женских врачебных курсах в Санкт-Петербурге. Это были Ф.К. Борнгаут и Н.А. Вельяминов. Впоследствии обоим ждала научная карьера. Федор Карлович Борнгаут стал профессором университета св. Владимира в Киеве. Николай Александрович Вельяминов (1855–1920) сыграл важную роль в развитии отечественной медицинской науки, стал основателем российской хирургической печати, крупным ученым, педагогом и общественным деятелем.

В 1877 г. Н.А. Вельяминов окончил медицинский факультет Московского университета и был направлен в действующую армию. Первоначально он попал в Тифлисский военный госпиталь, в котором антисептика еще не применялась. Он вспоминал, как был назначен в хирургическое отделение из расположенных в одной палате 60 коек, где царил антисанитария, и все раненые имели симптомы септических осложнений разных видов и степени³.

Работа К.К. Рейера, которую Н.А. Вельяминов смог наблюдать в хирургической палатке на бивуаке под Баязетом, произвела на молодого хирурга после атмосферы Тифлисского госпиталя впечатление некоего таинства. «Вся эта картина была внушительная и для меня, новичка, по тогдашним временам, величественная. Я спрашивал себя, что общего между тем, что я видел до сих пор и вижу здесь», – вспоминал Н.А. Вельяминов⁴. Молодой хирург с энтузиазмом воспринял методы, которые применял К.К. Рейер. Вскоре он не только овладел ими, но и самостоятельно лечил раненых в госпитале № 10 в Александрополе.

Первая «листеровская» повязка была весьма громоздкой и дорогой, что затрудняло возможность широкого использования ее в армии. Отечественные врачи пытались сделать ее более доступной и легко применимой для военно-медицинской службы. Кроме того, карболовая кислота, которую рекомендовал в качестве первого антисептического препарата Д. Листер, име-

ла не только положительные, но и отрицательные свойства. Она производила общетоксическое и раздражающее действие, вела к омертвлению тканей, обладала тяжелым запахом, и отравление ее парами (так как первоначально применялся спрей для обеззараживания воздуха) испытывали не только раненые, но и врачи⁵, среди которых имели место даже смертельные случаи отравления. Поэтому изыскание менее токсичных антисептических средств было актуальным вопросом для хирургического сообщества (в лечении ран испытывались также сулема, салициловая кислота, хлорная вода и др.).

После окончания Русско-турецкой войны Н.А. Вельяминов прошел стажировку в передовых клиниках Европы и продолжил работу под руководством К.К. Рейера. Он не только внедрил антисептические методы лечения ран в своей практической деятельности, но и разрабатывал более эффективные способы применения антисептики, подбирал новые медикаментозные средства и материалы.

В 1879 г. Россия вела военные действия в Ахалтекинском оазисе в Туркмении, которые окончились неудачей. По сведениям медицинских отчетов, в лечебных учреждениях во время экспедиции не применялось антисептики. Такое же положение дел нашел Н.А. Вельяминов и при возобновлении военных действий, когда в конце 1880 г. был командирован в отряд генерала М.Д. Скобелева для управления санитарной частью. «При лечении раненых совершенно не применялась антисептика. Всюду имела место тяжелая раневая инфекция»⁶.

Снабжение лечебных учреждений происходило по тем же табелям, что и во время Русско-турецкой войны; в них не предусматривалось запасов специальных антисептических средств. О низком уровне медицинской помощи во время экспедиции под командованием М.Д. Скобелева свидетельствовала высокая смертность: при ранениях головы – 35 %, опорно-двигательного аппарата – 50 %, грудной клетки – 80,8 %⁷. Неудовлетворительное положение санитарной части было связано с отсутствием рациональной организации; по словам Н.А. Вельяминова, его предшественник на должности отрядного врача бездействовал. Кроме того, высокая смертность объяснялась, по его мнению, «очень незначительным знакомством наших молодых военных врачей с оперативной хирургией и полным непониманием асеп-

тики»⁸, при, безусловно, самоотверженной работе по оказанию помощи раненым.

Н.А. Вельяминов развернул активную хирургическую деятельность, которую пришлось проводить «только уже в гноящихся ранах и, по большей части, над пизмиками»⁹. В то же время, в госпиталях с большим скоплением раненых «он ввел сортировку и сосредоточил свои усилия на оказании помощи тем раненым, которым можно было подать неотложное хирургическое пособие с надеждой на успех»¹⁰. Антисептические средства хирург получал из складов Общества Красного Креста, богато снабженных ими. Наложение вторичных антисептических повязок способствовало излечению около половины пациентов с инфицированными ранами.

Непонимание значения антисептики не только чиновниками военно-санитарного ведомства, но и рядом врачей побуждало Н.А. Вельяминова к широкой научно-просветительской работе. Этому вопросу были посвящены многие из его статей в издаваемом им на собственные средства специализированном хирургическом журнале и других периодических органах медицинской печати, доклады на съездах медицинских обществ. Большое внимание он уделял преподаванию принципов антисептики и в своей педагогической деятельности.

В 1879 г. германский врач А.Р. Мозетиг-Моргоф ввел в хирургическую практику йодоформ, после чего исследованием свойств этого препарата занялись и русские ученые. В 1881–1882 гг. работы по изучению йодоформа проводились в Николаевском военном госпитале К.К. Рейером и Н.А. Вельяминовым, где это обеззараживающее средство было применено в 60-ти крупных операциях. Результаты исследований были опубликованы Н.А. Вельяминовым в статье «К вопросу о перевязке ран йодоформом» в газете «Врач» (1882 г., № 9). По результатам работ йодоформ был признан эффективным антисептическим средством, но Н.А. Вельяминов констатировал, что в больших дозах он также способен вызвать отравление.

На первом съезде Общества русских врачей в декабре 1885 г. Н.А. Вельяминов прочитал доклад на тему «Приемы обеззараживания ран на войне». На перевязочных пунктах хирург предлагал ограничиваться консервативными методами: антисептической «укупоркой» ран без первичной хирургической обработ-

ки. Н.А. Вельяминов находил целесообразным использование в качестве антисептических средств хлороформа и сулемы, а также предлагал удешевить антисептическую повязку с помощью использования в ней щипанного морского каната¹¹. Морской канат, который был очень дешев, по мнению Н.А. Вельяминова, прошел дезинфекцию дегтем, которым пропитывался при изготовлении. Полученная из него пакля могла с успехом использоваться при обработке ран вместо дорогостоящих ваты и марли. Нововведение быстро завоевало признание не только у военных, но и гражданских врачей. Оно имело практическую важность, так как правительство с трудом изыскивало средства для финансирования общественной медицины. «Предложенная Н.А. Вельяминовым канатная повязка благодаря простоте приготовления и дешевизне получила в России довольно широкое распространение. Особенно большое значение она имела в практике провинциальных хирургов, и из различных уголков России врачи сообщали об употреблении пакли»¹².

Н.А. Вельяминов окончил свой доклад выводом, что антисептика неукоснительно должна применяться не только в лечебных учреждениях, но и на поле сражения, снабжение антисептическими перевязочными средствами фельдшеров и санитаров должно быть обязательным, а нижних чинов индивидуальными перевязочными пакетами – желательным. Предложенный Н.А. Вельяминовым вариант антисептического пакета помещался в металлическую капсулу и состоял из йодоформа, щипанного каната и косынки.

Доклад Н.А. Вельяминова вызвал ряд возражений. Некоторые врачи выразили сомнение в целесообразности введения индивидуальных антисептических пакетов, уверенные в том, что их «растеряют, разбросают, испортят». Н.А. Вельяминову пришлось доказывать, что разъяснительная работа с личным составом армии позволит избежать этого, а также, что при наложении антисептической повязки на поле боя не обязательно дезинфицировать руки перевязывающего.

Интересно, что профессор Императорской военно-медицинской академии (ИВМА) С.П. Коломнин во время дискуссии высказал мнение, что «не всякое нагноение от микробов»¹³, чем продемонстрировал незнание последних достижений науки (это с сарказмом отметил Н.А. Вельяминов). «Элементарная отста-

лость академии по части не только асептики, но и антисептики не позволяла академическим хирургическим клиникам стоять на высоте современной хирургии»¹⁴, – вспоминал впоследствии ученик Н.А. Вельяминова, выдающийся хирург В.М. Мыш. В 1870–1880-е гг. профессора хирургической кафедры ИВМА, сначала Е.И. Богдановский, являвшийся «ярким противником»¹⁵ антисептики, а затем С.П. Коломнин и И.И. Насилов, способствовали отставанию академии от других медицинских центров страны в научном отношении.

На 1-м заседании Военно-санитарного общества в Санкт-Петербурге в 1886 г. в присутствии военного министра П.С. Ванновского Н.А. Вельяминовым был сделан доклад «Значение и задачи современных способов лечения ран на войне» – итог работы специальной, избранной обществом комиссии, в которую вошли он, К.К. Рейер и другие врачи. В докладе предлагались для снабжения армии индивидуальные пакеты, состоявшие из сулемовой марли и косынки¹⁶. Впоследствии Н.А. Вельяминов и М.Ф. Рабинович подготовили и опубликовали программу обучения приемам первой помощи солдат, унтер-офицеров, санитаров, ротных фельдшеров¹⁷.

Индивидуальные антисептические пакеты разных типов, предложенных русскими врачами, были изготовлены для армии в количестве миллиона штук и прошли проверку во время «китайской кампании» 1900–1901 гг. Как средства индивидуальной первой помощи, они нашли широкое применение во время Русско-японской войны, на фронт которой поступило до 2 тыс. пакетов разработки Н.А. Вельяминова. Однако лучшим был признан вариант, подготовленный военным ведомством. К этому мнению присоединился и Н.А. Вельяминов¹⁸.

В конце 1880-х гг. немецкими хирургами Э. Бергманом и К. Шиммельбушем были разработаны основы асептики, провозглашенные ими на X Международном медицинском конгрессе хирургов в Берлине в 1890 г. Методы стерилизации перевязочного материала и инструментария паром при высокой температуре и способы профилактики попадания микробов в рану быстро завоевали сторонников. Вскоре асептика в значительной мере вытеснила антисептику.

Однако Н.А. Вельяминов, принимая в своей практике новейшие разработки по асептике (например, в 1897 г. энергично при-

соединился к предложению хирурга В.Г. Цеге фон Мантейфеля о применении резиновых перчаток¹⁹, пропагандировал асептическую маску для медицинского персонала), не спешил оставить и антисептические методы лечения ран. Он «продолжал сочетать асептику с антисептикой как в хирургическом отделении больницы Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, так и в академической хирургической клинике ИВМА»²⁰. И это не случайно. Как говорил хирург в своей вступительной лекции студентам ИВМА, «мы, работавшие в долистеровское время, видевшие целые палаты пиэмиков, рожистые и гангренозные отделения больших госпиталей – мы до сих пор еще волнуемся, фанатизируемся, когда дело касается антисептики»²¹.

Когда в 1895 г. Н.А. Вельяминов начал клиническую и преподавательскую деятельность в академической хирургической клинике ИВМА, то, по свидетельству его учеников, «Николай Александрович не встретил там той обстановки, которая необходима для деятельности современного клинициста»²². Однако уже через год профессор представил записку с проектом реорганизации клинки. Вся работа была перестроена им на принципах асептики и антисептики. Результаты не заставили себя ждать, и за первые « $2\frac{1}{2}$ учебных года в клинике не было ни одного случая сепсиса и ни одного случая рожи, хотя уход за оперированными, за отсутствием в клинике сестер, оставляет желать многого»²³, – констатировал один из его учеников. В клинике было установлено новейшее стерилизационное оборудование, строго соблюдались принципы асептики.

Н.А. Вельяминов был твердо убежден, что «асептика не может заменить собой антисептику на перевязочных пунктах»²⁴. Он продолжал проводить идею о необходимости сочетать эти методы, а не ограничиваться лишь одним из них. На IX Пироговском съезде врачей (1904) он выступил с речью в защиту антисептики, выслушав которую, соединенное заседание отделения хирургии и военной медицины вынесло постановление, «не отрицая громадного значения асептики и на войне, считать необходимым, чтобы военное снабжение содержало в достаточном количестве антисептические средства и перевязочный материал»²⁵. Участвуя в качестве уполномоченного Российского общества Красного Креста (РОКК) в военной кампании по подавлению «боксерского» восстания китайцев (1900–1901) и Русско-

японской войне (1904–1905), Н.А. Вельяминов уделял большое внимание снабжению войск и военных лечебных учреждений в соответствии с новейшими достижениями военно-полевой хирургии.

Пренебрежение антисептическим методом, которое возникло в среде врачей в связи с распространением асептики, побудило Н.А. Вельяминова в 1912 г. указать в некрологе Д. Листеру, что «за последние годы еще при жизни великого старца медицинский мир, как ни тяжело в этом сознаться, стал забывать о нем, так же как и о его первоначальных взглядах на лечение ран...»²⁶

Еще более усилилось это ощущение у Н.А. Вельяминова во время Первой мировой войны, когда он служил при Ставке Верховного Главнокомандующего инспектором постановки хирургического дела в армии. За полтора года войны Н.А. Вельяминов осмотрел более 400 лечебных, эвакуационных, питательных и других учреждений на фронтах. Порой он констатировал в своих записях, что перевязочные пункты и госпитали напоминают ему «доантисептические времена», такая царит в них антисанитария, запах гноя, разнообразные виды раневой инфекции. Об асептике на фронте также можно было говорить лишь отчасти: резиновых хирургических перчаток на всех не хватало, а «достигнуть чистоты рук с хирургической точки зрения на перевязочных пунктах, при работе в передовых лазаретах и перевязочных на эвакуационных пунктах при перевязке масс, одним мытьем рук и обеззараживанием их почти невозможно...»²⁷, – писал Н.А. Вельяминов. В военно-медицинских учреждениях не хватало стерилизаторов, дезинфекционных средств, стерилизованного перевязочного материала и т. п. Используя свое положение представителя Верховного Главнокомандующего, а чаще – опыт врача – участника нескольких войн и связи в руководстве РОКК и высшем обществе, Н.А. Вельяминов, как мог, способствовал снабжению лечебных учреждений на фронте из военных и общественных аптечных складов антисептическими и асептическими средствами.

В 1916 г. Н.А. Вельяминов возглавил санитарный отдел Войск гвардии, сформированных на правах отдельной армии. Выяснилось, что снабжение гвардейских частей перевязочными средствами и медикаментами осуществлялось случайным порядком, стерилизационного оборудования «не было ни в перевязоч-

ных отрядах, ни в военных лазаретах»²⁸. Задачу по обеспечению войск всем необходимым медицинским имуществом, в том числе, средствами антисептики и асептики, Н.А. Вельяминов начал решать немедленно после вступления в должность. Кроме того, он составил и отпечатал для подчиненного ему медицинского персонала специальную инструкцию (в количестве 1 тыс. экземпляров), в которой предписывал ряд правил по оказанию медицинской помощи (в связи с разным пониманием врачами основных методов обработки и лечения ран, а также малой подготовленностью многих сестер милосердия). Большое внимание в этой памятке уделялось вопросам антисептики и асептики. Н.А. Вельяминов запрещал всякое ненужное соприкосновение с раневой поверхностью, а также обмывание и смачивание ее на передовом перевязочном пункте, предписывал обрабатывать раны йодоформом и т. п.²⁹ В результате деятельности Н.А. Вельяминова медицинское обеспечение Войск гвардии во время военных действий на р. Стоход летом 1916 г. было поставлено на правильную организационную и научную основу.

После Февральской революции Н.А. Вельяминов был назначен Главным полевым военно-санитарным инспектором русской армии и попытался провести ряд системных мер по улучшению организации военно-медицинской службы. Однако в июне 1917 г. он был вынужден покинуть свой пост. После Октябрьской революции Н.А. Вельяминов занимался почти исключительно писательской деятельностью, в частности созданием труда, обобщающего опыт военных медиков в годы Первой мировой войны. Созданная ученым обширная рукопись не была опубликована. Сегодня она хранится в фондах Военно-медицинского музея.

В своем труде, отразив виденное в сотнях лечебных учреждений армии, Н.А. Вельяминов с горечью пишет о легкомысленном отношении, проявляемом в сложных фронтовых условиях к антисептике деятелями военной медицины России через 40 лет после того, как была впервые доказана необходимость обеззараживания ран. «И были же, и есть серьезные люди, которые обвиняют наши способы лечения, нашу науку, удивляются беспомощности против раневых инфекций наших хирургических методов; которые боятся йодоформа, карболовой кислоты и говорят об асептике в этой обстановке!..»³⁰

Таким образом, на протяжении всей своей профессиональной деятельности Н.А. Вельяминов вел работу по пропаганде и развитию антисептики и асептики, особое внимание уделяя внедрению этих методов лечения ран в практику военно-медицинской службы. Большое значение он придавал комплексному осуществлению антисептики и асептики на фронте. Введение их в обиход военно-лечебных заведений, обучение работе с ними среднего и низшего медицинского персонала, во многом, произошло благодаря целенаправленной деятельности Н.А. Вельяминова в этом направлении. В значительной мере ему принадлежит и заслуга внедрения в армии индивидуального антисептического пакета, начала обучения личного состава войск технике само- и взаимопомощи. Впоследствии индивидуальные средства первой помощи были введены в войсках повсеместно, что спасло от гнилостной инфекции тысячи людей как в годы Первой мировой, так и Великой Отечественной войны. Эти достижения Н.А. Вельяминова, как и открытия других русских врачей XIX–XX вв., были развиты советской медицинской наукой, нашли широкое применение в вооруженных силах и легли в основу организации современного гражданского здравоохранения.

¹ Вельяминов Н.А. Современная хирургия и значение изучения ее в клинике, по отношению к общемедицинскому образованию врача (вступительная лекция) // Русский хирургический архив. СПб.: Тип. И.И. Сойкина, 1895. Вып. 3. С. 432.

² Скороходов Л.Я. Джозеф Листер. 1827–1912: Столетие антисептики. Л.: Изд. АН СССР, «Наука», 1971. С. 32.

³ Юдин С.С. Образы прошлого и силуэты некоторых военно-полевых хирургов. М.: Медгиз, 1944. С. 38–39.

⁴ Цит. по: Колесов В.И. Страницы из истории отечественной хирургии. М.: Изд-во АМН СССР, 1953. С. 218.

⁵ Турнер Г.И. Автографический этюд // Новый хирургический архив. 1931. Т. 23. Кн. 3–4. С. 409–410.

⁶ Колесов В.И. Указ. соч. С. 219.

⁷ Вельяминов Н.А. Воспоминания хирурга из Ахал-Текинской экспедиции. Из «Медицинского вестника» за 1882 г. СПб.: Тип. Б.Г. Янпольского, 1882. С. 3.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Колесов В.И. Николай Александрович Вельяминов (К 30-летию со дня смерти) // Вестник хирургии. 1950. Т. 70. Кн. 2. С. 10.

¹¹ Вельяминов Н.А. Приемы обеззараживания ран на войне. Протоколы Первого съезда русских врачей (26–31.12.1885 г.) // Хирургический вестник. Ежемесячный журнал под ред. Н.А. Вельяминова. Год II. 1886. Январь. С. 69.

- ¹² Брейдо И.С. История антисептики и асептики в России. Л.: Медгиз, 1956. С. 80, 102.
- ¹³ Протоколы Первого съезда русских врачей (26–31.12.1885 г.) // Хирургический вестник. 1886. Январь. С. 74–75.
- ¹⁴ Мыш В.М. Черновик статьи о Н.А. Вельяминове // Военно-медицинский музей. Рукопись. Л. 5.
- ¹⁵ Сталь А. (А. Таубер). Пережитое и передуманное студентом, врачом и профессором (Быль). Кн. 1. Студенчество. СПб.: Издание В.С. Эттингера, 1908. С. 69.
- ¹⁶ Брейдо И.С. Указ. соч. С. 110.
- ¹⁷ Корнеев В.М. Н.А. Вельяминов. Л.: Медгиз, 1962. С. 113.
- ¹⁸ Там же. С. 113–114.
- ¹⁹ Там же. С. 168–169.
- ²⁰ Брейдо И.С. Указ. соч. С. 144.
- ²¹ Вельяминов Н.А. Современная хирургия и значение ... С. 431.
- ²² Тиле В.А. Н.А. Вельяминов: Биографический очерк // Русский хирургический архив. Юбилейный выпуск в честь 25-летия научно-врачебной деятельности Н.А. Вельяминова. СПб., 1902. С. XIX.
- ²³ Ландшевский А.А. Исторический очерк кафедры академической хирургической клиники Императорской Военно-Медицинской (бывшей Императорской Медико-Хирургической) Академии (1798–1898 гг.) Дисс. на степень доктора медицины. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. С. 271.
- ²⁴ Корнеев В.М. Указ. соч. С. 110.
- ²⁵ Там же. С. 111.
- ²⁶ Цит. по: Самохвалов И.М., Тьянянкин Н.А. Николай Александрович Вельяминов – видный военно-полевой хирург в годы Русско-японской и Первой мировой войны // Очерки истории российской военно-полевой хирургии в портретах выдающихся хирургов. СПб.: ФОЛИАНТ, 2006. С. 95.
- ²⁷ Вельяминов Н.А. Задачи военно-санитарного дела на фронте в настоящее время // Русский врач. 1916. № 46. С. 1087.
- ²⁸ Вельяминов Н.А. Очерки военно-санитарного дела в отечественной войне 1914–1917 гг. и воспоминания академика Вельяминова. Рукопись // Военно-медицинский музей. Ч. II. Гл. I. Папка 4. Л. 75.
- ²⁹ Вельяминов Н.А. Основные правила лечения ран, сортировки и эвакуации раненых при обстановке военного времени в передовом районе. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1916. С. 3.
- ³⁰ Вельяминов Н.А. Очерки военно-санитарного дела ... Ч. I. Гл. III. Папка 2. Л. 119.

А.А. Будко, Г.А. Грибовская (Санкт-Петербург)

**ПРОФЕССОР ХИРУРГИИ
С.Р. МИРОТВОРЦЕВ – УЧАСТНИК ПЯТИ ВОЙН
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ**

СЕРГЕЙ Романович Миротворцев (1878–1949) – крупный ученый хирург, заслуженный деятель науки СССР, действительный член Академии медицинских наук СССР, профессор, участник пяти войн первой половины XX столетия. В 1898 г. он поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Будучи студентом, написал две работы по анатомии и хирургии, удостоенных золотых медалей. В 1903 г. по окончании университета стал работать в Петербурге в хирургическом отделении Обуховской больницы под руководством А.А. Троянова.

С началом Русско-японской войны по распоряжению А.А. Троянова был отправлен на войну как хороший, квалифицированный хирург, хотя, по его воспоминаниям, он имел смутное представление об организации хирургической помощи раненым, да еще в условиях морского боя. Прибыв в Порт-Артур в качестве хирурга Красного Креста на госпитальное судно «Монголия», он не сразу адаптировался к военным условиям и на море, и на суше. В сложнейших условиях боевых действий ему приходилось организовывать хирургическую помощь раненым и непосредственно самому оказывать ее и в плавучем госпитале «Монголия», и в больнице Красного Креста при Мариинской общине.

В личном архиве Сергея Романовича имеется письмо, которое он получил в 1939 г., когда был уже профессором в Саратове. «Многоуважаемый Сергей Романович! Позвольте попросить Вас перенестись на 35 лет назад. Итак – 7 октября 1904 года. Большое двухэтажное здание Красного Креста, едва только до-

строенное... Длинные ряды коек с больными и ранеными. Среди них высокий, стройный, красивый молодой врач, весельчак и обший любимец – Сергей Романович Миротворцев. Доктор Миротворцев разговаривает со своим земляком – стрелком 25-го полка Александром Степановым. Солдат, раненный на форту № 2 в обе ноги ружейной пулей навывлет, просится на выписку, но доктор уговаривает его обождать. – Поперед батьки в пекло не суйся! – говорит он, а сам только что вернулся с позиции, где под оружейным огнем перевязывал тяжело раненных... Отремонтированные Вами мои ноги (пулевая рана навывлет в левую икру и между костей на правой ноге) действуют и посеичас исправно... Позвольте же Вас поблагодарить за тогдашний уход за мной и прекрасное лечение... Искренне благодарный Вам и по сие время А.Н. Степанов – инженер и профессор Краснодарского химического института»¹. Письмо это написал Александр Николаевич Степанов – автор замечательного повествования «Порт-Артур».

Возвратившись в Петербург в августе 1905 г., Миротворцев работал в клинике профессора С.П. Федорова в Военно-медицинской академии, а затем с 1909 г. в клинике профессора В.А. Оппеля. В этом же году он защитил докторскую диссертацию «Экспериментальные данные к вопросу о пересадке мочеточников в кишечник» и в 1912 г. стал приват-доцентом. Работа Сергея Романовича в Военно-медицинской академии (1906–1914) явилась одним из важнейших этапов его жизни, раскрывшим его как талантливую ученого, врача и преподавателя.

В 1914 г. С.Р. Миротворцев был избран профессором кафедры общей хирургии Саратовского университета, но читать курсы лекций ему не пришлось. Началась Первая мировая война, и он был назначен главным хирургом-консультантом Западного фронта.

Первая мировая война по своей кровопролитности превзошла все войны XIX столетия, вместе взятые. В предвидении больших санитарных потерь и труднейших задач, вставших перед медицинской службой, было принято решение об учреждении единого органа управления ею. 3 сентября 1914 г. приказом по военному ведомству было создано Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части во главе с членом Государственного совета генерал-адъютантом принцем А.П. Ольденбург-

ским (1844–1932), наделенным самыми широкими правами и полномочиями². Находясь на театре военных действий, он подчинялся только Верховному главнокомандующему, а за его пределами – непосредственно императору. Такие полномочия обеспечивали абсолютное единство управления военной медициной, что было беспрецедентным явлением в истории российской медицины.

20 сентября 1914 г. приказом Верховного главнокомандующего в армиях были созданы санитарные отделы. Начальник санитарного отдела армии руководил работой корпусных врачей. Одной из своих основных задач принц А.П. Ольденбургский считал обеспечение согласования действий военно-медицинского ведомства с Российским обществом Красного Креста и новыми общественными организациями, возникшими в эту войну, Всероссийским земским союзом и Союзом городов.

Принц А.П. Ольденбургский, не являясь врачом, при решении всех принципиальных вопросов в области военного и гражданского здравоохранения постоянно опирался на своих ближайших консультантов, среди которых были: хирург Р.Р. Вреден, военно-полевой хирург Н.А. Вельяминов, лейб-хирург С.П. Федоров, хирурги В.А. Оппель, Н.Н. Бурденко, С.Р. Миротворцев, терапевт М.В. Яновский, окулист Л.Г. Беллярминов и другие видные деятели российской медицины.

Отступление русских войск в первые месяцы войны поставило в тяжелое положение и медицинскую службу. Скопление огромного числа раненых воинов русской армии требовало организации оказания медицинской помощи и своевременной их эвакуации с фронта.

Типичную картину трагических событий лета 1914 г. на Западном фронте описал в своих воспоминаниях С.Р. Миротворцев³.

Боевые действия в начале Первой мировой войны происходили на территории Польши. Штаб главнокомандующего Западным фронтом и начальник санитарной части находились в Варшаве, там же были и все профессора-консультанты, в том числе и С.Р. Миротворцев⁴. Придя однажды в санитарную часть фронта, он узнал об огромном скоплении раненых в Люблине и немедленно выехал туда на автомобиле. «Приехав в Люблин, – вспоминал С.Р. Миротворцев, – я явился к коменданту горо-

да... и спросил его, правда ли, что в Люблине скопилось так много раненых и они находятся без какой бы то ни было медицинской помощи.

– Вы пойдите, профессор, на Привокзальную площадь и там увидите, правда это или нет. Я ничего не могу сделать, у меня нет ни врачей, ни обслуживающего медицинского персонала, ни перевязочного материала и даже нет средств для того, чтобы кормить эту массу людей, которые совершенно неожиданно попали к нам. Ведь Люблин не был в числе городов, куда предполагалось эвакуировать раненых.

Оставив свой чемодан в госпитале, я пошел на Привокзальную площадь, где увидел огромное количество раненых, сидевших вплотную друг к другу на соломе, которая служила им и кроватью и крышей. Был теплый сентябрьский вечер, накрапывал дождь. А когда дождь усиливался, раненые вынимали из-под себя солому, поднимали ее над головой и сооружали нечто вроде индивидуального шалаша... Сколько там было раненых, затрудняюсь сказать – тысяча, две или три, – но во всяком случае зрелище это было ужасное... основную массу составляли легкораненные. Но были раненные в грудь, в череп, с переломом бедер и т. п. Каждый день количество раненых увеличивалось, их привозили на автомобилях и конных повозках, ехавших порожняком в Люблин за артиллерийскими снарядами. Вновь прибывшие раненые помещались вместе с прибывшими недели тому назад. У всех были запачканные, сбившиеся повязки, а многие были и вовсе без повязок. Легко-раненные, ходившие в город за подающими, делились добытым с тяжелоранеными.

Я вновь обратился к коменданту города и к начальнику станции, указывая им на недопустимость подобного отношения не только к раненым, но и к здоровым людям.

– Что же мы можем сделать, профессор? Мы дали знать в Варшаву, в Петербург, но пока помощи ни от кого не получили, и это продолжается уже десять дней.

...По прямому проводу я сообщил в Варшаву санитарной части главного командования о положении дел в Люблине и просил прислать мне все, начиная от медицинского персонала, перевязочного материала и кончая деньгами. На станции я открыл перевязочную, используя бинты, которые нашел в аптечке станции, а частью – бинты, находившиеся у самих раненых. Перева-

зав шестнадцать человек, я убедился в полной бессмысленности этой затеи, так как мог бы перевязать за ночь еще сто человек, а тысячи все же оставались бы без всякой помощи... Тут я полностью осознал все величие бессмертного завещания Николая Ивановича Пирогова, который говорил, что в известные моменты на войне не медицина, не наука, не операция играет самую важную роль, а организация работы – только она может вывести врача-хирурга из тупика».

И Сергей Романович обратился за помощью в Люблинское отделение Польского отделения Красного Креста, в местное женское благотворительное общество, которые созвали в городском театре всех медицинских работников и вообще женщин. Профессор воззвал к общественности Люблина с просьбой помочь спасти раненых и больных воинов.

«Надо было видеть то горячее желание, – пишет С.Р. Миротворцев, – а порой и энтузиазм, с которым все откликнулись на мое предложение. Сразу же после собрания мы отправились на площадь. Освободив два громадных пакагуза, которые были заняты тюками шерсти, молодежь, включая школьниц, вымыла там полы, выбелила стены на высоту роста человека и к вечеру у меня было готово помещение на тысячу человек, в котором можно было разместить тяжелораненных, правда прямо на полу, на соломе, но все-таки под крышей. В том и другом пакагузе были устроены перевязочные, которые мы отделили от основной части помещения фанерной перегородкой. В каждой перевязочной было поставлено по четыре ломберных стола, и мы получили возможность круглосуточно делать перевязки. Местное врачебное общество выделило в помощь мне тридцать шесть врачей, которые дежурили по три – четыре часа в сутки. К вечеру этого дня мы отобрали тяжелораненных и тех, которые не могли ходить. Легкораненные охотно помогли нам перенести в пакагузы своих товарищей. К ночи нам принесли носилки, сделанные из простых палок с натянутыми на них простынями. Местные аптеки бесплатно отпустили нам запас медикаментов и перевязочный материал. Несколько сот женщин стали приносить раненым кофе в кофейниках, хлеб, масло, яйца и т. п. и кормили раненых в пакагузах и на площади.

День и ночь шли перевязки, но количество раненых не уменьшалось, так как мы не могли их отправлять из Люблина. Одна-

ко очень скоро мне все же удалось организовать эвакуацию раненых. В поездах, состоящих из двадцати-тридцати теплушек, а иногда просто на платформах, мы отправляли их на станцию Холм, находившуюся от нас примерно в шестидесяти километрах. Там были развернуты пустовавшие военные госпитали. Из Варшавы я получил ответ на свою телеграмму: в мое распоряжение переводится большая сумма денег, направляется перевязочный материал и весь свободный персонал из большого резерва врачей... уже на третий день к вечеру стали прибывать сначала студенты-медики Киевского университета, работавшие выше всяких похвал, врачи-хирурги и врачи других специальностей, сестры милосердия, санитары... Работа пошла успешно, дружно, в результате чего образовался крепкий, спаянный коллектив... Эвакуация на станцию Холм оказалась настолько удачной, что после оказания необходимой хирургической помощи мы направляли из Люблина до двух тысяч раненых в день... За четырнадцать дней работы мы пропустили через свой перевязочный пункт (иначе его никак нельзя было назвать) сорок четыре тысячи раненых. Лишь на пятнадцатый день я пошел в гостиницу, чтобы переодеться и выспаться. Комендант гостиницы, увидев меня, очень обрадовался. Оказывается, он уже заявил в полицию, что я, прописавшись, в первый же день ушел и больше не являлся. Он предполагал, что меня где-нибудь убили»⁵.

Постепенно поток раненых в Люблине уменьшился, сюда прибыл начальник санитарной части Западного фронта и на устроенном им совещании было принято решение о дальнейшей судьбе формирования, созданного героическими усилиями профессора С.Р. Миротворцева «... Этот, не предусмотренный санитарными правилами отряд, – говорилось в этом решении, – сохранить ввиду возможности повторения таких эпизодов, которые возникли в Люблине, и в дальнейшем, выработав для него временную форму финансирования, считать его резервным для оказания хирургической помощи в тех местах, где обнаружится прорыв санитарной организации»⁶.

Отряд профессора С.Р. Миротворцева также успешно в 1914–1915 гг. работал в Новой Александрии, Ивангороде, Радоме и других городах и населенных пунктах в пределах Западного фронта. Ему было присвоено наименование «сборно-перевязочного пункта профессора С.Р. Миротворцева».

Такие трагические эпизоды, полностью или частично похожие на приведенный выше, в первый год войны, разумеется, случались не раз, но русские врачи, как и профессор С.Р. Миротворцев, всегда находили пути выхода из критических ситуаций. Во второй половине войны, когда она приобрела почти на всех фронтах позиционный характер, подобные трагедии уже не могли иметь места.

В Первую мировую войну на военно-медицинские учреждения впервые в военной истории обрушилась авиация противника. Персонал лечебных учреждений не был подготовлен к этому и бомбардировки с воздуха всегда вызывали панику. Вот как вспоминал о своем первом боевом «авиационном» крещении участник героической обороны Порт-Артура в Русско-японскую войну и Первой мировой – с ее первых дней – С.Р. Миротворцев: «Однажды я приехал в Столбцы... И вот в погожий ясный день, в двенадцать часов 5 июля 1916 года на высоте не более двухсот метров появились немецкие аэропланы и сбросили в расположение госпиталя (а он был развернут в палатках) несколько бомб. Медицинская сестра А.В. Замятина была убита, а два врача, С.А. Белявский и Н.В. Сидоров, с которыми я только что мирно беседовал, тяжело ранены. И пришлось, не уходя от операционного стола, прооперировать тех докторов, с которыми мы только что оперировали раненых за этим же столом». В другой раз Сергею Романовичу пришлось пережить авиабомбардировку в г. Молодечно. «Я уже был искушен опытом двух войн, – пишет он, – перенес осаду Порт-Артура, был под Люблином, а главным образом, переправу через Вислу, за что получил орден Владимира 4-й степени с мечами. Но, проснувшись около пяти часов утра, увидев, как со всех сторон неба начинают появляться черные точки, которые постепенно растут и превращаются в аэропланы, и услышав отвратительный свист и разрывы бомб, которые беспорядочно падали на госпитали, склады, вокзал, полотно железной дороги, школу, церковь, – я вновь пережил то чувство, которое испытал в Порт-Артуре при первой бомбардировке» (тогда это был обстрел города с японских кораблей)⁷. Если ветеран двух войн испытал такой страх, легко представить себе состояние необстрелянных молодых мужчин и тем более женщин при первых авианалетах. Работа С.Р. Миротворцева «О ранениях осколками аэропланов и цеппелинных бомб», в кото-

рой описаны способы лечения этих ранений, опубликованная в 1916 г. в приложении к журналу «Медицинский вестник Управления Главноуполномоченного Российского общества Красного Креста при армиях Западного фронта», занимает особое место в его научном наследии в области военно-полевой хирургии и в настоящее время⁸.

В конце 1916 г. после тяжелой болезни С.Р. Миротворцев вернулся в Саратов на профессорско-преподавательскую должность, продолжил свою врачебную деятельность.

Во время Гражданской войны Сергей Романович был назначен представителем Красного Креста при армиях Юго-Восточного фронта. Кроме основной организационной и хирургической работы в госпиталях все внимание было сосредоточено на борьбе со вшивостью, на санитарной обработке отрядов, улучшении их обмундирования, мобилизации кадров врачей, сестер милосердия, санитаров.

Наследием мировой войны явилось громадное число инвалидов, нуждающихся в протезировании. И Сергей Романович приказом Наркома здравоохранения Н.А. Семашко был назначен первым директором протезной мастерской в Саратове, впоследствии ставшей протезным заводом. Как писал сам Миротворцев, «...в деле снабжения протезами увечных, кроме возвращения той или иной трудоспособности, громадную роль играет влияние, оказываемое на нравственную, моральную сторону каждого инвалида»⁹.

В период Советско-финляндской войны профессор Миротворцев – главный хирург эвакуационных госпиталей Саратовской и Пензенской областей. Обладая большим опытом в области военно-полевой хирургии, Сергей Романович занимался организацией лечебной работы госпитальных учреждений глубокого тыла, где на первый план выдвинулись вопросы долечивания раненых, эвакуированных с далекого фронта. Характер ранений красноармейцев отличался от ранений Первой мировой войны в силу того, что здесь большое распространение получило ружье-автомат. Раненые, имевшие переломы костей, прибывали в тыловые госпитали с явлениями укорочения, деформацией и большим нагноением, а иногда с неправильной фиксацией и с неправильной репозицией отломков. Среди поступавших в лечебные учреждения наблюдалось большое коли-

чество отможенных, которые лечились в саратовских госпиталях 5–6 месяцев.

23 июня 1941 г., на второй день начала Великой Отечественной войны, С.Р. Миротворцев в телеграмме на имя главного хирурга Красной армии Н.Н. Бурденко писал о возможности использования его на фронте или в тылу, хотя на это время ему уже исполнилось 63 года. Через два дня телеграммой начальника Главного Военно-санитарного управления Красной армии Е.И. Смирнова он был назначен на должность главного хирурга госпиталей Саратовской и Пензенской областей. Хирургическая деятельность во вверенном ему регионе страны за период войны распределяется по трем основным периодам. В первый год войны госпитали работали в условиях приближающегося фронта с максимальной нагрузкой. Уже в этот период встал вопрос об угрозе сокращения хирургических кадров, так как многие специалисты уехали на фронт. Чтобы предотвратить недостаток хирургов в госпиталях, Сергей Романович Миротворцев предложил следующие мероприятия:

- организовать курсы переквалификации врачей всех специальностей на хирургов, создать клинический городок, развернуть в нем госпиталь – базу для этих постоянно действующих курсов;
- превратить клинический городок в образцовый показательный госпиталь, снабдив его лучшим оборудованием;
- предназначить этот госпиталь для самых тяжело раненных и поставить в нем современное научно обоснованное лечение;
- организовать в госпитале преподавание всех разделов военной хирургии (травматология, ортопедия, военно-полевая хирургия, десмургия);
- основных хирургов этого госпиталя прикрепить каждого к трем-пяти госпиталям, ответственными за организацию лечебного процесса;
- организовать, кроме постоянно действующих курсов без отрыва от работы, периодически создаваемые курсы с отрывом от работы.

И 15 марта 1942 г. состоялся первый выпуск врачей-хирургов¹⁰.

С середины 1942 г. и зимой 1943 г., когда шли бои за Сталинград, вверенные С.Р. Миротворцеву госпитали выполняли функ-

ции полевых подвижных госпиталей и работали с громадной перегрузкой, отправляя раненых затем в глубокий тыл.

В завершающем периоде войны, с отдалением фронта, лечебные учреждения превращались в госпитали глубокого тыла, задачей которых было излечение раненых до восстановления боеспособности или трудоспособности.

Всю свою энергию, огромный опыт и талант хирурга-организатора, ученого и общественного деятеля С.Р. Миротворцев посвятил благородному делу лечения раненых военнослужащих.

В течение всей Великой Отечественной войны Сергей Романович регулярно созывал служебные совещания и научные конференции госпитальных врачей, придавал большое значение вопросам изучения опыта хирургической работы в эвакогоспиталях, выступил со 105-ю докладами по различным проблемам военно-полевой хирургии, из которых 10 докладов были представлены на пленумах Госпитального совета в Москве.

Благодаря многогранной деятельности выдающегося ученого, организатора, педагога, врача и общественного деятеля, участника всех войн первой половины XX столетия Сергей Романович Миротворцев является примером человека славы, чести, доблести и героизма для многих поколений.

¹ Миротворцев С.Р. Страницы жизни. Л.: Медгиз, 1956. С. 48.

² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2018. Д. 1243. Л. 56.

³ Будко А.А., Сосин В.В., Шабунин А.В., Шикалов Г.Б. Памятные даты военной медицины. 2003 год. СПб.: ВММ МО РФ, ВМедА, 2002. С. 47–48; Захаров Н.В. Памяти Сергея Романовича Миротворцева // Хирургия. 1949. № 10. С. 78–81.

⁴ Грибовская Г.А. Российские врачи в первые месяцы большой войны (К 100-летию начала Первой мировой войны) // Воен.-мед. журн. 2014. № 8. С. 71–75.

⁵ Будко А.А., Быков И.Ю., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В. История военной медицины России XIX – начало XX в. СПб., 2006. Т. 3. С. 368–371; Миротворцев С.Р. Указ. соч. С. 66–68.

⁶ Миротворцев С.Р. Указ. соч. С. 70.

⁷ Там же. С. 80.

⁸ Там же. С. 188; Мышкин К.И., Чернышев Н.В., Франкфурт Л.А. Сергей Романович Миротворцев (К 100-летию со дня рождения) // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 1978. № 7. С. 141–142.

⁹ Миротворцев С.Р. Указ. соч. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 159.

А.А. Будко, Д.А. Журавлев (Санкт-Петербург)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕДИЦИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВКЛАД МЕДИКОВ в общее дело Победы велик, а их труд по своему масштабу и значению может быть сопоставим с ратным трудом бойцов и командиров, шедших в первых рядах наступления, так как работа по возвращению раненых и больных в строй во многом определяла успех крупных сражений. При посещении Военно-медицинского музея выдающийся советский полководец Иван Христофорович Баграмян, отдавая дань медикам Великой Отечественной войны, так охарактеризовал роль советской военной медицины в военные годы: «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом. Для нас, ветеранов Великой Отечественной войны, образ военного медика останется олицетворением высокого гуманизма, мужества и самоотверженности»¹.

Военно-политическое руководство Советского Союза осознавало важное значение медицинской службы в период боевых действий, принимая во внимание, что существовавшая на тот момент система государственных институтов не была способна в достаточном количестве, быстро и качественно готовить солдат, обладающих высокими профессиональными навыками и владеющих современной боевой техникой. Вследствие этого на государственном уровне пришло осознание того, что медицина относится не к сфере обслуживания населения, раненых и больных на поле боя, а является фундаментальной наукой, которая посредством познания законов жизнедеятельности здорового и больного человека может сохранить целостность нации, укрепить мощь государства, стать гарантом его суверенитета и безопасности.

В крайне неблагоприятной обстановке, учитывая значительные потери, которые несли Вооруженные силы Советского Союза, государство поставило перед военно-медицинской службой следующие стратегические задачи:

- вернуть в строй максимальное число раненых и больных;
- вернуть к полноценной жизни тех, кто был уволен из рядов Вооруженных сил по ранению или заболеванию, в том числе обеспечить снижение инвалидизации населения;
- уменьшить число небоевых потерь, предотвратить вспышки массовых заболеваний, как среди военнослужащих, так и гражданского населения.

Для реализации указанных задач был проведен целый комплекс мероприятий, охватывающих все уровни деятельности военно-медицинской службы и гражданского здравоохранения.

Еще в начале августа 1941 г. в передовой статье «Правды» высоко оценивалась роль военной медицины, а также ее отдельных представителей, в приближении тогда еще далекой победы: «Каждый возвращенный в строй воин – это наша победа. Это – победа советской медицинской науки... Это – победа воинской части, в ряды которой вернулся старый, уже закаленный в сражениях воин».

Высокое значение эвакуации раненых с поля боя и своевременного оказания им медицинской помощи было подтверждено и в приказе Народного комиссара обороны «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу» от 23 августа 1941 г. Согласно приказу предписывалось представлять к награждению медицинский персонал за вынос с поля боя раненых с их оружием: тех, кто вынес с поля боя 15 человек, представляли к медали «За боевые заслуги» или «За отвагу», 25 человек – к ордену «Красной Звезды», 40 человек – к ордену «Красного знамени», 80 человек – к ордену Ленина².

По донесениям фронтов, флотов, отдельных армий и флотилий, санитарные потери советской стороны в Великой Отечественной войне, а также боевой кампании на Дальнем Востоке в 1945 г., составили 18 344 148 человек, в том числе 15 205 592 раненых, контуженных и обожженных, 3 047 675 заболевших и 90 881 обмороженный³. Вместе с тем, следует отметить, что приведенные данные нуждаются в существенном дополнении. В це-

лом, за период с 22 июня 1941 г. по сентябрь 1945 г. в лечебных учреждениях всех наименований учтено госпитализированных 22 326 905 человек.

Вышеуказанные цифры красноречиво показывают, какой объем работы пришлось проделать медицинской службе в 1941–1945 гг. В абсолютных показателях благодаря усилиям медиков продолжили сражаться против врага свыше 17 млн. пораженных в боях и заболевших, а из числа раненых после прохождения лечения в строй было возвращено 10,5 млн. человек⁴.

Даже в самый трудный, первый год войны, в строй возвращалось ежемесячно 100–200 тыс. раненых и больных. Позднее, когда ситуация на фронте стабилизировалась и появилась возможность грамотно организовать работу лечебных учреждений как на фронте, так и в тылу, этот показатель стал неуклонно возрастать: в 1942 г. в строй ежемесячно возвращалось до 350 тыс. человек, в 1943 г. – около 400 тыс., в 1944 г. – около 365 тыс. человек. Если в 1941 г. величина восполнения за год войны составляла 929,3 тыс. (30,7 % от численности войск), то в 1943 г. – 4 млн. 753,5 тыс. человек (74,4 %)⁵. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что победа в жесточайших сражениях Великой Отечественной войны была в большой степени достигнута солдатами и офицерами, возвращенными в строй медицинской службой⁶.

Большой объем работы был проделан в годы войны медицинской службой флота: из военно-морских госпиталей было возвращено в строй 86,4 % раненых и 95,9 % больных⁷. Деятельностью медицинской службы Военно-морского флота на протяжении всей войны руководил Ф.Ф. Андреев. Прекрасными организаторами показали себя также начальники медицинской службы флотов и флотилий: С.Н. Золотухин, А.М. Зотов, В.Р. Баудер, А.В. Смольников, И.А. Толкачев, И.Н. Томилин и др.

В течение войны все большее значение в возвращении в строй военнослужащих стали играть лечебные учреждения армий, фронтов и флотов, в то время как серьезно изменилась роль тыловых эвакуогоспиталей НКЗ СССР, куда направлялись тяжело раненные и больные, требовавшие более длительных сроков лечения⁸.

В тяжелейшие годы войны была создана Академия медицинских наук СССР (1944), а также Музей медицинской службы

Красной армии (Военно-медицинский музей) (1942), основной целью которых стало обобщение опыта, полученного советской медициной в годы войны. Толчком к интеграции медицинской науки под эгидой АМН СССР послужило Постановление Совета Министров СССР от 26 марта 1946 г. № 664 «О научной разработке и обобщении опыта советской медицины во время Великой Отечественной войны», подписанное лично И.В. Сталиным⁹.

Созданная система взаимодействия военных и гражданских органов здравоохранения в войсках, тыловых районах действующей армии и во внутренних районах страны позволила исключить массовое развитие эпидемических заболеваний. Большой объем работы был проделан в области организации и методов проведения медицинского контроля за состоянием здоровья личного состава войск, санитарного надзора за водоснабжением, питанием и размещением войск в полевых условиях¹⁰.

Большое внимание уделялось военными медиками и государственной властью решению вопросов, связанных со снижением инвалидности, а также социальной реабилитации инвалидов¹¹. Система восстановительного лечения, созданная в ходе войны, позволила вернуть к труду сотни тысяч раненых и больных воинов.

Ефим Иванович Смирнов на протяжении всей войны руководил Главным военно-санитарным управлением (ГСВУ) Красной армии. Возглавляемый им высший орган советской военной медицины грамотно и эффективно организовал работу всей медицинской службы во время Великой Отечественной войны¹². Его талант организатора и знатока истории военной медицины раскрылся в тот период, когда от работы медицинской службы зависел успех той или иной операции, судьба многих тысяч людей. Одним из основных достижений Е.И. Смирнова на посту начальника ГСВУ является создание системы этапного лечения раненых и больных с эвакуацией по назначению. В феврале 1942 г. Е.И. Смирновым была сформулирована военно-медицинская доктрина, имевшая большое значение для практической реализации и успешного функционирования этой системы.

В соответствии с приказом Наркома обороны СССР от 9 мая 1941 г. был учрежден институт главных медицинских специалистов Красной армии. Предусматривались также должности глав-

ных хирургов фронтов, армейских хирургов, ведущих хирургов полевых и фронтовых эвакуационных пунктов, а также армейских и фронтовых лечебных учреждений и медико-санитарных батальонов. Данным приказом были введены аналогичные должности главных специалистов для врачей терапевтов, эпидемиологов и др.¹³ Большую роль сыграли в годы Великой Отечественной войны выдающиеся ученые-медики: Н.Н. Аничков, М.С. Вовси, Ю.Ю. Джанелидзе, Ф.Г. Кротков, А.Л. Мясников. Инспекторами ГВСУ являлись В.В. Гориневская, А.Д. Сперанский и др. Профессора С.С. Гирголав и В.Н. Шамоу работали в качестве заместителей Н.Н. Бурденко – главного хирурга Красной армии. Профессор П.И. Егоров был заместителем главного терапевта Красной армии, профессора М.И. Неменов, С.Т. Павлов работали главными специалистами Красной армии, профессора М.Н. Ахутин, Е.А. Бок, Н.Н. Еланский, И.А. Криворотов, П.А. Куприянов, В.И. Попов – главными хирургами фронтов. Главным патологоанатомом Красной армии был М.Ф. Глазунов, главным гинекологом – И.Ф. Жордания, главным стоматологом – Д.А. Энтин, главным эпидемиологом и инфекционистом Красной армии – И.Д. Ионин, начальником противоэпидемического управления ГВСУ – Т.Е. Болдырев.

Всю эту чрезвычайно важную и благородную работу осуществляла 700-тысячная армия представителей военно-медицинской службы – врачи и средний медицинский персонал, санитары и санитары-носильщики, санинструкторы.

Военные медики с честью выполнили поставленные руководством страны задачи:

- в строй были возвращены 71,7 % раненых и 86,7 % больных обстрелянных, опытных воинов;

- инвалиды составили 66 % из числа уволенных из рядов Красной армии по ранению или заболеванию. Медицинские работники на всех этапах оказания лечебной помощи смогли не только снизить количество инвалидностей, но и, наравне с органами социальной защиты, выполнили большой объем работы для реабилитации и адаптации инвалидов к нормальной жизни;

- в период Великой Отечественной войны благодаря активной работе медиков, четкой организации ГВСУ санитарно-гигиенического и противоэпидемического обеспечения войск удалось избежать вспышек инфекционных заболеваний.

Опыт военного здравоохранения по возвращению в строй раненых и больных воинов приобрел мировое значение. Указанное обстоятельство было отмечено на правительственном уровне – более 116 тыс. человек личного состава медицинской службы Вооруженных сил СССР и 30 тыс. тружеников гражданского здравоохранения в годы Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями Советского Союза. 42 медицинских работника были удостоены высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза¹⁴. За выдающиеся заслуги в области медицинского обеспечения Вооруженных сил были удостоены звания Героя Социалистического Труда такие выдающиеся деятели отечественной медицины, как главный хирург Красной армии генерал-полковник медицинской службы Н.Н. Бурденко, главный хирург Военно-морских сил генерал-лейтенант медицинской службы Ю.Ю. Джанелидзе, начальник Военно-медицинской академии генерал-полковник медицинской службы Л.А. Орбели. 18 советских медиков стали кавалерами ордена Славы трех степеней. За исключительную самоотверженность, милосердие и заботу, проявленные при оказании медицинской помощи раненым и больным во время Великой Отечественной войны, 44 медицинские сестры были награждены высшим знаком отличия Международного комитета Красного Креста – медалью Флоренс Найтингейл¹⁵.

13 представителей военной медицины, в числе которых были М.Н. Ахутин, А.Я. Барабанов, М.М. Гурвич, Н.Н. Еланский, М.Я. Зетиллов, А.И. Катков, И.А. Клюсс, А.Е. Песис, Р.Г. Плякин, Е.И. Смирнов, П.Г. Столыпин, Н.П. Устинов, А.Г. Шишов, награждены полководческими орденами. Флотоводческими орденами были награждены представители медицинской службы ВМФ А.И. Катков, А.Г. Шишов. За достижение отличных результатов во время войны 39 военных госпиталей, 8 медико-санитарных батальонов и других медицинских частей и учреждений награждены орденами Советского Союза.

Таким образом, в результате объединения усилий военно-медицинской службы и гражданского здравоохранения, перестройки системы организации деятельности, советская медицина решила важнейшие стратегические задачи, поставленные руководством страны, обеспечив тем самым успех в тяжелейшем вооруженном противостоянии, а также создав благоприятные

условия для развития медицинской науки и практики в последующий период.

¹ Рукописный фонд Военно-медицинского музея.

² Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов и материалов / Под ред. М.И. Барсукова, Д.Д. Кувшинского. М.: «Медицина», 1977. С. 38–39.

³ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 243.

⁴ Там же. С. 242.

⁵ Чиж И.М. Вклад медицинской службы в победу в Великой Отечественной войне // Военно-медицинский журнал. 1995. № 5. С. 5.

⁶ Будко А.А., Грибовская Г.А., Журавлев Д.А. Исторический опыт взаимодействия военно-медицинской службы с органами здравоохранения страны в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-медицинский журнал. 2014. № 5. С. 4–10.

⁷ Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л.: «Медицина», 1985. С. 279.

⁸ Там же. С. 152.

⁹ Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: В 35 т. / Гл. ред. Е.И. Смирнов. М.: Медгиз, 1951. Т. 1: Предисловие. С. XXXI–XXXIII, XXXVI–XLII.

¹⁰ Кузьмин М.К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны. М.: «Медицина», 1979. С. 84–85.

¹¹ Чиж И.М. Указ. соч. С. 8.

¹² Будко А.А., Барановский А.М., Леонов И.Т. Генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов: «Мы управляли военно-медицинским делом, объем и трудности которого были огромны» // Военно-исторический журнал. 2005. № 3. С. 27–28.

¹³ Кнопов М.Ш., Зубков И.А. Руководящий состав военно-медицинской службы периода Великой Отечественной войны // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2005. № 2. С. 62.

¹⁴ Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Указ. соч. С. 292.

¹⁵ Советские медицинские сестры, награжденные медалью Флоренс Найтингейл. Л.: ВММ МО СССР, 1987. С. 7.

О.К. Бумай (Санкт-Петербург)

МЕДИЦИНСКИЕ ЧИНЫ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1905–1906 ГОДОВ

СОБЫТИЯ 1905–1906 гг. не могли не отразиться на деятельности и медицинских учреждений, и военно-морских врачей. Авторы (В.И. Шестов, Е.М. Иванов, Л.И. Горелов, В.В. Тимофеев¹, Е.М. Иванов²) разделили деятельность морских врачей в этот период на две группы: реакционную и революционную. Они рассматривали этот вопрос, иллюстрируя свою мысль примером деятельности двух врачей, одновременно пришедших на флот: В. Малышева и А. Галенко³. 7 июня 1904 г. был переведен на флот из «18-го драгунского Клястицкого Его Королевского Высочества Великого Герцога Гессенского Эрнста Людвиг полка Вячеслав Малышев»⁴, 27 сентября того же года поступил на флот по окончании Харьковского университета Алексей Галенко, назначенный младшим врачом Учебного отряда Черноморского флота⁵.

В документах Российского государственного архива ВМФ (РГА ВМФ) нами обнаружен документ, который в некоторой степени характеризует Вячеслава Малышева. Это отношение Главного доктора Николаевского морского госпиталя в Кронштадте от 18 июля 1905 г. «О странном поведении доктора Малышева в отношении воспитанников школы», в котором указывается: «Он был лишен права проведения уроков. Ему был объявлен строгий выговор. Медицинский инспектор почетный лейб-медик Исаев»⁶.

Медицинский инспектор Севастопольского порта Эдуард Эмильевич Кибер (был расстрелян революционными матросами в Ялте в феврале 1918 г.) писал о прибытии В. Малышева на Черноморский флот: «В. Малышев приехал с женой медичкой,

не окончившей еще курса вследствие последней забастовки студентов в Петербурге. В. Малышев очень нуждался в средствах и был назначен вторым врачом на броненосец “Три святителя”. 28 июня утром он пришел ко мне с ходатайством о фельдшере Чербакове (переведен сюда из Кронштадта уже фельдшером 1-ой статьи в ноябре 1903 г.), которого списали накануне будто бы без всякой вины»⁷.

В тот же день сам В. Малышев был арестован. Главный командир порта вице-адмирал Г.П. Чухнин заявил Э.Э. Киберу, что для ареста В. Малышева имелись следующие мотивы: «...1) демонстративно обедал из котла команды; 2) дал фельдшеру Чербакову читать книгу о свободе личности в Англии; 3) заявил командиру судна, что если спишут Чербакова, то пусть спишут и его». Г.П. Чухнин сообщил также, что В. Малышев будет уволен со службы и выслан из Севастополя⁸.

Командир броненосца «Три святителя» И.А. Веницкий доносил, что с корабля было списано 20 человек, в том числе и фельдшер Чербаков, против списания которого протестовал Малышев. Книга А. Горбунова «Гарантия личной свободы в Англии», переданная Малышевым Чербакову, была обнаружена кондуктором Воротниковым и представлена командиру. Последний получил также анонимное письмо, в котором сообщалось: «Ваш доктор и соучастник Чербаков ... коренные социал-демократы»⁹.

Следователь был против ареста В. Малышева. От жены В. Малышева скрывали факт его ареста ввиду ее болезни¹⁰. Однако Г.П. Чухнин наложил на рапорте прокурора о деле Малышева особую резолюцию: «Его действия на броненосце “Три святителя” во время опасного состояния чинов Черноморского флота вели к еще большему возбуждению, а также к тому же вели его недисциплинированные требования, предъявленные к командиру броненосца; все это показывает, что он ошибся, приняв на себя вместо врачебной деятельности административную и не соответствующую его специальности, почему предложить подать в отставку в недельный срок»¹¹.

Э.Э. Кибер, ходатайствуя за В. Малышева, дал ему очень хорошую характеристику: «В короткое время его службы при госпитале я успел оценить его как одного из тех врачей, которые способны делать патологофизический анализ больного человека и руководствоваться этим анализом при лечении... Сослужив-

цы в кают-компаниях его любили, товарищи тоже и называли ... хрустальная душа»¹². В. Малышев 8 августа 1905 г. все же был уволен со службы¹³.

События на броненосце

«Князь Потемкин Таврический» в июне 1905 г.

Долгое время считалось, что врачи восставшего броненосца «Князь Потемкин Таврический» были в рядах контрреволюции, что старший врач броненосца С.Е. Смирнов по приговору команды был во время восстания расстрелян¹⁴. Но на самом деле дела обстояли не совсем так: суда не было, С.Е. Смирнов был ранен штыком в живот и выброшен за борт.

Из рапорта младшего врача броненосца «Князь Потемкин Таврический» лекаря Галенко Главному доктору Севастопольского морского госпиталя: «14 июня в 11 часов дня старший врач Смирнов передал мне приказание командира осмотреть обоим врачам приготовленную для команды пищу.

На камбузе в Галенко стреляли, но промахнулись. О докторе Смирнове говорили, что его раненого бросили в воду и он утонул¹⁵».

Младший врач броненосца «Князь Потемкин Таврический» Галенко под предлогом осмотра больных прибыл на корабль «Георгий Победоносец», но его вернули на броненосец «Князь Потемкин Таврический». Он все же сумел снова попасть на корабль «Георгий Победоносец». По его словам, для усмирения команды: «Я приехал, и мне удалось убедить всю команду смириться».

Поведение младшего врача А. Галенко характеризуется в показаниях Э.Э. Кибера следующим образом: «В младшего врача Галенко тоже стреляли, но кок оттолкнул его за плечи, матросы говорили: “Этот не виноват, недавно поступил” и спрятали его в закоулке под кучей шинелей. Через 6 часов его вызвали, и он делал перевязки раненым, оставшимся во власти бунтовщиков, пока не удалось хитростью перейти на образумившийся тем временем “Георгий Победоносец”»¹⁶.

Находясь на «Георгии Победоносце», он вел себя двулично, связавшись с кондукторами, а команду призывал идти в Севастополь, чтобы «поднять весь флот». Но это не спасло Галенко от наказания. По утвержденному Главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря приговору Севастопольско-

го военно-морского суда определено: «Младшего врача Учебного Отряда Черноморского флота, лекаря Галенко, за преступное деяние, предусмотренное 109 ст. Военно-Морского Устава о наказании, считать исключенным из службы с лишением чинов – 13 марта»¹⁷.

Фельдшера броненосца «Князь Потемкин Таврический» Морозов и Бринк были на стороне команды и вместе со всеми остались в Румынии.

Хорошо отзывались матросы о враче портового судна «Ве-ха» (оно было переоборудовано в госпитальное судно) В.М. Королеве. И. Пономарев в книге «Герои Потемкина»¹⁸ пишет, что команда «Ве-хи» состояла из 60 человек, призванных из запаса; кадровыми были лишь командир – полковник корпуса флотских штурманов прибалтийский немец Эйхен – и судовой врач Королев – сын матроса Балтийского флота. Команда «Ве-хи» любила Королева и просила руководителя восстания Матюшенко оставить его на судне за старшего, когда Эйхен был арестован. «Ве-ха» была превращена в госпитальное судно. Раненые и больные были переданы с броненосца «Князь Потемкин Таврический» на судно «Ве-ха» на попечение В.М. Королева. Он остался на судне и после того, как офицеров свезли в Одессу. (Из рапорта судового врача портового судна «Ве-ха» лекаря Королева¹⁹).

В дальнейшем все раненые и больные с «Ве-хи» и броненосца «Князь Потемкин Таврический» были переданы в Николаевский морской госпиталь²⁰.

По результатам событий на Черноморском флоте 7 февраля 1906 г. было «высочайше» одобрено следующее решение морского министра вице-адмирала Бирилева: «В ближайшие 3 года переменить всех офицеров строевого состава Черноморского флота, а также и медицинских чинов, и в первую очередь перевести офицеров и медиков, подписавшихся в протоколе 14 ноября 1905 г... Принимавших более деятельное участие в составлении протокола; капитана 2-го ранга Скаловского, инженер-механика Домоховского и старшего врача надворного советника Васильева ныне же от службы уволить»²¹.

Военно-морской следователь Севастопольского порта возбудил дело по обвинению доктора В.И. Карвацкого, прикомандированного к Военно-медицинской академии для защиты диссертации. Следователь сообщил начальнику академии, что В.И. Кар-

вацкий должен содержаться «под ближайшим надзором начальства». Начальник академии А.Я. Данилевский сообщил об этом Главному медицинскому инспектору флота В.С. Кудрину, указав на хорошую оценку диссертации В.И. Карвацкого профессором Г.Е. Рейном. Чтобы избежать ссылки, В.И. Карвацкий был вынужден лечь в клинический военный госпиталь. 12 ноября 1907 г. он докладывал Главному медицинскому инспектору флота, что болен неврастенией, о чем прилагал справку от доктора Вербицкого. Судя по материалам следствия, В.И. Карвацкий обвинялся в участии в событиях 1905 г. в Севастополе²².

События на крейсере 1 ранга «Память Азова» в июле 1906 г.

Во время восстания на крейсере 1 ранга «Память Азова» 19 июля 1906 г. был убит старший судовой врач Соколовский, который оказывал медицинскую помощь раненому офицеру. Из рапорта флагманского врача Учебно-артиллерийского отряда статского советника Попова: «Во время бунта на крейсере 1 ранга “Память Азова” во 2 часу ночи с 19 на 20 сего июля был убит судовой врач коллежский асессор Соколовский. Он был убит в кают компании выстрелом в люк с верхней палубы, когда он подходил к раненому старшему офицеру, пуля попала в спину, пробила легкое и сердце. Ревельский рейд 27 июля 1906 года»²³.

Офицерам штаба Учебно-артиллерийского отряда судов во главе с командующим отрядом капитаном 1 ранга Н.Д. Дабичем удалось спастись. После подавления восстания Н.Д. Дабич обвинял флагманского врача отряда Попова в том, что тот не оказал ему медицинской помощи, когда Дабич ушиб ногу. На этом основании Н.Д. Дабич требовал понижения флагманского врача в должности.

Его поддерживал великий князь: «Его Превосходительство Алексей Алексеевич, находя действия флагманского врача Попова крайне нечеловеколюбивыми и в особенности по отношению к своему отрядному начальнику, не считает возможным оставить этого врача без дисциплинарного взыскания – понизить его в должности»²⁴.

Тем не менее, В.С. Кудрин нашел возможным заступиться за Попова, мотивируя тем, что Попов не знал об ушибе и помогал Дабичу высаживаться на берег. «Да и какую помощь, – писал

В.С. Кудрин, – мог бы оказать Попов при отсутствии медицинских средств при закрытом ранении ноги?» В.С. Кудрин просил не снижать Попова в должности, учитывая, что ему оставалось около года до пенсии²⁵.

Из рапорта В.С. Кудрина «О действиях Попова и неоказании им помощи флигель-адъютанту Дабичу, когда они бежали на берег с мятежного “Память Азова”» 31 октября 1906 г.: «Он сопровождал его (Дабича) до берега на баркасе и помогал выйти из воды. На берегу они разошлись и встретились утром. Попов не знал о ранении Дабича»²⁶.

В рапорте на имя А.Г. Нидермиллера (в 1905–1906 гг. и.о. начальника Главного морского штаба) В.С. Кудрин ходатайствовал о переводе Попова в Черноморский флот на одну из вакансий старшего врача, учитывая, что до выслуги этим врачом полной пенсии осталось около года²⁷.

События в Кронштадте в 1905–1906 гг.

В октябре 1905 г. в Кронштадте вспыхнуло восстание, в котором принимали участие около 3 тыс. матросов и 1,5 тыс. солдат. 26 октября город фактически оказался в руках восставших, однако отсутствие руководства и дисциплины привело к погромам винных складов, магазинов и жилых домов. 27 октября прибывшие из Санкт-Петербурга и Ораниенбаума войска подавили восстание. В результате с обеих сторон 22 человека убиты или умерли от ран, около 100 человек ранены, около 3 тыс. участников восстания арестованы (9 человек приговорены к различным срокам каторги, 67 человек — к различным срокам тюремного заключения).

Медицинская помощь раненым оказывалась в Кронштадтском морском госпитале. «29 октября 1905 года в госпиталь поступило 19 убитых и 77 раненых²⁸». В докладе Главного доктора Кронштадтского морского госпиталя Исаева от 31 октября 1905 г. указывается, «что в госпиталь было доставлено 79 человек, в т. ч. морских чинов – 50, нижних чинов военно-сухопутного ведомства – 12 человек, чинов гражданского ведомства – 17. Умерли 6 морских и 1 гражданский²⁹».

Заслуги медицинских чинов Кронштадтского морского госпиталя по оказанию медицинской помощи раненым были отмечены императором Николаем II. «Государь Император по докла-

ду Его Величеству телеграммы Главного Доктора Николаевского Морского Госпиталя в Кронштадте о мерах, принятых для оказания врачебной помощи пострадавшим при бывших в Кронштадте беспорядках, а также для приюта женщин и детей, искавших убежища во время пожаров и погрома их жилищ, объявляет Высочайшую благодарность – Главному Доктору Госпиталя Почетному Лейб-Медику Двора Его Императорского Величества, Действительному Статскому Советнику Исаеву и Монаршее благоволение – Помощнику Главного Доктора Статскому Советнику Добротворскому, старшему ординатору Коллежскому Советнику Кочеткову, старшему врачу 10-го флотского экипажа Надворному Советнику Поленову, младшим врачам Коллежским Ассессорам – 2-го флотского экипажа и Учебно-Минного Отряда Балтийского флота Соколовскому, 2-го флотского экипажа лекарю Меркушеву, смотрителю Госпиталя Статскому Советнику Спасскому, а также всем прочим медицинским и офицерским чинам, при Госпитале состоящим и принимавшим деятельное участие в напряженной работе по уходу за всеми нуждавшимися во врачебной помощи; нижним же чинам Госпиталя и вольнонаемной прислуге – **Царское спасибо**. 31 октября»³⁰.

При изучении литературных источников и архивных документов, в которых дается оценка революционным событиям 1905–1906 гг. и участию в них медицинских чинов морского ведомства, можно сделать вывод, что в них приводятся сведения противоречивого характера. Эта тема требует своего дальнейшего исследования. В настоящее время появилась возможность объективного и многостороннего изучения событий того времени. Надеемся, что эта работа будет продолжена как историками, так и исследователями других смежных специальностей.

¹ Шестов В.И., Иванов Е.М., Горелов Л.И., Тимофеев В.В. Материалы по истории медицинской службы русского военно-морского флота второй половины XIX и начала XX века (1850–1917). М.: Медицина, 1968. 236 с.

² Становление и развитие отечественной военно-морской медицины / Под ред. Е.М. Иванова. Л.: Медицина, 1976. С. 92.

³ Там же. С. 42.

⁴ Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1904. Июль.

⁵ Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1904. Ноябрь.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 408. Д. 1197. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 1357. Л. 2.

- ⁸ Там же. Л. 3.
⁹ Там же. Л. 5.
¹⁰ Там же. Д. 1197. Л. 7.
¹¹ Там же. Д. 1357. Л. 6–7.
¹² Там же. Л. 9.
¹³ Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1905. Сентябрь.
¹⁴ Шестов В.И., Иванов Е.М., Горелов Л.И., Тимофеев В.В. Указ. соч.
¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 408. Д. 1196. Л. 11.
¹⁶ Там же. Д. 1357. Л. 1–2, 11.
¹⁷ Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1906. Апрель.
¹⁸ Пономарев И. Герои Потемкина. М.: Воениздат, 1955. 176 с.
¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 408. Д. 1196. Л. 3.
²⁰ Там же. Л. 4.
²¹ Там же. Ф. 227. Д. 245. Л.101.
²² Там же. Ф. 408. Д. 1462. Л. 33, 121, 131 и 134.
²³ Там же. Д. 1196. Л. 35.
²⁴ Там же. Л. 75.
²⁵ Там же. Д. 1327. Л. 67.
²⁶ Там же. Д. 1196. Л. 74.
²⁷ Там же. Л. 13а.
²⁸ Там же. Д. 1208. Л. 2.
²⁹ Там же. Д. 1196. Л. 5.
³⁰ Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1905. Декабрь.

В.С. Великанов (Москва)

УЧАСТИЕ СТРЕЛЕЦКИХ ПОЛКОВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700–1706)

НЕСМОТря на расхожее мнение об уничтожении Петром I стрелецкого войска в 1698–1699 гг., стрельцы как отдельная служилая категория сохранились, как минимум, до 1720-х гг. М.Д. Рабинович в своей работе убедительно доказал, что они приняли активное участие в боевых действиях в годы Великой Северной войны, а также продолжали использоваться в качестве гарнизонных частей¹. Введение в научный оборот новых источников и материалов позволяет дополнить и уточнить приведенные М.Д. Рабиновичем сведения, в частности – данные о количестве и «службах» стрелецких полков, а также об их организации, вооружении и снаряжении. В рамках настоящей работы будут рассмотрены только те стрелецкие части, которые приняли участие в Великой Северной войне в качестве самостоятельных подразделений. В первую очередь это бывшие московские стрельцы, а также городовые стрелецкие полки Новгорода, Пскова с пригородами, Смоленска, Севска, Белгорода и Курска².

Общая численность стрельцов к началу Великой Северной войны точно не установлена. Большая часть московских стрелецких полков находилась в ведении Стрелецкого приказа (с 23 июня 1701 – приказ Земских дел), которым до самой своей смерти в ноябре 1703 г. руководил боярин Иван Борисович Троекуров. Кроме этого, «старые» выписные московские приказы (переселенные до 1682 г.) и многочисленные местные стрелецкие гарнизоны находились в ведении различных территориальных приказов: Разрядного, Новгородского, Сибирского, Казанского дворца, Смоленского княжества и Военного. К нача-

лу 1700 г. на службе находилось 9 московских стрелецких полков: 3 – в Киеве, 2 – в Белгороде, по одному в Батуристине, Путивле, Севске и Курске. В начале 1701-го их общая численность составляла 6390 чел. включая 57 офицеров³. С учетом потерь, понесенных московскими стрельцами под Нарвой (ок. 670 чел.)⁴, мы можем оценить общую численность московских стрельцов в 1700-м в 7100 чел.

В Киеве «на вечное житье» были поселены 3 полка московских стрельцов, насчитывавшие в 1700 г. ок. 1600 чел.: стольника и полковника Ивана Климентьевича Ушакова (5 офицеров, 586 стрельцов), Ивана Скрипицына (6 офицеров, 492 стрельца) и Михаила Федоровича Сухарева (8 офицеров, 513 стрельцов)⁵. Рабинович утверждает, что к 1703 г. все боеспособные стрельцы из этих полков были направлены на пополнение действующей армии, а вместо них на полугодовую службу присылались стрельцы и пушкари из городов Севского разряда. Однако в другом месте своей диссертации он упоминает об указе 1702 г., по которому «...В Малороссийских городах для осторожности от неприятельских приходов к жилым тех городов ратным людям в прибавку Севского разряда разных городов пешего строю ратным людям быть»⁶. Мы считаем, что севские ратные люди присылались в Киев не вместо, а в дополнение к местным стрельцам, так как нами не найдено упоминаний о разборе и высылке киевских стрельцов на службу. Кроме этого, данные о количестве севских ратных людей не совпадают с данными о численности киевского гарнизона. Всего в 1703-м на службу в Киев было выслано 1849 севских ратных людей, фактически явилось – 1282⁷. Большинство из них бежали со службы, не дожидаясь окончания полугодового срока, и данная практика была признана неудачной. Летом 1706 г. киевский гарнизон насчитывал 59 офицеров, 1794 стрельца и солдата, 158 рейтар, 48 пушкарей⁸. В январе 1708 г. был установлен новый штат киевского гарнизона, по которому он должен был состоять из команды рейтар и шести 5-ротных батальонов (батальона жилых солдат, трех батальонов стрельцов и двух новоприборных солдатских батальонов)⁹, общей численностью 3 тыс. чел.: «велено в киевский гарнизон к прежним 2000 чел. выбрать дополнительно 1000 чел. из Севского и Белгородского Разрядов»¹⁰. Для доукомплектования гарнизона до новых штатов Голицыным в городах Белгородского раз-

ряда было выбрано и направлено на службу в 1708 г. 531 чел.¹¹ К 1711 г. указанные 6 батальонов были переформированы в гарнизонные полки.

В Белгороде, согласно данным Рабиновича, были поселены три московских полка: Василия Елчанинова, Михаила Кривцова и Ильи Дурова. По нашим данным полк Михаила Кривцова в конце 1699 г. был передан Степану Стрекалову и переведен в Севск, а сам Кривцов получил назначение в Кольский острог. Таким образом, в Белгороде находились два полка, Елчанинова и Дурова (с весны 1700 – Мартемьяна Сухарева). В августе 1700 г. оба полка были отправлены под Нарву. Полк Елчанинова состоял из полковника, подполковника, 5 капитанов и 711 стрельцов; Сухарева – полковника, подполковника, 3 капитанов и 654 стрельцов¹². Вместе с ними под Нарву был также отправлен полк Степана Стрекалова из Севска. Этот полк был в марте определен «в посад» (т. е. должен был быть расформирован), но данный указ так и не был реализован, и в мае 1700 г. полк сначала получил новый указ идти с Мазепой в низовья Днепра, а в августе – принять участие в осаде Нарвы. Полк Стрекалова выступил в поход в составе полковника, 4 капитанов и 379 стрельцов; подполковник, 2 капитана и 36 стрельцов были оставлены «за болезнью и у всяких посылок»¹³. Все три полка выступили в поход «со знамены, барабаны, пушки и полковые припасы», но их росписи нами не найдены. Под Нарвой данные полки находились на позициях напротив Ивангорода и серьезно пострадали на шведских вылазках. При отступлении в Новгород в трех стрелецких полках в середине декабря было налицо стрельцов: Степана Стрекалова – 239 чел., Василия Елчанинова – 467 и Мартемьяна Сухарева – 385 (совокупные потери 666 чел.)¹⁴. В феврале–марте 1701 г. их остатки были объединены в один полк под командованием Степана Стрекалова. В 1701–1704 гг. полк находился в составе корпуса ладожского воеводы П.М. Апраксина и использовался, в основном, для «стругового дела». В 1706 г. полк был переименован в Каргопольский солдатский, расформирован в 1713 г.

Полк Ивана Нечаева был поселен «при гетмане» отдельной слободой в гетманской резиденции Батурине. Полк по спискам насчитывал 600 чел., но в реальности на службе в 1700 г. было всего 552 чел. Нечаев просил поверстать на службу 58 стре-

лецких детей, но ему в этом было отказано¹⁵. Летом 1700 г. полк Нечаева вместе со стрелецким полком Григория Анненкова (398 чел.) принял участие в «Днепровском походе» И. Мазепы. После возвращения из похода было принято решение перевести полк Анненкова из Путивля в Батурин (февраль 1701), а в начале 1702-го – объединить оба полка. Командование новым полком было дано Анненкову, а Нечаев был переведен в Смоленск командиром одного из жилых солдатских полков. В дальнейшем полк Григория Анненкова в 1702–1706 гг. все время находился при гетмане И. Мазепе и принял участие во всех его походах на Правобережную Украину. В марте 1706 г. полк был переброшен в Минск, а 30 апреля принял участие (около 200 чел.) в неудачном сражении при Клецке. Остатки полка были объединены с Севским новоприборным солдатским полком Михаила Франка и пополнены за счет севских ратных людей до тысячного состава. По спискам на 26 января 1707 г. в полку насчитывалось 26 офицеров (включая полковника и бригадира Григория Анненкова и подполковника Ивана Григорьевича Анненкова) и 748 урядников и солдат в 10 ротах¹⁶. Затем полк был переведен в гарнизон Киева, и с 1711 г. – Киевский комендантский гарнизонный полк, а с 1727 г. – Черниговский гарнизонный полк.

В Курске «на вечное житье» был поселен московский стрелецкий полк стольника и полковника Алексея Семеновича Чичагова. В конце 1699-го в полку насчитывались полковник, подполковник, 4 капитана и 341 стрелец¹⁷. С осени 1703-го полком командовал полковник Петр фон Буковин, ранее командовавший одним из солдатских полков в генеральстве Репнина, а с 1704 г. – подполковник Андрей Ильич Колпаков. В 1706 г. полк был переформирован в солдатский, и в 1708 г. принимал участие в подавлении булавинского бунта. Дальнейшая судьба точно не установлена.

В годы Великой Северной войны были сформированы лишь 3 новых полка из московских стрельцов. По указу от 25 июня 1702 г. Земский приказ должен был набрать в Дорогобуже два тысячных полка из «московских стрельцов, которые после Азовских походов отпущены свободно в города в посады». Объявление о приеме на службу бывших стрельцов встретило неожиданно большой отклик, и уже в начале октября 1702 г. глава приказа Земских дел И.Б. Троекуров писал царю, что добровольцев яви-

лось 3 тыс. чел., из которых он сформировал три тысячных полка: стольников и полковников Ивана Константиновича Нечаева, Михаила Ивановича Протопопова и Данилы Ивановича Титова. Известно, что в полку Нечаева оказались московские стрельцы, ранее служившие в расформированных полках Ивана Конищева, Ивана Озерова, Дмитрия Воровцова, Мартемьяна Сухарева, Венедикта Батурина, Михаила Протопопова, Михаила Кривцова. В документах полка Протопопова стрельцы указаны немного иначе – по городам, к посадам которых они были приписаны после расформирования: Симбирск, Луки Великие, Переяславль Рязанский, Михайлов, Ярославль, Астрахань, Белгород, Кострома, Саратов и т. д.¹⁸ Все три полка получали припасы и жалованье из приказа Земских дел, там же велся учет личного состава. Два новых полка (Нечаева и Протопопова) уже в октябре 1702 г. были отправлены в Литву на помощь старосте жмудскому Огинскому, а полк Титова был размещен на литовской границе в Поречье¹⁹. В декабре того же года полки Нечаева и Протопопова встали на зимние квартиры в Друе, а в марте 1703 г. выступили в составе корпуса Б.С. Корсака к Бирже на соединение с союзными литовскими войсками Огинского. В последовавшем затем неудачном сражении при Салатах 29 марта 1703 г. русские стрельцы вынесли на себе основную тяжесть боя. Согласно данным смотра, проведенного после возвращения в Биржу, потери полка Нечаева составили убитыми и дезертирами 224 чел., и налицо фактически насчитывалось 785 чел. (полковник, 8 капитанов, 776 урядников и рядовых). Потери полка Протопопова составили 128 чел., и в наличии имелось 807 чел. (полковник, подполковник, 6 капитанов, 799 урядников и рядовых)²⁰. Также стрелецкими полками были потеряны значительная часть полкового имущества и почти весь обоз: все 11 пушек, 33 барабана, 42 знамени, 130 прапоров, 492 меньших прапорца, 391 вымпел и другое имущество²¹. Затем до июля 1704 г. оба полка находились в гарнизоне Биржи, откуда выступили вместе с Вишневецким к Якобштадту. С учетом подкрепления в 317 московских стрельцов, их общая численность составила 1792 урядника и рядового. Полк Нечаева насчитывал полковника, 7 капитанов и 814 урядников и рядовых, полк Протопопова – полковника, подполковника, 8 капитанов и 846 урядников и рядовых, с обозом в Бирже от двух полков были оставлены около 160 чел. В сражении

при Якобштадте 5 августа 1704 г. полк Нечаева потерял «побитыми и в полоне» 234 чел., в том числе 3 капитана, 7 пятидесятников, 23 десятника и 201 рядового. Полк Протопопова потерял 251 чел., в том числе подполковника, 6 капитанов, 7 пятидесятников, 12 десятников, 3 сотенных, 6 знаменщиков, 12 барабанщиков и 204 рядовых²². После поражения оба стрелецких полка отошли в Друю, откуда в ноябре были переведены в Вильно (полк Нечаева насчитывал 537 чел., Протопопова – 510)²³. Осенью 1705 г. при сосредоточении главных сил русской армии под Гродно стрелецкие полки были определены в гарнизон Тикоцына, а весной 1706 г. выведены в Киев и приняли участие в строительстве Киево-Печерской крепости. Их дальнейшая судьба точно не установлена, вероятно, оба полка находились в гарнизонах на Правобережной Украине и к 1713 г. переформированы в ландмилиционные.

Третий полк набора 1702 г. – Данилы Титова (с 1703 г. стольника и полковника Василия Ивановича Кошелева) в 1702–1703 гг. оставался под Смоленском, а в 1704 г. переведен на Украину, где вошел в команду гетмана И. Мазепы, и участвовал в походе на Правобережную Украину. В марте 1706 г. полк был переброшен в Минск, а 30 апреля принял участие («с бою вернулось 167 стрельцов, не вернулось 97») в неудачном сражении при Клецке²⁴. В том же 1706 г. полк размещен гарнизоном в Севске и переформирован в жилой солдатский полк.

Кроме московских стрельцов в боевых действиях на начальном этапе Великой Северной войны также приняли участие городовые стрельцы Пскова и его пригородов, Новгорода, Белгорода, Севска и Смоленска²⁵. Во Пскове в 1700 г. находились два тысячных стрелецких полка, каждый по 10 рот – стольника и полковника Даниила Никифоровича Загоскина (985 чел.) и полковника Юрия Юрьевича Вестова (943 чел.)²⁶. В дальнейшем данные стрелецкие полки почти каждый год меняли своих командиров, но общая численность стрелецкой корпорации оставалась примерно на одном уровне (с учетом потерь и незначительных новых верстаней), и количество полков одновременно не превышало двух. В сентябре 1700 г. под Нарву из Пскова с осадной артиллерией и припасами был отправлен полк Василия Козодавлева, видимо принявшего полк Загоскина, и 600 чел. из полка Юрия Вестова вместе с самим полковником²⁷. Часть ос-

тавшихся стрельцов участвовала в походе к Нейгаузену и Ряпиной мызе, а часть – в «плавном походе» на западный берег Псковского озера и неудачном бою у деревни Рапшль 17 ноября 1700 г. Осенью 1700 г. полк Козодавлева вместе со стрельцами псковских пригородов (1118 чел.) был направлен в Печерский монастырь и принял участие в отражении шведской атаки. В мае 1701 г. полк Вестова был отправлен в составе корпуса Репнина к Риге, а полк Козодавлева до октября находился в Печерском монастыре и принял участие в сентябре в бою под Новокезерицкой мызой. В декабре 1701 г. оба полка приняли участие в «первом свейском походе» Шереметева и сражении при Эрестфере, а затем в летнем походе 1702 г. В кампанию 1703-го псковские стрельцы (полк Козодавлева принял полковник Башмаков) несли охрану побережья Псковского озера и участвовали в «плавных поисках над неприятелем». В следующем 1704 г. оба псковских стрелецких полка (полком Башмакова командовал подполковник Полибин) сначала приняли участие в плавном походе отряда фон Вердена и бое на реке Амовже, а затем в осаде и взятии Дерпта в составе войск Шереметева. После взятия города оба полка были оставлены в его гарнизоне: «в стрелецких: у Василья Палибина в полку – капитанов 5 ч., урядников и стрельцов 593 ч.; у маеора Руха в полку [полковник Вестов погиб при штурме крепости] – капитанов 5 ч., урядников и стрельцов 402 ч., в том числе ранено 53 ч.».

Стрельцы псковских пригородов в 1700–1704 гг. несли службу вне своих городов попеременно, сменяясь каждые полгода. Сформированный из них сводный полк находился в 1701–1705 гг. во Гдове под командованием стольника и полковника Федора Ушакова. Осенью 1705 г. всех стрельцов из псковских пригородов («опочечкие, островские, изборские, красного-роцские, гдовские, заволоцкие, порховские, луцкие, ржевские, торопецкие, по спискам тех пригородов 1907 чел.») было решено перевести в Дерпт на усиление местного гарнизона. Однако выяснилось, что в наличии во Гдове есть лишь 1087 чел., а большинство остальных расписаны по различным службам и гарнизонам, в частности «в Питербурге, и в Копорье и в Ямбурге 624, в Торопце 50, в Ржеве Володимировой 44, а достальные в тех же вышеписанных пригородах». В итоге, в конце 1705 г. в Дерпт был переброшен лишь стрелецкий полк подполковника Филип-

па Кара (ранее – Ушакова) из Гдова, который насчитывал 1084 стрельца и пушкаря. Из них 534 пополнили 2 псковских стрелецких полка (полком Полибина к этому моменту командовал полковник Юрий Юрьевич Шкот), а 550 остались у Кара²⁸. В начале 1706 г. все 3 находившихся в Дерпте стрелецких полка были переформированы в солдатские.

В Новгороде в 1700 г. находились два стрелецких полка, так называемый «московский» выписной полковника Дениса Рыддера (к осени – Захария Вестова) и новгородский «тысячный» полковника Мирона Баишева, общей численностью 1,5 тыс. чел. Оба полка приняли участие в нарвском походе 1700 г., где понесли серьезные потери. Вместо погибшего под Нарвой Захария Вестова «московский» полк принял подполковник Федор Миронович Баишев. Оба новгородских стрелецких полка в 1701 г. сведены в один тысячный стрелецкий полк, сформированный из «Мирона и сына его Федора Баишевых старого Московского и Новгородского стрелецкого полков. И у того полку быть и полковником ему Мирону, а подполковником сыну его Федору». Летом 1701 г. объединенный полк насчитывал 1123 чел., и в октябре был переведен в Ладогу для «береженья города и строгого строения». Зимой 1703–1704 гг. полк в составе отряда П.М. Апраксина находился у Ямбурга, затем участвовал в осаде Нарвы. По состоянию на 15 августа 1704 г. в полку Баишева насчитывалось 967 чел. К 10 февраля 1706 г. полк Баишева переведен в Новгород и после 1706 г. пропадает из списков войсковых частей. Вероятно, он был распущен. Рабинович упоминает об участии полка Баишева в Выборгском походе 1710 г., однако дополнительных подтверждений этому не найдено.

В Белгороде с 1650-х гг. был поселен выписной московский стрелецкий приказ, которым к началу 1700 г. командовал генерал-майор солдатского строя Карл Андреевич Ригимон²⁹. В 1699 г. полк решили привести в тысячный состав, для чего в Белгород перевели «на житье» (указ от 11 января) стрельцов из Ярославля, Можайска и еще ряда городов³⁰. Летом 1700 г. Ригимон получил назначение комендантом в Астрахань, но по дороге к новому месту службы заболел и умер. После его отъезда из Белгорода командование полком передали стольнику и полковнику Осипу Григорьевичу Булгакову. В 1701 г. вышел царский указ о «написании» белгородских стрельцов в солдаты и пере-

формировании стрелецкого полка в жилой солдатский. На практике это означало отмену существенной части привилегий и части натуральных дач и перевод в постоянную службу за жалованье. Расходы на содержание Белгородского жилого полка были положены на приказ Земских дел, причем оклады бывших белгородских стрельцов оказались ниже, чем у бывших московских: белгородский сержант – 4, «московский» пятидесятник – 7 р.; капрал и десятник – 4,5 и 6 соответственно; солдат и стрелец – 4 и 5³¹. В начале 1702 г. полк Булгакова был отправлен в Смоленск, причем для этого похода солдатам в марте были выплачены «подъемные деньги», так как без них из Белгорода им было выступить «немочно». В итоге в Смоленске на смотре 17 мая в полку в 11 ротах насчитывалось 1042 чел.: полковник, подполковник (Кузьма Борисович Неклюдов), 10 капитанов, 21 сержант, 11 ротных писарей, 42 капрала и 956 солдат³². В 1703 г. полк вернулся в Белгород, где его полковник попал в 1704 г. под следствие по обвинению в многочисленных злоупотреблениях в отношении стрельцов, которое тянулось вплоть до смерти Булгакова в августе 1706 г.³³ После его смерти командование принял подполковник Кузьма Борисович Неклюдов. В 1708 г. полк принял участие в подавлении Булавинского бунта, последующая судьба нами точно не установлена (вероятно, переформирован в один из гарнизонных или ландмилиционных полков).

Севским выписным московским полком в начале 1700 г. командовал стольник и полковник Данила Никитич Юдин. В апреле 1700 г. в Севске насчитывалось «московских выписных стрельцов Данилы Юдина» 478 чел. включая тех, кто служил по «50 лет и больше». В июне 1700 г. полк Юдина был назначен в полк генерал-майора стольника князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского для службы в Тавани и Казыкермене, согласно отписке в Разряд в поход выступило всего 387 чел., остальные на службу не явились³⁴. Весной следующего 1701 г. Юдина отправили в Брянск для сбора подвод и хлеба для государевых ратных людей в Казыкермене и Каменном Затоне. Стрелецкий полковник решил воспользоваться возникшим в Каменном Затоне дефицитом и дороговизной продовольствия, отправить на казенных подводах вместо казенного хлеба свой и заработать на разнице в стоимости. Об этом стало известно в Москве, Юдин был отстранен, а вместо него командиром полка на-

значен подполковник Яков Лукич Постельников. Весной 1702 г. полк под его командованием был отправлен в Дорогобуж в корпус окольного и воеводы князя Федора Ивановича Шаховского. В справочнике Рабиновича ошибочно указано, полк Постельникова в 1706 г. переформирован в одноименный солдатский полк³⁵. По нашим данным, указанный полк не упоминается с конца 1703 г. Вероятно, он был расформирован, а его личный состав направлен на доукомплектование полков Нечаева и Протопопова после сражения при Салатах. Сам Яков Постельников был назначен в декабре 1703 г. подполковником в новоприобретенный солдатский полк Ивана Канищева (Конищева), набранный Военным приказом из вольницы в том же 1703 г. Затем в марте 1705 г. он был назначен командиром одного из пяти новоприобретенных солдатских полков, сформированных севским воеводой Неплюевым из ратных людей Севского разряда, и именно послужной список этого солдатского полка в дальнейшем приводит Рабинович³⁶.

В Смоленске в 1700 г. находился стрелецкий приказ численностью около 500 чел., которым командовал полковник Иван (Вилим) Иванович Лесли. В 1702 г. полк под командованием полковника Степана Николаевича Аршанаевского должен был принять участие в осаде Быхова, но сбор русских войск затянулся, а потом и вовсе был отменен. В 1703 г. полк принял стольник и полковник Дмитрий Филиппович Каховский, под командованием которого смоленские стрельцы были отправлены в Киев, где вошли в состав русского вспомогательного корпуса на польско-саксонской службе. В августе 1704 г. полк был переформирован в 4-ротный батальон (460 чел.) под командованием подполковника Пауля Румора. В сентябре 1704 г. стрельцы приняли участие во взятии Варшавы, а в октябре-ноябре – в неудачной осаде Познани. В феврале 1706 г. в сражении при Фрауштадте батальоном (456 чел.) уже командовал капитан Альбрехт Кадеус. В боевом порядке русского корпуса стрелецкий батальон находился во 2-й линии, и о его участии в сражении и потерях известно крайне мало. После поражения остатки всех русских полков были сведены в один сводный полк подполковника Самуиля Ренцеля³⁷. Часть смоленских стрельцов вошла в состав этого полка, а часть самостоятельно вернулась в Россию, и в 1710 г. в полках смоленского гарнизона их числилось не менее 50 человек.

В заключение необходимо сказать несколько слов об организации и снаряжении стрелецких полков. Типовой московский стрелецкий полк имел тысячный состав и состоял из 10 сотен (иногда назывались ротами). В реальности полный 10-ротный «тысячный» состав имели лишь некоторые полки, большинство насчитывало по 300–700 чел. и состояло из соответствующего количества сотен (по 70–100 чел. в каждой). Полком командовал полковник, его заместитель – подполковник, сотнями (ротами) командовали капитаны, всего 12 офицеров в тысячном полку. Другие офицерские чины в стрелецких полках не встречаются, функции чинов полкового штаба выполняли урядники (унтер-офицеры). Каждая рота насчитывала 2 пятидесятника, 8 десятников и 90 рядовых стрельцов. Пятидесятники и десятники имели статус урядников (т. е. унтер-офицеров), равные соответственно сержанту (пятидесятник) и капралу (десятник) солдатских полков. Из числа рядовых стрельцов выбирались сотник, целовальщик, знаменосцы и музыканты. «Сотник» был выборным ротным чином, исполнявшим, вероятно, функцию квартирмейстера роты. За снабжение отвечал ротный «целовальщик», целовавший крест распределять все по совести и чести. Также в списках стрелецких полков иногда встречаются «пятисотенные» и «приставы», чьи обязанности нами точно не установлены. Например, в 1702 г. в псковском стрелецком полку Юрия Вестова (716 чел., 8 сотен) указано 4 пятисотенных и 2 пристава, а в полку Василия Козодавлева (703 чел., 7 сотен) – всего по одному³⁸. Также каждый полк имел полкового священника. Примечательно, что в сражении при Салатах в марте 1703 г. среди погибших были полковые попы обоих стрелецких полков, Нечаева и Протопопова, принимавших участие в бою.

Вооружение стрельцов в годы Великой Северной войны было различным. Во втором Азовском походе у московских стрельцов «мушкеты з багинеты ... а будет багинеты отставить, вместо их надобно копей в то число». В частности, в 1696 г. в полку Тихона Гундертмарка в наличии было «908 мушкетов з багинеты с сумы, и с лядунки, и с ремнями, и с перевязьми, а будет багинеты отставить, вместо их надобно 908 копей». Причина замены современных багинетов на копья, видимо, была вызвана их большей функциональностью в степи против татарской конницы и на штурме крепости. У стрельцов московских полков в Белгоро-

де в 1699 г. «по фузее да по бердышу, а иным вместо бердыша по копью», там же упоминалось о планах перевооружения фузеями с багинетами. В 1699 г. в псковских полках Данилы Загоскина и Юрия Вестова 756 рядовых стрельцов были «з замковыми пищальми, и з бердыши, и с самопалы», 160 – только с мушкетами, 227 – только с копьями и 424 – только с бердышами³⁹. В 1700 г. у новгородских стрельцов полка Захария Вестова имелось 900 фузей, 240 копей и 660 бердышей, а в полку Мирона Баишева у стрельцов было по фузее и копью. Зимой 1700–1701 гг. в Новгороде стрельцы полка Мартемьяна Сухарева были вооружены самопалами и «копьями с древки», там же у полка Елчанинова – фузеи и бердыши, копий нет, у полка Стрекалова – самопалы и «копья с древки и бердыши в то число» (т. е. у каждого по копью или бердышу)⁴⁰. В стрелецкие полки Нечаева, Протопопова и Титова в 1702 г. выдали по «1000 фузей, 1000 бердышей с ротовищи, 500 копей с древки крашены»⁴¹. Стрелецкиедесятники были вооружены так же, как рядовые стрельцы, мушкет или самопал и копьё или бердыш. Пятидесятники огнестрельного оружия не имели, только протозаны или алебарды. Офицеры также были вооружены протозанами или пиками и саблями. Сиповщики, барабанщики и знаменосцы имели только бердыши. У псковских стрельцов упоминаются отдельно 12 протозанщиков (по 6 на полк) с «протозаны брацкими», их роль и статус точно не установлены. Также как минимум в 3-х случаях в перечне вооружения стрелецких полков упоминается по 20 богато украшенных пищалей: «ложи и стволы вороненны, местами золочены, чехлы суконные», кто ими был вооружен, также не установлено.

Каждый полк имел сотенные знамена по числу сотен в полку и дополнительно полковое или полковничье знамя и подполковничье. В довоенное время в полках, видимо, имелось по два комплекта знамен – богато украшенные «воскресные» (как правило, с вышитыми религиозными мотивами) и более скромные походные «крестовые». Кроме знамен в стрелецких полках имелось большое количество различных значков и прапоров. У пятидесятников были «прапоры тафтяные большие подзнаменные» с суконными чехлами. Кроме этого у каждого десятника на копьё также было по прапору, т. е. на роту не менее 10 прапоров (обычно камчатых или из холста).

Таким образом, в Великой Северной войне приняли участие 20 стрелецких полков включая три набора 1702 г. Большая часть из них несли гарнизонную службу, и лишь новгородские и псковские стрельцы, а также полки набора 1702 г. активно участвовали в боевых действиях. К 1706 г. почти все стрелецкие полки были переформированы в жилые солдатские, потеряв существенную часть привилегий и натуральных дач и перейдя на постоянную службу за жалованье. Также начиная с этого момента они начали пополняться централизованно набранными рекрутами, т. е. потеряли свою территориальную «привязку» и статус независимой служилой корпорации. Новые жилые солдатские полки продолжили в основном несение гарнизонной службы, однако их также привлекали для различных походов и операций на вспомогательных направлениях (например, против мазепинцев и булавинцев). К сожалению, частые смены полковников и недостаточный ввод в оборот материалов о местных гарнизонах Киевской губернии не позволяют в полном объеме восстановить дальнейшую судьбу большинства стрелецких полков, находившихся в южных городах.

¹ Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. Т. 58. М., 1956. С. 273–305.

² Исследование стрелецких гарнизонов Архангельска, Астрахани и небольших стрелецких корпораций южных городов, а также их участия в Великой Северной войне выходит за рамки данной работы.

³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 140–141 об.

⁴ Там же. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 250. Л. 249.

⁵ Лебединцев П.Г. Росписной список Киева 1700 г. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. К., 1892. Кн. VI. Отд. III. С. 33.

⁶ Рабинович М.Д. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования русской регулярной армии в начале XVIII в. Дисс ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 376, 391.

⁷ Там же. С. 376–377.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 210. Л. 329.

⁹ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Д. 6. Л. 1038–1042.

¹⁰ Там же. Ф. 210. Книги Белгородского стола. № 210. Л. 330.

¹¹ Там же. Л. 333.

¹² Там же. № 250. Л. 249.

¹³ Там же. Столбцы Севского стола. № 483. Л. 67.

¹⁴ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 250. Л. 273.

¹⁵ Там же. Столбцы Севского стола. № 483. Л. 51, 313.

¹⁶ Там же. Дела разных городов. № 61. Л. 261–264.

¹⁷ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 1730. Л. 188.

- ¹⁸ Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1704. Д. 49. Л. 264 об.–278 об. и 277 об.–280 об.
- ¹⁹ Там же. Ф. 145. Оп. 1. 1702. Д. 45.
- ²⁰ Там же. 1704. Д. 75. Л. 2 и 19.
- ²¹ Подробнее см.: Великанов В.С. «Салатские трофеи»: полковое имущество стрелецких полков Нечаева и Протопопова, потерянное в сражении при Салатах 18/29 марта 1703 г. // Старый Цейхгауз. № 52 (2/2013). С. 3–13.
- ²² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1704. Д. 49. Л. 489, 490. Подробнее см.: Великанов В.С. «Якобштадская конфузия»: русский корпус Б.С. Корсака в сражении при Якобштадте 5 августа 1704 г. // Старый Цейхгауз. № 55 (5/2013). С. 80–87.
- ²³ Волинский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. 1. 1698–1706: в 4 книгах. СПб., 1912. Кн. 3. С. 313.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. № 91. Л. 334. См. подробнее: Великанов В.С. «Непомысленная баталия»: участие корпуса С.П. Неплюева в сражении при Клецке 19/30 апреля 1706 г. // Старый Цейхгауз. № 63 (1/2015). С. 76–81.
- ²⁵ Подробнее о боевом пути и реорганизации стрельцов Новгорода и Пскова с пригородами см.: Великанов В.С. Реорганизация ратных людей Новгородского Разряда в 1700–1707 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей Международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. I. С. 216–230.
- ²⁶ Сборник Московского архива Министерства Юстиции. Т. 6. Кн. 2. М., 1914. С. 266, 282–283 (далее – Сборник МАМЮ).
- ²⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 1. Л. 379.
- ²⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3 (1704–1705). СПб., 1893. С. 962–963. Т. 4 (1706). СПб., 1900. С. 100–101.
- ²⁹ Ригимон получил командование над стрелецким полком в 1698 г., после того как предыдущий командир стольник и полковник Михаил Кобелев был отстранен за присвоение стрелецкого жалованья. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1673. Л. 279–287.
- ³⁰ Там же. № 1730. Л. 194.
- ³¹ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 141 об.
- ³² Там же. Ф. 145. Оп. 1. 1702. Д. 30.
- ³³ Подробнее см.: Голикова Н.Б. Из истории классовых противоречий в русской армии. // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения (сборник статей). М., 1959. С. 277–279.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 483. Л. 285, 313.
- ³⁵ Рабинович М.Д. Полки петровской армии. 1638–1725. М., 1977. № 55. С. 21.
- ³⁶ Там же. № 232. С. 56.
- ³⁷ Подробнее о судьбе русского вспомогательного корпуса см.: Великанов В.С. Русский вспомогательный корпус на польско-саксонской службе 1704–1706: организация и численность // Старый Цейхгауз. № 46 (2/2012). С. 84–91.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. № 54. Л. 427 и 451 об.
- ³⁹ Сборник МАМЮ. С. 283.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 250. Л. 46–49.
- ⁴¹ Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1704. Д. 49. Л. 397.

А.В. Витол (Санкт-Петербург)

ВАРНА (1444) И КОСОВО (1448) – СРАЖЕНИЯ ЗА УХОДЯЩУЮ ИМПЕРИЮ

ВАРНА – хорошо знакомое историкам место сражений российских войск с османскими в XVIII–XIX вв. Особую известность город и гавань получили во время Крымской войны 1853–1856 гг. как английская и французская база для нападений на Крым; после войны 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии и Берлинского конгресса 1878 г., Варна окончательно стала болгарской.

В Средние века Варна (некогда бывшая Милетская колония Одессус) принадлежала Византии, но несколько раз захватывалась болгарами, становилась столицей отдельных княжеств. Во время османского наступления на Балканы в XIV–XV вв. Варна была на спорной территории, но два последних крестовых похода (Никополь и Варна) связывают, скорее, с Византией, чем с Болгарией, хотя участие местного населения в этих событиях не вызывает сомнений.

После смерти императора Сигизмунда (1437) – очень серьезного противника османов¹ – их натиск на Балканы усилился. Мурад II напал на Трансильванию (Залесье) и Сербию. Трансильвания сохранила свободу от султана благодаря доблести воеводы, знаменитого Яноша Хуньяди.

Напомним, что в 1439 г. была подписана Флорентийская церковная Уния о воссоединении католической и православной Церквей. Сторонники активной политики в пастве не прекращали готовиться к отпору османам на Балканах. Проницательные политики в Европе в эти годы как бы вновь концентрировали свои усилия на отпоре агрессии с Востока. Понимание того, что поражением турок от Тимура (1402) и последовавшей за

ним внутренней смутой в османском государстве не удалось воспользоваться, существовало, но это же служило поддержанием идеи нового крестового похода, к чему так или иначе обязывала Флорентийская Уния².

Для христиан появились некоторые обнадеживающие признаки усиления сопротивления османам. Сербский деспот (а также – «господин» – титулы) Георгий Бранкович без промедления занялся реорганизацией армии³. В Малой Азии значительной помехой для Мехмеда II стало Караманское княжество (бейлик) – область между озером Туз и горным хребтом Тавра. Уроженец Эпира Георгий Кастриоти (Скандербег) собрал войско из албанцев и жителей княжества Зета (черногорцев). Начиная с 1443 г. этот «капитан Албании» заставил весь христианский мир вновь обрести надежду на спасение⁴.

По собственной инициативе еще один «крестовый поход» организовал деспот Константин Палеолог (будущий император Константин IX). Из Мореи, где сохранялись последние византийские владения, он двинулся на Афины и Фивы (владения флорентийца Нерио II Ачуйюоли) и даже имел планы двинуться через Фессалию на Константинополь. Встречный поход Мурада II покончил с тем, что называли «Палеологовским Возрождением».

В развитие идей и решений Флорентийского собора, успехов Хуньяди, Скандербега («Атлетов Христа»), успехов волошских войск, народных (христианских) выступлений на Балканах, идея крестового похода достигла стадии конкретных действий. Вождем похода стал юный король Владислав III Ягайло. Он был в 1434 г. коронован в Кракове. Затем в Буде ему предложили стать обладателем второй короны – венгерской⁵.

Вместе с Яношом Хуньяди, которому новый король Венгрии поручил руководить обороной против турок на участке между Дунаем и Тисой, они успешно сдерживали натиск противника. Ощувив опасность, венгерские аристократы на время сражения отложили свои раздоры и распри и поддержали идею создания подобия «священного союза», душой которого был бы Хуньяди, а знаменем – Владислав III, которого венгры называли Уласло.

Интересы Венгрии и Польши соединила османская угроза, и в 1443 г. объединенное польско-венгерское войско дошло до границ Болгарии (т. е. уже до турецкой территории).

При Владиславе и Хуньяди постоянно находился папский представитель кардинал Юлиан Цезарини (Чезарини) – видный деятель Флорентийского собора. Он и укрепил венгров и поляков в намерении выступить в крестовый поход. Однако он же сыграл роковую роль в отношениях европейских союзников и Мурада II.

Осенью 1443 г. объединенная армия короля Польши и Венгрии Владислава III, деспота сербского и воеводы Яноша Хуньяди вступила в Сербию и нанесла поражение турецким отрядам на «военной дороге» у городов Ниш София, а также Злотица⁶, но из-за сильных холодов вернулась в Белград и Венгрию.

Крестоносная армия была довольно многочисленна, но затем начался процесс «самороспуска» и продолжался вплоть до битвы при Варне (10 ноября 1444). Благоприятный момент – с точки зрения наибольшей численности войск – был упущен.

И все-таки обстановка способствовала усилению союзников: грозный Мурад II уступил трон молодому принцу Мехмеду (будущему Мехмеду II Фатиху, т. е. Завоевателю). Молодой же султан (он находился в Адрианопле – «европейской» столице османов) попал под влияние хуруфитской секты дервишей. Возмущенные таким поведением Мехмеда янычары не желали подчиняться приказам неопытного правителя с еретическими наклонностями. Последовал мятеж этого привилегированного войска, недовольного, к тому же, активным проникновением христиан в правящую верхушку.

Так называемый «первый уход» Мурада II длился всего лишь 3 месяца. Оставляя Адрианополь и отправляясь в Малую Азию (район Магнисию) на отдых, он заключил с крестоносцами договор о прекращении боевых действий сроком на 10 лет (иногда указывают 7 лет, но это неверно). По некоторым сведениям, Мурад II предложил уступить Владиславу часть Албании и всю Сербию, освободить всех пленных и даже заплатить значительную контрибуцию⁷.

Переговоры проходили сначала в османской столице – Адрианопле, а потом в городе Сегеде (Чегеде), причем мусульмане поклялись на Коране, а христиане – на Евангелии. Предстояла ратификация договора в Польше и Венгрии, но настроение союзников по крестовому походу резко усилилось в пользу его

продолжения, т. е. за то, что следует «отбросить за моря языческую секту Мухаммеда»⁸.

Юлиан Цезарини отпустил Владиславу грех «поспешной и святотатственной клятвы врагам Христа». Нашлась и более изощренная мотивация: договор был отвергнут во имя Святой Троицы, Девы Марии, Святого Этьенна (Стефана) и Святого Владислава.

Во многих исторических трудах даже не упоминается о том, что Владислав нарушил клятву, данную при заключении мира в Сегеде. В настоящее время этот факт уже не обходят вниманием – тем более, что появились совместные работы западных и восточных историков. Все заметнее то обстоятельство, что современники этих событий видели в нарушении Владиславом своего слова не просто дипломатический маневр, но серьезное клятвопреступление, которое, по их мнению, даже стало главной причиной поражения крестоносцев и смерти самого Владислава. Существует даже венгерская легенда, согласно которой Владислав не погиб в сражении, но скрылся в уединенном месте и провел там остаток жизни в покаянии и молитве, умоляя Бога простить ему клятвопреступление⁹.

Естественно, что турецкая сторона считала и считает этот инцидент доказательством того, что «промысел Божий» на ее стороне.

Это – один из важных моментов истории османского завоевания. Даже крупнейшие историки порою слишком удалялись от рассмотрения религиозной подоплеку событий, сводя все к объяснению через факты военной истории.

История Османской империи действительно предоставляет большой соблазн рассматривать почти исключительно военные действия. Однако после «Сегединского инцидента» османы имели на своем «счете» не только военные победы, но и «религиозное» превосходство. Столкновение двух военных и религиозно-культурных систем внезапно почти «зримо» обнаружило преимущество одной из них. Теперь у них было едва ли не «неопровержимое» доказательство своей честности и, что называется, благородства. Они вновь убедились в моральном превосходстве ислама над христианством.

Уместно напомнить, что война на Балканах носила *религиозный* характер. Османы распространяли свое «правое дело» не-

удержимо и успешно; их победы ослабляли религиозный настрой христианских областей Европы. Католическому духовенству все сложнее было объяснять «божественную мудрость» в отношении новых (относительно) завоевателей. Успехи христиан на Иберийском полуострове поддерживали анти-мусульманскую активность духовно-рыцарских орденов, но далеко не населения Европы в целом. С социальной точки зрения тоже не все было безоблачно: ведь фактически завоеватели предлагали завоеванному населению избавление от традиционной эксплуатации, облегчение (или упрощение) налогового гнета.

Возвращаясь к теме религии, которая затрагивает особо уязвимые болевые точки, напомним о таком эпизоде: Георгий Бранкович (правитель Сербии) спросил у Хуньяди, какая религия установится в отвоеванных регионах – на что тот уверенно ответил: римско-католическая. Стоит ли после этого удивляться, что Бранкович не поддержал решение Хуньяди и короля Владислава о возобновлении крестового похода – тем более, что османы вернули ему сербскую столицу – Смедерево (Семендрию) и еще 23 крепости. Ориентация крестоносцев на католичество вполне естественна, но ведь католики имели сведения, что основная масса православного населения не поддержала Флорентийскую Унию.

В 1440-е гг. православие в Византии убедилось, что помощь католической Европы может мало что изменить. Греки (византийцы) так и не увидели желанных военных кораблей своих европейских, казалось бы, союзников. Войска Мурада II переправились через проливы с помощью генуэзцев (по легенде, султанская казна заплатила за перевоз высокую цену – 40 000 золотых – по одному за каждого воина). Османские войска направились к Варне, где Владислав и Хуньяди ожидали прибытия папско-венецианской эскадры. Эти корабли так и не прибыли к Варне ко времени битвы по неизвестным, до сих пор не выясненным, причинам.

Армия европейских союзников победоносно двигалась к Варне. Османы были отброшены в сражениях при Яловице и Нише (Ниссе). Считается, что крестоносцев было около 2000 человек, т. е. явно недостаточно для сражения «высшей» категории. В турецкой армии числилось гораздо больше: от 40 до 60 тыс. Турецкая армия *традиционно* имела лучше организо-

ванную разведку¹⁰ и, конечно, лучшую в Европе на тот момент пехоту – янычар¹¹.

10 ноября 1444 г. состоялась битва, в которой сначала побеждали христиане. Османы выдержали удар и перешли в наступление. Король Владислав отчаянно ринулся в бой, несмотря на то, что его отговаривали и обоснованно советовали и просили доверить операцию более опытному Хуньяди. Владислав, однако, сравнивал себя с великими полководцами (в частности, с Александром Македонским) и не мог даже допустить мысли об «умалении своего достоинства» в глазах венгерских и польских рыцарей. Во время схватки Владислав погиб, что посеяло панику в рядах христиан и привело, в конечном счете, к беспорядочному отступлению. Отрубленную голову короля насадили на копье, а вслед за ней (тоже на копье) несли пронзенную копию нарушенного договора о мире, демонстрируя вероломность христиан и последующее их наказание.

Версия Варненской битвы, в общем, не подвергалась особым сомнениям, рассказы очевидцев или комментарии, в основном, дополняли друг друга. Только один источник, содержащий множество ошибок, но принадлежавший перу воина и заслуживающий, без сомнения, разбора и внимания, сообщает несколько иные подробности. Речь идет о так называемых «Записках янычара», в которых сообщается о битве в обнаруженном турками ущелье (овраге), заросшем высоким вереском. Именно в этом месте Владислав и Хуньяди, якобы, действовали успешно, а далее венгерского полководца никто не преследовал. Впрочем, эта подробность выглядит не такой уж значительной¹².

Поражение христиан было полным. Обстановка на юго-востоке Европы складывалась в пользу турок, хотя их потери были очень значительными. (Мурад II просил Аллаха избавить его от еще одной такой победы). Превосходство турецкой пехоты – янычар – было заметным. Огнестрельное оружие использовалось с обеих сторон, причем венгры и поляки пытались использовать и «гуситские» методы войны, т. е. боевые повозки с уставленными на них орудиями.

В битве приняло участие чешское подразделение, вооруженное ручным огнестрельным оружием («ручниками») – довольно эффективным, но опасным даже для тех, кто его применяет. Янычарские подразделения в это время начали оснащаться та-

ким же оружием. Известно, что на христианские войска – вернее, на лошадей – оказали устрашающее впечатление многочисленные верблюды (особенно с поклажей), на которых в армии Мурада II арабские проводники перевозили казну и канцелярию.

«Отголоском битвы при Варне»¹³ назвал сражение 1448 г. на Косовом поле Г.А. Остроградский. В трагическом для христиан месте (сражение 1389 г. на Косовом поле тоже называли «битвой народов», как потом и сражение при Варне) венгерская 30-тыс. армия Яноша Хуньяди выдвинулась на помощь Скандербегу, сошлась с войсками Мурада II. С турецкой стороны в сражении участвовало около 50 тыс. человек. Отчаянная схватка и артиллерийская канонада продолжались 3 дня. Наконец, узнав, что противник ожидает подкрепления и опасаясь разгрома подобного Варненскому, Хуньяди приказал отступить. В этой битве участвовал сын Мурада II, будущий Мехмед II – в качестве командующего анатолийскими войсками (бейлербея). Вместе с отцом он сражался под Круей (столицей Албании) против Скандербега в 1450 г.

При подготовке Косовского похода Хуньяди собрал около 24 000 человек, хотя всеобщего ополчения дворянства не состоялось: за полководцем последовали лишь несколько баронов, а прелаты почти все не присоединились. В армии Хуньяди было 2000 чехов и немцев с мушкетами и пушками, а также 6 или 8 тыс. валахов, которые 18 октября (т. е. на второй день битвы) перешли на сторону Мурада II. 19 октября (3-й день сражения) турки обрушились на венгерский Вагенбург (сооружение из повозок) – напомним, что «гуситская» тактика чувствительно повлияла на военное искусство европейских армий. Вагенбург был уничтожен.

В начале 1449 г. Хуньяди договорился с Мурадом II о новом перемирии сроком на 7 лет. По этому соглашению ни венгерские, ни турецкие войска не должны были нарушать границ Валахии, Сербии, Боснии, за что эти страны платили туркам особую дань («плату за защиту»). Кроме того, они были обязаны участвовать в турецких походах, затем эта дань была упразднена.

31 октября 1448 г. умер византийский император Иоанн VIII. Его сменил «отважный деспот» Константин Драгаш (по матери – серб из Восточной Македонии). В Мистре его короновали

ли императорским венцом (6 января 1449 г.). А через два месяца он прибыл в Константинополь, защищая который погиб 29 мая 1453 г. В истории Балкан началась иная эпоха.

¹ Знаменитый орден Дракона, объединивший правителей против турок, был создан и поддерживался благодаря усилиям императора Сигизмунда.

² Гасратян М.Л., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 34. (Раздел «Средние века» подготовлен С.Ф. Орешковой).

³ Франко Кардини. Европа и ислам. История непонимания. СПб., 2007. С. 163.

⁴ Остроградский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. С. 675.

⁵ Царствование Владислава III, короля польского и венгерского / Пер. с фр. СПб., 1830 (автор не указан).

⁶ Сима М. Чиркович. История сербов. М., 2009. С. 133.

⁷ Владислав III Варненчик // Большая Энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1901. Т. V. С. 205 (автор не указан).

⁸ Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 100.

⁹ Келли Девриз, Йен Дики, Мартин Догерти и др. Великие сражения крестоносцев (1097–1444). М., 2003. С. 212.

¹⁰ Разведка османской армии показала свое превосходство еще в войнах XIV в. с Византией.

¹¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 146.

¹² Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введение, пер. и коммент. А.И. Рогова. М., 1978. С. 65.

¹³ Выражение Г.А. Острогорского. См. Острогорский Г.А. Указ. соч. С. 678.

С.Ф. Витушкин (Новгород)

НЕПОДЦЕЗУРНЫЕ ПИСЬМА СЕРЖАНТА БОЛОТКОВА

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БОЛОТКОВ родился 12 мая 1902 г. в с. Важины Подпорожского района (ныне в Ленинградской области). Окончил Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Работал в Подпорожской средней школе преподавателем русского языка и завучем. В 1941 г. был вынужден с семьей, женой Марией Алексеевной, матерью и дочерьми Златой и Ниной, эвакуироваться в Сибирь – в с. Устюжанино Ленинск-Кузнецкого района Новосибирской области¹, где он сам и Мария Алексеевна (тоже учитель) стали работать в школе. Имел отсрочку от призыва, но в начале 1942 г. ее отменили.

С войны не вернулся. Значится пропавшим без вести. В семье остались письма от Николая Ивановича. Их искренность и отсутствие вмешательства военной цензуры придают им особую ценность. Сквозь строчки писем проглядывают такие душевные качества автора, как порядочность, скромность, заботливость по отношению к семье. Наверное, поэтому и писал письма часто. А вот цензуры не было потому, что он посылал письма только гражданской почтой. Благодаря этому мы можем сегодня с большой степенью вероятности узнать, о чем он думал, что хотел донести до семьи.

Вначале он надеялся, что отсрочка уберезет его от фронта. И в феврале 1942 г. надежды на это еще оправдывались. Но 9 июля, после окончания учебного года его все же призвали. Вызван в военкомат, отправлен дальше. Выдали обмундирование. Постригли. Зачислили в минометную роту. Пишет: «Привет вам от папочки. Он уже далеко от вас и стал бойцом». Так в третьем лице сообщает о себе Болотков, как бы отстраняясь сам от себя.

Муж и жена Болотковы. 1940 г.

Почти в каждом письме он дает советы жене и дочерям. К примеру, Марии Алексеевне пишет: «...беречь себя, вырастить и воспитать детей. Ведь это частица меня. Не переезжать из деревни – это сейчас самое безопасное место. С квартиры никуда не уходить. В Россию сейчас ехать нельзя – там будет еще много жуткого». На эти мысли его наводит обстановка на железной дороге, где много эвакуированных, голодных, растерянных людей, эшелоны с ранеными и калеками.

Советует «работать в колхозе, получать трудодни. Убрать все овощи и табак». Расписано в письмах даже, в какие сроки что убирать и как хранить. Советует: «...надо готовиться к зиме. Держать письменную связь со всеми родными. Если что случится со мной – не расстраиваться сильно. Все люди смертны». Одновременно делится своими наблюдениями: «...дорогой ничего не дают провозить из продуктов. Везде дороговизна. На базаре хлеб 100–150 рублей буханка, булочка – 20–30 рублей, молоко литр – 70 рублей, семечек стакан – 25 рублей. Питание в командировке такое: хлеб или сухари 500 граммов, сахарный песок 25 граммов, рыба. Три дня жили на сухарях».

Он советует, если будет нужда, продать все его вещи. «Будем живы – наживем. А бесполезно хранить нет смысла».

Н.И. Болоткова направляют в г. Куйбышев у Барабино, где готовят личный состав для маршевых рот. В учебном полку он за-

мечает, что есть и ленивые, недисциплинированные, недружные, даже вороватые красноармейцы. Это ему досадно. Как бы предупредив дочерей на будущее, он пишет Злате в назидание: «... помогай маме, береги младшую сестру Нину (он зовет ее Нинчик. – *Прим. авт.*), читай книги по странице в день, прилежно учись, будь внимательной на уроках, не дерись с ребятами».

Учиться военному делу ему тяжело. «Подъем в 4 часа утра (?!), до 12 часов занятия, затем обед и отдых до 2 часов, опять занятия и отбой только в 11 часов вечера». Человек самой мирной профессии, учитель, он постепенно заставляет себя осваивать минометное дело. Жаль только, что «из лагеря ни на шаг не выпускают». Жесткая казарменная жизнь ему не по душе. «Здесь нельзя заклеить письмо. Все зависит от скрытых причин, и от нашего желания ничего не зависит». И все же он нашел возможность отправлять цивильные письма и получать на тот же адрес письма от жены.

Проходит месяц-другой, и мирная довоенная жизнь кажется уже почти сказкой. Умерла мать. «Минометные расчеты готовятся отбыть в составе маршевых рот на фронт. На какой, куда, никто не знает». Внезапно Н.И. Болоткова оставляют в лагере командиром отделения готовить пополнение. Основную роль в этом сыграл политрук. Чтобы не посылать на фронт младших командиров, их отправляют в командировку в Абакан за лошадьми. «Рад ли я этому», спрашивает сам себя Н.И. Болотков и отвечает: «...и да и нет. На фронт мы все рано или поздно попадем. Призвана такая бездна народа. Стыдно немного перед теми, с кем призван, перед односельчанами, которые отъезжают на фронт». «Чтобы пережить такие тяжелые времена, нужно сохранить душевное равновесие, не сойти с ума, не натворить глупостей». Сквозь недомолвки прокрадывается признание: глупости – это дезертирство.

Хорошо, что в семье всё в порядке. Подготовились к зиме, есть еда, и все здоровы. 7 ноября 1942 г. – 25 лет Октябрьской революции. «Разве так мы мечтали с тобой встретить этот праздник», восклицает он в сердцах в письме жене. Прагматичный, суховатый человек, оказывается, не чужд лирического начала.

В поезде, идущем на фронт, его посещают грустные мысли. «Война – жуткая вещь. Смешала, перевернула все, разбросала нас во все стороны, и неизвестно, что будет через 3–5 дней».

Наименование предмета		М	Е	С	Я	Л
1	Медаль					
2	Медаль					
3	Медаль					
4	Медаль					
5	Медаль					
6	Медаль					
7	Медаль					
8	Медаль					
9	Медаль					
10	Медаль					
11	Медаль					
12	Медаль					
13	Медаль					
14	Медаль					
15	Медаль					
16	Медаль					
17	Медаль					
18	Медаль					
19	Медаль					
20	Медаль					
21	Медаль					
22	Медаль					
23	Медаль					
24	Медаль					
25	Медаль					
26	Медаль					
27	Медаль					
28	Медаль					
29	Медаль					
30	Медаль					
31	Медаль					
32	Медаль					
33	Медаль					
34	Медаль					
35	Медаль					
36	Медаль					
37	Медаль					
38	Медаль					
39	Медаль					
40	Медаль					
41	Медаль					
42	Медаль					
43	Медаль					
44	Медаль					
45	Медаль					
46	Медаль					
47	Медаль					
48	Медаль					
49	Медаль					
50	Медаль					

Фрагмент письма Н.И. Болоткова

Человека интеллектуального труда, Болоткова интересует далеко не только решение бытовых проблем и борьба за выживание. Он делится глобальными мыслями и наблюдениями. «Теперь Кубань хлеба не дает. Кормить будет Россию Сибирь. Призвано много народу – готовятся к зимнему наступлению. Откроют второй фронт, и фашизму конец.

Россия, Россия! Милая, бедная, многострадальная родина. Как чудесно, весело жили мы в ней...

Каково мое самочувствие? Одним словом не ответишь. Мое моральное, духовное состояние связано со всем ходом жизни солдатской. Положение страны, тяжелое положение на фронте, естественно, ставят перед каждым сознательным индивидуумом вопрос: «А как ты?» И я, человек честный, никогда не относившийся к работе безразлично, а наоборот, горячо, со всей душой, не могу быть безразличным зрителем или дезертиром. Долг чести советского интеллигента, честного человека требует победить страх. Жалко только детей. Но, Маруся, такая обстановка, что ждать нельзя, людей миллионы терпят рабство и унижение. Борьба двух миров идет. И ее, этой борьбы, не может избежать никто. Мое дело понятное – детей защищать, вернуть ту жизнь, которой мы жили до войны, или погибнуть. Так поставлен вопрос историей. Не один я – миллионы находятся в таком же положении. Уцелеть в такую войну – это счастливая случайность».

В Пензе на пути к фронту он исполняет просьбу жены – делает моментальное фото. «Но если будет извещение – увеличьте мою фотографию 1927 года».

После Пензы писем долго не было. И вдруг 13 апреля 1944 г. пришел треугольник с незнакомым женским почерком.

«Здравствуйте, дорогие и незнакомые! При получении моего письма вы будете очень удивлены. Но ничего, ведь теперь война и письма могут прийти оттуда, откуда вы совсем не ожидаете.

Сообщаю Вам, мои дорогие, что побывав некоторое время в немецком плену, я встретила с вашим отцом или мужем, и как – конечно, горе познакомило. Я, как медсестра, смотрела за пленными ранеными, а он видел и надеялся, что долго мне не придется там быть, а я скоро избегу к своим, вот и решил послать домой письмо и передать, чтобы я переслала его родным. Он был в тяжелом положении – не знаю слов, как описать, но письмо его посылаю вам. Оно уже затерлось², потому что полгода его носи-

ла я каждый день. Теперь я лежу в госпитале во фронтовом. Решила вам написать. Прошу Вас, если он жив, то передавайте ему от меня, сестры, той, которая ухаживала за ним, как за раненым, привет. А пока все будьте здоровы, пишите по адресу: г. Сталино, 8-я Александровская, 28. Игнатьевой Екатерине. А пишет вам не Екатерина, а Галя Руденко Николаевна. Родилась в г. Омске, тоже сестричка. До свидания. Прошу написать ответ. С приветом. Галя Р. Вот его письмо, что он просил передать. Жду ответа»³.

Само письмо очень плохой сохранности. Местами нечитаемое, распавшееся на части. Написано на анкете военнопленного, карандашом. «Сталино. 20 марта 1943 года. Милые, родные мои. Не могу, чтобы не сообщить о последних днях моей жизни. Раненый 8.12.1942 г. под Обливской осколком мины в спину, я потерял сознание и до вечера лежал в лесу. Вечером встал, намереваясь попасть в санчасть, но потерял ориентировку и наткнулся на немецкий дозор. Так я очутился в немецком плену, вместо советского госпиталя. И начались мои испытания и страдания. Ох, Маруся, сколько я видел, пережил за это время и во что превратился. Как только попал в плен, был заключен в лагерь (санчасть). Но долго в одном месте не пришлось быть, ибо с передвижением красных нас, военнопленных, все время эвакуировали вглубь Украины (от Обливской, Морозовки, Белой Калитвы, Шахты, Ростов-на-Дону, Таганрог, Сталино – вот наш путь).

В санчастях порядки безобразные, медперсонал недоучки, медикаментов никаких, бинтов нет, потому перевязки делаю редко, рана загноилась, повысилась температура. Спали в своем белье, в баню не ходил, лечили плохо...

Работать заставляли без перерыва и пищи, хлеба не давали по 2-3 дня, еда сварена всякая дрянь: отруби, кукуруза, свекла, капуста. Жиденький суп из требухи. Отсутствие питания сильно повлияло на мое здоровье. Организм ослаб. Всеми силами цеплялся за жизнь, помня о вас. При эвакуации из Шахт со мной случилось еще несчастье. (не читаемый отрывок). Находясь в бреду, ибо рана вздулась. О, Маруся, это страшное... процесс идет дальше. Ходить невозможно, я вроде... в перевязочную еле сажусь.

...времена тяжелые. Целую всех.

Прошу выслать это письмо почтой, когда установится нормальная почтовая связь, по адресу: п/о Устюжанино Ленинск-Кузнецкого района, Болотковой М.А.»⁴

Переписка не продолжалась. Когда в 1972 г. М.А. Болоткова умерла, на памятнике выбили и имя мужа. Старший сержант старшина роты Н.И. Болотков числится пропавшим без вести 10 января 1943 г., попав тогда же в плен.

Его слова из 1942–1943 гг. – как откровение для нас, не знавших войны.

¹ Ныне в Кемеровской области.

² В тексте, видимо, ошибочно – «затерялось».

³ Письмо просмотрено военной цензурой № 03736. Почему-то стоит штамп не Сталино, а Баку-44.

⁴ Однако письмо почему-то было послано Сальниковой Варваре. Письма Н.И. Болоткова хранятся в семье. Автор располагает фотокопиями.

Н.А. Власов (Санкт-Петербург)

**ФРАНЦ КОНРАД ФОН ГЁТЦЕНДОРФ
И ПЛАНИРОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ
ДЕРЖАВАМИ ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ
1915 Г. НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

ФРАНЦ КОНРАД фон ГЁТЦЕНДОРФ, возглавлявший генеральный штаб Австро-Венгрии с 1906 по 1917 гг., является одной из наиболее спорных фигур военной истории XX в. В исследовательской литературе и воспоминаниях современников можно встретить различные, порой диаметрально противоположные оценки его полководческого таланта. Одни считали его едва ли не наиболее выдающимся стратегом среди всех военачальников Первой мировой войны. Другие, напротив, полагали, что Конрад был, скорее, тактиком, нежели стратегом, а его планы были оторваны от реальности¹.

В контексте этого спора весьма интересной представляется история планирования весенне-летней кампании Центральными державами на Восточном фронте. Как известно, эта кампания увенчалась одним из самых больших успехов для австро-германской коалиции за всю Первую мировую войну. Прорвав русский фронт в районе Тарнов – Горлице, войска Центральных держав заняли всю территорию Царства Польского, заставив противника отойти на сотни километров на восток и нанеся ему огромные потери. Несмотря на то что своей основной цели – вывести Российскую империю из войны – эта кампания не достигла, она справедливо расценивалась и современниками, и историками как большой успех австро-германской коалиции.

Практически сразу же после войны разгорелся спор о том, кто являлся автором плана кампании. Как известно, у победы всегда много отцов, и в данном случае эта крылатая фраза оказалась

как нельзя более верной. На авторство плана операции претендовали глава прусско-германского генерального штаба Э. фон Фалькенгайн, прусский военный министр А. Вильд фон Хоэнборн², а также Конрад.

Последний неоднократно утверждал, что идея прорыва у Горлице принадлежит именно ему – согласно его версии событий, он сообщил ее германскому представителю при австро-венгерской главной квартире А. фон Крамону, который, в свою очередь, передал ее Фалькенгайну³. Эта версия была подхвачена и получила дальнейшее развитие в трудах австрийских военных историков послевоенной эпохи, стремившихся создать фельдмаршалу репутацию великого полководца. К примеру, О. Регеле в своей биографии шефа австро-венгерского генерального штаба писал о том, что «Горлице являлось идеей Конрада, и предпринятые попытки отрицать этот факт можно считать провалившимися»⁴. Авторство плана операции признают за Конрадом и некоторые современные исследователи, к примеру биограф фельдмаршала Л. Зондхауз⁵.

Фалькенгайн, в свою очередь, характеризовал план операции как целиком свое собственное детище⁶. Той же точки зрения придерживался еще один значимый персонаж Восточного фронта – Ганс фон Сект, занимавший пост начальника штаба непосредственно осуществлявшей Горлицкий прорыв 11-й армии и находившийся, таким образом, в самой гуще событий⁷. Своего рода компромиссное решение было предложено Крамоном. В мемуарах он утверждал, что идея операции появилась независимо друг от друга и практически одновременно в обоих генеральных штабах⁸. Этой же точки зрения придерживается и Р. Ди Нардо – автор новейшей монографии о Горлицком прорыве⁹.

Чтобы определить, кто из них ближе к истине, необходимо проследить историю австро-германского военного планирования на протяжении всего начального периода Первой мировой войны. Как известно, накануне войны сотрудничество двух генеральных штабов было достаточно тесным, однако в отдельных аспектах оставляло желать много лучшего¹⁰. Стороны договорились о том, что с самого начала войны будут действовать на Восточном фронте наступательно – австро-венгерские армии нанесут удар на север из Галиции, а германская группировка в Восточной Пруссии будет наступать им навстречу в южном направ-

лении. Однако в Вене не задумывались о том, насколько осуществимы германские обещания. При этом Конрад прекрасно знал, что основной удар германская армия будет наносить на западе, в Восточной Пруссии же на первом этапе останется лишь горстка дивизий в составе 8-й армии.

В августе 1914 г. 8-я армия – совершенно предсказуемо – не смогла начать наступление, вынужденная отражать атаки значительно превосходящих сил двух русских армий. Австро-венгерские войска после первоначальных успехов вынуждены были отступить, оставив противнику значительную часть Галиции. Поскольку немцам не удалось завершить в короткие сроки операцию против Франции, обещанная переброска значительной части германской армии на восток не состоялась.

Осенью 1914 г. союзники попытались согласовать друг с другом планы дальнейшего ведения войны. Проблема, однако, заключалась в том, что Конрад требовал переброски на восток значительных сил германской армии, а его новый германский коллега Фалькенгайн считал Западный фронт решающим и не желал отправлять на Восточный фронт больше того, что полагал минимально необходимым. Помимо разногласий по вопросам стратегии, взаимодействие между руководителями двух генеральных штабов осложняла личная неприязнь. В итоге сотрудничество органов стратегического планирования по-прежнему оставляло желать много лучшего, хотя суровая необходимость и заставляла их лучше координировать свои усилия.

К концу 1914 г. война окончательно приобрела позиционный характер, превратившись в битву на истощение. Такая ситуация совершенно не устраивала военное руководство Центральных держав. Зимой 1914–1915 гг. разгорелись ожесточенные споры по поводу дальнейшей стратегии. Основными центрами принятия решений являлись к тому моменту германское главное командование (ОХЛ), австро-венгерское главное командование (АОК) и командование германскими войсками на Восточном фронте (Обер-Ост). Обер-Ост во главе с П. фон Гинденбургом также требовал переноса центра тяжести операций на восток. Гинденбург и его начальник штаба Э. фон Людендорф верили, что серией крупных сражений на окружение можно полностью разгромить русскую армию. Аналогичной точки зрения придерживался Конрад: «Я считаю Россию главным столпом в этой

войне. Если она падет, то второй тоже упадет вслед за ней. Это должно быть нашей целью. Я боюсь, что иначе мы сядем между двумя стульями и не добьемся решающего успеха ни там, ни тут»¹¹. Фалькенгайн же полагал, что решающая победа над противником невозможна. Следовательно, необходимо добиваться локальных успехов с целью сделать возможным заключение компромиссного мира. По его мнению, на Восточном фронте следовало создать нечто вроде «китайской стены», ограничившись обороной.

Конфликт между ОХЛ, с одной стороны, и Обер-Остом, поддерживаемым АОК, с другой, достиг своего пика в январе 1915 г., когда была предпринята попытка путем интриги сместить Фалькенгайна с занимаемой им должности. Попытка не увенчалась успехом, хотя главе ОХЛ пришлось пойти на некоторые уступки своим оппонентам. Однако вопрос о том, какую стратегию следует избрать в дальнейшем, продолжал оставаться открытым.

В начале 1915 г. на Восточный фронт были отправлены подкрепления, что позволило армиям Центральных держав возобновить активные наступательные действия. Главной целью Конрада была деблокада Перемышля, осажденного русской армией. Однако попытки осуществить наступление вылились в грандиозную битву на истощение, получившую название Карпатского сражения. Бои продолжались до марта 1915 г. и стоили империи Габсбургов почти 800 тысяч солдат и офицеров¹². 22 марта гарнизон Перемышля капитулировал.

Обер-Ост, в свою очередь, в феврале организовал наступление из Восточной Пруссии с целью окружить и уничтожить одну из русских армий. Однако добиться решающего успеха в ходе так называемого Зимнего сражения Гинденбургу и Людендорфу не удалось.

Неудачи на Восточном фронте усилили позиции Фалькенгайна в споре с оппонентами. В первую очередь это касалось главы австро-венгерского генерального штаба – в ходе Карпатского сражения «армия Конрада оказалась сломлена»¹³. Без германской помощи стало невозможно не только наступать, но и обороняться. Отношения между союзниками становились все более неравноправными: Конрад постепенно превращался в просителя – роль, которая была ему глубоко ненавистна.

В этот период Фалькенгайн начал скептически относиться к перспективам скорого успеха на Западном фронте. В то же время Восточный фронт требовал все большего внимания. Во-первых, германскому командованию внушало большие опасения состояние австро-венгерской армии. В Берлине опасались выхода империи Габсбургов из войны. Конрад в какой-то степени смог добиться своей цели – привлечь внимание германского командования к Восточному фронту. Во-вторых, существовал план заключения сепаратного мира с Россией – поражение русской армии усилило бы позиции германских дипломатов на переговорах. В-третьих, нужно было предотвратить вступление в войну на стороне Антанты Италии и Румынии. Кроме того, Фалькенгайн хотел «собственным» наступлением на востоке усилить свои позиции в соперничестве с «танемом» Гинденбург – Людендорф.

25 марта 1915 г. Фалькенгайн попросил Крамона оценить состояние австро-венгерской армии. Нарисованная германским представителем при АОК картина была достаточно мрачной. Русская армия начала очередное наступление в Карпатах, и Крамон опасался, что противник сможет прорваться на Венгерскую равнину. По его мнению, австро-венгерские войска смогут удержать фронт только в том случае, если им на помощь придут германские соединения. Согласно воспоминаниям Фалькенгайна, он отказался как от отправки значительного числа германских соединений в Карпаты, так и от попытки нанести русским фланговые удары. На повестку дня встал прорыв одного из участков русского фронта. «Выбор места прорыва заранее был ограничен небольшим числом участков фронта. Он мог пасть только или на участки между Пилицей и Верхней Вислой, или между Верхней Вислой и подножием Бескидов. Начальник генерального штаба остановился на последнем»¹⁴.

31 марта Фалькенгайн поставил задачу подготовить переброску трех армейских корпусов в район Ной-Зандец – Тарнов. В Германии к этому моменту были созданы значительные резервы (14 боеспособных дивизий), большую часть которых и предлагалось задействовать в предстоящей операции. 4 апреля глава ОХЛ написал о плане крупного наступления из района Горлице в направлении на Санок Крамону, которого, однако, просил ни о чем не сообщать Конраду. В германской армии было рас-

пространено весьма скептическое отношение к способности союзника хранить секреты. Только 13 апреля Фалькенгайн проинформировал Конрада о готовящейся операции и запросил его позицию¹⁵.

Такова версия, изложенная Фалькенгайном в его мемуарах. В отличие от своего германского коллеги, Конрад скончался раньше, чем успел описать свою версию этих событий. В его пространных мемуарах изложение доведено только до конца 1914 г. Однако в нашем распоряжении имеются уже упомянутые выше мемуары Крамона, которые рисуют несколько иную картину происшедшего.

По словам Крамона, в конце марта 1915 г. Конрад в очередной раз обратился к нему с просьбой о подкреплениях. Германский представитель ответил, что использовать немецкие дивизии в чисто оборонительных целях нерационально, и предложил Конраду подумать о возможном наступлении. Глава австро-венгерского генерального штаба сначала отверг подобные предложения как не соответствующие обстановке, однако затем попросил четыре немецкие дивизии для удара из района Горлице – Тарнов¹⁶.

1 апреля Крамон сообщил об этом плане Фалькенгайну, а на следующий день Конрад продублировал свое предложение Гинденбургу¹⁷. Ответ, полученный от Фалькенгайна 4 апреля, гласил: «Мощное наступление из района Горлице в направлении на Санок занимает мои мысли уже на протяжении длительного времени. Осуществление этой операции зависит от общей ситуации и развертывания необходимых сил – четырех армейских корпусов»¹⁸. Далее глава ОХЛ запрашивал мнение Крамона по поводу деталей данной операции, в частности пропускной способности железных дорог, которая очень беспокоила Фалькегайна.

На первый взгляд кажется, что вывод об одновременном появлении идеи наступления на участке Тарнов – Горлице в австро-венгерской и германской главных квартирах находит свое подтверждение. Как писал Крамон, идея «витала в воздухе»¹⁹. Однако следует сразу оговориться: операции, предложенные Конрадом и Фалькенгайном, принципиально отличались друг от друга.

Идея германского военачальника заключалась в том, чтобы нанести русской армии мощный удар силами крупной группировки (11-я армия Макензена). Конрад же предусматривал ата-

ку ограниченными силами во фланг российским войскам, пытавшимся прорваться через Карпатский хребет. С его точки зрения, данная операция не имела самостоятельного значения и предназначалась только для того, чтобы облегчить положение сражавшихся в Карпатах австро-венгерских армий. По свидетельству Крамона, Конрад в начале апреля предложил другую крупную операцию, вернувшись к своей любимой идее больших «клещей» в Польше – одновременного удара из Галиции и Восточной Пруссии по сходящимся направлениям²⁰. Таким образом, именно Фалькенгайн являлся автором того плана, который был воплощен в мае 1915 г. в виде знаменитого Горлицкого прорыва.

Насколько объективным и незаинтересованным рассказчиком является Крамон? В отличие от Фалькенгайна, германский представитель при АОК симпатизировал Конраду и находился с ним в весьма хороших отношениях. Достаточно высоко он ценил и полководческий талант австро-венгерского военачальника. В то же время у Крамона не было никаких стимулов искажать недавнее прошлое ради создания «легенды о Конраде». Следует также учесть, что в момент написания мемуаров – начало 1920 г. – оба главных действующих лица были еще живы и легко могли бы опровергнуть искажения в мемуарах Крамона. В связи с этим последний предпочел занять компромиссную позицию: «Конрад первым официально назвал Горлице, Фалькенгайн превратил Горлице в большое наступление. Если это кому-то доставит удовольствие, он может с точностью до копейки подсчитать, насколько высока доля каждого»²¹.

В то же время Крамон не знал (или не пожелал сообщить читателям) одну достаточно важную деталь. Выполняя поставленную Фалькенгайном задачу, он постарался узнать от австро-венгерских коллег информацию относительно состояния сети коммуникаций южнее Кракова. Полковник Штауб, возглавлявший железнодорожное бюро австро-венгерского генерального штаба, сделал из этого правильные выводы и уже 5 апреля проинформировал Конрада о том, что немцы, по всей видимости, планируют некую операцию в данном районе²². Таким образом, еще до официального обращения Фалькенгайна 13 апреля Конрад имел необходимые данные для того, чтобы в общих чертах реконструировать немецкий замысел. Тайной для него оставался лишь масштаб операции.

Так был ли Конрад в действительности равноправным автором идеи Горлицкого прорыва? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо принять во внимание всю предшествующую деятельность главы австро-венгерского генерального штаба. Находясь на своем посту с 1906 г., он регулярно составлял большое количество различных планов развертывания и наступательных операций, стараясь учесть все возможные варианты развития ситуации. Планы менялись и модифицировались практически ежегодно, что серьезно затрудняло, к примеру, составление точного графика железнодорожных перевозок – сотрудники австро-венгерского генерального штаба попросту не успевали обрабатывать новые варианты. Как писал Х. Цайнар, «адаптивность и гибкость подготовительных мер не были превзойдены ни в одном другом генеральном штабе той эпохи»²³. Благодаря этому изобилию в планах Конрада можно при желании найти множество самых различных идей. Неудивительно, что некоторые из этих идей могли, хотя бы отчасти, совпасть с планами операций германского командования.

В ситуации весны 1915 г. у последнего, действительно, был сравнительно небольшой выбор вариантов. В успех гигантской концентрической операции в Польше Фалькенгайн не верил. Он полагал, что русские попросту выскользнут из ловушки, воспользовавшись теми возможностями, которые им предоставляют гигантские пространства их страны. Наступление с территории Восточной Пруссии, во-первых, не могло принести непосредственного облегчения ситуации на наиболее угрожаемом участке фронта, в Карпатах. Во-вторых, оно усилило бы позиции Гинденбурга и Людендорфа, что было неприемлемо для Фалькенгайна. Готовящаяся операция должна была стать его личным наступлением. Эти соображения фактически определили тот участок фронта, на котором предстояло действовать. По словам Секта, «место, где следовало прорвать вражеский фронт, становилось очевидно любому, кто смотрел на карту Восточного театра военных действий»²⁴.

Скептическое отношение Фалькенгайна к идее «больших Канн» объясняет особенности плана операции, который некоторые исследователи считают нехарактерным для германского оперативного искусства той эпохи. В частности, М. Раухенштайнер называет Горлицкий прорыв более соответствующим гос-

подствовавшей в австро-венгерской армии идее охвата противника с одного фланга и делает на этом основании вывод о том, что «Конрад играл в планировании сражения у Тарнов – Горлице значительную роль»²⁵. На самом деле в германской армии концепция охвата противника с обоих флангов не носила характер непреложной догмы – о чем свидетельствует, к примеру, знаменитый «план Шлиффена».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что план Горлицкого прорыва на всех этапах – от выбора места до определения масштабов и целей операции – являлся детищем германского верховного командования. Наличие у Конрада планов операции (намного меньшей по масштабу и значительно отличающейся по своим целям) в данном районе не является доказательством того, что он каким-то образом повлиял на появление в ОХЛ идеи Горлицкого прорыва весной 1915 г. Роль, которую играло австро-венгерское верховное командование при непосредственной подготовке операции во второй половине апреля – начале мая 1915 г., также можно охарактеризовать, скорее, как вспомогательную. Таким образом, претензии Конрада на то, чтобы считаться одним из «отцов» Горлицкого прорыва, следует охарактеризовать как не имеющие серьезных оснований.

¹ Sondhaus L. Franz Conrad von Hötzendorf. Architect of the Apocalypse. Boston, 2000. P. 243.

² Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers. Wien, 1993. S. 212.

³ Conrad von Hötzendorf F. Private Aufzeichnungen. Wien, 1977. S. 123

⁴ Regele O. Feldmarschall Conrad. Wien, 1955. S. 347.

⁵ Sondhaus L. Op. cit. P. 174.

⁶ Фалькенгайн Э. ф. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. М., 1923. С. 81.

⁷ Regele O. Op. cit. S. 348

⁸ Cramon A. v. Unser österreich-ungarischer Bundesgenosse im Weltkriege. Berlin, 1922. S. 12.

⁹ DiNardo R. Breakthrough: The Gorlice-Tarny Campaign, 1915. Santa Barbara, 2010. P. 30.

¹⁰ См. Власов Н.А. Россия в австро-германской коалиционной стратегии / Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 2. Россия в стратегии Центральных держав. СПб., 2014. С. 175–256.

¹¹ Conrad von Hötzendorf F. Aus meiner Dienstzeit. Bd. 5. Wien, 1925. S. 818.

¹² Jerabek M. Die Ostfront / Die letzten Jahre der Donaumonarchie. Essen, 2004. S. 166.

- ¹³ Herwig H. The First World War: Germany and Austro-Hungary 1914–1918. L., N.Y., 2014. P. 138.
- ¹⁴ Фалькенгайн Э. ф. Указ. соч. С. 81.
- ¹⁵ Там же. С. 83.
- ¹⁶ Cramon A. v. Op. cit. S. 11.
- ¹⁷ Regele O. Op. cit. S. 349.
- ¹⁸ Cramon A. v. Op. cit. S. 12.
- ¹⁹ Ebenda. S. 11.
- ²⁰ Ebenda. S. 12.
- ²¹ Ebenda. S. 13.
- ²² Rauchensteiner M. Op. cit. S. 211.
- ²³ Zeinar H. Geschichte des österreichischen Generalstabes. Wien, 2006. S. 511.
- ²⁴ Цит. по: Regele O. Op. cit. S. 347.
- ²⁵ Rauchensteiner M. Op. cit. S. 213.

П. Гёзалов (Баку, Азербайджан)

СИМВОЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ВОЕННОЙ ВЛАСТИ НА РОСПИСЯХ ДВОРЦА XVIII ВЕКА

РАЗВИТИЕ И УГЛУБЛЕНИЕ традиций государственности в Азербайджане делают изучение истории символов власти одной из актуальных задач исторической науки¹. Ведь одним из элементов, на котором базируется государственность, является атрибутика. Среди символов суверенности государства и атрибутов власти особое место занимают знамена.

Во второй половине XVIII в. на территории Азербайджана начали формироваться самостоятельные ханства, сыгравшие особую роль в отечественной истории. Каждое из этих ханств имело свои символы государственности².

Источников данного периода по государственным и боевым знаменам азербайджанских ханств очень мало. Сюда можно отнести письменные (официальные документы эпохи, а также труды дипломатов и заметки путешественников и др.), изобразительные (росписи и изображения на архитектурных памятниках, книжные миниатюры, зарисовки путешественников) и музейные материалы (хранящиеся в музеях знамена и другие символы власти)³. В этой связи представляется важным изучение изображений знамен и других символов власти на настенных росписях Дворца шекинских ханов. Включенный в список архитектурных памятников мира и охраняемый международной организацией ЮНЕСКО, дворец в г. Шеки (Азербайджан) был сооружен в 1761–1762-х гг. во времена Гусейн хана, внука Хаджи Челеби хана, основателя первого независимого ханства. Изображения дают материал для описания общественно-политических, культурных и военных особенностей данного периода⁴. Особо

выделяются здесь сцены охоты и сражений, размещенные в зале второго этажа в виде фриза между первыми и вторыми ярусами ниш.

Знамена на росписях дворца

Каждое из 28 знамен имеет матерчатую часть, деревянное древко и надетое на древко навершие. 11 полотнищ – четырехугольные, 10 – в форме вытянутого треугольника с двумя косицами, еще шесть – треугольные и одно знамя – свернутое, неизвестной формы (рис. 1). Различие форм заставляет предположить, что владельцы знамен находились на разных должностях. Знамена изображаются с ханом и его приближенными, а также с отдельными отрядами.

Навершия знамен также различны. По форме это *хамса* (раскрытая ладонь), копьевидные и составные. Необходимо отметить, что раскрытая ладонь понимается как форма обращения к божественным силам и традиционна для всего Востока еще с эпохи бронзы⁵. Изображения, предметы в виде раскрытой ладони имеют происхождением территории Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока, Месопотамии. В этих регионах хамса традиционно рассматривалась как символ власти, господства, защиты⁶. В Древнем Египте раскрытая ладонь изображалась на концах солнечных лучей⁷. По мнению С. Ахмедова, этот символ божественной благодати (имеется в виду древнеегипетский бог Солнца), снизошедшей на людей. В исламскую эпоху символ сохранился, но уже с другим значением.

Навершие в виде раскрытой ладони традиционно для стран Мусульманского Востока. Считается, что оно связано с изображением руки Али ибн Абу Талыба, одного из сподвижников Пророка Мухаммеда и выдающегося полководца мусульманского мира.

Копьевидное навершие традиционно как для стран Востока, так и для стран Запада. В период средневековья многие воины имели свой опознавательный знак в виде куска ткани, надеваемого на копьё, что подтверждается азербайджанскими миниатюрами XV–XVI вв.

Составное навершие состоит из двух частей, нижняя часть по форме напоминает скрученные бараньи рога или раскрывшийся цветок лилии, верхняя часть завершается ромбовидным копь-

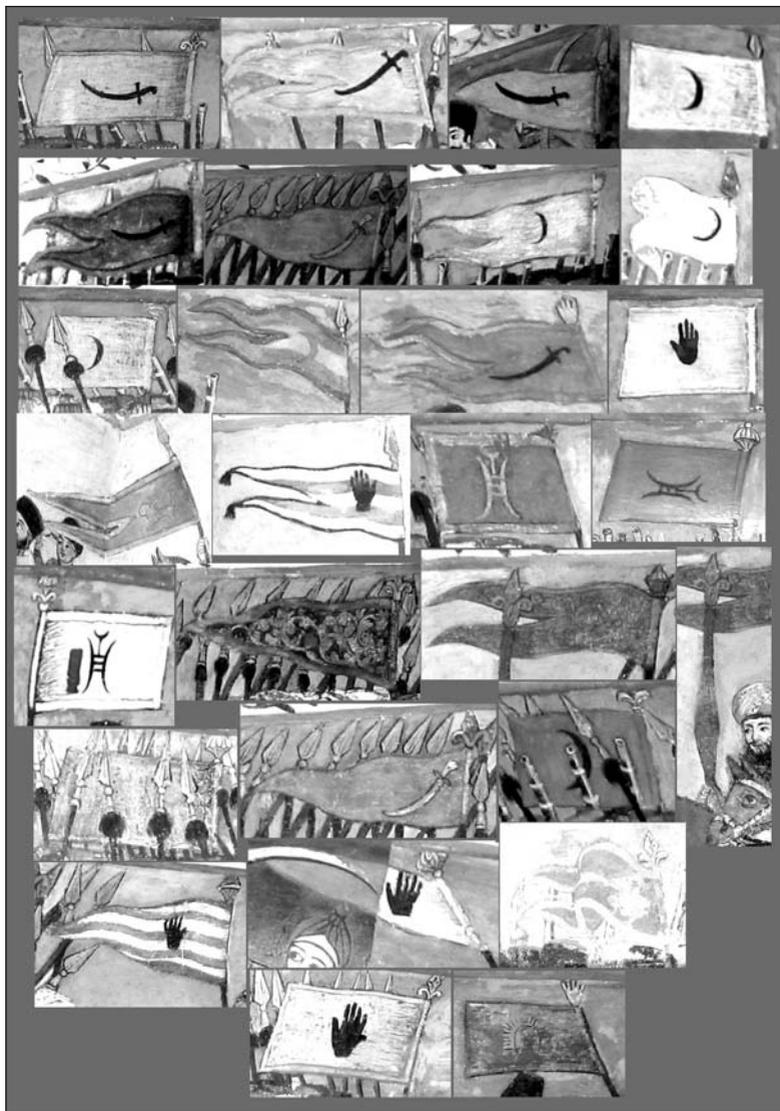

Рис. 1. Виды знамен на росписях Дворца шекинских ханов. XVIII в.
Азербайджан, г. Шеки

ем. Составное навершие также традиционно для стран и Востока, и Запада, так как произошло от копыя с ограничителем. Можно предположить, что первоначальный символический элемент в виде рогов барана (символ силы и мощи) трансформировался в декоративный элемент в виде цветка.

Следует отметить, что изображенные на росписях полотнища и навершия имеют традиционную форму и встречаются еще на средневековых азербайджанских миниатюрах⁸. Навершия такого типа использовались во многих средневековых мусульманских государствах, в коллекции Национального музея истории Азербайджана (НМИА) имеется несколько таких образцов⁹.

Цветовая гамма полотнищ преимущественно красная, желтая и зеленая. Также имеются и полосатые знамена. Такая же цветовая гамма встречается на миниатюрах с изображениями средневековых азербайджанских знамен. Разница лишь в том, что почти все полотна средневековых знамен украшены орнаментами. На знаменах XVIII в., наоборот, орнаменты занимают лишь часть полотна.

На знаменах, изображенных на росписях, имеются различные знаки, символы и орнаменты. Один из этих символов напоминает тюркскую тамгу древнего периода (возможно, рунический знак). Он состоит из двух соединяющихся полумесяцев, концы одного направлены направо, а другого налево. На втором знамени изображается хамса, следующее знамя имеет треугольную форму и украшено растительными орнаментами. На очередном треугольном знамени изображена сабля с изогнутым клинком, такое же изображение имеется на треугольном знамени с двумя косицами, на следующем знамени такой же формы изображены лев и солнце. Последнее знамя также в форме вытянутого треугольного знамени с двумя косицами, в древковой области полотна изображено солнце.

Имеющиеся символы и орнаменты на изображенных знаменах во Дворце шекинских ханов отличаются от ханских знамен из коллекции НМИА. Знамена на стенах дворца нарисованы относительно простыми элементами, хранящиеся в музее знаменах имеют сложные изображения¹⁰.

Символы власти правителя (хана) на росписях дворца

На одной из росписей в сцене, где полководцу преподносят человеческие головы в качестве трофеев, мы видим богато одетого всадника на коне в парадном убранстве (рис. 2).

Художник изобразил всадника слева сбоку, но туловище развернуто полностью, а голова – на три четверти. Поэтому детали головного убора, лицо, верхнюю часть туловища (до пояса) и руки можно рассмотреть полностью, а ниже пояса – только левую ногу всадника.

Головной убор круглый, пышный, напоминает конус с тремя вершинами, красного цвета с золотистой окантовкой в нижней части. Он украшен цветными, вероятно драгоценными, камнями, жемчугом, золотом, а также двумя черными и одним белым перьями. От передней пластины головного убора (с перьями) к задней

Рис. 2. Изображение правителя на настенной росписи Дворца шекинских ханов. XVIII в. Азербайджан, г. Шеки

проходит двойной ряд нити жемчуга. Судя по изображению, к передней пластине помимо двух натуральных перьев прикреплено декоративное перо с каплевидными жемчугами.

Всадник одет в халат золотистого цвета с бордовым воротником и отворотами и короткими рукавами с бордовой окантовкой по краям. Весь халат украшен цветными узорами. Под халатом надета зеленая рубаха с пятью пуговицами и длинными рукавами. Длина самой рубахи спускается ниже колен. Под зеленой рубахой в области шеи видна красная рубаха с черной окантовкой.

На шее висит золотистая цепь. Так как цепь стягивается углом книзу, можно предположить, что на ней подвешена какая-либо деталь наряда, типа медальона.

На золотистом поясе прикреплена сабля с золотистой рукояткой, украшенной цветными, предположительно драгоценными, камнями. Сабля изогнута, находится в черных (вероятно, кожаных) ножнах, нижняя часть которых заканчивается золотой бутеролью.

В правой руке всадник держит булаву золотистого цвета с грушевидным навершием с небольшим шаром на конце. Навершие украшено цветными, вероятно драгоценными, камнями. Булава сплошь украшена чеканными узорами. Рукоять булавы круглая (на рисунке нет граней), ее длина соответствует высоте туловища всадника. Левой рукой всадник держит узду красного цвета.

На ногах обувь красного цвета. Вероятно, сапоги из кожи, с прямыми носками.

Рассматривая рисунок, можно отметить, что в конском убранстве большое внимание уделялось головному и нагрудному убору. На голову коня надета *решма* (налобное украшение), с рельефными узорами, золотистого цвета. Похожая, но меньшая по размерам решма надета на морду коня ближе к носу. Все ремни конской уздечки (конская упряжь) – золотистого цвета, возможно, расшиты золотыми нитями. С шеи коня свисает *науз* – декоративное украшение, завершающееся кистью.

На груди коня изображена *паперсть* – пластина и ремни, прикрепленные к передней части седла. Как нагрудная пластина (круглая, выпуклая, с фестончатыми краями), так и ремни паперсти изображены золотистым цветом. Поверх паперсти у основания шеи коня на золотой декоративной цепочке висит треугольная пластина с фестончатыми краями.

На круп коня наброшена попона золотистого цвета, украшенная изящной вышивкой и аппликациями, а также цветными, возможно драгоценными, камнями. Под хвостом коня проходит *пахви* – декоративный ремень золотистого цвета, прикрепляемый к задней части седла или к попоне. Судя по рисунку, он должен был не допускать сползания попоны на бок. Стремя золотистого цвета, имеет дугообразную верхнюю и прямую нижнюю часть.

Живописный наряд с узорами и золотистый цвет подчеркивают нарядность парадного убранства.

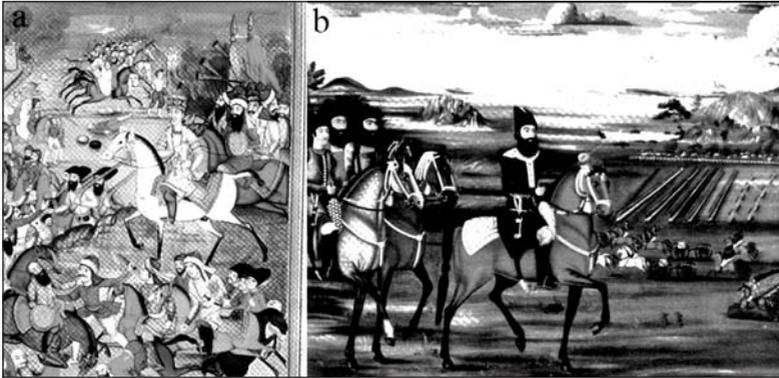
Рис. 3. а. Бронзовая статуэтка франкского короля Карла Великого. VII–IX вв.;
 б. Бронзовая статуэтка-курительница с изображением албанского правителя Джаваншира. VII в.

Рис. 4. Портрет Екатерины II. XVIII в.
 После 1762 г. В. Эриксен

Таким образом, описывая внешность всадника, можно прийти к следующим выводам.

Поза, в которой изображен всадник и его конь – парадная. Традиционно конь с поднятой передней ногой (спокойный шаг) изображается у правителей. К примеру, можно указать на бронзовую статуэтку франкского короля Карла Великого (VII–IX вв.) (рис. 3а); бронзовую статуэтку – курительницу – с изображением албанского правителя Джаваншира (VII в.)¹¹ (рис. 3б); портрет Екатерины II (XVIII в.) (рис. 4); миниатюры периода поздних Сефевидов с изображением Надир шаха Афшара (начало XVIII в.)¹²; миниатюры каджарской школы живописи с изображением Ага Мухаммед шаха Каджара (рис. 5а) и принца Аббас Мирза Каджара (начало XIX в.)¹³ (рис. 5б).

**Рис. 5. а. Миниатюра кадjarской школы живописи с изображением Ага Мухаммед шаха Каджара;
б. Миниатюра кадjarской школы живописи с изображением принца Аббас Мирза Каджара (начало XIX в.)**

Традиция разворачивать туловище человека грудью к зрителю встречается еще в настенных изображениях Древнего Египта и Месопотамии¹⁴. В XVIII – начале XIX вв. эта традиция сохранилась в живописи поздних Сефевидов и кадjarской живописи. Интересно, что так изображались только главные персонажи картин (например, Надир шах на миниатюрах к рукописи Мирза Каукаби Астрбади, Ага Мухаммед шах Каджар и принц Аббас Мирза Каджар¹⁵).

Следовательно, можно утверждать, что лицо, изображенное в рассматриваемой сцене, является главным, вероятно самим ханом. Неестественное положение руки, держащей булаву перпендикулярно, также подтверждает торжественность эпизода.

Головной убор всадника, богато украшенный камнями и жемчугом, можно сравнить с изображениями короны Фатх Али шаха Каджара. Так, на рассматриваемой росписи головной убор, на наш взгляд, представляет собой следующую конструкцию. По матерчатой основе, скрепленной обручем, как уже описывалось выше, проходит двойная нить жемчуга, в передней части обода закреплена пластина с перьями. Матерчатая основа являлось традиционной для корон многих правителей (например, короны короля Священной Римской империи, короны московских князей («шапка Мономаха»)). Традицию декоративного скреп-

ления короны нитями жемчуга можно наблюдать на коронах каджарских шахов, например Фатх Али Шаха Каджара (рис. 6а). На портрете Султан Йакуба, сына правителя Ак-Коюнлу Узун Гасана, исполненном венецианским художником, головной убор, также украшен нитями жемчуга¹⁶. Пластина в передней части парадного головного убора в европейской традиции называется *эрет*, в восточной (в странах мусульманского мира) – *джыгга*. Изображения джыгга часто встречаются на средневековых тебризских миниатюрах. В эрмитажной коллекции Особой кладовой Востока хранятся несколько джыгга – подарок от Надир шаха Афшара русским царям¹⁷ (рис. 7).

Джыгга на росписи Дворца шекинских ханов по материалу исполнения и форме соответствует джыгга из коллекции Эрмитажа. Джыгга на изображении скрепляет перья, причем они изображены аналогично перьям с короны Фатх Али шаха Каджара (изображение на столовом приборе из коллекции Особой Кладовой Востока)¹⁸.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что головной убор изображен-

Рис. 6. а. Портрет Фатх Али шаха. Холст. Масло. Тегеран, Коллекция Америк; **б.** Портрет Фатали шаха Каджара. Мир Али. Холст. Масло. 1813–1814 гг. Иран

Рис. 7. Джыгга – подарок от Надир шаха Афшара русским царям. Коллекция Эрмитажа

ного на росписи всадника является короной, изготовленной в стиле, который можно назвать каджарским.

Всадник одет в халат, украшенный узорами. Такой тип парадного халата традиционно изображается на правителях XVIII – начала XIX вв. (до этого халаты изображались запахнутыми на груди и перетянутыми кушаком).

Рис. 8. Османские булавы.
Коллекция музеев «Царское Село»,
Оружейной Палаты Московского
Кремля

Золотая булава (скипетр) с грушевидным навершием в руках всадника однозначно является символом власти. Так, на стенах и в росписях Древнего Египта и Месопотамии правители имели в руках именно такой предмет (изображение III–I тыс. до н. э.)¹⁹. В царском скифском захоронении Солоха (IV в. до н. э.) найдена булава – скипетр. На территории Азербайджана, в Мингечауре, в погребениях II–I тыс. до н. э. найдены аналогичные булавы с тщательно обработанными мраморными навершиями²⁰. На тебризских миниатюрах XIV–XV вв. правители и полководцы разного ранга также имеют булаву

с грушевидным или приплюснутым навершием²¹. К периоду XVII–XVIII вв. относятся османские булавы из коллекций музеев Западной Европы, музея «Царское Село», Оружейной Палаты Московского Кремля²² (рис. 8). Булава как символ власти изображена в руке Фатали шаха Каджара (рис. 6b) и принца Аббас Мирзы Каджара (рис. 5b).

Булава-скипетр с чисто символическим маленьким навершием изображена на картине начала XIX в. «Принц Аббас Мир-

за на маневрах»²³. В азербайджанском языке булава (скипетр) обозначается термином *torriz*, имеющим древние корни²⁴.

Схожесть форм и декор позволяют предположить, что скипетр-булава в руке всадника относится, вероятно, к османскому стилю XVII–XVIII вв. и выполняет роль символа власти.

Как уже отмечалось, большое внимание уделено изображению конского убранства. Традиция подобного украшения коня имеет глубокие корни. Так, в Азербайджане в древних погребениях Мингечаура, а также в курганах около сел Сарычобан и Борсунлу найдены элементы парадного конского убранства²⁵. Средневековые азербайджанские миниатюры показывают, что постепенно элементы декора убранства коня становится все более пышными²⁶. По мнению М. Горелика, булава, первоначально возникшая как ударное оружие, постепенно трансформировалась в символ власти²⁷.

Решма схожа с турецкими XVII в., хранящимися в Государственной Оружейной Палате²⁸. Также имеются похожие турецкие конские упряжи – уздечки – из коллекции Государственного Исторического музея, которые украшены золотыми и серебряными бляшками, драгоценными и поделочными камнями – алмазами, изумрудами, рубинами, бирюзой, а также жемчугом. Упряжь часто украшалась накладками из нефрита – пластинками квадратной, круглой, прямоугольной, овальной, миндалевидной формы, в виде полумесяца, украшенными инкрустацией из драгоценных или полудрагоценных камней – рубинами, изумрудами, бирюзой. Золотистое (возможно, позолоченное) стремя похоже на турецкие стремена XVII в., хранящиеся в Государственной Оружейной Палате²⁹.

Таким образом, конское снаряжение следует определить как изготовленное в традиционном тюркском стиле, с очень сильным влиянием османских традиций, но с сохранением местных особенностей.

Символы власти должностного лица на росписях дворца

Еще на одной из росписей в сцене преподнесения человеческих голов в качестве трофеев – также богато одетый всадник на коне в парадном убранстве. За спиной хана изображено войско с ружьями и копьями, в передней части войска – два знаменосца (рис. 9).

Вид всадника – справа сбоку, туловище развернуто полностью, голова – на три четверти.

Головной убор также круглый, пышный, напоминает *ускуф*. Его нижняя часть обернута перевязанной по центру белой тканью с одним белым пером; верхняя часть – красного цвета, по форме напоминает башню.

Рис. 9. Изображение должностного лица на настенной росписи Дворца шекинских ханов. XVIII в. Азербайджан, г. Шеки

На всаднике халат зеленого цвета с бордовым воротником и отворотами и короткими рукавами с бордовой окантовкой по краям. Под халатом розовая рубаха с длинными рукавами.

В правой руке – скипетр (булава) золотистого цвета с грушевидным навершием с небольшим шаром на конце. Навершие украшено цветными, вероятно драгоценными, камнями. Булава сплошь покрыта красивыми чеканными узорами. Рукоять булавы круглая (на рисунке нет граней) ее длина также соответствует высоте туловища всадника. В левой руке – узда красного цвета.

На ногах обувь красного цвета. Вероятно, сапоги из кожи, с прямыми носками.

На голове коня решма³⁰, с рельефными узорами, золотистого цвета. Похожая, но меньшая по размерам решма надета на морду коня ближе к носу. Все ремни уздечки – золотистого цвета. С шеи свисает науз, на груди – паперсть. Как нагрудная пластина (круглая, выпуклая, с фестончатыми краями), так и ремни паперсти – золотистые. Поверх паперсти у основания шеи на золотой декоративной цепочке висят треугольные пластины.

Золотистая попона имеет изящную вышивку и аппликации, а на ней цветные, возможно драгоценные, камни. Под хвостом

коня проходит пахви. Стремя золотистого цвета. Боковая часть стремени широкая, имеет дугообразную форму.

Роскошная одежда всадника, богатое убранство коня, наличие булавы указывают на то, что художник изобразил знатное лицо, занимающее важную должность в иерархии ханства. Как и в предыдущем рисунке, здесь головной убор и булава могут рассматриваться как символы власти.

Военный оркестр на росписях дворца

На одной из настенных росписей Дворца шекинских ханов изображены конные музыканты (военный оркестр), стоящие перед конницей. В оркестре имеются два вида музыкальных инструментов: духовые и ударные. Пятеро всадников изображены с духовыми музыкальными инструментами, по форме напоминающими зурна, у одного всадника ударный музыкальный инструмент, по форме напоминающий барабан (рис. 10).

Рис. 10. Военный оркестр на настенной росписи Дворца шекинских ханов. XVIII в. Азербайджан, г. Шеки

На головах всадников черного цвета папахи с красной верхней частью. Головные уборы музыкантов схожи по цвету и форме. Верхняя одежда музыкантов имеет схожую форму, но отличается по цвету.

На поясах у двух из шести музыкантов подвешены сабли с серебряной рукояткой. Сабля находится в черных (вероятно, кожаных) ножнах, нижняя часть которых заканчивается серебряной бутеролью.

Конское убранство простого типа. Все решмы, уздечки, паперсть (возможно, кожаные) черного цвета. Стремена изображе-

ны серебристого цвета с дугообразной верхней и прямой нижней частью. В двух случаях попоны накинута на круп лошади.

На другом рисунке также перед конницей изображены всадники с музыкальными инструментами (конный оркестр). Головной убор музыкантов в виде чалмы. Ее нижняя часть у всех музыкантов белого цвета, верхняя часть зеленого, красного и синего (рис. 11).

Оркестр состоит из конных и пеших музыкантов. У конных – духовые музыкальные инструменты, по форме напоминающие

Рис 11. Военный оркестр на настенной росписи Дворца шекинских ханов. XVIII в. Азербайджан, г. Шеки

зурна, а у пеших – ударные, по форме напоминающие большие барабаны. Конское убранство аналогично указанному в описании предыдущего изображения (рис. 10). Попоны накинута на крупы всех коней.

Музыкальные инструменты указанных типов встречаются в раннем средневековье. Следовательно, по истечении веков они в общем не подверглись изменениям и сохранили свою форму. Это под-

тверждают письменные источники и миниатюры XIII–XV вв. Все военные музыкальные инструменты должны были соответствовать одним и тем же требованиям: издавать громкий, ясный звук, быть мобильными и пригодными к долгосрочной эксплуатации.

Помимо использования по прямому назначению, в том числе для доведения приказов с помощью звуковых сигналов, музыкальные инструменты могли оказывать психологическое воздействие на противника³¹.

Немного терминологии. Перевозимый четырьмя конями большой ударный инструмент, называющийся *нагара-набат* (*наубат*), давал сигнал о выступлении в поход. В малых походах вместо *наубат* использовались *нагара* или другими его видами, такими, как *куварга*, *курка*, *жабрака* и *кус*. Позицию между *набат* и *нагара* занимал *табыл*³².

Во время битв и походов широко использовались духовые инструменты, называющиеся *шейтур* (или *нафир*). Используя *керней* и *бургу*, в укреплениях давался сигнал тревоги (в боях в пустыне также пользовались этими инструментами)³³. Наличие музыкальных инструментов рассматривалось как один из символов власти. Традиционно, при назначении на должность, выдавался музыкальный инструмент, обычно ударный. Чем выше была должность, тем большее количество инструментов полагалось исполнителю должности.

Наследник престола, еще до провозглашения правителем, имел право на собственный оркестр. Правитель имел в подчинении главный оркестр государства, который назывался *набат-хана* (*наубат-хана*) и находился во дворце или другом местопребывании правителя. Когда наследник престола получал власть, *наубат-хана* исполнял специальный марш-науба Зу-л Кернайна, возвещая о новом правителе³⁴.

Все вышесказанное свидетельствует о глубоких традициях и давних символах государственности и военной власти в Азербайджане.

¹ Əliyev İ., Məhərrəmov E. Azərbaycan Respublikasının rəmzləri. Bakı, 2000. С. 7–8.

² Azərbaycanda dövlətçilik və onun rəmzləri / N. Vəlixanlının red. Bakı, 2000. С. 10–11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Мяммядзая К.М. Şəki xanlığının sarayı. Bakı, 1986. С. 86–87.

⁵ Рол Д. Генезис цивилизаций. Откуда мы произошли. М., 2003. С. 343.

⁶ Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 2006. С. 441; Полная энциклопедия символов / Сост. В.В. Адамчик. Минск, 2006. С. 72.

⁷ Хунджи Фазлуллах ибн Рузбихан. Тарихи алам арай-и амини / Пер. В.М. Минорского, З.М. Бунятова. Баку, 1987. С. 53.

⁸ Керимов К. Азербайджанские миниатюры. Баку, 1980.

⁹ Azərbaycan bayraqları. Kataloq / N. Vəlixanlının red. Bakı, 2005. С. 13–14.

¹⁰ Там же. С. 10–32.

¹¹ Azərbaycanda dövlətçilik və onun rəmzləri. С. 24.

- ¹² Mirza Məhəmməd Mehdi Xan Astrabadi. Tarix-e cahanqəşayi Naderi. Tehran, 1991. Рис. 7, 10 (на перс. яз.).
- ¹³ Каджар Ч. Каджары. Баку, 2001. С. 70–72.
- ¹⁴ Хайке Овузу. Символы Египта. М., СПб., [Б. г.]. С. 24; Саггс Х. Вавилон и Ассирия. М., 2004. С. 144.
- ¹⁵ Mirza Məhəmməd Mehdi Xan Astrabadi. Рис. 7–10.
- ¹⁶ Əhmədov S. Ağoyunlu qoşunları. Bakı, 2002. С. 33. Рис. 1.
- ¹⁷ Ювелирные изделия Востока. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа / Сост. А.А. Иванов, В.Г. Луконин, Л.С. Смесова. М.: Искусство, 1984. С. 34. Рис. 148–151.
- ¹⁸ Там же. С. 31. Рис. 150.
- ¹⁹ Хайке Овузу. Указ. соч. С. 32.
- ²⁰ Асланов Г.М., Вайдов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. Баку, 1959. Рис. 17.
- ²¹ Гасанзаде Д. Тебризская миниатюрная живопись. Баку, 2000. С. 67.
- ²² Wendalen Boenheim. Waffenkunde. Leipzig, 1890. P. 361; Ювелирные изделия Востока. С. 20. Рис. 9 д; Введенский Г.Э. Янычары. Государственный музей-заповедник «Царское Село». СПб., 2003. С. 106; Регалии российских государей. Федеральное Государственное Учреждение «Государственный Историко-Культурный Музей-Заповедник “Московский Кремль”». М., 2004. С. 15; Государственная Оружейная Палата Музея Московского Кремля. Парадное оружие и конское убранство XVII–XVIII веков, М., 1986. С. 5.
- ²³ Каджар Ч. Каджары. Баку, 2001. С. 75.
- ²⁴ Əhmədov S. XIII–XV əsrlərdə Azərbaycanca hərbi işi tarixi, t.e.n. avtoferat. Bakı, 2001. С. 7.
- ²⁵ Səfərov H.F. Azərbaycan e. ə. IV minilliyin axırı – I minilliyin əvvəllərində. Bakı, 2000. С. 113–115, 120, 149.
- ²⁶ Гасанзаде Д. Тебризская миниатюрная живопись. Баку, 2000. С. 8–11.
- ²⁷ Горелик М.В. Армии монголо-татар. X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002. С. 50–51; Его же. Оружие Древнего Востока. СПб., 2003. С. 85; Шпаковский В.О. Рыцари Востока. М., 2002. С. 43.
- ²⁸ Государственная Оружейная Палата Музея Московского Кремля. Парадное оружие и конское убранство XVII–XVIII веков. С. 10–11; Аствацатурян Э.Г. Турецкой оружие. СПб., 2002. С. 306–307.
- ²⁹ Государственная Оружейная Палата Музея Московского Кремля. Парадное оружие и конское убранство XVII–XVIII веков. С. 6–7; Аствацатурян Э.Г. Указ. соч. С. 308–312.
- ³⁰ Государственная Оружейная Палата Музея Московского Кремля. Парадное оружие и конское убранство XVII–XVIII веков. С. 10–11.
- ³¹ Salamzadə Ə.R., Məmmədzadə K. M. Şəkinin memarlıq abidələri. Bakı, 1987. С. 87.
- ³² Əhmədov S. XIII–XV əsrlərdə Azərbaycanca hərbi işi tarixi. С. 69–70.
- ³³ Askeri Muzey. Albüm. İstanbul, 2002. С. 3–5.
- ³⁴ Хунджи Фазлуллах ибн Рузбихан. Указ. соч. С. 44.

В.В. Глазков (Тула)

О ВИНТОВКЕ Н.И. ХОЛОДОВСКОГО И ПРИЧИНАХ ЕЕ НЕПРИНЯТИЯ НА ВООРУЖЕНИЕ

В 1912 г. генерал-лейтенантом Николаем Ивановичем Холодовским был разработан образец пехотной винтовки, полученный путем переделки состоявшей на вооружении 3-линейной винтовки образца 1891 г.

Винтовка Холодовского представляет интерес как попытка модернизации существующего образца стрелкового оружия с устранением основных недостатков и сохранением главных достоинств. К сожалению, в литературе она описана слабо. Наиболее интересное описание приведено в классическом труде В.Е. Маркевича «Ручное огнестрельное оружие», но и оно достаточно краткое и рассказывает далеко не обо всех особенностях системы¹. В качестве причины, по которой данный образец так и не был принят на вооружение, указывается высокая стоимость переделки, что, как мы увидим далее, не вполне соответствует истине.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива сохранился обширный документальный материал, посвященный войсковым испытаниям винтовки Холодовского, проходившим в 1913 г., в частности, отчеты войсковых частей. Кроме того, три экземпляра винтовок данного образца хранятся в собрании Тульского государственного музея оружия. На базе данных материалов и была предпринята попытка более подробно описать как сам образец, так и причины, побудившие военное ведомство отказаться от его принятия на вооружение.

Следует сказать несколько слов о личности изобретателя. Родился Николай Иванович Холодовский 14 апреля 1851 г.², образование получил в Петровском Полтавском кадетском корпу-

се и Михайловском артиллерийском училище, из которого вышел подпоручиком со старшинством 1872 г. в Киевскую крепостную артиллерию. Служил на различных строевых должностях, командовал батареей, заведовал практическими занятиями³. В 1898 г. в чине полковника был назначен на должность командира Квантунской крепостной артиллерии, в 1901 г. за отличие произведен в генерал-майоры со старшинством 1900 г., в 1900–1903 гг. заведовал артиллерийской частью Квантунской области и в 1903–1904 гг. – Приамурского военного округа; участвовал в Русско-японской войне на должности генерала для особых поручений при Наместнике Его Величества на Дальнем Востоке, в 1905–1907 гг. – начальник осадной артиллерии маньчжурских армий. С 22 апреля 1907 г. был утвержден в качестве исправляющего должность начальника артиллерии Одесского военного округа, на каковой должности прослужил почти десять непростых предвоенных реформенных и военных лет, до назначения его 22 декабря 1916 г. начальником артиллерийских снабжений Румынского фронта. Последний чин – генерал от артиллерии. За Русско-японскую войну награжден в 1906 г. орденом Св. Анны 1 ст. с мечами, за службу во время Первой мировой войны ему в 1916 г. был пожалован орден Белого Орла⁴. С 1917 г. Н.И. Холодовский жил в эмиграции, умер в 1933 г. в Лондоне.

Как мы можем видеть из его биографии, Николай Иванович не оканчивал Михайловской артиллерийской академии, т. е. не имел высшего артиллерийского образования, и не служил в центральном аппарате Главного артиллерийского управления (ГАУ); при этом он обладал большим опытом строевой службы, в том числе и в условиях военных действий, а также службы в войсках на командных должностях. Между тем в начале XX в. слабой стороной практически всех генералов и офицеров, состоявших в Артиллерийском комитете ГАУ, который занимался разработками и усовершенствованиями материальной части артиллерии и стрелкового оружия, было именно отсутствие опыта строевой службы и как следствие – частое непонимание требований войск к вооружению⁵.

К 1910-м гг. 3-линейная винтовка была хорошо изучена в войсках и показала себя в качестве простого и надежного оружия. Ее высокие боевые качества были подтверждены в ходе Андижанского восстания 1898 г., китайского похода 1900–1901 гг. и

Русско-японской войны 1904–1905 гг.⁶ Во время последней кампании самым серьезным недостатком оказалось вредное влияние на механизм огромного количества пыли, характерной для маньчжурского пейзажа, что приводило к заклиниванию затворов. В качестве импровизированной защиты использовались дульные и затворные крышки из тряпок⁷. Однако японская пехота оказалась в еще худшем положении, поскольку винтовки Арисака имели более жесткие допуски по размерам деталей и их механизмы забивались пылью значительно быстрее. Там, где японская винтовка отказывала в работе, русская действовала совершенно нормально. По результатам войны на винтовках Арисака образца 1905 г. была даже введена специальная крышка, закрывавшая затвор, которая, впрочем, тоже не решила проблему до конца⁸.

После Русско-японской войны рассматривалась возможность усовершенствования 3-линейной винтовки. Основные недостатки ее были давно известны в войсках и сводились к следующему.

С самого момента принятия системы на вооружение много нареканий вызывал тугой спуск, особенно по сравнению с легким спуском винтовки Бердана. Одним из самых сложных этапов подготовки к стрельбе было обучение плавному нажатию на хвост спускового крючка, причем каждому новобранцу приходилось изучать особенности спуска своей винтовки⁹. Крупным недостатком был неудобный в пользовании предохранитель. Чтобы поставить затвор на предохранительный взвод, надо было взяться за пуговку курка и, оттянув ее назад, повернуть налево; чтобы произвести выстрел – взять за пуговку курка и, оттянув ее немного назад, повернуть направо и осторожно поставить курок на место. Особенно сложно было проделывать все это зимой, в рукавицах, тем более во время боя в цепи, при перебежках под сильным огнем¹⁰. Немало замечаний вызывал прицел первоначального образца. Установка хомутика при поднятой рамке была неточной и неудобной, тонкая рамка часто гнулась. После перехода к остроконечной пуле выявился такой недостаток, как затрудненное наполнение магазина вследствие примитивной обоймы и тугой пружины подавателя. При неаккуратном нажатии на верхний патрон пули иногда расходились веером из-за того, что теперь они не упирались одна в другую, как тупоконечные.

От участников штыкового боя приходилось слышать, что штык ломается и гнется при ударе. При этом мнения о замене игольчатого штыка штыком-кинжалом большинству современников казались недостаточно обоснованными, так как «при неожиданных ночных атаках поздно уже будет примыкать кинжалы и вряд ли уже таковые будут примкнуты... думаю, что в будущих войнах, благодаря совершенству современной винтовки, ночные атаки без выстрела будут как обыкновенные явления...»¹¹

Весьма неудобными были ружейный ремень и принадлежность. Чтобы удлинить ремень пехотной винтовки для носки за спиной, приходилось снимать верхнюю антабку, для чего надо было ослабить винт верхнего ложевого кольца: достать из вещевого мешка отвертку, отвернуть винт, снять антабку, перестегнуть ремень, надеть антабку, завернуть винт кольца, проверить правильное положение кольца и спрятать отвертку. Крючок верхней антабки при носке винтовки за спиной часто разгибался и не держался на винте. В походе нередко можно было встретить солдата с винтовкой, у которой верхний конец ружейного ремня был завязан узлом вокруг ложи. Медный крючок ружейного ремня часто ломался; из войск поступали предложения «чтобы ремень застегивался не на крючок, а на пряжку... сделать ремень из более прочной кожи, так как в походе нередко были случаи, что ремень рвался... ввести в обязательство носить винтовку за спиной, что значительно облегчит солдата, делая его руки свободными, а в бою, не имея поднятых кверху штыков, скрывает передвижения и численность»¹². Лезвие отвертки в большинстве случаев плохо входило в гнездо рукоятки или не держалось в нем, а отвертка вместе с рукояткой была бесцельно велика и занимала много места. Высказывались предложения «уничтожить рукоятку совершенно, сделав отвертку в виде прямого креста всю металлическую»¹³.

Переделка винтовки образца 1891 г., предпринятая Н.И. Холодовским, преследовала цель избавиться от недостатков 3-линейной винтовки, сделать ее более легкой и удобной в обращении. Наряд на переделку винтовок был выдан в 1912 г. Тульскому Императора Петра Великого оружейному заводу. Для данной цели было отпущено 288 3-линейных винтовок «из числа наиболее бывших в употреблении», требовавших ремонта в заводских

условиях, и к ним 42 тысячи боевых остроконечных патронов. Общая стоимость работ составила 64 306 р. 84 к.¹⁴

Вес переделанной винтовки уменьшился по сравнению со стандартной почти на 2 фунта (ок. 800 г)¹⁵. Ствол был несколько укорочен в дульной части (его длина уменьшилась с 800 до 763 мм¹⁶), на его наружной поверхности появились желобки (долы), служившие для уменьшения веса и для лучшего охлаждения¹⁷. Уменьшение веса дульной части улучшало баланс оружия. При этом прочность ствола на изгиб и на сопротивление давлению газов осталась вполне достаточной. Мушка имела так называемое рельсовое сечение (с небольшим уширением на вершине). На винтовке был применен оригинальный прицел, не имевший ничего общего со штатными прицелами как первоначально типа, так и образца 1910 г. Колодка прицела фиксировалась от смещения винтом. Рамка была прямая, с двумя глубокими пазами, деления – нарезаны с переменным шагом, что соответствовало изменению траектории пули по мере увеличения дистанции. Широкие ушки надежно предохраняли поднятую рамку от шатания. Прицеливание при опущенной рамке осуществлялось на дистанциях до 1200 шагов, при поднятой – до 3300 шагов. Поскольку новая ствольная накладдка полностью окружала прицел со всех сторон, деления, соответствующие дистанциям стрельбы при опущенной рамке, наносились не на боковую поверхность прицела, а непосредственно на ствольную накладку с левой стороны. На левой грани ствольной коробки, напротив рукоятки затвора, была сделана полукруглая выемка с заглаженными краями, чтобы исключить поранение большого пальца о грань окна коробки при быстром досылании патронов из обоймы вниз. Затвор имел удлиненную рукоятку, способствующую его более легкому открыванию и закрыванию. Для облегчения затвора рукоятка была сделана пустотелой, а на гребне стебля затвора появилась выемка. Боковая поверхность пуговки курка, имевшая насечку, стала шире примерно в четыре раза для более удобного действия предохранителем. Для облегчения на заднем торце курка имелась глубокая выемка. Чтобы избавиться от врожденного недостатка системы – тугого спуска – пришлось доработать спусковой механизм. Спуск стал более мягким, появился предупредитель, значительно улучшивший меткость стрельбы. Подаватель был изменен так, что при израсходовании всех пат-

ронов закрыть затвор было невозможно. Пружина подавателя была несколько ослаблена для облегчения зарядания.

Весьма значительным изменениям подверглась ложа. Для уменьшения веса и более удобного действия винтовкой были сделаны значительно тоньше передняя часть ложи, цевье, средняя часть и шейка. Наклон шейки несколько увеличился, что вкупе с ее меньшей толщиной сделало значительно удобнее хват рукой. Очень длинной стала ствольная накладдка – она начиналась у переднего конца ложи, охватывала прицел и простиралась назад до казенной части ствола. Пригонка ствольной накладдки была очень плотной для предохранения ствола от воды и грязи. С внутренней стороны ствольная накладдка была усилена алюминиевыми скобами на медных заклепках. Ствол, ствольная накладдка и цевье скреплялись между собой при помощи трех глухих ложевых колец, удерживавшихся на месте алюминиевыми колечными пружинами, прикрепленными к дереву шурупами. Передняя пружина соединялась также с наконечником ложи, крепившимся ввернутым в передний торец ложи шурупом. С нижней стороны цевья имелась алюминиевая скобка для крепления сложенного ружейного ремня. Интересной особенностью винтовки был приклад со съёмными деревянными прокладками у затылка, количество которых можно было изменять, увеличивая или уменьшая длину приклада в зависимости от телосложения стрелка. Затылок имел несколько скругленную форму для более удобного упора в плечо и дополнительную упрочняющую металлическую накладдку на верхний угол. Верхняя часть приклада имела измененный угол наклона и делалась более тонкой, закругленной формы, чем на 3-линейной винтовке. Хранящиеся в коллекции Тульского музея винтовки имеют приклад, склеенный из двух продольных частей, однако была ли его конструкция такой изначально, по мысли автора, для экономии древесины при производстве ложных болванок или ее применение обусловлено необходимостью переделки ложи из стандартной, установить пока не удалось. Во избежание раскалывания при отдаче ложа усиливалась раздвижным алюминиевым нагелем. Из алюминия делались также глазки для ремня, шомпол и подпружиненный шомпольный упор. Головка шомпола не проходила сквозь ствол, поэтому патронник предписывалось чистить с казенной части. Магазин остался прежним¹⁸.

Винтовка имела новый четырехгранный стальной штык полнотью оригинальной формы, крепившийся к стволу при помощи откидного шарнирного хомутика. В качестве альтернативы стальному Н.И. Холодовским был предложен штык из алюминиевого сплава («дуралюмина»)¹⁹, однако штыки для опытных винтовок, судя по всему, были изготовлены из стали. Во всяком случае, хранящиеся в Тульском государственном музее оружия винтовки Холодовского имеют стальные штыки. Винтовка комплектовалась ружейным ремнем нового образца, а также новой принадлежностью²⁰, экземпляров и описаний которых, судя по всему, не сохранилось.

Летом 1913 г. винтовки Холодовского поступили для испытаний не менее чем в 12 гвардейских и армейских пехотных и кавалерийских частей, дислоцированных в Петербургском военном округе. Однако завершить испытания в течение лагерных сборов 1913 г. не удалось из-за выявленного почти у всех винтовок недостатка – вырывания затвора при открывании. Причиной оказалась недостаточная закалка шептала и мелкие огрехи в изготовлении других деталей механизма, неизбежные при штучном выпуске. Данные недостатки удалось устранить только к концу года силами оружейного мастера с подмастерьями, специально командированного из Одесского военного округа.

Наибольший, на наш взгляд, интерес представляют испытания винтовок Холодовского в Л.-гв. Преображенском полку. 24 винтовки были получены полком в августе 1913 г. и выданы в 12-ю и 13-ю роты, а также в полковую учебную команду. Важно отметить, что выданы они были на руки нижним чинам, в том числе и совершенно незнакомым ни с какой винтовкой новобранцам, для повседневного использования наравне с обычными 3-линейными винтовками. Недостатки в работе затвора задержали испытания на несколько месяцев, так что соответствующая комиссия в полку была создана только 27 декабря, а отчет об испытаниях сдан в ГАУ к весне 1914 г.

Испытания показали, что время, затрачиваемое на сборку и разборку обычной и модернизированной винтовок, почти одинаково, но модернизированная разбирается быстрее за счет лучшего снятия ложевых колец, не требующих проверки. Однако при некотором набухании ложи в сырую погоду снять с нее кольца было труднее. Сборка спускового механизма новой

винтовки несколько отличалась от обычной и требовала навыка. Шомпол в ложу ввинчивался легко, тогда как у старых пехотных винтовок он ходил туго из-за стягивания ложевых колец винтами при усадке ложи. Ствол переделанной винтовки было проще предохранять от ржавчины благодаря долам, которые удерживали смазку. Ствольная накладка была пригнана плотно и предохраняла ствол и руки лучше, чем на обычной винтовке. Весьма способствовала сбережению нарезов чистка канала ствола через патронник с употреблением особого вкладыша. Все приборы для чистки были признаны удобными и практичными, особенно вкладыш, протирка и добавочные части шомпола. Благодаря легкости новой винтовки гораздо удобнее было делать ружейные приемы. При приеме «на плечо» правая рука свободнее проходила над прицелом, который плотно лежал на прицельной колодке, отчего нижний чин не обдирал рук. Ремень винтовки Холодовского мог укорачиваться и удлиняться при помощи кнопки, был удобен для носки, очень хорошо пригнан к цевью и не мешал при стрельбе или штыковым бое, тогда как пригонка ремня, принятая в 1908 г. по указанию бывшего генерал-инспектора пехоты, считалась очень неудобной, в особенности во время стрельбы, отчего большинство гвардейских частей в 1913 г. еще продолжали носить старые ремни образца 1893 г.

Благодаря меньшему весу, хорошо пригнанному ремню и отсутствию антабок новой винтовкой было легко наносить удары при фехтовании и колке чучел. Тонкая шейка приклада давала возможность крепче держать ружье в правой руке. В начале испытаний при отбиве соскакивало верхнее ложевое кольцо, но этот недостаток был устранен некоторой доработкой его крепления. По сравнению с обычным новый штык входил в чучело несколько труднее из-за меньшего веса винтовки и тупых граней штыка, однако поломок и погибов ни в штыке, ни в его креплении отмечено не было. При очень сильных ударах иногда несколько гнулся ствол.

Громадным преимуществом модернизированной винтовки был «правильный, не нарушающий прицеливания спуск», который усваивался нижними чинами значительно проще и быстрее. Важным достоинством было однообразие спуска у всех переделанных винтовок – солдату не нужно было тщательно изу-

чать особенности своего оружия. Круглая мушка меньше утомляла стрелка и давала возможность сделать точную оценку каждого прицеливания. Установка прицела при поднятой рамке на новой винтовке оказалась значительно проще, так как цифры были нарезаны на верхней стороне рамки и хомутик точно фиксировался на ней с двух сторон. С опущенной рамкой прицеливаться, наоборот, стало сложнее, так как цифры на ствольной накладке были видны недостаточно ясно, а ступеньки колодки – очень мелки. Стрелять из новой винтовки было гораздо легче, чем из старой, за счет более легкого открывания затвора и меньшего веса оружия. Ствол переделанной винтовки нагревался меньше, зато прицел – гораздо больше, что затрудняло его перестановку. В переделанных винтовках было отмечено несколько случаев обратного попадания гильз в окно коробки, один раз гильза заклинила патрон, что, возможно, объясняется ослабленной пружиной подавателя. Существенное значение на результаты стрельбы при большой разнице в росте солдат оказывала длина приклада, регулируемая за счет прокладок. При стрельбе из запыленных винтовок, с обильной смазкой и без таковой, новая показала себя несколько лучше за счет более легкого открывания затвора.

К достоинствам винтовки в полку отнесли следующие ее особенности:

1. Легкость.
2. Удлиненная и облегченная рукоятка затвора (легче открывание-закрывание).
3. Более прочное крепление штыка и отсутствие его качания.
4. Новые ложевые кольца, которые не требовали поверки и не соскакивали.
5. Удлинение ствольной накладки, из-за чего ствол не обжигал большой палец, как это нередко случалось ранее у неопытных стрелков, и точная ее пригонка.
6. Прицел, врезанный в ствольную накладку и не мешавший обращению с ружьем. На прямой рамке были сразу заметны малейшие погрешности, тогда как на прицеле образца 1910 г. они обнаруживались только при проверке лекалами. Новая рамка, в отличие от старой, не качалась ни в каком положении. Ступеньки колодки были параллельны оси канала ствола, что устраняло ошибки от неправильно поставленного хомутика.

7. Изогнутый приклад, дающий возможность скорее «ловить мушку».

8. Удобная круглая мушка.

9. Облегчение пружины рычага подавателя и скругленность пазов ствольной коробки, что сделало заряжание более легким.

10. Невозможность закрыть затвор при израсходованном магазине (отсутствие «шестого раза» – спуска курка без патронов).

11. Штык (требующий, однако, отточки граней).

12. Удобный ремень.

13. Прокладки в прикладе для его регулировки по росту стрелка.

14. Шомпол был признан во всех отношениях лучшим, в том числе и за счет подпружиненного шомпольного упора. Навинтованная в обратную сторону часть шомпола позволяла вывинчивать его из паки и тем регулировать тугость ее намотки, что было очень остроумно и практично.

15. Желобки на стволе (меньше нагрев ствола, удерживали смазку).

16. Спуск с задержкой, что позволяло нажимать на него очень осторожно и без дерганья.

17. Более прочное и правильное положение закрытого затвора, за счет чего уменьшалось количество осечек.

18. Центр тяжести у новой винтовки ближе к прикладу, за счет чего достигалась большая устойчивость при стрельбе.

19. Вся вообще винтовка благодаря легкости проще и удобнее в обращении.

Были отмечены следующие недостатки системы:

1. Цифры для прицеливания на ствольной накладке, которые нередко стирались.

2. Выбрасывание гильз иногда бывало не в ту сторону, иногда – недостаточно энергично вверх.

3. Круглая мушка не позволяла точно прицелиться на дальние расстояния.

4. Кривизна приклада при стрельбе на дистанции более чем в 2000 шагов не давала возможности вставить его в выемку плеча.

5. Среднее ложевое кольцо при стрельбе очень сильно нагревалось.

6. Лишние прокладки для приклада, которые в походе неизбежно терялись бы.

7. Слабое крепление верхнего ложевого кольца, требовавшее доработки.

8. Откидная прорезь для постоянного прицела была признана непрактичной, из-за засорения было возможно неполное ее складывание²¹.

Ни один из этих недостатков не был признан ни существенным, ни неустранимым. Впечатления представителей разных полков отличались в деталях; общее впечатление Гвардии наиболее точно выразилось в рапорте комиссии Л.-гв. 1-го Стрелкового Его Величества полка: «В общем винтовка отлична. Постепенная замена ею винтовок образца 1891 г. весьма желательна»²².

Гораздо более сдержанно отнеслись к модернизированной винтовке специалисты-оружейники. В отчете о ее испытаниях в Офицерской Стрелковой школе указывалось, что по сравнению с обычной 3-линейной винтовкой она дает худшие результаты при стрельбе на дальние дистанции, а многие новые детали, особенно мелкие, менее прочны. Самым же крупным недостатком, по мнению оружейников, было то, что «в винтовках генерал-лейтенанта Холодовского общее число отдельных деталей возросло почти в 1 1/2 раза и доведено с 68 до 112, при этом громадное число частей не только изменено, а проектировано заново. Из 68 частей винтовки неизменными остались 18... Винтовка генерал-лейтенанта Холодовского в своем настоящем виде представляет почти совершенно новый образец винтовки... не имеющий в конечном итоге преимуществ перед ныне существующим»²³. Для полноценных войсковых испытаний требовалось вооружить новыми винтовками две пехотные дивизии, что заняло бы около двух лет и потребовало бы значительных расходов.

Совещание для рассмотрения результатов испытаний винтовок проходило в ГАУ с 10 по 16 июня 1914 г. По всей видимости, решающим на нем стало мнение Управления генерал-инспектора артиллерии: «Прежде чем приступить к столь широкому опыту, надо решить, что же предпринять дальше, *имея в виду необходимость перейти в недалеком будущем к автоматической винтовке* (выделено мною. – В. Г.). Если образец последней будет окончательно выработан, что желательно в возможно скорейшем времени, то казалось бы необходимым прекратить производство винтовок системы генерал-лейтенанта Холодовского»²⁴.

Изобретатель, однако, собирался продолжать испытания далее, хотя и в масштабах не двух дивизий, а несколько меньших. 14 июля 1914 г. он писал начальнику ГАУ: «...испрашиваю разрешения Вашего Превосходительства все 288 3-линейных винтовок первой партии, переделанных на образец г.-л. Холодовского, сосредоточить в Одесском артиллерийском складе... Прошу разрешения ружья эти тотчас же передать в полки 15 Стрелковый Князя Черногорского и 16 Стрелковый Императора Александра III, в коих вооружить ими по одной роте для повторения произведенных опытов и производства более широких». Опыты предполагалось начать в августе и завершить до конца 1914 г., однако ввиду начавшихся военных действий ГАУ распорядилось их «оставить до конца войны»²⁵. До наших дней дошло всего несколько винтовок Холодовского; судьба остальных пока остается неизвестной.

Если сравнить винтовку Холодовского с модернизированной винтовкой обр. 1891/30 гг., то нельзя не отметить, что целью модернизации конца 1920-х гг. было не столько улучшение характеристик оружия, сколько упрощение и удешевление его производства (например, применение круглой ствольной коробки вместо граненой). Основными изменениями, которые улучшили характеристики винтовки, были новый прицел, мушка с намушником, новая обойма и более удобная система примыкания штыка с защелкой вместо хомутика. При этом такие врожденные недостатки системы, как неудобный предохранитель, тугие спуск и подаватель, примитивная ложа и большой вес, устраненные в системе Холодовского, в модернизированных винтовках 1930 г. остались без изменения.

Таким образом можно констатировать, что русскому оружейнику Н.И. Холодовскому удалось осуществить удачную модернизацию 3-линейной винтовки, которая позволила избавиться от многих недостатков системы, вызванных почтенным возрастом (к 1914 г. с момента ее создания прошло почти 25 лет), сделать пользование оружием более удобным и при этом сохранить такие важные достоинства, как прочность, простота в обращении и малая чувствительность к запылению и загрязнению.

Основным недостатком системы, как уже говорилось выше, являлась достаточно высокая стоимость модернизации. Однако причиной того, что винтовка Холодовского не получила даль-

нейшего развития и не была принята на вооружение, была вовсе не ее дороговизна, а общая политика руководства русской артиллерии, предполагавшего в недалеком будущем принять в качестве основного образца стрелкового оружия автоматическую (по нынешней терминологии – самозарядную)²⁶ винтовку под бесфланцевый патрон уменьшенного калибра, на разработку которой и было обращено основное внимание Оружейного отдела Артиллерийского комитета ГАУ.

Винтовка Холодовского является своеобразной тупиковой ветвью эволюции стрелкового оружия. Она стала памятником той эпохи, когда считалось, что повышения эффективности боя можно достичь путем увеличения меткости ружейного огня и скорострельности магазинных винтовок. Война 1914–1918 гг. показала, что определяющую роль на поле боя стали играть новые виды вооружения: различные виды автоматического оружия, гранаты, бронетехника, авиация и оружие массового поражения. Роль обычных магазинных винтовок стала постепенно снижаться, в силу чего они просуществовали вплоть до конца Второй мировой войны практически без изменений. В новой «войне моторов» винтовке Холодовского места не было.

Автор благодарит сотрудников Тульского государственного музея оружия и Российского государственного военно-исторического архива за помощь в подготовке материала.

¹ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. М., 2005. С. 343–344.

² Помимо Н.И. Холодовского, в списках офицерским чином конца XIX – начала XX вв. числятся еще два офицера с такими же фамилией и отчеством – Алексей Иванович и Иван Иванович, близкие по дате рождения (1848 и 1861 гг.) и также окончившие Петровский Полтавский кадетский корпус, вероятно, родственники Николая Ивановича; известно, что в работе над опытной 3-линейной винтовкой принимал участие штабс-капитан Холодовский, однако данный вопрос требует дальнейшего изучения.

³ Список генералам по старшинству. Части I, II и III. Составлен по 1-е января 1913 года. СПб., 1913. С. 183.

⁴ Там же; Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 200; Список генералам по старшинству. Составлен по 10-е июля 1916 года. Пг., 1916. С. 18.

⁵ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. 1. М., 1948. С. 195.

⁶ Андижанская драма с военной точки зрения // Разведчик. 1898. № 413. С. 799; Наша винтовка после войны // Разведчик. 1901. № 543, С. 249; Необходимые улучшения нашей 3-линейной винтовки // Разведчик. 1907. № 875. С. 442.

- ⁷ Сбережение винтовки (из рассказов очевидцев) // Разведчик. 1905. № 776. С. 685.
- ⁸ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 323.
- ⁹ Циркуляр Главного штаба 1895 г. № 37.
- ¹⁰ Необходимые улучшения нашей 3-линейной винтовки.
- ¹¹ Что желательнее изменить в нашей винтовке // Разведчик. 1908. № 934. С. 617.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 616–618.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1377. Л. 10–11.
- ¹⁵ Там же. Л. 11.
- ¹⁶ Ильина Т.Н. Судьба винтовки // Музей военной истории и боевой славы. Сборник статей и материалов, посвященных 240-летию музея. Вып. VII. СПб., 1996. С. 318.
- ¹⁷ Здесь и далее описание винтовки дано на основании осмотра подлинных экземпляров, хранящихся в экспозиции Тульского государственного музея оружия, поэтому оно может не совпадать с описаниями, приведенными в печатных источниках.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1377. Л. 189–191.
- ¹⁹ Ильина Т.Н. Указ. соч. С. 318.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1377. Л. 189–191.
- ²¹ Там же. Л. 189–200.
- ²² Там же. Л. 216.
- ²³ Там же. Л. 438–439.
- ²⁴ Там же. Л. 496–502.
- ²⁵ Там же. Л. 516.
- ²⁶ Будаевский С. Краткий учебник артиллерии для ускоренной подготовки прапорщиков пехоты, кавалерии и инженерных войск. Пг., 1917. С. 98–99.

М.П. Голованова (Москва)

**«ЗНАМЕНА ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА»
ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО
КРЕМЛЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ И ДОКУМЕНТАХ
(К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ)**

В СОБРАНИИ МУЗЕЕВ Московского Кремля хранятся три знамени, которые традиция связывает с именем покорителя Сибири, атамана вольных казаков Ермаком. Они выполнены из холста в традиционной для русских знамен технике интарсии (вшивной технике) и имеют прямоугольную форму.

В центральной части одного из знамен¹ помещено иконографическое изображение, над которым на кайме расположена надпись: «ГРОЗНЫЙ ВОЕВОДА АХИСТРАТИГЪ МИХАИЛЬ» (рис. 1). Поясним, что надпись не является названием сюжета. Полотнище знамени однослойное; центральная часть и кайма смонтированы таким образом, что надпись располагается над оборотной (*изнаночной*) стороной изображения; на обороте, над лицевой стороной изображения, надпись не читается. Сюжет в средней части – «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину» – представляет один из популярных в средневековой иконографии эпизодов из ветхозаветной книги Иисуса Навина (Нав. 5:13–16), связанный с темой исхода из Египта и обретением Земли обетованной. На фоне города Иерихона представлены посланник Бога, глава небесного воинства, покровитель земного войска Архистратиг Михаил в виде воина с обнаженным мечом и коленопреклоненный Иисус Навин, мудрый и отважный военачальник, герой и вождь, образец для воинов и их предводителей. Иисус Навин снимает свой сапог, выражая уважение и благоговение перед святой землей и перед явлением Архистратига, который показал готовность небесных сил помогать в предсто-

ящей борьбе с Ханаанскими народами и удостоверил, что Иисус Навин привел израильтян на святую землю (рис. 2). Взятие Иерихона стало делом промысла Божия: город был взят без боя, чудом пали его стены. Падение Иерихона поразило обитателей

Рис. 1

Рис. 2

Палестины: слава о военных успехах Иисуса Навина «носилась по всей земле», повергая в страх ее обитателей и вдохновляя израильтян. После этого под руководством Иисуса Навина народ израильский одерживал почти постоянные победы. Навин полностью выполнил свою миссию и расселил двенадцать колен израилевых в Земле обетованной.

На двух других знаменах помещены обращенные друг к другу лев и единорог, стоящие на задних лапах (восстающие, «готовые к бою»). На одном из знамен² они помещены в фигурное обрамление, а широкая кайма из красной крашенины, сохранившаяся не полностью³, дополнена декоративными элементами из неокрашенного холста: «репьями» в виде цветов с восьмью лепест-

ками; кругом со стилизованным изображением солнца в виде человеческого лица; четырехконечным фигурным крестом, составленным из четырех геральдических лилий (рис. 3). Центральная часть другого знамени⁴ обрамлена бордюром из зубчатых городков; с трех сторон пришита широкая кайма из холста серо-коричневатого цвета с вьющимися орнаментальными мотивами и стилизованными розетками («репьями») в углах; со стороны древка (?) – вставка из красной крашенины (рис. 4).

В связи с отсутствием к настоящему времени специальных исследований, посвященных этим немаловажным памятникам русской истории и культуры, обратимся к разбору историографии и анализу имеющихся источников. Существенной частью исследования нам представляется также рассмотрение обстоятельств складывания имеющейся атрибуции.

Реликвии были неоднократно опубликованы как в работах по истории русских знамен, так и в исследованиях по истории Сибири; ряд публикаций сопровождали некоторые ценные замечания. Впервые одно из знамен с изоб-

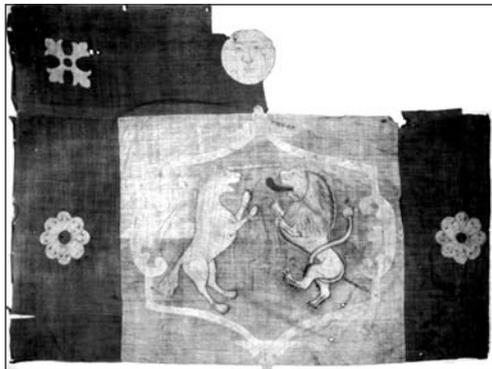

Рис. 3

Рис. 4

ражением льва и единорога было опубликовано еще в 1841 г. в первом томе издания «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», посвященного допетровскому времени, в разделе «Знамена» как знамя, хотя и не имеющее «значений времени», но «по соображениям» принадлежащее к XVII столетию⁵.

В 1865 г. в подготовленном помощником директора Оружейной палаты Л.П. Яковлевым труде «Русские старинные знамена» эти три знамени объединены в группу «Три знамени, бывшие с Ермаком Тимофеевичем при покорении Сибири в 1581–1582 г.»⁶, которая начинает раздел «Знамена, присланные из Сибири». Атрибуция соответствует приведенным автором документам поступления знамен в Оружейную палату в 1834 г. из Московского арсенала. Данная атрибуция и описания знамен были воспроизведены в 1884 г. в Описи Московской Оружейной палаты⁷, которая до настоящего времени является основным источником для исследователей. Эта атрибуция зафиксирована в современном музейном инвентаре.

Между тем, авторитетный специалист по геральдике, хранитель коллекций Оружейной палаты (в том числе – коллекции знамен) Ю.В. Арсеньев в опубликованном еще в 1908 г. труде отрицал данную атрибуцию, отмечая, что «знамена эти, без всякого основания, в Описи Оружейной палаты отнесены к XVI в. и значатся будто бы принадлежавшими Ермаку и его сподвижникам»⁸. Отмечая, что изображения на знаменах со львом и единорогом выполнены «в совершенно геральдическом стиле», он включил их в ряд русских знамен, отразивших «развитие геральдического вкуса»⁹. Рассматривая гербы как элемент истории культуры, Ю.В. Арсеньев считал, что «наша русская геральдика» появилась не раньше второй половины XVII в.¹⁰, и определял знамена как «два знамени XVII века *сибирских стрельцов*»¹¹.

Благодаря публикациям XIX в. знамена оставались в поле зрения исследователей. Как «знамена Ермака» они включались в обзорные издания по Оружейной палате и выставочные каталоги¹², в краткие обзоры истории русских знамен¹³. Публикаторов несомненно привлекали как живописная композиция, так и значимость геральдических изображений. Происхождение и символика единорога, встречавшегося наряду с двуглавым орлом и ездецом в русской государственной геральдике конца

XV–XVII вв. рассмотрена в работе ведущего специалиста по геральдике и знаменоведению Г.В. Вилинбахова. Исследователь, включив два знамени Оружейной палаты со львом и единорогом в ряд русских геральдических памятников, отметил неоднозначность атрибуции, поскольку в первой публикации одно из знамен было датировано XVII в.¹⁴

Личность Ермака и подвиг его сподвижников стали темой изучения и осмысления многих поколений исследователей, занимавшихся историей России. Начало присоединения Сибири к России длительное время остается одной из дискуссионных проблем отечественной истории. Спорность многих вопросов (датировка экспедиции Ермака, определение ее инициаторов, этапов похода «ермаковых казаков», хронологии первых экспедиций царских воевод за Урал) связана с противоречивостью основных источников, прежде всего ранних летописных повестей о «взятии» Сибири. В работах Р.Г. Скрынникова отмечалось отсутствие вещественных памятников экспедиции Ермака. Ссылаясь на Описание Оружейной палаты, историк обратился к группе из трех «знамен Ермака». Одно из знамен со львом и единорогом он определил как «самое древнее» (с красной каймой), «которое проделало с отрядом Ермака долгий путь», считая, что два других «сшиты были уже в XVII веке»¹⁵. В то же время исследователь указывал, что письменные источники к. XVII в. (Ремезовская летопись) сохранили сведения о казачьем знамени с ликом Спасителя¹⁶.

Считается также, что «самое известное из «Ермаковых знамен»» сохранялось как реликвия Сибирского казачьего войска и находилось до 1919 г. в Омске (дальнейшая судьба знамени неизвестна)¹⁷. На его лицевой стороне было помещено изображение образа Архангела Михаила грозных сил воеводы, а на оборотной – святой Дмитрий Солунский на коне, «поражающий копьём Мамая».

Кроме этого, в собрании Оружейной палаты хранится «знамя сибирское конца XVII века», которое «построено по образцу солдатских знамен» и «служило в одном из пограничных сибирских острогов, в конце XVII, или в начале XVIII века»¹⁸. Несмотря на это, в его описании имеется помета: «*это знамя приписывают онборским [обнорским. – М. Г.] стрельцам, а называется оно Ермаковым*»¹⁹.

Итак, к настоящему моменту существуют различные точки зрения на атрибуцию хранящихся в Музеях Московского Кремля «знамен Ермака». Памятники этой группы остаются неизученными, а вопросы их атрибуции – нерешенными.

Документы, немаловажные для изучения истории складывания атрибуции знамен, были обнаружены нами в документальном фонде ВИМАИВиВС. Они связаны с поступлением знамен в Московский арсенал и датированы 1826–1827 гг.

Необходимо отметить, что и в александровскую эпоху, и в 1820–1830-е гг. наблюдалось особое внимание к собиранию и изучению реликвий, связанных с российской историей²⁰. В октябре 1826 г. было издано распоряжение о составлении описаний «достопамятным» орудиям и предметам во всех арсеналах²¹. Это распоряжение генерал-фельдцейхмейстера Михаила Павловича предполагало, что составленные описания после утверждения будут напечатаны и переданы «для хранения при арсенале на случай востребования посетителями оных» (для этого нужно было составить описания «лучшим слогом, в ясной краткости» и переписать «на лучшей бумаге лучшим же почерком»)²².

К этому времени, в сентябре 1826 г., в Московский арсенал из Тобольска, как указывают документы – «не ожиданно»²³, доставили ряд «достопамятных» предметов. Командующий крепостным штатом и арсеналом 14-й артиллерийской бригады Московского артиллерийского гарнизона подполковник А.В. Кар (Карр) направил рапорт в Московское артиллерийское депо с вопросом о разрешении включить доставленные из Оренбургского артиллерийского гарнизона знамена и прочие «достопамятные вещи» в общую ведомость «редкостей» арсенала²⁴, но 13 ноября последовало предписание «немедленно представить» отдельную ведомость на эти предметы. В феврале 1827 г. подполковник А.В. Кар направил рапорт в Московское артиллерийское депо о том, что унтер-цейхвартером 10-го класса Белокопытовым подготовлена запрошенная ведомость, и интересовался, «не угодно ли приказать оные отправить в Петербург»²⁵.

Составленный в Московском арсенале документ повторял ведомость, направленную командиром Тобольского артиллерийского гарнизона 15 гарнизонной артиллерийской бригады подпоручиком Широковским вместе с присланными «достопамятными знаменами и значками»²⁶. Записи в ведомости краткие,

они лишь называют предметы. Под заголовком: «Знамена без древков ветхие» первым записано знамя, на котором имеется дата «1695 г.», затем зафиксированы два «портрета» «на китайке с обложенным по краям кумачом, бывшие при завоевании Сибири Ермаком Тимофеевичем в царствование царя Ивана Васильевича со знаками льва и единорога сражающимися 1532 года»²⁷; далее, после двух знамен с изображениями двуглавого орла (одно из них – с портретом Петра Великого) записано знамя «на голубой китайке с изображением с обеих сторон Архангела Михаила с Иисусом Навиным», а вслед за тем – «значки древних времен», знамена с датой «1710 года», знамена времени Екатерины I и Екатерины II, знамя егерского полка и др., и завершают список «кольчуга стальная с рукавами» и «шишак железный от долговременности от ржавчины в дырах»²⁸.

Таким образом, в документах поступления в Московский арсенал два изучаемых знамени расценивались как «портреты» (панно?) и отнесены к событиям истории Ермака с неверной датой. Они не составляли единую группу со знаменем с сюжетом явления Архангела Михаила Иисусу Навину.

Распоряжения отправить «достопамятные вещи» в Петербург (вероятно, в Достопамятный зал – ?) не последовало. Возможно, это было связано с актуализацией внимания к московским хранилищам древностей. Можно предположить, что совершившаяся 22 августа 1826 г. коронация императора Николая I, собравшая в древнюю столицу множество гостей, привлекла внимание к реликвиям, хранившимся в Кремле. К коронации было даже приурочено специальное издание П.П. Свиньина «Указатель главнейших достопамятностей, сохраняющихся в Мастерской Оружейной палате», составленное «как руководство для посетителей Оружейной палаты вообще и в особенности для знаменитых иностранцев, кои соберутся в первопрестольную Российскую столицу»²⁹. «Славу и могущество Отечества» представляло и само здание Оружейной палаты, построенное в 1806–1810 гг.: его украшали скульптуры и барельефы, посвященные основным вехам российской истории. Программа и подбор персонажей были продуманы еще в 1808 г. историком, начальником Московского архива Коллегии иностранных дел, первым почетным членом Оружейной палаты А.Ф. Малиновским³⁰. Перед посетителями Кремля представляли герои Куликовской битвы монахи

Троице-Сергиевой лавры Пересвет и Ослябя, покоритель Сибири Ермак Тимофеевич, освободители Москвы от польско-литовских захватчиков Козьма Минин и Дмитрий Пожарский.

В 1826–1827 г. собрание знамен Оружейной палаты пополнилось рядом раритетов. Они поступили «для хранения вместе с другими отечественными достопамятностями» по личным распоряжениям императора Николая I³¹. Майор А.А. Челищев поднес императору Николаю Павловичу хранившееся в роде Челищевых «знамя великого князя Дмитрия Донского, бывшее во время битвы с татарами на Куликовом поле» в 1380 г.³² В 1827 г. знамя было передано для хранения в Оружейную палату³³ и записано в 1835 г. в Опись музея первым в разделе знамен как самое древнее³⁴. В 1865 г. в издании «Русские старинные знамена» знамя было отнесено к числу воеводских знамен XVII в.³⁵ Л.П. Яковлев указывал, что «есть весьма много причин сомневаться в подлинности этого знамени». Аргументом для автора было в первую очередь то, что в известных ему описаниях Куликовской битвы знамя описано как «черное». Кроме этого, он считал, что «характер живописи этого знамени совершенно одинаков с характером живописи на знаменах конца XVII века, и даже начала XVIII века»³⁶.

Осенью 1826 г., когда стало известно о сохранении в храме села Пуреха знамени Д.М. Пожарского³⁷, по предложению императора Николая I, через министра императорского двора князя П.М. Волконского, начались переговоры с владелицей поместья М.А. Дмитриевой-Мамоновой о возможности передачи знамени в собрание Оружейной палаты³⁸, поскольку «там ему приличнее храниться со знаменем Дмитрия Донского, которое недавно туда поступило от г. Челищева»³⁹. «Знамя окольного и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского 1612 г.»⁴⁰ поступило в собрание Оружейной палаты в 1827 г.; графине Николай I пожаловал бриллиантовый фермуар.

Любопытно, что пополнили собрание Оружейной палаты знамена тех прославленных героев русской истории, изображения которых были включены в программу оформления здания музея за 20 лет до этого.

Широкий размах получил интерес к старине в военном ведомстве. В 1830 г. по повелению императора Николая I началась работа над составлением описания обмундирования и во-

оружения русских вооруженных сил с древнейших времен. Для реконструкции древнего периода истории основными источниками стали памятники, хранившиеся в Московском Кремле и в Арсенале. При посещении Московского арсенала 29 сентября 1833 г. император Николай Павлович указал командиру Московского артиллерийского гарнизона полковнику Филиппову передать три знамени Ермака в Московскую Оружейную палату. Поступили в музей знамена через год, 30 сентября 1834 г.⁴¹ через дворцовое ведомство. В предписании обер-гофмейстера князя С.С. Гагарина на имя директора Оружейной палаты тайного советника, генерал-майора Ф.А. Ушакова от 3 октября 1834 г. было сказано, что все три знамени «были при завоевании Сибири с Ермаком Тимофеевичем в царствование царя Иоанна Васильевича в 1582 году»⁴² – так, как в предшествующей переписке были определены два «портрета» со львом и единорогом.

Третье знамя могло быть включено в группу по нескольким основаниям. Только это знамя в числе присланных из Тобольска было выполнено не из шелковой ткани (камки), а из «китайки» (холста). Кроме этого, ко времени передачи знамен в Оружейную палату там уже хранилось знамя с композицией «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину», которое было определено как знамя Д.М. Пожарского. В искусстве нарративные циклы Иисуса Навина известны еще со времен домонгольской Руси⁴³ и оставались актуальными позднее. Исследователи отмечают, что в христианском мировосприятии они приобретают новое значение, поскольку избранным народом теперь становятся все христиане, а образ Иисуса Навина проецируется на образ христианского правителя. В XIV или XV–XVI вв. эпизоды из книги Иисуса Навина появляются в стенописи Архангельского и Благовещенского соборов Московского Кремля, возможно в стенописи несохранившегося великокняжеского дворца. Сюжет, который представлял встречу двух военачальников – небесного и земного, двух предводителей воинства – нередко помещался на знаменах русского войска.

Датой начала похода Ермака считается 1 сентября – день памяти Иисуса Навина. Подвиг казаков произвел незабываемое впечатление уже на их современников, а сам Ермак вскоре стал одним из любимых героев народных сказаний, песен, былин. Уже в XVII в. в летописях была выработана определенная идео-

логическая концепция завоевания Сибири, которая содержала мысль о том, что Ермак был послан Богом освободить земли и победить хана Кучума. В результате победы были построены города и сооружены христианские храмы. Крупнейший русский историк начала XIX в. Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского», рассматривая русскую историю XVI в. в контексте мировой истории той эпохи – эпохи великих географических открытий, сравнивал завоевание Сибири с завоеванием Мексики и Перу и называл Ермака «российским Пизарро»⁴⁴.

Изображение восстающих льва и единорога на знаменах соотносило их с хранящимися в Оружейной палате предметами первостепенной значимости: трон «Ивана Грозного», саадаком «Большого наряда» царя Михаила Федоровича 1627–1628 гг., а также с государственными печатями, на которых единорог помещали начиная со времени Ивана Грозного до царя Алексея Михайловича.

В 1835 г. записи о знаменах были внесены в Опись вещам Московской Оружейной палаты. Они по хронологии стали одними из самых ранних (после «знамени Дмитрия Донского»)⁴⁵.

Знамена Дмитрия Донского, Ермака, Дмитрия Пожарского заняли почетное место в экспозиции музея; их поместили в четвертый зал, посвященный подвигам российских воинов.

Подводя итоги, отметим, что атрибуция «знамен Ермака» из собрания Музеев Московского Кремля сложилась в XIX в. и связана с обстоятельствами их поступления в музей. Напоминающие предание сведения документов, присланных из Тобольского артиллерийского гарнизона вместе со знаменами, были приняты без должного критического анализа и не получили дополнительных обоснований. Не случайно в историографии неоднократно высказывали сомнения в датировке, а следовательно, в принадлежности знамен.

Выскажем некоторые наблюдения. Несмотря на указание ведомостей «без древков», к 1865 г. у каждого знамени было зафиксировано древко и навершие в форме железного копья⁴⁶. Вероятно, комплекты были составлены в Оружейной палате. В настоящее время древко и навершие числятся только у одного знамени (инв. № Зн-170/1-3).

Обращают на себя внимание особенности декоративного оформления полотнища знамени с композицией «Явление Ар-

хангела Михаила Иисусу Навину», на кайме которого располагается надпись и цветочный орнамент. Сохранившиеся в Оружейной палате знамена позволяют сделать наблюдение, что для знамен середины XVII в. с иконографическими изображениями типичным является надпись на кайме, текст которой связан с сюжетом; широкая орнаментальная кайма с крупными декоративными элементами характерна для знамен конца XVII в. Историки искусства указывают на эффектные пышные цветочные детали, которые могут появляться даже там, где они иногда противоречат смыслу изображенной сцены, как на отличительную черту XVII в.⁴⁷ Надпись также имеет особенности палеографии: несмотря на показатель вязи 4, штабованные буквы можно датировать XVII столетием (после 1587 г.)⁴⁸.

Несмотря на утраты и отметки в документах относительно сохранности полотнищ «ветхие», они сохранились достаточно хорошо. Между тем, город Тобольск, откуда поступили знамена, был основан только в 1587 г., а первый тобольский острог был выстроен из разобранных казачьих стругов. Пожары на протяжении XVII в. не раз уничтожали деревянные постройки Тобольска. Он стал столицей Сибири в XVII в., к концу которого был построен Тобольский кремль, единственный каменный кремль за Уральскими горами.

Наконец, следует отметить, что в исследовании Г.В. Вилинбахова «Русские знамена XVII века с изображением единорога» был опубликован ряд русских знамен со львом и единорогом или с единорогом, хранящихся в Государственном Эрмитаже, Музеях Московского Кремля и Музея Армии в Стокгольме. Все эти знамена связаны с событиями Северной войны и датируются концом XVII в.

В результате проведенного анализа историографии и источников, присоединяясь к высказанным в историографии мнениям, мы считаем, что «знамена Ермака» из собрания Музеев Московского Кремля должны быть отнесены к концу XVII в. Определение их принадлежности является отражением легенды о важнейших событиях русской истории. Судя по материалам и по упрощенности художественных приемов знамена можно рассматривать как произведения провинциальных мастеров.

Однако мы вынуждены отметить, что изучение «знамен Ермака» еще далеко от завершения. Продолжение исследования

может быть полезно как для истории русских знамен, так и для изучения более общих культурных процессов XVI–XVII вв.

¹ Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-280. Холст, чернила; ткачество, вшивная техника (интарсия), роспись. Размеры: 240х180 см.

² Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-170/1-3. Холст, крашенина, краска; ткачество, вшивная техника (интарсия), роспись. Размеры: 192х246 см. *Древко*: Россия, XIX в. (?). Дерево, грунт, краски; строгание, шлифовка. Дл. 210 см. *Навершие*: Россия, конец XVII в. ? Железо; ковка, просечка. Дл. 24 см.

³ Кайма полностью утрачена снизу, наполовину – вверху.

⁴ Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-171. Холст, краска; ткачество, вшивная техника (интарсия), роспись. Размеры: 220х200 см.

⁵ Историческое описание одежды и вооружения российских войск / Сост. А.В. Висковатов. Ч. 1. СПб., 1841. С. 168. Рис. 135. Знамя XVII столетия.

⁶ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена // Древности Российского государства: Дополнение к III отделению. М., 1865. Ч. 2. С. 53. № 3696, 3697, 3698.

⁷ Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 1. С. 78–80.

⁸ Арсеньев Ю.В. Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997. С. 304.

⁹ Там же.

¹⁰ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. С. 302.

¹¹ Арсеньев Ю.В. Указ. соч. С. 304; Его же. О знаменах с геральдическими изображениями в русском войске XVII-го века. Смоленск, 1911. С. 5–6.

¹² Гордеев Н.В. Оружие // Оружейная палата. М., 1964. С. 67. Ил. на с. 68; Российские императоры и Оружейная палата: Каталог выставки. М., 2006. Кат. № 181.

¹³ Иванов К.А. Флаги государств мира. М., 1971. С. 37. Рис. на с. 38; Голованова М.П. Коллекция знамен Оружейной палаты // Гербовед. 1994. № 1-2 (5-6). С. 77–82; Лавренов В.И. Вексиллология. Тверь, 2000. С. 30; Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 304.

¹⁴ Вилинбахов Г.В. Русские знамена XVII века с изображением единорога // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 47. 1982. С. 22.

¹⁵ Напр., см.: Скрынников Р.Г. Ермак. М., 1992. С. 98.

¹⁶ Скрынников Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л., 1982. С. 32; Его же. Ермак. С. 82.

¹⁷ Симкин М.П. Знамена как исторические памятники и музейные экспонаты // Труды НИИ Музееведения. Вып. X. М., 1963. С. 39; Шульдяков В. Знамя Ермака. Две тайны бесценной реликвии Сибирского казачьего войска // Тобольск и вся Сибирь. Альманах. Книга 10. Тобольск, 2008. С. 151–158.

¹⁸ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 56. № 3704; Опись Московской Оружейной палаты. С. 82. № 4181.

¹⁹ См.: Голованова М.П. Документы архива ВИМАИВиВС по истории знамен собрания Оружейной палаты // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. 1. СПб., 2014. С. 380–381.

- ²⁰ Файбисович В. Трофей русского ампира. Оружие средневековой Руси в памятниках александровского классицизма // Наше наследие. 2002. № 61. С. 40–53.
- ²¹ Лебедевская А.П. Артиллерийский исторический музей. Исторический очерк. (1703–1917 гг.). СПб., 2008. С. 41.
- ²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. СПб Арсенал. Достопамятный зал. 1798–1867. Оп. 92/1. Д. 3. 1826 г. Л. 1.
- ²³ Там же. Л. 2 об.
- ²⁴ Там же. Л. 2–2 об.
- ²⁵ Там же. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Л. 5.
- ²⁷ Эта дата повторена по ведомости, сопровождавшей предметы из Тобольского артиллерийского гарнизона. Вероятно при переписывании «китайку» заменили на «камку». В еще одной ведомости, присланной из Тобольского артиллерийского гарнизона командиром 15-й гарнизонной артиллерийской бригады Сибирского округа генерал-майором А.А. Брилем в марте 1827 г., указан даже 1523 г. (см.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 3. Л. 5, 7, 11).
- ²⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 3. Л. 5–5 об., 7–8, 11–11 об.
- ²⁹ Указатель главнейших достопамятностей, охраняющихся в мастерской Оружейной Палаты / сост. Почетным членом палаты, статским советником и кавалером Пав. Свинымым. СПб., 1826. С. 8.
- ³⁰ Чубинская В.Г. Светская живопись в Оружейной палате XIX века и ее роль в формировании программы дворцового музея // Сокровищница России: Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля / Редкол.: Н.С. Владимирская (отв. редактор) и др. М., 2002. С. 61.
- ³¹ По правилам музейного статуса новые экспонаты поступали в музей только с «высочайшего разрешения» (см.: Смирнова Е.И. Оружейная палата. XIX в. // Сокровищница России: Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля / Редкол.: Н.С. Владимирская (отв. редактор) и др. М., 2002. С. 31).
- ³² Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН-175. Самым прославленным из рода Челищевых был Михаил Андреевич Бренко – воевода, оруженосец и двоюродный брат князя Дмитрия Донского, погибший на Куликовом поле переодетым в одежду и доспехи великого князя. Тело Михаила Бренко было найдено под грудой убитых воинов, разрубленное «в чело». Эпизод этот запечатлен в хрониках, летописях. Считается, что в память о героической гибели Михаила ближайшие родственники Бренко стали именовать себя Челищевыми.
- ³³ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Примечания. Примеч. 609; РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 188.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 3800. № 3957.
- ³⁵ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 38.
- ³⁶ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Примечания. Примеч. 609.
- ³⁷ Голованова М.П. Реликвии Российской истории из собрания Оружейной палаты Московского Кремля: Знамя Д.М. Пожарского // Гербовед. № 5 (83). 2005. С. 70–78.
- ³⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 243. Л. 2.
- ³⁹ Там же. Л. 7.
- ⁴⁰ Музеи Московского Кремля, инв. № ЗН–235.
- ⁴¹ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 53–54; Описание 1884. С. 80.
- ⁴² Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 53; Описание 1884. С. 79.

⁴³ См.: Яковлева А.И. Икона «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину» конца – XII начала XIII вв. из Успенского собора Московского Кремля // Искусство христианского мира. Вып. 6. М., 2002. С. 28–39.

⁴⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 226, 228.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 3800. Ч. IV. С. 4.

⁴⁶ Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Ч. 2. С. 53.

⁴⁷ Бусева-Давыдова И.Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 243–244.

⁴⁸ Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1999. С. 57–59.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Татьяна Сергеевна – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Акишин Михаил Олегович – Новосибирский национально-исследовательский государственный университет, ведущий научный сотрудник, доктор исторических и кандидат юридических наук, доцент.

Алексеев Тимофей Владимирович – Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, профессор.

Анисимова Мария Анатольевна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Афанасьев Владимир Анатольевич – Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации (Москва), ведущий научный сотрудник.

Бабенко Елена Викторовна – Кобринский военно-исторический музей им. А.В. Суворова, директор.

Бабич Ирина Виленовна – Российская государственная библиотека (Москва), заведующая сектором, кандидат исторических наук.

Бабич Марина Виленовна – Российский государственной архив древних актов (Москва), главный специалист, доктор исторических наук.

Багро (Игнатьева) Алена Викторовна – филиал Государственного музея истории Санкт-Петербурга «Крепость Орешек», научный сотрудник.

Барчевский Сергей Викторович – НП Компания «Коллекционные автомобили», администратор.

Барышкова Людмила Константиновна – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Бей Евгений Васильевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), заместитель начальника отдела, кандидат исторических наук.

Белков Алексей Николаевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), заместитель начальника отдела.

Белозерова Ольга Александровна – Санкт-Петербургский государственный университет, аспирантка.

Бенда Владимир Николаевич – Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, доцент, кандидат исторических наук.

Бирюк Сергей Николаевич – Национальный культурно-исторический центр им. М. Волошина (Псков), научный сотрудник.

Бискуп Надежда Ростиславовна – Государственный Эрмитаж, младший научный сотрудник.

Бобков Владимир Александрович – Брянский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, кандидат исторических наук, доцент.

Бобров Леонид Александрович – Новосибирский государственный университет, доктор исторических наук, доцент.

Богданов Андрей Евгеньевич – Государственный Эрмитаж, лаборант.

Борисенко Алиса Юльевна – Новосибирский государственный университет, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бородина Марина Юрьевна – историк-исследователь (Москва).

Ботев Юрий Львович – Военная академия Генерального штаба (Москва), генерал-майор, кандидат военных наук.

Бринюк Надежда Юрьевна – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Брызгалов Виктор Васильевич – Архангельское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», действительный член.

Будко Анатолий Андреевич – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), директор музея, доктор медицинских наук, профессор.

Бумай Олег Константинович – НИИ промышленной и морской медицины (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат медицинских наук, доцент.

Великанов Владимир Сергеевич – фонд «Русские витязи» (Москва), эксперт, кандидат экономических наук.

Витол Александр Владимирович – Институт восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Витушкин Сергей Федорович – Государственный архив новейшей истории Новгородской области, заведующий отделом.

Власов Николай Анатольевич – Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, кандидат исторических наук.

Гёзалов Парвин Фахраддин – Национальная Академия наук Азербайджана, Национальный музей истории Азербайджана, научный сотрудник, доктор философии.

Глазков Владимир Владимирович – ООО «Печатный цех», заместитель директора.

Голованова Мария Петровна – Музеи Московского Кремля, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Грибовская Галина Алексеевна – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Грибовский Владимир Юльевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, профессор.

Журавлев Дмитрий Алексеевич – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Кизириа Вахтанг Бенитович – Метрополитен Музей (Нью-Йорк, США), внештатный консультант, Грузинский Государственный музей (Тбилиси, Грузия), внештатный консультант, магистр исторических наук.

Коршунов Эдуард Львович – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург), начальник отдела, кандидат военных наук.

Михайлов Андрей Александрович – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, (Санкт-Петербург), доктор исторических наук.

Новикова Елена Георгиевна – Военно-медицинский музей Минобороны РФ (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Пастухов Алексей Михайлович – Министерство культуры России, эксперт.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
<i>Акишин М.О.</i> Право войны в русско-китайском военном конфликте в Приамурье (XVII век).....	6
<i>Алексеев Т.В.</i> Вопросы совершенствования средств вооруженной борьбы и предметов снабжения армии в работе Особого совещания по обороне государства (1915–1917).....	18
<i>Анисимова М.А., Кизириа В.Б.</i> Грузинские палаши «кабиани» в собрании ВИМАИВиВС.....	33
<i>Афанасьев В.А.</i> Командные кадры оперативно-стратегического звена на завершающем этапе Великой Отечественной войны.....	51
<i>Бабенко Е.В.</i> На западных границах империи, год 1915 (Кобрин в годы Первой мировой войны).....	60
<i>Бабич И.В.</i> Гарнизонный роман: по материалам следственного дела о полковнике Ф.А. Доригни.....	68
<i>Бабич М.В.</i> Странное «дело» о полковнике Ф.А. Доригни.....	82
<i>Багро (Игнатьева) А.В.</i> К вопросу о численности войска «в походе воинском Казыкерменском».....	96
<i>Барчевский С.В.</i> Клинковое холодное оружие Вьетнама IX – первой половины XX века. Проблемы атрибуции.....	106
<i>Бей Е.В.</i> Генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность.....	111
<i>Белков А.Н.</i> Официальная периодическая печать Русского Охранного корпуса на Балканах в годы Второй мировой войны.....	128
<i>Белозерова О.А.</i> Главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин и совещание 28 февраля 1905 года.....	144

<i>Бенда В.Н.</i> Начало деятельности Б.Х.Миниха по управлению инженерным и артиллерийским корпусами (1727–1729).....	158
<i>Бирюк С.Н.</i> 147-й пехотный Самарский полк в Русско-японской войне 1904–1905 годов.....	178
<i>Бискуп Н.Р.</i> Клейма на древковом оружии XV–XVII веков из собрания Государственного Эрмитажа.....	197
<i>Бобков В.А.</i> Точки пересечения исторической памяти об Отечественной войне 1812 года (на примере Брянского региона).....	209
<i>Бобров Л.А.</i> «Индо-персидский» шлем хана Джангира и проблема эволюции наголовий «кула-худ» XVI–XIX веков.....	218
<i>Бобров Л.А., Пастухов А.М.</i> Парадные доспехи цинских императоров Сюанье/Канси и Хунли/Цяньлуна из собрания Гугун.....	234
<i>Богданов А.Е.</i> Итальянский нагрудник XIV века из собрания Эрмитажа.....	249
<i>Борисенко А.Ю.</i> Сведения европейцев в XVII – начале XVIII века о походе Ермака в Сибирь.....	260
<i>Бородина М.Ю.</i> Жизнь и деятельность Михаила Васильевича Ханжина, генерала от артиллерии.....	267
<i>Ботев Ю.Л.</i> Тыловое обеспечение войск (сил) в операциях третьего периода Великой Отечественной войны.....	286
<i>Бришок Н.Ю., Грибовский В.Ю., Коршунов Э.Л., Михайлов А.А.</i> Военная безопасность Арктики. 1700–1917 годы.....	300
<i>Брызгалов В.В.</i> Корабли военно-морского флота «Свободной Франции» в арктических конвоях. 1941–1945 годы.....	328
<i>Будко А.А., Барышкова Л.К., Новикова Е.Г., Акимова Т.С.</i> «...Исключительно важное значение в условиях современной войны имеет противозидемическая защита войск...» (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне).....	348
<i>Будко А.А., Бришок Н.Ю.</i> Деятельность академика Н.А. Вельяминова по внедрению антисептики и асептики в практику военно-медицинской службы.....	359
<i>Будко А.А., Грибовская Г.А.</i> Профессор хирургии С.Р. Миротворцев – участник пяти войн первой половины XX столетия.....	371

<i>Будко А.А., Журавлев Д.А.</i> Стратегическое значение медицины в годы Великой Отечественной войны	381
<i>Бумай О.К.</i> Медицинские чины морского ведомства в революционных событиях 1905–1906 годов	388
<i>Великанов В.С.</i> Участие стрелецких полков в боевых действиях на начальном этапе Великой Северной войны (1700–1706)	396
<i>Витол А.В.</i> Варна (1444) и Косово (1448) – сражения за уходящую империю	410
<i>Витушкин С.Ф.</i> Неподцензурные письма сержанта Болоткова.....	418
<i>Власов Н.А.</i> Франц Конрад фон Гётцендорф и планирование Центральными державами весенне-летней кампании 1915 года на Восточном фронте	425
<i>Гёзалов П.</i> Символы государственности и военной власти на росписях дворца XVIII века.....	435
<i>Глазков В.В.</i> О винтовке Н.И. Холодовского и причинах ее непринятия на вооружение.....	451
<i>Голованова М.П.</i> «Знамена Ермака Тимофеевича» из собрания Музеев Московского Кремля в публикациях и документах (к проблеме атрибуции).....	465
Сведения об авторах	479

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Шестой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 1

Редактор: *Е.М. Пожидаева*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 20.04.2015.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 15,25.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 200 экз.

ЦОП ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====

==== Для заметок =====